

Величко Андрей
Викторович

Хроники старого
мага

Книга 2

Annotation

Продолжение приключений молодого мага. Путь домой далёк. И лучшее, что ты можешь сделать — найти друзей, которые помогут тебе выжить по дороге домой. Боги играют и веселятся, а люди плачут.

Disciples: Хроники старого мага II

Заморозки в этом году выпали рано. Склоны Пакмарских гор покрылись ледяной глазурью. Блестящими истуканами они поднимались от подножия до самых облаков. Холодный ветер обдувал со свистом каменистые склоны, пытаясь сорвать с них красивые украшения поздней осени. Кучевые облака с проблеском синевы неба, ползли по воздуху, медленно огибая непокорные склоны. Лишь самые вершины гор иногда скрывались в кружевах облаков, но только для того, чтобы через небольшой промежуток времени открыться изумлённым взорам и блеснуть на солнце во всей своей красе белыми шапками. Но ниже слоя облаков воздух был изумительно прозрачен. Эта прозрачность на многие вёрсты открывала красоту гор в мельчайших подробностях. Начало месяца Листопада отмечалась ранними закатами, окрашивающими горы в белые, жёлтые и красные блики. Длинные тени медленно ползли по склонам гор, постепенно закрывая небольшое плато со стоящим на нём древним замком, стены которого сложены из плит красного гранита. Вокруг замка и ниже его по склону стоял тёмный, безлистый лес. Казалось, что жизнь покинула его, оставив стоять мёртвым до следующей весны. Но иллюзия этого была обманчива. Хотя самые крупные и страшные хищники на зиму впадали в спячку, но именно сейчас лес становился особенно опасным. Малые и средние хищники выходили на охоту. Голод заставлял их сбиваться в большие стаи. Иногда их совместных усилий хватало на то, чтобы прорвать магическую защиту, охраняющую единственную дорогу, ведущую в замок. Поэтому от месяца Желтенья и до самого Травеня дорога пустела. Лишь самые отчаянные решались на путешествие по ней, да и то лишь при наличии большой нужды. Жители замка теряли всякую связь с жителями долин. Однако уныния у них это не вызывало, потому что запасов было сделано на весь следующий год, а население замка было занято упорным трудом по освоению знаний. Ибо вершину холма венчал не замок местного властителя, а могучая Академия Магических искусств Фродос. Весь день внутренний двор замка был заполнен народом, в основном юными учениками, выполняющими упражнения для укрепления и закалки тела. Наставники пользуются последними относительно тёплыми днями, чтобы проводить занятия на свежем воздухе. Свежий воздух много полезнее для дыхания, чем затхлый в учебных помещениях и рабочих залах. А стены замка являлись надёжной защитой от колючих порывов ветра.

Но ближе к вечеру, когда двор стали заполнять тени грядущей ночи, учеников стали уводить с площадок для тренировок. Остаток вечера им предстояло провести в своих гостиных и библиотеке, подготавливая задания для последующих уроков. В замке наступала тишина. Нижние этажи замка постепенно погружались во тьму, а на верхних этажах загорался свет. Всё население замка перемещалось в верхние этажи башен, где скапливалось тепло. Загорался свет и в комнатах наставников. Учеников предоставляли самим себе, для самостоятельной работы и отдыха. По устоявшемуся порядку, наставники уединялись в своих комнатах. Замок медленно погружался во тьму теней, сверкая на окружающий мир узкими зрачками окон. На стенах стали появляться первые движущиеся огоньки. Стража зажигала фонари, помогающие им ориентирование в темноте стен. Наконец в одной из боковых башен под самой крышей зажёгся огонёк. Трепещущее пламя фонаря осветило узкую застеклённую бойницу комнаты наставника группы учеников, второго года обучения. Эта комната располагалась прямо над спальнями учеников. Постукивая посохом по полу,

старый наставник прошёл к своему столу, заваленному свитками и стопками пергамента. Повесил фонарь на крюк над рабочим столом и бережно поставил свой посох в специальную подставку, расположенную справа от стола. Его голову венчала шапка длинных седых волос, стянутых на затылке шнурком в «конский хвост», лицо, иссеченное сетью морщин и мелких шрамов, снизу обрамляла коротко подстриженная седая борода. Старика звали Невил.

Да, Невил — это я. Прежде, чем сесть за стол, я закрыл глаза и мысленно оглядел спальни, находящиеся под моей комнатой. Большинство учеников работало над внеклассными заданиями. Некоторые баловались, но не сильно. Я жестоко пресекал баловство, мешающее другим работать или портящее чужой труд, случалось наказывать и физически. Иного способа привить уважение к людям — просто нет. Вернув сознание в комнату, я присел за стол. Пора приступать к работе. Совет магов возложил на меня обязанность написать историю моей жизни. И эту работу я собирался выполнить прежде, чем уйду. В памяти всплыли легенды обо мне. Набор великих подвигов, в которых меня описали как великого, могущественного мага. Я усмехнулся. Так вот — это правда, но это всё взгляд со стороны. Сам же я видел всё и воспринимал по-другому, и на этих страницах постараюсь изложить всю правду, как бы ни было неприятно вспоминать.

Великие войны

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как закончилась последняя Великая война. Потоки крови омыли земли Невендаара, пролитые в Великих битвах. Гномы с большим трудом отстояли свои земли. С большим трудом они сумели вернуть себе Великие руны, давшие защиту их землям. Однако потеря многих мастеров не позволило им обрести могущества и власть над всеми землями Невендаара. Эльфы, воспрянувшие было при возвращении своего бога Галеана, потеряли волю к победе после того, как сын богини нежити Мортис Лакхаан обезглавил их бога, лишив его физического воплощения. А территории на границе Империи и эльфийских кланов были отравлены его ядом. После свершения мести над Галеаном, Мортис успокоилась, и неестественное подобие жизни оставило тела её слуг, и те пали на землю, из которой поднялись. Бетрезен с трудом сумел сохранить свою жизнь. Однако был очень сильно ослаблен, поэтому войска Империи под руководством Эмри Амбрисельского смогли с помощью магии Всевышнего загнать его обратно в ад. Победив слуг Бетрезена, Империя вернула мир этим землям.

После предыдущего поражения Моргота и Бетрезена, игра пошла намного спокойнее. Передвижение фишки человеческого мага заинтриговала всех игроков. Бетрезен, понёсший серьёзные потери в прошлой войне с Всевышним, вышел из игры, сберегая свои фишки для более выгодной партии. Моргот же выйти не мог. В эльфийском секторе находилось несколько его отрядов. Лишённые возможности вернуться, они вынуждены были бороться за своё выживание. Он сбросил кости.

Карта 2 Новая надежда эльфов

Последняя война принесла эльфам большие страдания. Слишком много воинов и магов сгнуло под напором нежити. Гибель их бога Галеана в последней битве подорвало последние остатки духа и моральной стойкости эльфийского народа. Уныние, поражение и смерть нависли над целым народом. Эльфы потеряли волю к жизни. Многие из них с обречённостью наблюдали за гибелью последних представителей своей расы. Но когда в жизнь приходит отчаяние, то всегда в глубине духа рождается новая надежда. Даже среди народа, павшего духом, всегда находятся те, кто будет сражаться до последнего, без всякого шанса на победу. Именно им и суждено принести возрождение своего народа.

Глава 1

Я всегда был необычным. Таких, как я, все называют чудиками. Мне приходилось удивлять своими чудачествами людей в своём городке. Потом удивлял чудачествами учителей и учеников в Академии. И, в конце концов, удивлял своими поступками людей на месте службы в гарнизоне пограничной крепости. Но, как бы странно это не звучало, именно мои чудачества впоследствии спасли мою жизнь и жизни людей, служащих со мной. И только такой чудик, как я, смог попасть в такую глупую историю. И началась эта история с того момента, как я, по неосторожности, провалился в «светец».

Отряд двигался скорым ходом на своих двоих. Эльфы шли легко, словно бабочки порхали над неровностями тропы. Выстроившись колонной по одному, они старались идти шаг в шаг, чтобы скрыть свою численность. И как они только могли разглядеть тонкие отпечатки своих следов на пыльной поверхности, или в слегка примятой траве? И это притом, что они постоянно глядели по сторонам. Мне с большим трудом удавалось поспевать за ними. Стараясь подрожать их движениям, я также ступал по следам впереди идущих. При этом старался регулярно оглядываться по сторонам, используя второе видение. Идущая следом за мною эльфийская магичка сильно напрягала глаза, пытаюсь их расфокусировать. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — опыта использования второго видения у неё мало. Я продолжал идти, пытаюсь забыть от напряжения дороги. Но, по мере накопления усталости, стала возвращаться память. Как стыдно.

Я умер? Пронеслось у меня в мозгу. И совсем не больно. Я оглянулся. Вокруг было пространство белого сияния с едва заметными разводами голубого цвета. Оно плыло мимо меня. Пространство было хорошо освещено. Или мне так казалось. Меня несло сквозь это пространство в неизвестном направлении. В моих мыслях пронеслись картинки древних легенд. Одна из них подтвердилась — за мною пришёл Смерть лично. Я погиб глупо, по собственной неосторожности, упав в «светец». Смерть забрал мою жизнь. Значит сейчас я уже на «том свете». А что же меня там ждёт? Ответ пришёл в виде картинки. Люди, побывавшие за гранью смерти, и вернувшиеся, рассказывали разные сюжеты, но сходились в двух основных вариантах: либо падение во тьму, а потом — ад; либо светлый туннель, а потом тебя в конце ждёт Всевышний. Судя по всему, я был в светлом туннеле. А значит, меня в конце должна была ждать встреча с Всевышним. Надо развернуться и встретиться с ним лицом, а не спиной, как сейчас. А то ведь может посчитать за невежливость. Я приложил усилия воли, и меня развернуло в сторону предполагаемого конца пути. Второе видение было включено и там, в конце пути, я разглядел окно, по форме напоминающее внутренний проход арки. И в этом проходе меня ждали... орки. Я летел в ад! Ужас охватил меня.

Дальнейшие мои действия были продиктованы инстинктом и отчаянием. Связь с башней не потребовалась. Вокруг было море энергии. Гул энергетических полей уже давно вибрировал в моём мозгу, только до этого мгновения я не обращал на него внимания. Мои руки разошлись в стороны. Тело стало вибрировать в такт энергетическому пульсу окружающих полей. Искать полярности под ногами орков и их противоположности на небе у меня не было никакой возможности, поэтому я произвёл чистый выплеск энергии. Усилием воли я проложил ионный след между энергетическими полями вокруг меня и орками снаружи. Я почувствовал треск разрядов и нарастающую вибрацию. Повторный ионный след

не потребовался. Набрал в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался грохот. Моё тело сильно содрогнулось. Я почти оглох. Я был молнией и нёс смерть своим врагам. Я видел, как вытянулся разряд от меня к ним. Но это была не молния, а, то самое бледно-голубое свечение, сгубившее армию орков. Я видел, как их тела содрогнулись от моего удара, как на них обуглилась одежда, а следом за ней плоть, начали рассыпаться кости. Зрелище было завораживающим и ужасным. Орки кричали от боли и ужаса. Звуков было не слышно, но их перекошенные лица говорили об ужасных болях. Всё это продлилось лишь мгновение, поэтому они не смогли уйти от удара из зоны поражения, но для меня в этот миг время замедлилось, давая мне разглядеть их агонию. А в следующий миг меня выкинуло наружу, прямо в окно арки, вместе с разрядом моего удара.

Пламя стелилось над землёй на высоте пояса. Оно сжигало все предметы торчащие выше этого уровня. Гаснущее пламя, уничтожило большую часть орков. Я вылетел из арки, и каменная поверхность холма понеслась прямо мне навстречу. После этого раздался грохот падающих камней. Падая, я оглянулся. Арка, не выдержавшая удара энергии изнутри, разрушалась на части. Камни арки падали вниз и раскатывались в стороны. В следующий миг я упал на землю и поднял целую тучу пыли. Меня в Академии учили падать, но сейчас я глупо плюхнулся. Я позорно «пахал» каменистую почву руками и головой, громко брэнча своими вещами. Только в последний миг мне удалось скрутить тело. Перекатившись по земле, я встал на ноги. Я судорожно вздохнул. Сердце бешено билось. Одежда была измазана грязью от неудачного падения. В глазах всё кружилось. Вершина холма была очищена от орков, но на склонах их было ещё предостаточно, а сражаться с ними в одиночку я не мог. Но передо мною на земле, под трупами орков, копошилось два воина. Они не походили на орков ни одеждой, ни формой тела. Высокие, тощие тела с длинными руками, они напоминали мне формой человеческих лучников. Их запылённые и ошарашенные лица имели почти правильную форму и... заострённые уши, выглядывающие из-под волос. Эльфы? Некогда разбираться. Враги моих врагов — мои друзья, пока идёт бой. А там разберёмся. Я шагнул вперёд и поднял с земли сначала одного эльфа, а вслед за ним и второго. Оба ещё шатались, приходя в себя. На земле валялись луки. Не разбираясь, чьи они, я поднял с земли два лука и вручил по одному каждому. Теперь стрелы. Где взять? И тут же отругал себя последними словами. Как ни странно, но помогло. Мне вспомнились трюки наставника. Выбора не было. Нужно было не просто попробовать, а повторить, или мы трупы. Сделав шаг назад, я прикоснулся наверху своего посоха к земле перед собой. После чего поднял посох вверх и, совершив круговое движение над головой, прокричал.

— Акции Стрелы!

Я напрягался изо всех сил, и, произошедшее дальше, поразило меня. Все стрелы, валяющиеся на земле, или находящиеся в колчанах орков, стоявших ниже по склону и не попавших под удар энергии, выпрыгнули из своих мест и понеслись по небу широкой волной вперёд ко мне. В полёте они разворачивались и стали втыкаться в землю возле того места, куда я касался наверху. Скоро все стрелы оказались уже торчащими в земле возле моих ног. Спасибо тебе, наставник, за науку. Эльфы ещё шатались, глядя вокруг ошалевшими глазами. Как мне с ними общаться? Я же не учил их язык. Но навыки, привитые в Академии и во время службы в гарнизоне, сработали быстрее моего мозга. Я ударил их своим посохом и, указав на торчащие стрелы, выполнил горизонтальное движение рукой с растопыренными пальцами в сторону врагов. Бойцы поняли, что от них требуется, и потянулись за стрелами.

Орки быстро приходили в себя. Теперь они пытались исправить положение, переходя в атаку. Нас было слишком мало, чтобы сражаться с таким количеством врагов. Нужно увеличить наши шансы, и уменьшить их. При такой скорости движения они быстро сюда доберутся. А значит, надо их замедлить. Маг я или нет? Я приложил внешней частью ладони ко лбу, прикоснувшись камнем памяти к третьему глазу. Подумав о заклятии, я сразу его увидел во всех подробностях. Отняв руку, я вытянул руки с посохом вперёд и прокричал.

— Кират Матуурз!

Я взмахнул посохом, очерчивая круг поражения, стремясь, чтобы в этом круге не оказались эльфийские стрелки. Внешне ничего не происходило, но я почувствовал выброс силы. От линии, очерченной посохом и дальше по кругу, стала расползаться энергетическая волна. Попавшие под эту волну орки сразу теряли в скорости движения. Они замедляли свои движения. Орки упорно продолжали двигаться вперёд, а навстречу им засвистели стрелы эльфийских воинов. Я был восхищен точностью стрельбы. Орки, попавшие под удар эльфийских стрел, скатывались вниз и больше не шевелились. И не имело значения, что стрелы эти изначально принадлежали самим оркам. Орков было ещё много, но эльфийские воины не собирались просто так отдавать свои жизни.

Позади меня послышалось шевеление. Как я мог забыть посмотреть вокруг? Теперь враги заходили нам со спины. Я развернулся к ним лицом, выискивая цель для удара. Идите ко мне! У меня на поясе как раз заждались двенадцать «сюрпризов». Вот только позади меня орков не оказалось. На ступеньках лестницы, ведущей на постамент с аркой, скорчившись и прижимая к себе обрывки одежды, лежала эльфийка. Я не знаю, что на меня нашло. Жалости не было. Возможно, что в моей голове сработало понимание правильности поступка. Я шагнул к ней. Она сжалась ещё больше. Удерживая посох в левой руке, я протянул к ней правую руку и, схватив её за плечо, поднял на ноги. Она судорожно сжимала на себе обрывки своей одежды, пытаясь прикрыться ими, при этом пряча глаза и заливаясь слезами. Сделав шаг назад, я протянул в её сторону посох и проговорил заклятие из набора бытовой магии.

— Туника Репаро!

После чего сразу же развернулся и направился в сторону битвы. Последствия меня не интересовали. Сначала надо выиграть битву, а потом разберёмся. Оказавшись на линии битвы, я стал выбирать для себя цель. Но лучники в моей помощи не нуждались. Два лучника уже перебили почти всех орков. Остальные, осознав, что битва проиграна, пытались сбежать, но эльфийские стрелки не собирались дать им такую возможность. Последний живой орк успел добежать до кромки леса, когда ему в спину впилась стрела. Взмахнув руками, он рухнул и больше не шевелился. Под конец битвы к нам присоединилась эльфийка. С удивлением я рассмотрел в её руках магический жезл. Ошибиться я не мог. Эльфийская магичка? Какая редкость в наши дни.

Наступила тишина. Мне не верилось, что мы выиграли битву, имея так мало воинов. С поля раздались крики раненых. Это то, что я понимал лучше всего. Я уверенной походкой направился в ту сторону. Позади послышался топот ног бегущих за мной эльфов. На склоне холма, в окружении мёртвых орков лежал эльфийский воин. Он лежал, обхватив лицо руками, и громко стонал. Из-под пальцев его ладоней вытекала кровь, она текла из его глазниц. Услышав шаги, он отнял ладони от лиц и громко спросил.

— Ис си? (Кто здесь?)

В его голосе звучали истеричные нотки.

— Хэас мэн (Это мы). — Отозвался один из эльфов. — Ве вон и айт. Пан орхот ферн. (Мы выиграли битву. Все орки мертвы).

Лицо эльфа расслабилось. Он лёг на землю и проговорил.

— Финих нин офв. Им стилл кант... (Добейте меня. Я всё равно не смогу...)

Дальше я не стал слушать его слова, всё равно ничего не понимал. Я вытянул руку с посохом в сторону раненого воина и произнёс.

— Петрификус Тоталус.

Тело эльфа дёрнулось и вытянулось, его руки притянуло к туловищу, а ноги стянуло друг к другу. Он захрипел. Я сел верхом прямо на тело эльфа и, перехватив посох в левую руку, опёрся левой рукой на лоб эльфа. Правую ладонь я вытянул, сжав пальцы вместе, и вонзил ими в опустевшую глазницу эльфа. Даже сквозь магические путы стало слышно приглушённый рёв раненого от боли. Его лицо перекосилось. Приложив усилие, я стал восстанавливать его глаз. Руку обожгло от боли. Позади меня послышалось движение, но отвлекаться было некогда. Раздался женский голос.

— Дери (Подождите)!

В этот миг я извлёк пальцы из глазницы раненого и его крик стал стихать. Эльф ещё был связан заклятием и стонал, но его лицо изменилось. На этом лице с выражением ужаса и боли вращался его правый глаз. Слизь из глаза и кровь уже втянулись внутрь. Я отвёл руку назад и, не разжимая пальцев, стал опускать их в левую глазницу эльфа. Эльф смотрел на движущуюся к нему мою руку и забился в истерике и замычал от страха. Над склоном снова раздался жуткий вопль. Я стремился довести лечение до конца, несмотря на боль и усталость.

Поднявшись, я некоторое время пытался отдышаться, отпил воды из своей фляги. Я дождался, когда эльф перестанет биться в истерике от боли, и проговорил заклятие, проведя посохом над телом.

— Фините Инкантатем.

После чего эльф зашевелился. Его руки потянулись к лицу. За это движение я ударил его по рукам посохом. Не хватало ещё, чтобы он в истерике выцарапал свои глаза. Эльф поднял обезумевшие глаза на меня. Я протянул левую руку к нему и заговорил.

— Смотри на меня — я вытянул и разогнул два пальца, сжав остальные. Получалась буква V — Сколько пальцев?

Нужно было узнать, работают ли его глаза. Эльф молча смотрел на меня. Стало ясно, что он меня не понимает. Я щёлкнул пальцами и, сложив пальцы вместе, повел рукой сначала вправо, потом влево. Поняв, что от него ждут, эльф проводил глазами кончики моих пальцев, давая понять, что он их видит. Успокоившись, я направился к другому раненому.

Второй эльф, также лишённый глаз, шарил вокруг себя. Его лицо имело обезумевшее выражение. Он явно не понимал происходящего вокруг себя. Шум, стоны и крики его не касались. Хуже всего, что он нащупал на теле мёртвого орка нож и, достав его, пытался вонзить его себе в живот. Я испытал злость. Шагнув к нему, я выбил посохом нож из рук раненого. После чего наложил на него парализующее заклятие. Прежде, чем его лечить, я развернулся к остальным эльфам и заговорил.

— Поищите остальных...

В разговоре я больше опирался на жесты, стараясь максимально просто объяснить свою мысль. Мои слова и жесты медленно доходили до них. Пришлось повторить, пока мысль не дошла до моих спутников. Мужчины ушли, а эльфийка осталась наблюдать. Прямо там, на

камнях, я совершил ещё одно лечение. Бойцы принесли тело ещё одного эльфа. Он был также лишён глаз и изранен ударами ножа. Жизнь покидала его. Сначала нужно было спасти его, а потом уже возвращать глаза. Зачем мёртвому глаза? Поэтому я принялся за раны. При этом я из-за усталости забыл освободить предыдущего бойца. Начал я с самых тяжёлых ран и постепенно дошёл и до лёгких ран. Рука горела огнём, но я продолжал терпеть боль. Потом я вернул эльфу глаза. В моих глазах плавали красные круги. Отпустив обоих эльфов, я сел на землю. По моему лицу тёк пот, размазывая грязь. Меня это стало раздражать. Лишь одна мысль билась о грани моего сознания. После того, как я выжил, нужно было вернуться домой, к отряду. Там война и моя помощь сейчас нужна полковнику как никогда. Я посмотрел на вершину холма. Там находились постамент и разрушенная арка на нём. Нужно лишь найти силы. Если та арка, даже будучи разрушенной, накопила достаточно энергии, чтобы отправить меня сюда, то и здесь можно было надеяться на это.

Я встал и направился на холм к монументу. Тело было измотано усталостью и тяготами этого дня. Подъём дался мне очень тяжело. Боль отдавалась во всём теле. И наконец, я добрался до вершины холма. Эльфы последовали за мной. Арка была разрушена. Но на вершине холма, лишённого растительности, оставался пьедестал, на котором она находилась. Поднявшись на пьедестал, я стал бродить вокруг остатков арки, вглядываясь в них. Чем больше я видел, тем тяжелее мне становилось. Накопители энергии были разрушены полностью, как и сам механизм перемещения. Арка не накапливала энергию. Она была мертва, разрушена окончательно. Зрелище на вершине холма повергло меня в уныние. Я был лишён возможности вернуться домой этим путём. Это ввергло меня в ступор. В тот момент я соображал плохо, но здесь мне нечего было делать.

Оглядевшись, я спустился с пьедестала и направился к подножию холма. Там я увидел небольшой ручеёк, вытекающий в сторону реки из ближайшего болота. Эльфы шли за мною. Оказавшись возле ручья, я опустился возле него на колени и, положив посох прямо на землю, стал смывать с себя грязь и кровь. Они присоединились ко мне. Скоро все мы отмывали свои лица и руки, растянувшись вдоль берега и отложив в сторону своё оружие. Я закончил первым и отошёл в сторону, но облегчения это мне не принесло. Боль, страдания и ужас прошедшего дня были позади. Я отошёл в сторону и уселся на одном из камней, лежащих у подножия холма, согнувшись и уронив голову в ладони. Переживания боли и страдания, вся масса эмоций, сдерживаемая плотной разумом и воспитания, выплеснулась наружу. Отчаяние накрыло меня с головой, и я потерял контроль над своими поступками. Слезы выплеснулись из моих глаз и потекли по щекам, образуя мокрые дорожки. Всевышний привёл меня на помощь эльфам и спас их жизни, но он лишил меня возможности вернуться назад, к себе домой. Боль и обида неслись в моих мыслях неконтролируемым потоком. У меня не было сил сдержать их. Как ни странно, но взять себя под контроль мне помогла эльфийка. Я не видел, как она подошла ко мне, но почувствовал её прикосновение. Неосознанно я поднял голову и взглянул на неё сквозь пелену слёз. Она смотрела на меня с удивлением и жалостью. Я испытал горечь и раздражения от того, что меня застали в момент моей слабости. Внутри меня закипела злость. Опираясь на это чувство, я и взял себя в руки. «Единственное, чего должен бояться маг — это потеря контроля над собой!» Так гласили наставления. Мне стало стыдно, что я потерял над собой контроль и поддался эмоциям. Я растёр по лицу слёзы. Но помогло мало. Она пыталась что-то говорить, но я не слушал. Освободившись от её руки, я направился к ручью. Нужно было заново умыться.

Закончив умыться, я встал ровно и осмотрелся вокруг вторым зрением. Вокруг на

много вёрст не было ни одного орка или гоблина. Не было видно и крупных хищников, опасных для нас. Мы были одни. Но это ненадолго. Орки могли совершить ночной переход и накрыть нас спящих. На землю опускались вечерние тени. Пора было располагаться лагерем. Место у подножия холма вблизи ручья показалось мне наиболее подходящим. У меня не было совсем никакого желания ни разводить огонь, ни ставить шатёр, которого у меня ещё и не было. А учитывая, что мне не удалось поужинать на стоянке моего полка, то и спать пришлось на голодный желудок. Осмотревшись, я нашёл заимку орков, спрятавших в ней своё имущество. Эльфы следовали за мной. Все вместе мы быстро убрали ветки, используемые для маскировки. Покопавшись в вещах, я нашёл подстилку, используемую орками для ночлегов и одеяло. Глядя на меня, эльфы сделали то же самое, добыв себе постельные принадлежности. Одеяло было обычное — шерстяное, а вот подстилка была трёхслойная — между двумя слоями грубой ткани была вшито толстое шерстяное полотно. Вернувшись к подножию холма, я расстелил подстилку на землю и лёг сверху, укрывшись одеялом и используя свою сумку в качестве подушки. Вокруг послышалось шевеление. Приоткрыв глаза, я заметил, что эльфы тоже улеглись спать вокруг меня. У меня возникло желание поворчать за не выставленный дозор, но вовремя вспомнил, что они не понимают моего языка, а я не понимаю их речь. Вздохнув, я махнул рукой. Будем спать. Утро вечера мудренее.

Ночь прошла беспокойно. Я не спал, а находился в беспокойной дрёме. Несколько раз за ночь я просыпался и оглядывал окрестности вторым видением. Ночью из чащи вышли мелкие хищники и стали поедать трупы павших орков, но к отряду живых они пока не приближались. На многие вёрсты вокруг царила тишина. Орки не появились. Похоже, что они и не знали о поражении своего отряда. Эльфы тоже спали беспокойно. Когда я просыпался и садился в постели, чтобы оглядеться, некоторые из них тоже открывали глаза и оглядывались. Потом отряд снова погружался в беспокойный сон. И так продолжалось до самого рассвета. С рассветом на землю пала роса и в воздухе заметно похолодало. Я поднялся. Эльфы ещё спали, кутаясь в своих одеялах, пытаясь сохранить остатки тепла. Что бы ни произошло, но выбраться из этой ситуации я мог только одним способом — сохранив себя. Поэтому надо было продолжать жизнь.

И для начала надо было выполнить зарядку. Сняв с пояса флягу, я отпил воды. За ночь тело обезводилось, надо было восполнить потери. Я снял с себя пояс с сумками и уложил его на свою постель. Следом снял мантию. Тело сразу содрогнулось от холода. Теперь я проснулся основательно. Оставив одежду на постели, я вышел на свободное пространство.

Я развёл руки в стороны и выполнил глубокий вдох. Выдох. Я тянул живот и начал сгибаться, продолжая выдыхать воздух. Когда мои руки коснулись пола, я задержал дыхание и медленно сосчитал про себя до десяти. Только после этого я сделал вдох. Выполнил задержку на четыре секунды. В глазах прояснилось. Только теперь моё сознание проснулось окончательно. Я был в этом мире. Пора было выполнить зарядку на день. Вспомнились слова наставника: «Многие маги пренебрежительно относятся к зарядке. А зря! Ты не только должен пробудить разум, но и постараться пробудить тело. Разминка — это своего рода совещание военачальников перед битвой. Они решают, как им двигать войска. Также и твой мозг должен провести «совещание» с мускулами твоего тела, чтобы они знали, как им подчиняться командам разума». Я собирался командовать своим телом настолько, насколько возможно. Я делал зарядку, я подчинялся расписанию.

Я проводил вращательные движения в суставах частями тела поочерёдно, продвигаясь сверху вниз. Наставник утверждал, что это самый безопасный способ вести разминку тела. Голова, плечи, локти, запястья, сжимание пальцев, наклоны в пояснице... Я следовал заданной наставником программе. Тазобедренные составы, колени, стопы. Я остановился и мысленно осмотрел своё тело. В суставах наблюдалось лёгкое гудение пробуждаемых органов.

Теперь пора дать разминку глазам. Выполнив вращение глазами по часовой стрелке десять раз, я выполнил вращение в обратную сторону столько же раз. Далее я выполнил десять переводов справа налево глазами. После чего выбрав предмет вдаль, я сложил руки вместе и сосредоточился на кончиках пальцев, выбрав их как ближний объект. Я выполнил десять переводов взглядом с ближнего объекта на дальний. Закончив, я трижды плотно сомкнул веки. Пора дать нагрузку.

Я встал прямо и расслабился. Поднял руки к груди и сложил ладони в молитвенном положении. Стараясь дышать животом, я совершил вдох. Задержал дыхание. Совершил выдох, одновременно втягивая живот и опуская руки вниз перед собой, не сгибая тело. Задержал дыхание. Я стремился, чтобы задержка на выдохе была длиннее задержки на вдохе примерно вдвое.

Снова сделал вдох и прогнулся назад, вытянув руки над головой. Задержался в этом положении с задержкой дыхания. Выдох с втягиванием живота и одновременно сгибание вперёд. Я вёл руки настолько медленно, чтобы в конце вдоха коснуться земли руками. Я опёрся руками о землю возле ног.

Снова вдох и вытянул назад правую ногу, приседая на левую ногу. Поставил правую ногу на землю позади себя, приняв позу «наездника». Сделал задержку. Выдох. Втягивая живот, я переставил левую ногу рядом с правой и принял позу «горы». При этом я распрямил ноги, а руки вытянул над головой в прямую линию с телом, подняв ягодицы вверх. Сделал задержку.

Сделал вдох и принял позицию «планка». Придав своему телу прямую линию от пяток до макушки и упираясь руками в землю. Сделал задержку. При выдохе я согнул руки и прижался к земле. Сделал задержку.

С вдохом я перешёл в позу «кобры», распрямив руки и выгнув назад спину. Сделал задержку. С выдохом вернулся в позу «горы». Сделал задержку.

На вдохе я подтянул вперёд правую ногу и поставил её возле рук, приняв позу «наездника». Сделал задержку. С выдохом я подтянул левую ногу к правой ноге и поднял ягодицы вверх, приняв позу наклона к ногам. Сделал задержку.

На вдохе я разогнул тело и перешёл в позицию прогиба назад, вытянув руки над головой. Сделал задержку. С выдохом я перешёл в исходную молитвенную позу. Сделал задержку.

Это упражнение у нас называлось «Приветствие солнца». Поэтическое название, но я относился к нему прагматически. После окончания одного цикла упражнения, я продолжил выполнять его дальше. Я выполнил десять циклов.

Какое-то время я стоял прямо, закрыв глаза, и дышал, успокаивая тело. Понимаю. Это было не самое сложное упражнение из всего арсенала магов. Меня Академия научила ценить простоту. Простоту в одежде, простоту в еде, физических упражнениях, магических заклятиях и, конечно, в общении. Существуют и более сложные системы упражнений. Но особого превосходства физической формы эти упражнения не давали. Также я не стремился

при выполнении упражнения соблюдать хоть какой-то мистический ряд цифр. Ни при задержке дыхания, ни при повторении циклов. Я всегда отталкивался только от состояния своего тела.

Я подождал, пока моё дыхание успокоится, и мир в глазах обретёт устойчивость. Я окончательно проснулся, а тело было наполнено упругой энергией. Но прежде, чем окончательно приступить к этому дню, надо было выполнить ещё два упражнения. Многие люди, и волшебники в том числе, недооценивают их. Но без них нет самой магии.

Первое упражнение у нас называется «Дыхание животом с визуализацией». Я принял удобную позицию. Встал прямо, стопы ног на ширине плеч. Расслабил все лишние мышцы. Наложил левую руку на центр Воды, находящийся чуть ниже пупа в глубине тела, под слоем мышц. Правую руку я наложил поверх левой руки. Теперь я пытался очистить свой разум, избавляясь от назойливых мыслей. Как только мне это удалось, я начал дышать. Выдох через рот на четыре счёта, задержка на два счёта, вдох через нос на четыре счёта. Я старался дышать равномерно, без рывков и резких переходов. При выдохе я нажимал рукой на свой живот, при вдохе отпускал руки, давая животу расслабиться и наполниться. Выдыхая, я усилием воли выдавливал из себя темную жизненную силу, которая впитывается землёй. Вдыхая, я втягивал в себя светлую жизненную силу, позволяя силе впитаться в центре Воды. Данное упражнение возможно только при полном отсутствии посторонних мыслей. Существуют, конечно, и более сложные упражнения, но я никогда не стремился усложнять свою жизнь. Я выполнил дыхание 35 раз. Наставники рекомендовали в зависимости от состояния выполнять это упражнение от 30 до 40 раз. Поэтому я остановился на середине.

Пора было приступить к визуализации. Наставники говорили: «разум подчиняет себе тело». То, что мы о себе думаем, то и получаем. Тело отзывается на образ. Наставник учил при выполнении упражнения визуализации представлять в своём сознании образ себя здорового и цветущего, а если есть больные органы, то представлять эти органы только здоровыми. Я закрыл глаза, чтобы внешние образы не отвлекали меня. При этом я продолжал дышать. Я стал перебирать свои органы по очереди, создавая в своём сознании образы здоровых органов, здорового тела. Я старался, чтобы образы были максимально реалистичными. Закончив полный обзор своего тела, я закончил и упражнение.

Второе упражнение называлось «Концентрация». Каждый волшебник, практикующий это упражнение, использует свой собственный объект для концентрации. Ничего сложного в этом упражнении нет. Нужно сесть, расположив удобно своё тело. Расслабить все лишние мышцы. Удаляете из головы лишние мысли. При выполнении упражнения нельзя шевелиться. Направляете своё внимание объект внимания и смотрите, не моргая в течение всего времени упражнения. Лично я использую для этого упражнения лист бумаги, с нарисованной на нём точкой размером с горошину. Я вернулся к своей постели. Расположив лист на своей сумке вертикально, на расстоянии вытянутой руки, я направил своё внимание на объект концентрации, при этом я продолжал дышать как в предыдущем упражнении. Насчитав пятьдесят дыхательных циклов, я прекратил упражнение.

Пора приступить к жизни.

Только сейчас я обратил внимание, что эльфы лежат и молчаливо наблюдают за мною. Меня подобное поведение озадачило. Люди, как правило, всегда стремились вмешаться в мои тренировки. Задавали вопросы, подавали различные реплики и комментарии. Эти же молчаливо смотрели за происходящим. Но это меня вполне устраивало. Я натянул на тело мантию и затянулся на поясе ремнём с сумками. Тело стало согреваться. Пора было

собираться. А потом передо мною стояла проблема. Нужно было решить важную проблему — что делать дальше. Но для начала — собраться и осмотреть своё имущество. Возможно, путь домой займёт много времени.

Скатав одеяло и освободив место на подстилке, я стал выкладывать на неё содержимое своей сумки. Это было достаточно сложно, но я старался вспомнить весь арсенал, полагающийся человеку, и особенно магу, для длительного путешествия. Эльфы с интересом наблюдали за мной. Я старался не обращать на них внимания. Память с трудом, но выдавал список необходимого имущества. Вынув коробочку с уменьшенными книгами и тубус с волшебной палочкой, я осмотрел их и получил истинное удовольствие и радость. Несмотря на то, что вчера я кувыркался и принял участие в бою, эти вещи не пострадали. Палочка и книги были целы. Но в моём списке не хватало нескольких вещей. Если подстилку и одеяло мне удалось раздобыть, то небольшой топорик и огниво теперь следовало отыскать. Нужно было также найти деньги или вещи для обмена. В этом мире надо было на что-то покупать продукты. Следовало обыскать трупы на предмет ценностей. Ценностью было также и оружие орков. Но здесь я был ограничен только личной способностью переноски тяжести. Много не унесёшь. С такими мыслями я стал собирать вещи обратно.

Сборы не заняли много времени. Я огляделся. Окружающее пространство вокруг лагеря было впечатляющим. Буквально в десяти шагах от места ночевки лежали трупы орков. Полгода назад подобное соседство ввело бы меня в состояние прострации, и я не смог бы уснуть в таком окружении. Но теперь я сильно изменился. Оставалось преодолеть еще один шаг на пути моего взросления. А именно — обыскать трупы. На моей памяти воины нашей крепости делали это спокойно, даже буднично. Теперь это предстояло освоить мне. Оставив вещи на земле, я сделал несколько шагов в сторону мертвого орка.

Оказавшись над трупом, я некоторое время слатывал образовавшийся в горле ком и успокаивал дыхание. Так я пытался собраться с духом. Сделав глубокий вдох, я сосчитал про себя: 3... 2... 1... пошёл. Склонившись, я сдернул с трупа плащ и расстелил его на земле. Превозмогая брезгливость, я стал ощупывать труп на наличие ценных предметов. Скоро на плащ переместились ножи и топорик орка, фляга и рог для питья, два мешочка, один из которых был набит мелкими бытовыми принадлежностями, а во втором звякнуло несколько монет. Одежду и сапоги я снимать не стал. На орке не было доспехов и шлема. Вещмешок тоже не порадовал меня содержимым. Распрямившись, я перевел дух. Этот первый раз был для меня самым тяжелым. Дальше было легче. Перетаскивая плащ от одного орка к другому, я постепенно наполнял его предметами и ценностями. Помимо денег и оружия иногда попадались драгоценности, которые я, не разбирая, скидывал в одну кучу.

Посреди этого процесса я вдруг обратил внимание, что этим делом занимаюсь один. Я оглянулся. Эльфы уже проснулись, но продолжали сидеть на тех же местах, где ночевали. Никто из них даже пальцем не прикоснулся к убитым врагам.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом я сделал жест, приглашая их присоединиться к моей работе. Некоторое время они сидели молча, потом переглянулись и отрицательно покачали головой. Они так и не стали помогать мне с мародерством. Собирать вещи мне пришлось одному. Моя попытка стащить все трупы в одну кучу, встретила яростное возмущение со стороны эльфов. Они зашумели, а эльфийка подбежала ко мне и стала, что-то яростно говорить. Слов я не понимал, но общий смысл понял. Эльфы были против того, чтобы перемещать трупы со своих мест. Много позже, уже пожив с ними в их поселении, я узнал об их обычаях и суеверии. Эльфы никогда не прикасались к вещам

умерших, опасаясь, что и их самих постигнет эта участь. Долгоживущие, они очень любили жизнь, могли бесстрашно идти на смерть, но никогда не спешили на встречу с ней. Этот народ развил целую систему суеверий, призванных отсрочить встречу с Хмурым Жнецом. Согласно их верований, воины, погибшие в лесу во время боя, хоть враги, хоть друзья, не подлежали захоронению. Их должны были пожрать лесные звери, птицы и насекомые.

В конечном итоге, обойдя с плащом весь холм и обыскав трупы, мне пришлось самому тащить на себе свои трофеи. Распределив по своему снаряжению этот груз и связав дополнительный узел, я значительно увеличил свой вес. Увидав, что я заканчиваю снаряжение, эльфы тоже собрали свои вещи. Наступил момент, когда мы полностью собранные молча стояли и глупо пялились друг на друга. В каком направлении отсюда двигаться я не знал. Более того, мы не понимали друг друга. Я мог надеяться только на язык жестов. Как ни странно, но эльфы находились в той же ситуации по отношению ко мне. Сегодня, оглядываясь назад, мне весело вспоминать, как тогда у подножия холма мы пытались объясниться и понять друг друга. Размахивая руками, придавая им различные положения и сопровождая их медленно произносимыми словами, я пытался выяснить, куда нам надо идти. Многие жесты из использованных, были изобретены мною прямо там, на месте. Наверное, со стороны это было занимательное зрелище. При этом такие действия производил не только я, но и окружавшие меня эльфы. Они тоже размахивали руками, придавая им различные положения, и при этом говорили, перебивая друг друга. От этого взаимное понимание только затруднялось. Не будь я в таком плачевном положении, давно бы бросил это занятие, но мне было нужно, чтобы они меня вывели к какому-нибудь поселению. Этот разговор, если так можно назвать, сильно меня утомил. Но, в конечном итоге, нам вполне удалось договориться. Ну, судя по тому, что двинулись мы в одном направлении. Они шли группой, а я двигался с ними.

Последним шёл эльф, который заметал наши следы импровизированным веником. Это было вполне разумное занятие. Двигаясь тогда той дорогой, я сильно сожалел, что прихватил свои трофеи. Я оказался самым нагруженным из всего отряда. Тяжело переступая ногами и обливаясь потом, я поминал недобрыми словами ситуацию, в которой оказался. Не раз меня посещала мысль бросить добычу. Будь я менее разумным, так бы и поступил. И только разумные напоминания, и огромное упрямство не позволили мне это сделать. Это легко вспоминать сегодня, но тогда, на той тропе я был на грани того, чтобы сломаться. Пот застилал мои глаза, тело стало ломить от нагрузки. Ноги заплетались, терялась координация. Периоды равнодушия и апатии сменялись вспышками гнева и злости. В период апатии я смиренно брел за впереди идущим эльфом, мечтая о том, чтобы эта дорога с ее мучениями наконец закончилась. При вспышках злости я встряхивался и оглядывался вокруг простым и вторым зрением, подмечая особенности местности и выискивая опасность. Но вокруг на несколько верст было все абсолютно спокойно. И вслед за злостью опять приходила апатия. В голове сами собой стали всплывать бранные и грубые слова, услышанные мною в гарнизоне. Под движение своих ног, последовательно ступавших на пыль тропы, я про себя, надеюсь, склонял и складывал все неприятности, павшие на мою голову. Особым мастерством в складывании ругательств я тогда еще не обладал, да и значения многих слов для меня были неизвестны. Поэтому грубые слова ложились, как получится. Дорога, груз, порталы, орки, гоблины, демоны, деревья, стоящие на пути, склоны холмов и оврагов... Так продолжалось до тех пор, пока эльф, командовавший отрядом, не скомандовал привал.

Я огляделся. Некоторые из эльфов присели на поваленное дерево. Остальные остались

стоять. Остался стоять и я, облокотившись о посох. Прикрыв глаза, сосредоточился на дыхании, пытаюсь расслабить мышцы ног и спины. Учитывая усталость моего тела, я сомневался, что после того как присяду или лягу, то смогу потом подняться. Разумнее было оставаться на ногах. Мысленно я оглядывал своё тело, сосредоточившись на своих ощущениях. После мысленно осмотрел окружающее меня пространство. Сильно пахло сыростью, болотной сыростью. Где-то здесь, за стеною леса начиналось болото. Осталось надеяться, что мы его обойдём стороною.

Рядом раздались голоса. Я открыл глаза. Эльфы собирались в круг, похоже, у них начинался военный совет.

Ханон оглядел отряд. Предыдущая часть операции была завершена, хотя никто из тех, кто отправлял их в поход, не надеялся на успех. Поэтому никто и не думал о том, что они будут делать после того, как победят. Этого после тогда просто не существовало. Это был поход без надежды, в одну сторону. Вплоть до вчерашнего дня он не сомневался в своих поступках и решениях. Всё было предельно просто и ясно. Но теперь ситуация изменилась. Требовалось принять решение. И это решение было не из лёгких. Слишком много нюансов надо было разрешить. И в первую очередь надо было решить судьбу человеческого мага. Трое из его отряда сидели на поваленном дереве, а ещё один лежал на траве. Он шагнул к дереву, дав сигнал рукой сидящим не подниматься. Второй рукой он дал сигнал подойти к дереву остальным.

— Подойдите сюда, надо посоветоваться.

Ханон понимал, что этой фразой он подрывает свой авторитет командира, но случай был не ординарным. Требовалось мнение остальных членов отряда. Бойцы стали подтягиваться к месту разговора. До сих пор они подчинялись его приказам. Вчера они знали, что идут на смерть и смирились с тем, что «завтра» у них просто нет. И вот они пережили прошлый день и остались жить, но ещё не осознали этого. Это читалось в их взглядах и поведении. Ханон знал — плох боец, который не понимает своих поступков. Надо было наполнить их действия осознанностью, объяснить их поступки, и желательно, чтобы они сами приняли в этом участие.

— Все подтянулись? — В ответ он увидел молчаливые взгляды, обращенные на него. — Хорошо. Надо решить, что будем делать с магом.

Ханон мотнул головой в сторону одиноко стоящего человека, опирающегося о свой посох.

— Будут предложения? — он обвёл взглядом окружающих.

На него глядели глаза, которые можно было описать как «потухшие». Он стал с напором вглядываться в каждое лицо. Первым высказался Вэон.

— Нам запрещено приводить в наши поселения чужаков.

Лицо Элентитты сменило выражение с безразличного на напряжённое. Она вперила взгляд в лицо Вэона и проговорила.

— Что же ты предлагаешь?

Она в упор посмотрела на Вэона. Он не отвел взгляда, но решимость его явно уменьшилась.

— Убивать не будем — проговорил он — не правильно это.

Вэон отвел взгляд. Воину было тяжело признаться в таком.

— Мы обязаны ему.

— Надо выделить двоих, чтобы отвели его к поселению Светлых эльфов — проговорил Альтон, последние слова он проговорил со злостью — У них договор с Империей людей. Они отправят его домой.

Глаза окружающих засветились злостью. Каждый из них считал Светлых эльфов виновными в бедах своего народа. Они ещё помнили, что те не пришли к ним на помощь, когда нежить завоевывала из земли, и когда погибло большинство Тёмных эльфов.

— И кого из наших ты готов пожертвовать? — резко оборвал Ханон. — Забыл, что леса

кишат орками? Тот, кто уйдёт — обречён.

Альтон взглянул в глаза Ханону и стушевался.

— Но к нам в поселение его все равно вести нельзя — проговорил Альтон — если нельзя идти вдвоём, можно сходить всем отрядом, ну хотя бы до их границы.

— А тех, кто остался на острове в болотах ты оставишь умирать? — голос Ханона прозвучал с явной угрозой. — Их надежда на спасение — это то, что мы вернёмся. Орки пока их не обнаружили, но это временно. Почти никто из тех, кто там остался не может сейчас защищаться. Ты готов взять такой груз на свою душу?

Элентитта пришла в себя от гнева и поддержала Ханона.

— Правильно, что ты вспомнил наших раненых. Забыли, как он лечит? Я так не умею. А многие из них ранены тяжело. Если мы придём к ним без людского мага, то я не смогу их спасти!

Ханон продолжал сохранять гневное и жесткое выражение лица, но внутренне поблагодарил Элентитту за поддержку. Для себя он уже давно решил, что приведёт человеческого мага в их поселение. Его сила и знания были безумно нужны ослабленному народу эльфов, оставалось только убедить в этом остальных. Его воины должны понимать необходимость этого поступка, чтобы избежать разногласий в дальнейшем. Создался шаткий паритет мнений. Теперь дальнейшая судьба этого мероприятия зависела от того, поддержат ли их остальные члены отряда. Ханон перевёл взгляд на Тирона и Охтарона, медленно переводя взор с одного на другого. Оба медленно отводили глаза.

— Ну?

— Ты... правильно говоришь... — проговорил тихо Тирон — Надо, чтобы он вылечил раненых. А потом... ну... отведём к... — его лицо на мгновение исказила гримаса злости — Светлым. Можно даже и не заходить в наше поселение. Но сначала на остров, за нашими.

Ханон посмотрел на Охтарона.

— Мы выдаём тайны нашего леса! — возмутился Альтон. — Мы...

Ханон выставил ладонь в сторону Альтона, призывая к молчанию.

— Твоё мнение мы уже слышали... Тебя ждут Охтарон.

— Согласен. — Проговорил тот, не смутившись в лице. — Сначала лечим раненых, потом ведём его на север.

Лицо Ханона расслабилось. Большинством голосов решение было принято. Причём то которое устраивало Ханона.

— И всё равно, я — против. — Проговорил Вэон, совершенно по-детски надув губы. — Договора с Империей у нас нет, а через него они узнают о наших тайных поселениях.

— Решение принято. Дальнейшие пересуды буду пресекать строго. — Раздался тихий, но жёсткий голос Ханона.

— Я когда-нибудь нарушал приказ? — прошипел мгновенно вспыхнувший Вэон. — Но ответственность за этот приказ будешь нести ты перед советом.

— Я всегда несу ответственность

Ханон повернулся спиной к своему отряду и направился в сторону человеческого мага. Теперь оставалось уговорить его идти с ними через болото на остров, а потом и в сторону поселений. Мага всё равно надо доставить в поселение. Он безумно ценен, даже если остальные этого не понимают. Эта война продлится еще долго. Дополнительной фигурой удачи в сложной партии пренебрегать не стоит. В одном можно было быть уверенным. Приняв коллективное решение, они строго его выполняют, станут подчиняться приказам.

Вчера они готовы были принести себя в жертву, а сегодня пустота их существования стала заполняться осознанностью поступков и обилием жизненных событий.

Убедить людского мага оказалось задачей весьма сложной. Конечно, Ханон понимал, что деваться ему некуда, и он пойдёт за ними. Но вот как ему объяснить, что надо идти к спасению через болото, да еще на острове спасать воинов. Самой большой проблемой было незнание людского языка. В жизни Ханон готовили к разным вещам, но вот разговаривать на имперском языке его не научили. Пришлось прибегнуть к языку жестов. Вот здесь проявилась ещё одна проблема. По меркам эльфов он был очень молодым воином. До этого похода Ханон служил в городской страже, и чаще ему приходилось охранять стены поселения. Его учили стрелять и сражаться, но подготовка не включала в себя общения знаками, какими пользовались воины лесной стражи. Когда набирали отряд, его сделали начальником звезды благодаря превосходству боевой подготовки. Это был его первый поход. И чуть не стал последним. И теперь для его успешного окончания нужно было поговорить с людским магом языком жестов.

Подбирая самые простые слова и жесты, Ханон пытался рассказать магу, что тому надо идти за ними, и идти через болото. При этом выражении он указал в сторону болота за стеной леса, от которого несло запахами воды и гнили. Кажется, маг вздрогнул. Но в лице не изменился. Даже успокоился. Его лицо расслабилось. На дальнейшие потуги Ханона он смотрел спокойно и даже с интересом, но, не проявляя ни капли понимания к сказанному и произведенному в знаках. Под конец этой тирады Ханон стал сам себе казаться потешным шутком, которые по праздникам развлекали толпу своими шутками и пантомимами. Он оглянулся. Весь отряд смотрел на него с интересом, но без усмешек. Единственный кто в его отряде усмехался, был Вэон. Это можно было понять. Проиграв спор, он отыгрывался злорадством на неспособность командира договориться с человеком.

— И как?

В отчаянии спросил Ханон членов своего отряда.

— Успокойся командир — подал голос Тирон — главное он понял. Ему надо идти с нами. Видишь, как он успокоился? Похоже, он боялся, что мы его бросим. Идти ему некуда, дороги он не знает.

Ханон взглянул на спокойное лицо мага и понял, что это маска безразличия, а разумной решимости принятого решения. Такое выражение лица появляется у тех, кто пережил спор сам с собой и принял решение. Глядя на него, успокоился и Ханон. Пора в путь. Ханон скомандовал построение и готовность к выдвигению.

Прежде, чем отправляться в путь, Элентитта осмотрела окрестности вторым зрением. Удача благоволила им. В окрестностях не было ни одного орка или гоблина. Только после этого отряд двинулся в сторону кромки болота. Оказавшись у края болота, Ханон сориентировался. Память еще никогда не подводила его. Метка, обозначающая место входа на тайную тропу, находилась чуть севернее того места, где они сейчас находились. Постоянно оглядываясь, он повел свой отряд на север вдоль кромки воды.

Когда они вышли к острову, на котором они оставили своих раненых, минуло два дня. Позади было много верст движения по скользкой тропе, сырость, духота, мокрая одежда, холодные ночи посреди болота на маленьких островках, и тучи комаров, огромным роем висящих над ними и сводящих с ума постоянным гудением. Ханон был уверен, что если бы не особые мази, отпугивающие комаров, то живыми они бы никогда не выбрались с этого

болота. Обозлённые, покусанные и усталые они, наконец-то, выбрались на остров и попадали, кто где остановился. Даже человеческий маг, который за всё время похода не проронил ни слова, лежал на земле и тяжело дышал. Ханон понимал, что тот нагружен тяжелее всех, а потому дорога далась ему труднее, чем всем им. Но своего имущества он никому не отдал, даже не выкинул трофеи. Остров был достаточно большой. За чахлой растительностью и деревцами с кривыми стволами в глубине острова скрывались израненные эльфы, которых они тогда сумели доставить сюда. До их лагеря оставалось совсем немного, но заставлять измотанных бойцов продолжать путь, было жестоко. Продолав такой маршрут по болотам, они заслужили немного отдыха.

Ханон лежал на земле, стиснув лук со стрелой. Стрелять из такого положения было крайне неудобно, но заставить себя подняться, сил не было. Это был один из тех моментов, когда отряд был крайне уязвим. Оставалось надеяться, что орки не обнаружили тропу и не добрались до острова раньше них. Ханон пытался собраться с силами, борясь со своей усталостью. Не было сил даже отмахиваться от комаров. И в тот миг, когда Ханон нашёл в себе силы подняться на ноги, до них донёлся голос.

— Стоять на месте! Назовись!

Силы окончательно покинули Ханона, потому что речь была эльфийская. Ему одновременно захотелось плакать от облегчения и смеяться от глупости предложения.

— Это мы — крикнул он, напрягаясь изо всех сил — и как мы можем стоять, если мы уже лежим.

После чего он присовокупил к своим словам ряд грубых выражений, усвоенных на военной службе, описывающих умственные способности говорящего и недостатки дерева, под которым тот был зачат. Он хотел еще сравнить его с некоторыми непорядочными животными, но уже не мог. Его начал скручивать приступ дикого смеха. Вся тяжесть последних дней, бои, тяжкие переходы, усталость и сильное психическое напряжение. Вся та ноша, что лежала на нем пала с него. Как вода, прорвавшая плотину, вся масса эмоций вырвалась наружу в виде приступа истерического смеха. Он смеялся до слез. На этой поляне у кромки болота не было ни одного спокойного эльфа. Все они катались по земле и смеялись, выплёскивая наружу свои эмоции. Смеялся даже человеческий маг, хотя он и не понимал ни единого слова. Потребовалось некоторое время, пока он стал успокаиваться.

Из кустов высунулось лицо юного эльфа. Даже на первый взгляд было видно, что тому едва ли стукнуло 30 лет. Как его только родители из дома отпустили? Такой юный. Наверное, сбежал. Ханон вздохнул. О чем он думает? Почти весь отряд укомплектован такими юнцами. Большинство не имели даже военной подготовки. Приходилось обучать в ходе похода. Стоит ли удивляться, что для многих из них этот поход стал первым и едва не стал последним. Ханон поднялся, чтобы тот смог его разглядеть, надеясь, что тому хватит ума не спутать его с орком. Бойцы его отряда тоже стали подниматься на ноги. Юнец некоторое время смотрел на них с удивлением. Грязные, усталые и одетые в рваные лохмотья, они не походили на тех бравых воинов, которые семь дней назад уходили в свой безнадёжный поход. Наконец наступил момент узнавания и его лицо просветлело.

— Это вы? А мы вас уже...

Узнать, что же они о нас думали, нам не довелось. Личико юнца стремительно исчезло в кустах, а вслед за этим раздался звук шагов и треск веток. Юный эльф стремительно удалялся вглубь острова, оставив пост.

Ханон выругался. Приказав Элентитте осмотреть окрестности вторым зрением и

получив сообщение о безопасности пути, он построил свой отряд в колонну и повёл его вглубь острова. Они успели почти добраться до лагеря, когда услышали шум и треск ломающихся веток. Скоро навстречу им стало выбегать множество народа. Все они были ранены и не пригодны к бою, но могли ходить. Увидав их, эльфы останавливались и смотрели на них удивлёнными глазами. Создавалось впечатление, что они видят перед собой приведения. Скопилась вполне приличная толпа. Осмотрев скопище эльфов перед собой, Ханон понял, насколько он устал, чтобы проводить обряды приветствия. Махнув рукой, он отдал команду продолжить путь в лагерь. Эльфы расступались перед ними, как вода перед носом корабля. Они смотрели на них, проходящих мимо, не веря в их присутствие. Внезапно из толпы раздался голос.

— Их же было шестеро, а сейчас семь! Это же человеческий маг!

Обернувшись на голос, но не найдя говорившего, Ханнон громко произнёс.

— Все объяснения потом, в лагере. — В этот миг ему на глаза попался сбежавший юнец-часовой. — А ты марш на пост!

Не произнося больше ни слова, он, а следом за ним и весь его отряд, двинулись в сторону лагеря. Как только первый шок прошёл, эльфы двинулись следом за отрядом. Все, за исключением юного эльфа, которому пришлось идти на свой пост, не смотря на раздражающее его любопытство. Вот такой большой процессией мы и вернулись в лагерь на болотах. Ханон с трудом потом вспоминал, как он шёл по лагерю. Упрямство, гнавшее его вперёд все эти дни и заставлявшее двигаться остальных, стало оставлять его, уступая место усталости и апатии. Он переставлял ноги, повинувшись инстинкту передвижения. В голове стал появляться шум и гам непонятных голосов. В центре лагеря был разожжен костер, на котором грелась вода. За костром ухаживала эльфийка с перемотанным плечом и рукой на перевязи. Возле костра сидел Таурон — начальник всего отряда. Обе его ноги были перевязаны. В прошлых боях они были пробиты гоблинскими стрелами. Это был опытный воин, прошедший множество битв и оставшийся при этом живым. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы оценить ситуацию.

Приказов не было. Скорее всего, его измотанные воины были не способны их выполнять из-за усталости. Начальник вытянул руку, приглашая их присесть рядом. Плохо соображая, Ханон добрёл до указанного места и сразу рухнул на него, словно из него выдернули удерживающий стержень. Рядом раздался шум падений. Его бойцы попадали рядом с ним. И было видно, что ни какие силы теперь не способны поднять их на ноги. Требовался отдых. Не было сил даже повернуться и принять удобное положение. Чьи-то руки помогли ему сесть. Раздались голоса. Силы молниеносно оставляли Ханона. В его руки вложили чашу с горячей водой и ломоть хлеба. Ханон вспомнил, насколько он голоден. Он с жадностью впился зубами в хлеб. Как же давно он не ел такого вкусного хлеба. Хлеб был мягкий и ароматный. С большим трудом он оторвал зубами кусочек хлеба и стал с жадностью его пережёвывать. Он попытался запить хлеб водой. Чаша в его руках тряслась, стремясь расплескать воду. Женская рука обхватила чашу поверх его руки и помогла донести её до рта. Постепенно сытость стала заполнять его. Стала наваливаться сонливость. Ханон оглянулся. Его бойцы, насытившись, стали валиться на землю и проваливаться в сон. Все, кроме Элентитты и человеческого мага. Сколько же в них сил? Прежде, чем Ханон погрузился в сон, до него донёсся голос Таурана.

— Завтра утром жду от тебя доклад...

И тьма глубокого сна поглотила Ханона.

Галеан долго и настойчиво тряс стаканчик с костями. Одна удача еще не означала победу в войне. И хотя его отряд при поддержке извне выжил и выбрался к основному отряду, но это ещё не гарантировало, что весь отряд в полном составе выберется из ловушки. Галеан хорошо понимал, что в данном регионе находятся орочьи отряды и их суммарная численность во много раз превосходит отряд эльфов, даже поддержанный человеческим магом. Предыдущий сброс костей Морготом показал благополучное перемещение орочьих отрядов в сторону болот, на которых укрылся эльфийский отряд. Скоро болота будут обложены со всех сторон, а тайные тропы обнаружены. Тогда судьба эльфов станет незавидной. Оркам останется только ждать, пока измотанные эльфы не выберутся из болота, чтобы перебить этот израненный и измотанный отряд. Моргот очень надеялся, что человеческому магу что-нибудь помешает излечить эльфийских воинов. Ну, или он не успеет. Теперь всё зависело только от сброшенных костей Галеана. Моргот напряженно ждал, а Галеан продолжал трясти стаканчик. Раздражение Моргота и других богов нарастало. И только когда Моргот стал тихо рычать и скрипеть зубами, Галеан сбросил кости. Кости стали разбегаться по столу под напряженными взглядами окружающих. Казалось, время застыло. Они медленно катились по столу, подминая трещины и щели. Одна, две, пять, десять... Все ждали результатов. Кости легли ровно. Потерь не предвиделось, боёв можно было не ждать. Отряд выйдет из ловушки без потерь. Моргот с удивлением посмотрел на Галеана. Неужели ему стало везти?

— Поздравляю! — Послышался голос Всевышнего. — Похоже, у тебя наконец-то родился грамотный военачальник. — И добавил на недоуменные взгляды окружающих. — Только умный и грамотный военачальник сможет вывести твой отряд из этой ловушки.

Кости переключались к Всевышнему. Требовалось решить судьбу мага, оказавшегося у эльфов. Бросок, как всегда, был успешным. Живой и невредимый — пала первая кость. Принятый друзьями — пала вторая кость. Общая дорога — пала третья кость. Аура жизни — пала четвертая кость. Носитель мудрости — пала пятая кость. Показания последней кости заставило лицо Всевышнего вытянуться от удивления.

— Чем это он собрался там заниматься?

Вопрос остался без ответа.

Когда Ханон открыл глаза, над далёкой полосой леса поднималась заря. Было холодно. Дрожая всем телом, он поджал ноги и принял сидячее положение. Над островом и болотом стоял туман. Сквозь клочья тумана прорывались лучи восходящего светила. Тишину разрывали крики болотных птиц. Лагерь еще спал. Он оглянулся. Вокруг потухшего костра, свернувшись для сохранения тепла, спали бойцы его отряда. Кого-то не хватало. Приглядевшись, он осознал, что не хватает Элентитты и человеческого мага. В стороне от их отряда, поджав под себя ноги и накрывшись шкурой, спала эльфийка, которая вчера ухаживала за костром. Он сделал шаг к ней и хотел прикоснуться, но не успел. Со стороны донесся спокойный голос.

— Не трогай её.

Ханон обернулся. К костру двигался Таурон. Двигался он спокойно, без напряженной стеснённости, которую накладывают на твоё тело раны и повязки. Ханон взгляделся. Даже сквозь сумрак раннего утра было заметно, что повязок на нём больше нет.

— Значит, человеческий маг... — начал Ханон.

— Его зовут Невил. Да. Он меня излечил. А еще многих других. Мы уложили его и Элентитту спать возле костра тяжелораненых. Хотя их у нас уже не осталось. Остались только лёгкие. — Таурон улыбнулся. — Значит, уже сегодня мы можем снять лагерь и уйти из болот. Присаживайся. Я жду отчёта о прошедшей экспедиции.

Он расположился недалеко от потухшего костра, сев прямо на землю. Ханон последовал его примеру. Ханон рассказывал долго, стараясь не пропустить ни одной подробности. Когда он закончил рассказывать, солнце поднялось достаточно высоко, а его лучи разогнали туман над болотами.

— Ты молодец, что привел его к нам. Этот людской маг так юн, но при этом так силён. Это чудо. Знать Боги сегодня на нашей стороне. Молодец, что привёл его к нам — повторил он — хотя некоторые из твоего отряда — он кивнул на спящих бойцов — были против. В тебе есть зачатки хорошего военачальника.

— А разве талант военачальника в этом?

— Я открою тебе большую тайну. Я участвовал во многих войнах и до сих пор жив только потому, что всегда прислушивался к своему чутью. Я не всегда соблюдал правила и законы, но доверял интуиции всегда. Привести этого мага сюда — нарушение закона. Но именно это даст нам шанс на выживание.

Хлопнув дружески Ханона по плечу, Таурон не спеша направился в обход по лагерю. Ханон остался сидеть в задумчивости. По пути Таурон будил младших военачальников, а те стали будить своих людей. Спыхватившись, Ханон стал будить своих воинов. Если скоро выходить, то воины должны быть к этому готовы. Начались военные будни. Бойцы поднимались, выполняли утренние ритмичные движения для пробуждения, пили холодную воду и ели ломтики хлеба. По лагерю двигались парой Элентитта и Невил. Они продолжали лечить бойцов.

К полудню отряд покинул болотный остров, бывший им прибежищем столь долгое время. Вытянувшись длинной колонной по одному, бойцы, не спеша, брели по тайной тропе от одной вешки до другой. Задание похода было выполнено. Теперь оставалось благополучно вернуться домой. Воины были измотаны, изранены, но все были на ногах. Никого не несли на носилках. Тёмные фигуры в меховых накидках, вооружённые рогатинами и луками, тихо двигались по поверхности болота там, где казалось, находились непролазные топи.

Три дня спустя боевая звезда Ханона из густого кустарника, расположенного на вершине холма, наблюдала за передвижением отряда орков. Полдня назад весь эльфийский отряд благополучно вышел из болота и, огибая холм по его подножию, направился на северо-запад в сторону эльфийского поселения Содем. Перед взором Ханона предстал небольшой отряд, скорее всего передовой отряд разведки. Его воины замерли в ожидании. Вот только орки опоздали. Тропа уже успела просохнуть под лучами полуденного солнца, трава оправиться, а болотная ряска затянула следы, указывающие на нахождение тайной тропы.

— Мы вовремя. — тихо проговорил Ханон.

— Что будем делать? — подал тихо голос Вэон — Нападём?

При этих словах внутри Ханона сжался холодный комочек страха. Глянув на Вэона, он произнёс.

— Нет. Понаблюдаем и отойдём.

— Мы перебьём их. Там всего десять орков. — Прошипел Вэон — Как эльфийский воин я жажду истребить всех орков на своей земле. Это — наш закон!

Вэон нетерпеливо теревил лук. Остальные воины его отряда с выжиданием наблюдали за ними. Ханон вскипел внутри, но внешне ничего не показал. Выждав паузу, он произнёс.

— Ты забыл, что мы не ударная группа нашего отряда, а его разведка. Глаза и уши отряда. Мы будем наблюдать и слушать. Это — наш приказ! И ты подчинишься.

Вэон побагровел и заскрипел зубами. Некоторое время он тяжело дышал, глядя в глаза Ханону. Но потом сдержался и успокоился. Ханон понимал его. Вэон никак не мог простить того, что главный военачальник поддержал решение Ханона относительно человеческого мага.

— Как скажешь — казалось, что Вэон выплёвывает эти слова из себя.

— Так и скажу. Отходим.

Воины его звезды только стали собирать свои вещи, чтобы покинуть позицию, как ситуация сильно изменилась. На поляну перед болотом вышел ещё один отряд орков и гоблинов численностью около пятидесяти бойцов. Командир отряда вышел вперёд и стал принюхиваться и оглядывать окрестности. Почувствовав опасность, Ханон быстро отвёл взгляд в сторону.

— Закрывать глаза — прошипел он.

Он знал, что прямой взгляд привлекает внимание врага, и способен выдать даже замаскированного воина. Все затаились.

— Этих ты тоже решил перебить? — задал вопрос Ханон, продолжая смотреть на орочий отряд боковым зрением.

Он почувствовал, как Вэон стусевался и сжался после этого вопроса.

— Отползаем тихо, без рывков.

Продолжая наблюдать за противником, Ханон дождался, пока последний из его бойцов отползёт с вершины холма. И только тогда направился следом за ними. За это время орки успели расположиться вдоль берега болота на некотором отдалении и замаскироваться. Группа орков уже направлялась к вершине холма, когда Ханон растворился в густых зарослях кустарника.

Глава 3

Отряд эльфов двигался уже двадцатый день подряд. Таурон не позволял вольностей в отряде. Движение происходило практически беззвучно, за любой лишней звук наказывали. Колонна эльфийских воинов, извиваясь змеёй, перемещалась по склонам холмов. Без необходимости избегая спускаться в низины с текущими ручьями и мелкими болотцами, чтобы не оставлять лишних следов. После возвращения отряда Ханона из опасного похода с победой, его авторитет среди воинов сильно возрос. Пользуясь этим, Таурон поставил его командиром своей разведки, заставляя его звезду постоянно патрулировать пространство вокруг отряда. Попутно личный состав звезды постоянно менялся, сохраняя неизменным командира. Это давало Таурону постоянно повышать боевой опыт бойцов отряда. Не забывал Таурон и общаться с магами. За время пути, во время остановок, маги успели подлечить всех бойцов. Таурон был доволен, но не позволял себе расслабляться. Большинство орков уже заняли свои места в засадах вокруг болота. Но некоторые орочьи отряды до сих пор двигались в том направлении. Эльфийскому отряду приходилось совершать многочисленные глубокие обходы, чтобы не столкнуться с этими отрядами. Сгубить своих бойцов перед самым домом — это не то, о чём мечтал Таурон. Что бы там не говорили остальные, а главный талант военачальника — это сохранить свой отряд. Теперь, когда портал уже разрушен, война приобретёт совершенно другие черты. Лишившись поддержки, орочьи отряды вынуждены будут либо уйти в другое место, либо рассеяться на мелкие группы. Потому, что прокормить большие группы орков охотой станет тяжело. Это стандартная тактика орков. Только тогда станет возможным истребить эту опасность по частям. Но для этого нужно, чтобы сейчас отряд вернулся домой в целостности. Молодые бойцы этого не понимают, рвутся в бой. Горячая эльфийская кровь. Приходится наводить порядок и удерживать горячие головы дисциплиной. Понимая это, Таурон был щедр на грубые слова и даже оплеухи. Все объяснения потом, если останутся живы.

На ночных стоянках Таурон не позволял разводить костры, чтобы не привлекать внимание врагов дымом и всполохами огня. Это приходилось объяснять уже по ходу действия. Эльфы роптали, но приказу подчинялись. Бойцы сильно уставали. Сказывались перенесённые раны, напряжение физическое и душевное. По мере накопления усталости, их глаза пустели. Они становились похожими на кукол-марионеток, послушно выполняющих приказы. Ему это не нравилось, но избежать этого было нельзя, приходилось мириться. Оставалось совсем немного до момента, когда они вырвутся из кольца орков. А потому он гнал их нещадно. До поселения Содем оставалось совсем немного.

Наступил вечер. От усталости эльфы повалились на землю. Холодало. Неосознанно они жались друг к другу, надеясь согреться после тяжёлого перехода. В вечернем лесу быстро сгущались тени, заполняя темнотой окружающее пространство. И если в вершинах деревьев еще можно было разглядеть светлые пятна неба, то у его подножия с каждой минутой становилось всё темнее. Эльфы собирались в плотную группу, чтобы даже в семерках продолжать если не видеть друг друга, то хотя бы слышать и чувствовать. По приказу им предстояло и эту ночь провести без тепла костров. Раздалась первые крики ночных птиц, вышедших на ночную охоту. Становилось жутко. Вспоминались детские страхи и истории о чудовищах, обитающих в ночи. Раздался шорох и из темноты показались движущиеся тени. Спустя несколько мгновений нервного напряжения они превратились в бойцов звезды

Ханона. Бойцы вернулись из разведки. В ночи раздались тихие голоса паролей и переклички. Ханон призывал к себе начальника отряда — Таурона. Таурон поднялся и направился в сторону голосов. Отряд напрягся. Такого ещё не случалось, назревало что-то неординарное. Мгновенно наступила тишина, нарушаемая только звуками природы. Все пытались уловить звуки разговора военачальников. Спустя некоторое время Таурон вернулся к отряду. Его тёмный силуэт привлек всеобщее внимание. Наступила пауза тишины.

— Все здесь? — Спросил Таурон, и ответом ему прозвучал разнобой голосов его воинов. — Призываю к тишине — выдержав мгновение, он продолжил. — Мы проделали большой путь и сильно устали. Нам удалось обойти все орочи отряды. Но сейчас перед нами преграда, которую нам обойти не удастся. Завтра к обеду мы можем достигнуть нашего поселения. Проблема заключается в том, что между нами и городом находится орочий отряд примерно из ста бойцов. Они не нападают на город. Похоже, что они здесь по нашу душу. Их задача не пустить нас обратно. Здесь много горячих голов, мечтающих подраться с орками. Завтра ваша мечта осуществится. Мы даём бой.

Его слова были прерваны одобрительным гомоном эльфийских воинов. Многих утомило бессмысленное, по их мнению, блуждание. Они радовались возможности сразиться с врагом. Таурон подождал, пока стихнут голоса и продолжил.

— Сейчас все ложатся спать. Ночью я разбужу вас, и мы отправимся в путь. — Раздались возмущенные голоса. — Понимаю ваше недовольство, вы устали. Но это нужно, чтобы застать орков врасплох. Мы должны на рассвете напасть на них, пока они не пришли в себя. Тогда у нас будет шанс. Поскольку их вдвое больше нас, то распоряжение будет таким. Никакого мечевого и копейного боя. Только бой стрелами. Держать дистанцию. Иначе вы все трупы, а я не хочу хоронить вас на пороге нашего дома. Надеюсь, вы не разучились стрелять. Вопросы есть?

В ответ послышался неясный шум голосов. Воины обсуждали последние новости. Наконец из толпы тёмных силуэтов послышался голос.

— Что делать с человеческим магом?

Выдержав паузу, Таурон произнёс.

— Возьмём с собой. Отведём к Голендилу. Из нас всех он единственный знает имперский язык. Да, у нас нет договора с Империей людей о взаимопомощи, как у Светлых эльфов — проговорил он громко, пресекая следующий вопрос. — Вернём имперцам мага, будет возможность его заключить. Мы сейчас нуждаемся в любой помощи. — Он выдержал паузу — Если кто забыл, напомню, что этот маг один изменил ход всего похода в нашу пользу. Надо быть немного благодарными. Можно слегка и поступиться принципами. Если потребуется, я лично отведу его в земли Империи.

Таурон вслушался в негромкий шум голосов. Возражений не было, бойцы негромко обсуждали между собой новости. Таурон понимал, что сейчас он своей властью временно протолкнул эту проблему. Но не решил её. Среди его воинов много несогласных с этим решением, но в данный момент они подчинятся. А завтра будет завтра. Эти юнцы, причисляющие себя к старшей, перворождённой расе, высокомерны под воздействием юношеского максимализма. Они привыкли презрительно относиться к представителям других рас. Им не хватает жизненного опыта.

— Если возражений нет, тогда слушать приказ: готовить оружие, снаряжение и спать. Скоро в бой.

Бесшумной тенью Таурон соскользнул со своего места и растворился в толпе. Со всех

сторон слышался неясный шум. Бойцы негромко переговаривались, на ощупь перебирали свои вещи, подготавливали место для ночлега. Тауруну нравились эти звуки. Это были звуки походного лагеря, походной повседневности. Жаль нельзя развести костров. Свет костров мог выдать их отряд, и с этим приходилось мириться. Может он и перестраховывался, но запретил даже свет масляных фонариков. Никогда нельзя быть уверенным, что в темноте леса не скрываются вражеские патрули. Даже свет свечи может быть заметен в лесу на расстоянии многих сотен шагов. Ему нравилась такая жизнь, быть в пути и чувствовать жизнь своих соплеменников вокруг себя. Большую часть своей жизни он провёл в походах по лесу, охотничьих, боевых и патрульно-разведывательных. Так он получил свое имя — «Лесной». Такая жизнь закалила его. И когда случилась беда нашествия нежити, эта закалка помогла ему выжить. Большинство городских неженков погибло во время великого исхода. Большинство эльфийских воинов сгубили не битвы с нежитью, а неприспособленность к походной жизни. Остальные вынуждены были приспособиться. Но измениться пришлось и ему. Пришлось в совершенстве осваивать военную науку и умение общаться с окружающими. Последнего он никогда не любил, но перемещение больших эльфийских обозов научило его и этому. А также терпеливости. И теперь он должен был не просто погасить огонь недовольства, а привлечь этих недовольных на свою сторону. Он не мог ошибиться, голос из темноты принадлежал Вэону. Поэтому теперь следовало его найти и выяснить отношения, сделав своим союзником. А чего хочет такой честолюбец как Вэон? Надо надавить на его слабости и в первую очередь потешить его самолюбие.

Глаза уже адаптировались к сумраку вечернего леса, и он легко отыскал группу, расположившуюся отдельно, которую собрал вокруг себя недовольный Вэон. Помимо обычной подготовки к ночлегу они переговаривались. И на фоне их голосов выделялся голос Вэона. Таурон шагнул к группе.

— Обсуждаете приказ? — спросил он спокойным, но твёрдым голосом.

В свое время Таурон потратил много времени, чтобы добиться такого эффекта от своих слов. Голоса его воинов стихли, а сами они слегка сжались и вжали головы в плечи. Каждому из них сейчас послышалась угроза. Многие из них сейчас задумались о правильности своих возражений, а самые стойкие стали оглядываться на вожака в поиске поддержки. Как и ожидалось, заговорил Вэон.

— Мы против того, что этого хуманса приведут в наш город. Наша земля священна! Там нет места для таких грязных...

Вэон не повышал голоса. Он шипел и переходил на хрип от переполнявшего его негодования.

— И поэтому ты намерен нарушить мой приказ?

Таурон не мог в сумраке разглядеть лица Вэона, но ясно видел его силуэт. Он шагнул к нему и навис над своим оппонентом, впери́в взор в область его лица. Вэон стушевался. Он не мог прямо заявить об отказе выполнить приказ вышестоящего командира. Это могло подорвать его авторитет среди его единомышленников. Было видно, как Вэон вздрогнул, воздух из его груди с шипением обозначил выдохи и выдохи. Он боролся с собой, подавляя гнев.

— Я выполню приказ — проговорил Вэон сквозь стиснутые зубы.

— Это правильно. Терпеть не могу тех, кто предаёт своих.

Наступила тишина. Таурон представил, как лицо Вэона исказилось от гнева.

— Ты смеешь...?

— Надеюсь, что нет. А людского мага мы используем — Таурон выдержал паузу, чтобы смысл сказанного дошёл до окружающих, в том числе и раскалённых от гнева — для своей пользы — эту фразу он проговорил внятно и по словам — раз он сильнее нашей магии.

Не говоря больше ни слова, он развернулся и ушёл в темноту вечернего леса. Вэон может злиться сколько угодно, но если нарушит приказ, то потеряет своих единомышленников. Он достаточно умён, чтобы понимать это. А разногласия разрешим после, если выживем. Он привык использовать для своего возвышения своих друзей, пусть поймет, что можно использовать и своих врагов. Если осознает, то станет умнее. Что победит? Гнев или разум. Завтра узнаем. А за лидером, который потакает своим похотям и эмоциям воины не пойдут. И он это тоже скоро поймёт.

Теперь следовало договориться с людским магом. Таурон ясно помнил место, где расположился Ханон со своим выводком юнцов. За время похода Ханон приобрёл среди воинов большой авторитет, особенно среди молодых. Невил с самого своего появления, неосознанно старался находиться среди бойцов этого отряда. Там же можно было встретить Элентитту. Эти трое тянулись друг к другу. Элентитта перенимала у Невила его повадки и систему подготовки. В нарушении традиций, она каждое утро теперь пыталась повторить за ним его систему разминки, вместо обычных для эльфийских магов танцев. В юности ему приходилось сопровождать в походе по лесу одного мага. Тот каждое утро выполнял сложный танец под песню, которую сам себе и пел. Тот тогда объяснил ему, что танцы и музыка являются обязательной частью подготовки мага. Ханон каждого раненного бойца тащил к Невилу, а потому раненых и больных бойцов в его отряде не было от слова совсем. Невил же пытался у этих двоих научиться говорить по-эльфийски. На сегодняшний момент он уже понимал некоторые слова. Это сильно облегчало общение с ним.

Едва он ступил на поляну, которую занимал отряд Ханона, как вокруг раздалось шевеление. Эльфы поднимались со своих мест и занимали боевые позиции. Таурон разглядел несколько силуэтов с копьями и луками, готовыми к бою, меж деревьев мелькнул блеск ножа. Таурон внутренне напрягся, но внешне сохранил расслабленную позу.

— Свои — прозвучал в ночи его голос. — Мне нужен Невил для разговора.

— Проходите к нам, командир, — из темноты раздался голос Ханона — вольно, всем спать.

Снова раздалось шевеление. Бойцы расходились по своим местам. Таурон прошел в сторону голоса Ханона, стараясь не наступать на лежащих на земле эльфов.

— Мы здесь — из темноты выступило три силуэта, в одном из них угадывался человеческий маг.

— Он знает, что произойдёт завтра?

— Да. Мы ему объяснили. Он согласился нам помочь.

Таурон перевёл взгляд на силуэт людского мага. Помня, что в разговоре с ним надо использовать лишь самые простые слова и жесты, он стал медленно произносить их, помогая жестами.

— Завтра... бой... Ты... нам... помогать?

И получил ответ.

— Да... Я... помогать.

После этих слов Невил потряс своим посохом.

Весенний лес. Мелкие пёрышки зелёных листьев рядом с крупными набухшими почками на тонких веточках деревьев. Шелест ветра в ветках юного леса. Тонкие лучи утреннего солнца, пробивающиеся через просвечивающуюся крону деревьев. Яркий контраст между юной зелёной порослью и желто-красными, пожухлыми прошлогодними листьями, густым ковром устлавшими землю вокруг древесных столбов. И сквозь это жёлто-красное покрытие, временами уже серое, пробиваются ростки яркой зелёной травы, на стеблях которой незрелые маленькие почки, обещающие в будущем стать бутонами цветов. Капельки росы на листьях и ростках травы. Блики солнечных зайчиков. Как он счастлив, оказаться здесь и сейчас! В его ушах звучат музыкальные трели весенних птиц, а на душе разливается покой. Это принадлежит только ему, и он не позволит это уничтожить никому. Он смотрит на свои руки, ноги, тело, скрытое серо-зелёным нарядом лесного воина. Эта музыка. Она зовёт его танцевать, отдать почести весеннему лесу. «Стой! — Кричит голос в душе. — Танцем своим ты затопчешь зелёные ростки». И он понимает, как важно сохранить эти нежные зелёные ростки, сберечь от невзгод и опасности этого мира. Он не позволит причинить им вред ни себе, никому-либо другому. Он счастлив. Ему хочется смеяться и плакать одновременно. Но что это за тень мелькнула там, вдали между деревьев? Своим нутром он чувствует исходящую опасность. Она движется. Что это? Или кто это? Он не видит, но знает, что там, где прошла эта тень, лес умирает. Гибнет юная поросль. Среди радости и счастья в его мозгу вспыхивает гнев. Он срывается с места и бежит в сторону тени, стараясь настигнуть её, прервать её путь. Внутри его головы кричит голос: «Не затопчи мои ростки!» Внутри его головы кричит голос: «Беги! Не успеешь — погибнет ещё больше ростков!» И он бежит, и слёзы текут по его щекам. Ростки, береги ростки! Тень всё ближе. Он бежит наперерез её движению. На ходу он обнажает свой меч Онтесивон и кинжал Кэрч. Он настигает тень. Прыжок. Взмах меча...

Из забытья сна Таурана вырвал юный эльф, трясущий его за рукав. Таурон вскочил. Сон сняло как рукой. Он был полностью бодрым и пробудившимся. Он ясно помнил свой сон, но сейчас был уже здесь. От резкого движения юноша сжался и отодвинулся от него.

— Время! — Громко сказал Таурон. — Разжигайте светильники. Поднимайте народ. Пора выступать.

Лагерь зашевелился, как будто только и ждал этого приказа. Эльфы выбивали огонь кресалами на труты, разжигали лампы, спешно собирали вещи и готовились к походу по ночному лесу. Зажженные лампадки прятали в большие бумажные трубки, чтобы уберечь от ветра. Звёзды собирались вокруг своих командиров. Выстраивались в походные колонны. Пора. Плохо выспавшиеся, зевающие эльфы практически беззвучно двинулись за своим военачальником. Отряд двигался на встречу со своим врагом. Теперь уже было не важно, если их увидят. Подготовиться к бою враг уже всё равно не успеет.

Утро, наступившее после тёмной и промозглой ночи, было очень приятным. Особенно для того, кто простоял на посту всю ночь, не сомкнув глаз. Эти предрассветные часы были особенно тяжёлыми. Усталость стала наваливаться с особой силой. На востоке выступила полоска зари, осветив нижний край неба и обозначив кромку леса и верхушки деревьев. Сумрак ночи, подсвеченный звёздным небом, стал отступать под напором утреннего света.

Но контраст светлеющего неба ещё больше затемнил лес, сделав пространство под ним совершенно тёмным и непроглядным. Рассмотреть в этой тьме хоть что-то стало абсолютно невозможно. От земли стала подниматься дымка тумана. Похолодало. «Хорошо, что это ненадолго» — подумал мелкий гоблин по кличке Глоб. Скоро над горизонтом появится солнечный диск, и тьма развеется окончательно. Глоб считал себя очень несчастным гоблином. Ему в жизни всегда не везло. Кто-то всегда обходил его, был лучше, сильнее, удачливее. И когда Хозяин собирал свой поход в эти далёкие земли, лучших воинов оставили дома, отобрав тех, кем можно пожертвовать. Им сказали, что здесь они обретут новые земли для поселений, но вышло не так как они думали. Здесь не оказалось гор с их удобными пещерами. Эльфийские долины и города заранее облюбовали себе орки, а гоблинам предложили поселиться в болотах или мёртвых землях Алкмаара. О возвращении домой не было и речи. Оказавшись здесь гоблинам оставалось лишь одно — служить оркам. Орки использовали гоблинов как дешёвую рабочую силу. Вот и сейчас на постах стоят лишь гоблины. Ни один орк не вышел в патрулирование и караул. Не предусматривалось даже смены. Он простоял всю ночь и сильно продрог. Рассвет он встречал сидя на земле, подстелив под себя свой маленький щит, и закутавшись в жалкие лохмотья и обрывки шкур, заменяющие ему одежду. Дадут ли ему отдохнуть днём, он не ведал. Всё что оставалось — наслаждаться моментом тишины. Это продлится не долго. Хорошо, что воевать здесь не с кем. Эльфы уже не те, что раньше. Жалкие их остатки, забитые, униженные и трусливые, прятались в своих жилищах и оставшихся городах. Их время ушло. Пришло время орков. Поделятся ли орки местом в этом мире — не ясно, но это потом. Сейчас надо наслаждаться отдыхом.

Край солнечного диска показался из-за линии горизонта. Глоб позволил себе глянуть на него и на время в его глазах заплясали зайчики, лишив возможности видеть ясно. Подобие улыбки скользнуло по его лицу. Со стороны юго-востока тишину ночи разорвал крик ночной птицы. Неосознанно Глоб перевёл взгляд в том направлении и посмотрел на лес. Лес глянул на него непроглядной тьмой. В глазах продолжали плавать светлые пятна. И вслед за криком птицы из тьмы леса послышался громкий, явно человеческий голос.

— Скрим мутх!

Глоб почувствовал, как со стороны леса пришла волна силы и окутала его. Он чувствовал, как эта волна потекла дальше, накрывая собой военный лагерь. Его руки и тело резко стали наливаясь тяжестью. Глаза стали слипаться против его воли. Послышался новый крик.

— Кират Матуурз!

Новая волна, пришедшая из леса, накрыла его и потекла в лагерь, окутывая спящих воинов. Мир вокруг часового замедлился. Звуки стали достигать его ушей словно сквозь толстый слой войлочной ткани. Звуки стали расплывчатыми. Послышалось шевеление и треск веток со стороны леса. Глоб с трудом повернул свою голову в сторону лесной тьмы, прилагая остатки воли. Из ближайшего к нему густого кустарника вынырнула голова юного эльфа. А вслед за ней появился и он сам. Высокий, худощавый, нелепо сложенный, с тощими руками и ногами. Его длинные уши прорывались сквозь нелепо взлохмаченные волосы. В своих узких ладонях с длинными пальцами он сжимал лук с наложенной на тетиву стрелой. Впервые в жизни Глоб видел нечто более нелепое, чем он сам. Он бы засмеялся, не окажись в таком беспомощном состоянии. Глаза эльфёнка были слегка растерянными и напуганными. Возможно, что он убивал впервые в жизни. И обидно было, что именно Глобу

выпала честь быть убитым им. Силы оставили Глоба, но не желание отомстить. Не желая умирать неотомщенным и без сопротивления, Глоб попытался закричать. Но, вместо крика, его рот перекосило от сильного зевка. В следующий миг эльфёнок выстрелил. Стрела вошла в шею Глоба прямо под кадыком и пробила шею насквозь, разорвав позвоночный столб. Тело Глоба медленно и беззвучно упало на землю уже мёртвым. В безжизненных глазах Глоба отразился неровный строй эльфов, беззвучно выходящий из леса. Медленно шагая через лагерь орков словно тени, они всаживали стрелы в каждое тело, которое находили на своём пути. Больше половины орков и гоблинов в лагере были убиты прежде, чем оставшиеся начали шевелиться, пытаясь оказать сопротивление.

К моменту, когда солнечный диск полностью вышел из-за линии горизонта, битва, если это можно так назвать, была уже окончена. По лагерю разгуливали только эльфийские воины.

Прошло двадцать дней, как мы ушли с болот. Двигаться в колонне эльфов было тяжело. Лёгкие и не обременённые грузом они порхали над поверхностью земли, легко перепрыгивая поваленные деревья и старые сучья на земле. Мне же приходилось весьма тяжело. Сказывался перегруз трофеями. Ноги заплетались и цеплялись за любые препятствия. Старая, сухая и поваленная трава стремилась оплести мои ноги и повалить на землю. Приходилось прилагать немалые усилия, чтобы вырваться из этой ловушки. Во всём отряде я производил больше всего шума. С каждым днём я выматывался всё больше и больше. Меня часто посещали мысли выбросить мой лишний груз, чтобы облегчить мой путь. И чем больше я уставал, тем назойливее такие мысли одолевали меня. Мне стоило больших усилий, чтобы не сорваться и сохранить трофеи. Путь домой мог занять много дней, а дорога всегда была дорогим удовольствием. Пока меня кормили из войсковых запасов эльфы, но я понимал, что это на время похода. Дальше мне предстояло жить за свой счёт. Прагматичная оценка будущего придавала мне упрямства и стойкости в этом испытании. Иногда усталость накрывала с такой силой, что я терял связь с окружающим миром. В такие моменты я продолжал двигаться за впереди идущим эльфом, неосознанно переставляя ноги. Вспоминая наставления учителя, я старался уделять много внимания дыханию. Это позволяло мне сохранять силы и выдерживать темп переходов.

Но зато, сколько удовольствия я получал во время привалов, когда тяжеленный заплечный мешок спадал с моих плеч. Это может понять лишь тот, кто сам прошёл такое испытание. И когда наступал вечерний привал, и я сбрасывал с плеч сумку, ко мне приходило второе дыхание и чувство несравненного удовольствия. Как говорил один мой друг в таких случаях: «Сейчас я буду оргазмировать!» Более точного выражения и подобрать то сложно. Именно так я себя и чувствовал в такие моменты. Многие эльфы впоследствии спрашивали: «Откуда у тебя тогда было столько сил?» Это так. Именно снятие с меня излишков груза давало мне эйфорию и силы для жизни тогда, когда большинство воинов нашего отряда валялись с ног после дневного перехода. И когда остальные изнывали от усталости, я принимался за излечение больных и раненых. Организм эльфов не сильно отличается от организма людей. Я быстро освоился. К концу этого похода мне удалось излечить всех раненых этого отряда.

Вечером на двадцатый день похода произошло событие, поставившее точку в нашем монотонном путешествии. К этому моменту я освоил несколько их слов. Эльфийский язык весьма сложен для общения. Но изъясняясь простыми фразами и жестами, можно было

общаться на несложные темы. В тот вечер эльфийский военачальник Таурон провёл большое собрание со своими войнами. По отдельным фразам я понял, что речь идёт о готовящемся сражении. Нет. Я не смог разобрать речь эльфов на том собрании. Но их тон и жесты были красноречивы. А когда воины сразу после собрания стали приводить в порядок своё оружие, последние сомнения пропали окончательно.

Ко мне подошёл Ханон. Вслед за ним пришёл Таурон. Рядом расположилась Элентитта. Судя по жестам Таурона, он готовился что-то сказать, но не знал какие слова и жесты подобрать для этого.

— Невил — начал он — томорров (завтра)... йар (утро)... — он замялся, а потом изобразил движение накрест рукой с зажатой в ней воображаемой саблей — Бум, бум... йат (бой)... иоу хэенио (ты понимаешь)?

Я кивнул головой, но сообразил, что в темноте моего кивка может быть незаметно и добавил.

— Иес (да)... им (Я)... — я прикоснулся рукой к себе — ма хэелн (помогать)...

Как на их языке будет магическая помощь, мне было неизвестно, поэтому пришлось поднять в воздух посох и потрясти его. Таурон кивнул головой и, не произнеся больше ни слова, ушёл в темноту. Сразу после этого Ханон приказал ложиться спать. Это было проще сказать, чем сделать. Пришлось на ощупь отвязывать подстилку и раскладывать её на земле. Поскольку видно ничего на земле не было, пришлось мириться с неровностями поверхности, на которой мне пришлось лечь спать. Ветки, корни и даже мелкие сучки больно впивались в моё тело. Но это было меньшее из зол. Понимание того, что ночью нас разбудят и поведут дальше, сильно подрывало моральный дух. Требовалось резко уснуть, но именно в этот момент в голову лезло множество мыслей.

Пришлось применить релаксацию. Но даже это было сложно. Расслабив мышцы тела по кругу, я добрался до головы. Расслабив мышцы затылка, темени, висков, ушей, челюсти добрался до лица. И расслабив лицо, я добрался до мозга. Очистить мозг от мыслей оказалось практически невозможно. Вспомнив советы наставника, я попытался представить себе бесконечную степь. Земля, небо, дующий ветер, издающий свист. Так я попытался погасить свои эмоции. Но мозг отказывался сдаваться. Он населял мою степь образами, людьми, эльфами, орками, животными. И как только они появлялись в моей степи, они начинали двигаться и разговаривать, обращаться ко мне, проявлять агрессию или миролюбие. И как только появлялись образы живых существ, сразу же сознание переносилось в леса, холмы, стены крепости. Сон отступал, и я погружался в события своей жизни. Хотелось остаться там, в своём прошлом, участвовать в событиях. Хотелось снова пережить их, или исправить ошибки, замеченные мною с позиции сегодняшнего дня. Как я был глуп, что смог их совершить? И я снова одёргивал себя, стирал картины в своём мозгу и вновь переносился в свою степь. Ветки на земле и корни деревьев подо мной больно впивались в моё тело. Я старался сместить тело так, чтобы уменьшить неудобство. И снова создавал в мозгу свою степь. Где-то посередине этой борьбы с самим собой я погрузился в неглубокий, беспокойный сон. Несколько раз я просыпался и оглядывал окрестности вторым взглядом. И снова погружался в беспокойный сон. За последний месяц такая форма сна для меня стала обыденной. В некоторые моменты своей жизни я стал сомневаться, что можно спать по-другому — глубоко и спокойно. Моя прошлая жизнь для меня временами казалась миражом.

Пробуждение было для меня ожидаемым и неожиданным одновременно. Я проснулся

сразу же, как вокруг меня раздались голоса и шевеление эльфов. Тело занемело от нахождения в неудобной позе. Поэтому желания поваляться подольше не возникло. Я поднялся. Рядом со мной помимо голосов эльфов раздавались чиркающие звуки, какие получаются при выбивании огня кресалом. Нащупав посох, я засветил наверху. Тьма отступила. Вокруг наверху посоха создался круг бледного света. Эльфы замерли, увидав такой свет, но быстро пришли в себя. При свете посоха их движения стали более уверенными. Они быстро разожгли огонь и подожгли масляные светильники. Сверху на проволочный каркас светильника они натянули бумажные трубки, отчего свет их стал более мягким и ровным. Мы быстро собрались. Надо отдать должное. Эльфы подчинялись военным приказам быстро и без возмущений. Скоро весь отряд стоял готовым к выходу.

Раздались команды. Отряд выстроился цепочкой и двинулся в путь. Свет фонариков показывал маршрут движения отряда. Наверное, мы были видны с очень большого расстояния, но Таурона это не беспокоило. Оставалось надеяться на его понимание ситуации. Эльфы прекрасно ориентировались по свету звёзд. Светящиеся точки фонарей двигались среди тьмы ночного леса, вычерчивая по мере движения стволы деревьев и силуэты эльфийских воинов. Бледный белый свет наверху моего посоха нарушал эту картину и выделялся на фоне желтоватого света эльфийских светильников. Ханон со своей звездой двигался в голове отряда. Я и Элентитта двигались в центре. Таурон ставил нас в наиболее безопасном месте. Как опытный военачальник, он старался беречь свои главные козыри. Так мы и двигались, пока я не стал терять связь со временем и пространством. Мой мир стал сужаться до пространства, освещенного моим посохом. Шаг, шаг, шаг, и так далее. Я продолжал двигаться, стараясь не споткнуться о внезапно появляющиеся корни деревьев или ветки, лежащие на земле, через которые лёгкие эльфы перепрыгивали шутя. Этот ночной переход я вспоминаю как длинное, тяжёлое и неприятное приключение.

За своими мыслями я не заметил, как наступил рассвет. Небо за нашими спинами стало светлеть. Казалось, что между деревьями стало темнее. Однако видимость улучшилась. И когда колонна остановилась, повинувшись жесту командира, я налетел на впереди идущего воина. Он оглянулся, и в свете своего посоха я разглядел разъярённое лицо этого воина. Но он ничего не сказал. По цепочке пронеслась команда. Воины стали тушить фонари. На некоторое время стало немного темнее. Но утро брало свое. Становилось светлее и холоднее. Донеслась ещё одна команда. Она пришла по цепочке воинов. Впереди идущий воин повернулся и, указав на меня и Элентитту рукой, сделал нам знак идти в начало колонны. Я ждал этого, но всё равно испытал волнение. Наступал момент истины. В носу колонны нас ждали Таурон и Ханон. Таурон вытянул руку в сторону северо-запада и тихо произнес.

— Орхот (орки).

Я повернулся в сторону, указанную Тауроном и осмотрел окрестности вторым зрением. В двух сотнях шагов от нас находился лагерь орков. Не надо было быть великим воином или волшебником, чтобы понять смысл ситуации. В лагере было много спящих воинов врага. Но постовые были на своих местах. Наверняка Ханон рассказывал о том, как я замедлил орков в бою за арку. Было уже достаточно светло, чтобы увидеть их лица. Они ждали от меня именно такой помощи. Иначе сама затея с битвой была бессмысленна. Я кивнул головой и двинулся вперёд. Следом за мной отправились Элентитта и Ханон. Позади нас раздались тихие команды. Оглянувшись, я увидел, как эльфы разворачиваются цепью и направляются к лагерю. Когда до лагеря оставалось меньше тридцати шагов, Ханон положил мне руку на плечо, удерживая меня. Я остановился. Мы ждали. Оглянувшись вторым зрением, я

разглядел эльфов, беззвучно занимавших свои места. Они стояли чуть позади нас. Я приготовился.

Солнечный диск лишь слегка показался из-за горизонта, осветив орочий лагерь, лежащий прямо перед нами. Именно в этот миг сзади раздался крик ночной птицы. Ханон сжал мне плечо. Прикоснувшись перстнем к центру лба в месте, где должен находиться третий глаз, я отыскал заклятие сна, перенятое у Алкимы. Вот и пригодилось. Развернув посох, я очертил линию по земле так, чтобы наши воины не попали под действие заклятия. Вытянув посох вперёд, я прокричал.

— Скрим мутх!

Сила стала истекать с посоха. Мощное заклятие! Посох сразу разрядился почти на треть. Волна потекла от нас в сторону лагеря противника. Второе зрение показало мне, как осветилась очерченная линия, отражая заклятие вперёд. Зрелище было завораживающее. Пора было использовать второе заклятие. Снова заглянув в камень кольца подборки для личного пользования, я нашёл заклятие слабости. Вытянув руки вперёд и сосредоточившись, я прокричал, используя дикие визжащие нотки в словах.

— Кират Матуурз!

Я взмахнул посохом, очерчивая круг поражения, стремясь, чтобы в этом круге не оказались наши воины. Зрелище, представшее перед моим внутренним взором, было потрясающее. От линии, очерченной моим посохом и дальше по кругу, стала расползаться энергетическая волна. Теперь посох был пуст практически на половину, но уже стал набирать энергию из окружающего пространства.

Раздались команды. Цепочка эльфов двинулась на штурм вражеского лагеря. Словно тени, эльфийские воины плавно поплыли вперёд, удерживая в руках луки и стрелы, наложенные на тетивы. Моя попытка двинуться вперёд была прервана Ханоном. Сжав моё плечо рукой, он отрицательно мотнул головой на мой вопросительный взгляд. Указав рукой в сторону земли, он дал мне и Элентитте команду находиться здесь. Выхватив из-за спины лук и стрелу, он двинулся в сторону боя, на ходу накладывая стрелу на тетиву и изготавливаясь к бою. Становилось светло. Стало видно, как Элентитта рассерженно топнула ногой и уселась на поваленное дерево. При этом на её лице появилось выражение обиженного ребёнка. Такое выражение мне было знакомо. Меня самого командование не в первый раз отстраняло от участия в бою. Глубоко вздохнув, я опустил на поваленное дерево рядом с Элентиттой и принялся ждать. Но расслабляться не стал. Мне было известно, что бой в любой момент может проявить себя с неожиданной стороны. Оставалось ждать и наблюдать вторым зрением за ходом событий.

Я видел, как крылья отряда охватили спящий лагерь со всех сторон. Видел, как мгновенно и практически беззвучно они сняли часовых и вошли внутрь ограждения. Проходя по лагерю, эльфы убивали спящих орков. Не будь моих усыпляющего и ослабляющего заклятий, этот бой мог стать непредсказуемым. По крайней мере, избежать потерь им бы не удалось. Эльфы успели убить почти половину противников, когда чувство опасности, наконец, пробудило остальных воинов врага. Многие из них были ещё сонными и заторможенными, но оружие уже было у них в руках. Они ещё с трудом осознавали происходящее, но поняли, что за свои жизни им придётся бороться. Они ревели и кидались на эльфов, и падали на землю, пронзённые стрелами. Эльфы срезали палатки, опрокидывая их на спящих. И когда павшая ткань обозначала под собой спящих врагов, в них летели стрелы. Бой постепенно сместился к дальней части лагеря. Но именно в тот момент я увидел

то, что заставило меня нарушить приказ. Под тканью одной из палаток, которую эльфийские воины уже прошли, посчитав безопасной, показалось шевеление. Из-под ткани, обломав стрелы, выбрался здоровенный орк. Из его тела виднелись обломки стрел, но он поднялся на ноги и посмотрел в спины эльфам. Они уже прошли вперёд и не видели опасности. Он понимал, что битва проиграна, и уйти ему не удастся. Поэтому он хотел заставить врага заплатить за свою победу. Его шатало, но он уже тащил из-под поваленного шатра большой орочий лук и колчан со стрелами. Надо было успеть добежать до места боя прежде, чем он убьёт хоть кого-то. Я сорвался с места и побежал через кустарник, производя много шума. За спиной раздался возмущённый возглас Элентитты. Спустя немного времени она стала меня догонять. Эльфы бегали по лесу намного быстрее меня.

Мы ворвались в разгромленный лагерь и стали пробегать мимо трупов врагов. Между тем орк уже натянул свой лук и изготовился к выстрелу в спину эльфийским воинам. Дистанция была ещё велика, но попытаться я должен был. Рассчитывать на выстрел посохом было глупо. Это могло не остановить врага. Перехватив посох в левую руку, я уже тянул метательный нож с пояса. Силовую полосу от ножа я протянул на автомате к руке орка. Нож рыбкой выпрыгнул из моей руки и полетел к цели. За спиной громко закричала Элентитта. Эльфы услышали её крик и отпрыгнули в стороны, поворачиваясь на ходу. Орк на мгновение замер, пытаясь поймать уходящую цель, и это решило исход боя с ним. Нож вошёл в тыльную часть ладони, выбив из руки лук. Накопленная энергия в луке подбросила его вверх и назад, ударив самого орка. Он дико зарычал и поднялся на ноги, поднимая над головой топор. Он хотел броситься на врага и дорого продать свою жизнь. Но навстречу ему уже двигался Таурон. Он не бежал, а стелился по земле как призрак смерти. Глаза врагов встретились. Орк сделал замах и ударил, но Таурана в том месте уже не было. Он мгновенно сместился в сторону. Взмах меча. Веер алых брызг, блеснувших в лучах солнца и окропивших лежащую ткань палатки. Таурон замер. Орк повернулся к своему противнику. Его голова отделилась от тела и скатилась на землю. Следом за ней на землю мешком пало и тело. Из перерубленной шеи фонтаном брызнула кровь. Можно было восхититься орком. Его волей к победе. Топор так и не выпал из его мёртвой руки.

Кивнув мне головой с благодарностью, Таурон развернулся и криком вернул воинов в битву. Битва шла к концу. Шансов у орков не было от слова совсем. Они храбро бросались на врага и падали со стрелами в телах. Их жизнь истекала.

Я отошёл к лагерному кострищу. Вокруг него в беспорядке валялись деревянные чурбаки. Их либо готовили под дрова, либо использовали вместо сидений. Я присел на один из них и стал ждать окончания боя. Рядом со мной присела Элентитта. Для нас бой окончился, теперь следовало дожидаться, когда он закончится для остальных. Теперь эльфы двигались компактными группами и оглядывались по сторонам, ища не подавленные очаги сопротивления врага. Мы ждали. Солнечный диск полностью вышел из-за горизонта и осветил окрестности. Тени людей и деревьев были ещё длинными, а воздух по-осеннему холодным. Но день быстро брал своё. Теплело. Как только последнее сопротивление стихло, я окинул поле боя вторым взглядом. И не найдя живых врагов, нашёл в себе силы встать и сходить за своим ножом. Может быть, у кого-то поле боя с павшими противниками и вызывает чувство восторга и радости, но не у меня. Как маг я вижу эманации боли, страха и страданий, злости и ненависти, ярости и отчаяния. Если бы не-маги могли это видеть, они никогда бы не радовались убийствам. Такова плата за возможность быть магом.

Эльфы опять не стали собирать трофеи с поля боя. Бой окончился. И впервые я видел

столько противоречивых эмоций, излучаемых воинами. Кто-то откровенно радовался. Кто-то изображал радость, но внутри испытывал отвращение к произошедшему. Были и те, кто бродил по лагерю с потерянным видом, опустошённые психически и морально. Однако была одна общая эмоция. Удивление от произошедшего. Я рад, что мы не стали задерживаться в этом лагере долго. Раздались команды. Отряд стал готовиться к походу. До их родного города Содем оставалось совсем немного. И к обеду этого дня они надеялись вернуться домой. На этот раз Таурону и его командирам звёзд потребовалось больше времени, чтобы навести порядок. Отряд двинулся в путь.

В тот миг, когда солнце вошло в зенит и прогрело воздух до духоты, к отряду прибежал эльф из отряда Ханона. Он радостно кричал. Строй мгновенно распался, эльфы радовались возвращению домой. Наверное, я был единственный, кто не радовался окончанию похода. Я тогда ещё не знал, что меня там ждёт. Таурон достаточно долго наводил порядок в отряде. Дальнейший путь прошёл достаточно вольготно. Эльфы расслабились и шли дальше, совершенно не таясь и не беспокоясь о возможном нападении. Похоже, что я был единственный, кто оглядывался по сторонам и осматривал окрестности вторым зрением. Но сегодня боги были благосклонны к этому измотанному эльфийскому отряду. В этот день на них никто больше не нападал и даже не следил за ними.

Наконец, мы миновали последние ряды фруктовых деревьев, и вышли на открытое пространство. Перед нами предстал эльфийский город Салем. Я видел города людей, и считал, что все города должны быть похожи на них. Но этот город произвёл на меня сильное впечатление. От линии фруктовых и ореховых садов открывалась расчищенная равнина, полого спускающаяся вниз. В центре этой долины находилось искусственное возвышение, похожее на гору с плоской вершиной. Склоны горы были укреплены блоками из необожженной глины. У подножия этой горы находилась полоса воды, образуя подобие озера, окружающего гору. К вершине горы тянулся арочный каменный мост, украшенный изящными статуями. Попасть в город можно было только по этому мосту. Позже я узнал, что по другую сторону города есть ещё два моста. На вершине моста из белого камня были построены строения. Город внутри утопал в зелени, даже, несмотря на то, что на дворе была осень. Небольшие деревья и кустарники были посажены по всему городу на каменных террасах. И сейчас большая толпа народа заполнила улицы города и перемещалась по мосту в нашу сторону. Отряд стал ускоряться. И наступил тот момент, когда воины побежали навстречу идущей толпе. Мне бежать было некуда. Я продолжал идти спокойно. Со мной остались лишь Таурон и Эленитта. Мы продолжали идти спокойно. На мосту началось столпотворение. Эльфы радостно выражали свои эмоции. Они смеялись, обнимались и плакали. Когда мы добрались до радующейся толпы, первый шквал эмоций уже спал. На мосту начал устанавливаться порядок. Но, другие эльфы всё прибывали. Все хотели прикоснуться к вернувшимся героям, или хотя бы посмотреть на них. Стоял сильный гвалт голосов и шум множества движущихся тел. Нам пришлось ждать, прежде чем эльфы стали успокаиваться.

Раздались громкие голоса с той стороны толпы. Воины разворачивали толпу и загоняли обезумевших от радости жителей обратно в город. На улицах города разворачивался стихийный праздник. Много позже я узнал, что это была для них первая победа за множество лет. Жителями города уже давно овладели апатия и чувство обречённости. И когда звезда разведчиков приблизилась к городу, и доложили о победе в походе, эльфы сначала не поверили, а затем ими овладело чувство эйфории. По мосту двигалась процессия из группы воинов. Их возглавлял эльф в простом, скромном одеянии. Последние празднующие эльфы покидали мост.

Теперь на нём оставались лишь мы и встречающая нас процессия. По всей длине моста выстраивалась городская стража. Когда процессия достигла нас и остановилась, Таурон и Эленитта поклонились. Внезапно я осознал, что перед нами стоял один из правителей

города. Поэтому поспешил присоединиться к поклону. Мне не хотелось показать свою невежливость. После окончания поклона, к нам обратились с приветственной речью. Мне почти ничего не удалось понять из сказанного. Но общий смысл был понятен. Город в лице старейшины приветствовал своего героя. Старейшина сделал жест, после которого Таурон и Элентитта прошли вперёд. Старейшина подошёл ко мне. Для эльфа он выглядел слишком взрослым, даже был покрыт морщинками вокруг глаз. Человеку с таким лицом можно было бы дать около сорока лет. Дальнейшее вызвало у меня удивление. Он заговорил со мной.

— Я приветствовать тебя, маг люди. Меня звать Голендил. Я и ты будем говорить. Но сейчас будет почесть воины.

Я в тот момент находился в таком сильном шоке, что не смог даже ответить. Голендил дал знак, и мы всей процессией двинулись по мосту. Впереди шли Таурон и Элентитта. За ними следом шли старейшина Голендил и я. По мере нашего приближения, воины эльфов поворачивались к нам лицом и принимали на караул, отдавая почести нам. Так я и вошёл в город Тёмных эльфов Солем.

Едва войдя в город, я стал предметом распрей между эльфами. Началось с того, что я поинтересовался у Голендила, где находятся мастерские, куда можно продать взятые мною трофеи. Выяснилось, что я был единственный, кто эти трофеи подобрал с поля боя. Отозвав командиров отряда, Голендил устроил им нравоучительную беседу. Окончательно портить им праздник он не стал, но сразу отрядил отряд бойцов и мастеров для посещения нашего предыдущего поля боя. Впоследствии я узнал, что Голендил принял это не популярное решение не от хорошей жизни. Эльфийский народ находился в бедственном положении в плане оружия. Лишившись доступа к рудным жилам, им не хватало железа для изготовления наконечников для стрел и копий. Поэтому Голендил, ревностно следивший за сохранением традиций и обычаев своего народа, нарушил одну из них. Это пошатнуло его личное положение в совете города. Уже вечером этого же дня отряд вернулся в город, приведя с собой несколько повозок с имуществом орков. Лица эльфов, участвовавших в этом походе, были злые и раздражённые. Их лишили праздника и заставили выполнять неприятную для них работу. Это не прибавило им доброты.

Второй причиной стало моё личное пребывание в их городе. Ожидать, что меня поселят в городе, было бессмысленно с самого начала. Голендил сразу принёс мне извинения. Для поселения мне выделили гостевой домик в саду за городом. Таурон долго ругался, доказывая мою полезность. Но законы их общества они обойти не могли. И только когда Таурон смог доказать, что я являюсь лекарем, они нашли лазейку в собственных законах. Хотя об этом я и узнал позже. Место, где меня поселили, называлось Рощей Исцеления. В этой роще они выращивали большое количество лекарственных деревьев и растений. По ней были протоптаны тропинки, гуляя по которым я смог убедиться в искусстве эльфов, как садоводов. Это был очень ухоженный сад. Здесь эльфы создали уникальный баланс деревьев, кустарников и лужаек с травами, среди которых в изобилии водились насекомые и мелкие животные. Но мне не доводилось видеть в саду ни одного крупного зверя, больше похожем на ухоженную часть леса. Наличие в этой Роще отдельных гостевых домиков и беседок было единственным, что выбивалось из общей картины леса. Чуть позже мне стало известно, что некоторые из этих домиков использовались охраной, садовниками и лекарями для проживания. Но большая часть этих домиков использовались для поселения больных и раненых. Мне позволили жить там под предлогом того, что я сам маг-лекарь.

Со мной разговаривали только Голендил, Элентитта и Таурон. Насколько я понял,

остальным запретили общаться со мной. В какой-то мере это было даже к лучшему. Постепенно я узнал, что мои трофеи пошли в оплату моего проживания в этом домике. Кормить меня они обещали за свой счёт, а также собрать в дорогу. Была лишь одна проблема: наступала зима, а в это время года дороги по лесу становились плохо проходимые и к тому же опасные. Поэтому зиму мне предложили провести в этом гостевом домике. Дополнительную просьбу принесла Элентитта. Эльфы были слишком горды, чтобы передавать такие просьбы официально. Элентитта попросила меня помочь в лечении раненых и больных. Также она просила присутствовать при этом. Я не отказал. Знание истории и рассказы Голендила, помогли мне понять, что эльфы очень нуждаются в помощи, но не могут её попросить. Так началась моя долгая зима. О том, что эльфы продолжают вести бои мне стало известно после того, как в Рощу Исцеления стали приносить раненых. Таурон приходил редко. Иногда он исчезал надолго. И всякий раз его появлению предшествовало увеличение числа раненых. Моя способность лечить раны проникновением в плоть впечатлила эльфийских лекарей. Но из их рассказов мне стало понятно, что сами эльфийские маги никогда не пользовались подобными практиками. Конечно, в моей коллекции приёмов было одно такое заклинание, но мне его применять не приходилось. Но общение с эльфами придало мне решимости испытать его в действии.

Так начались мои тренировки. Мне хотелось перенять у эльфийских магов их способности, тем более что я сам считал эту способность интересной и в чём-то более эффективной контактного лечения с проникновением в плоть. Наверное, место моего тогдашнего проживания подогрело мой интерес, но я приступил к тренировкам по освоению этого заклинания. Мне пришлось достаточно долго разбирать схемы производства его. Пока меня никто не видел, я отработывал положения тела и движения посохом, необходимые для выполнения этой техники. При этом мне приходилось совмещать дыхательные циклы с движениями моего тела. Это отнимало много сил. В основном моральных сил. Так пролетали мои тренировки по освоению. Движение, дыхание, концентрация, образ и активирующее слово. Напрягая чувства, я пытался уловить отклик силы, движение её в моём посохе. Снова ходил кругами по домику, или вокруг него. Думал, пытался понять свои ошибки. Сила колебалась, но не выплёскивалась вовне. Колебания силы можно было списать на мою настроенность на посох. А мне нужен был выплеск, показывающий, что заклятие реализовалось хотя бы в малейшей степени. Заклятие лечения можно было выплеснуть прямо в воздух, насыщая пространство лечебными свойствами и, при этом, не боясь навредить окружающим живым существам. Летели дни. Не кому было подсказать. Сегодня я благодарен судьбе за краткую передышку, позволившую мне освоить это и остальные заклятия. Это очень сильно пригодилось. И в тот момент, когда я уже отчаялся получить отклик на заклинание, мне это уже удалось. И помогла мне в этом злость. Никогда бы не подумал. Не стремление помочь, как в людском заклинании. Потом я научился использовать холодные эмоции при выполнении этого заклятия, но в тот момент... Когда заклятие не получилось в очередной раз, и при окончании дыхательного цикла выплеска не произошло, то я прокричал активирующее слово со злостью, на которую только был способен. Сила снова качнулась в моём посохе, и маленькая капелька энергии вытекла из него. Словно капля росы упала с наверху посоха и, замерев в воздухе, медленно испарилась, растворилась в окружающем пространстве. Я стоял, раскрыв рот и глядя удивлённо на место, где только что парила эта капля. Это была первая моя удачная попытка. Я вышел на улицу из домика. Надо было обдумать произошедшее. Через два дня тренировок после этого я

получил устойчивый результат. Можно было гордиться собой. Мне удалось очень редкое заклинание.

Гостевые домики Роши стали заполняться ранеными эльфами. Многие из них были в тяжёлом состоянии. Вместе с появлением раненых объявилась Элентитта в сопровождении эльфийки-лекарки. Эльфы достаточно вежливый народ. С улыбкой и вежливостью, за которыми чувствовалась стальная воля, лекарка пригласила меня следовать за собой. Вот так, втроём мы и начали наш обход гостевых домиков с ранеными. Мы прошли по садовым дорожкам уже покрытым тонким слоем снега. Осень брала своё. Сады уже дали свой урожай. В городе и в гостевых домиках делались заготовки. Запасались орехи и ягоды. Сушились травы и листья. Эльфы готовились к долгой зиме. В глубокие холодные подвалы опускались продукты, которые должны были храниться в холодном виде. Сады практически опустели. Теперь в них редко можно было встретить живое существо. Разумные их уже почти покинули до следующей весны, а дикие звери ещё не заполнили их, чувствуя запахи разумных. Подсознательно дикие звери ощущали от них угрозу. Листья в эльфийских садах долго сопротивлялись воздействию осени, но постепенно сдавались и они. Сплошным ковром покрывали они землю садов и леса. Лишь с дорожек их еще сметали рачительные эльфы. Сады с каждым днем становились прозрачнее. И на этот пёстрый ковер из листьев желто-красных оттенков с ворсом из пожухлой травы теперь падал снег. Это было замечательное зрелище, которым я наслаждался, двигаясь за лекаркой.

Моя просьба сначала отвести меня к тяжёлым раненым и только потом приводить к лёгким больным, высказанная в самом начале, выполнялась неукоснительно. Эльфийские лекари сами легко определяли легко раненых от тяжёлых. И последних стали селить поближе к моему домику. Подобная рачительность была всем на руку. Ускоряло обход и оказание помощи. Посетив два домика, я в тот день излечил шестерых тяжёлораненых. На лицах эльфов редко проявляются эмоции, но после шестого лечения стало видно, как они расслабились. Это был знак для меня, что тяжёлые закончились. Именно тогда я и решил опробовать новое для меня заклинание.

В третьем гостевом домике нас ждало четверо легкораненых бойцов. У одного из них было пробито плечо стрелой. Лекари уже извлекли стрелу. Теперь требовалось очистить рану от грязи и залечить её. Бойцов было мало. И если тяжелых больных оставляли в гостевых домиках долечиваться и восстанавливать здоровье, то лёгких требовалось сразу же вернуть в строй. Именно этого молодого эльфа я и избрал в качестве подопытного для эксперимента. И чтобы не делать всё сразу, я решил совместить часть лечения из арсенала контактной магии, а закончить новым заклинанием. Так я сводил к минимуму опасность, и мог в любой момент вернуться к лечению с проникновением в плоть.

Юноша явно беспокоился. Он ещё не научился контролировать свои эмоции, как взрослые эльфы. Страх и беспокойство были написаны на его лице. Мы уложили юношу на больничный стол и сняли раненую руку с перевязи, уложив аккуратно вдоль тела. Постаравшись изобразить на лице улыбку, чтобы не пугать бойца, я направил на него посох. Видимо улыбка не удалась. Увидав её, боец съёжился и попытался отползти по больничному столу подальше от меня.

— Петрификус тоталус!

Произнёс я заклинание. Тело бойца дёрнулось и вытянулось на столе. Руки свело вместе и прижало к телу. Отставив в сторону посох, я протянул руку в сторону лекарки. Меня удивило её обеспокоенное лицо. Но при этом она продолжала выполнять свои обязанности,

подав мне в руку пустую чашу. Я повернулся в сторону бойца. Требовалось очистить рану. Прежде, чем мне удалось приступить к лечению, я краем глаза увидел, как лекарка повернулась к Элентитте, и до меня донёлся тихий шёпот.

— Аск эим аво на смиле аньморе. Эс скарь... (Попроси его больше не улыбаться. Он страшный...)

Я достаточно долго прожил среди эльфов. И если я не мог с ними общаться на их языке, то вполне понимал их разговоры. По всей вероятности, моя улыбка, исполненная в момент волнения, не показалась им милой. Мне удалось их напугать. Трудно описать мои эмоции в тот момент. Но сказанное эльфийкой меня одновременно расстроило и насмешило. Потребовалось усилие, чтобы успокоиться. Лечить надо с полностью спокойными разумом и эмоциями. Пора. Я активировал второе видение. Грязь и заражение в ране воина предстали перед моим взором как паразит-червяк, заползший в рану бойца и присосавшийся к его плоти. Тело паразита было покрыто тонкими волосками, торчащими из раны наружу. Этот паразит ещё не отъелся на плоти бойца, и волоски не превратились в щупальца. Но это временно.

Я держал миску левой рукой. Пальцами правой руки я прикоснулся к донцу чашки. От донца чаши и до моих пальцев протянулась светлая полоса энергии, видимая только моим внутренним взором. Стараясь не совершать резких движений, я потянул эту полосу к ране воина. Казалось, будто я размазываю пальцами белую краску по поверхности, вот только этой поверхности не было. Полоса тянулась по воздуху. Осторожно я коснулся паразита и вдавил полосу немного вглубь его. Волоски паразита зашевелились вокруг моих пальцев словно от страха. Я сделал усилие и мысленно потянул паразита из тела больного. Волоски тут же прилипли к белой полосе. Я усилил тягу. Тело паразита вытянулось и коснулось дна чаши. Гниль начала перетекать из тела в чашу. Я отчётливо видел все поврежденные ткани. Я стал расслаивать тело, переводя гниль в энергетическую оболочку из физической формы. Потеряв связь с физической оболочкой, гниль стала обильно вытягиваться из тела и по белой полосе перетекать на дно чашки. Гниль не успела сильно поразить тело бойца, а потому запах был почти не чувствителен.

По мере удаления паразита из тела раненого бойца, аура воина менялась от синевато-серой до сине-красной с серыми участками. Воин испытывал боль. И чем дальше, тем больше. Его лицо перекосилось от испытываемой боли, но звуков он не издавал. Когда красного цвета стало много, он стал отделяться от тела и пульсирующими каплями утекать в пространство. Эльф терял энергию. Не ослабляя тяги, я создал ментальную сеть и набросил на воина. Энергию следовало собрать и использовать.

Эманации боли — сильнейший источник силы. Известны случаи, когда маги намеренно причиняли больному боль и подвергали наказанию для лечения. Боль не обязательно должна была быть физической. Мысленно я потянул к себе плавающие в ментальной сети капельки боли. Надо было скопить комков побольше.

Постепенно чаша наполнялась жидкостью с плавающими в ней комками старой свернувшейся крови, гноя и кусочками отторгнутой плоти. Я испытал облегчение, когда последние нити паразита покинули плоть больного и упали в чашу. Полоса втянулась туда же. Лекарка подала мне ведро для отходов, и я слил в него-то немного, что накопилось в чаше. Саму чашу я тоже отдал ей. Эльфийка сполоснула чашу водой, слила содержимое в то же ведро. После протерла чашу тканевым тампоном, смоченным в растворе щёлочи. Пора было приступить к лечению.

Теперь я хотел опробовать в действии новое заклятие лечения. Я взял в руки свой посох и направил наверх на воина. Для проведения заклятия нужно было быть абсолютно спокойным, что очень трудно, учитывая обстоятельства. Я стал прилагать значительные усилия, чтобы взять себя под контроль. При этом надо было накопить определённую величину злости, чтобы использовать её в нужный момент. Для не-мага это действие может показаться совершенно невыполнимым. Но меня этому учили. Я принял позицию, указанную в схеме. Сконцентрировался. Провёл дыхательный цикл и прикоснулся наверху посоха к ране. Конечно, я читал, что такие заклятия можно выполнять, даже находясь на значительном расстоянии от больного, но я был не настолько опытным в данном деле. Недостаток опыта я пытался компенсировать уменьшением расстояния. Моё сознание расширилось. Мне показалось, что я начал увеличиваться в размерах, а предметы вокруг одновременно уменьшаться. Скоро мой посох мне стал казаться миниатюрным, зажатым в моих огромных пальцах. Казалось, что я сейчас его вырону. Конечно, это была иллюзия, но весьма реальная. Я стал испытывать сильный дискомфорт. Но ослаблять усилия было нельзя. Мир стал изменяться. Цвета стали расплываться и потекли безумными красками. Цвет обрёл запах, а запахи обрели цвет. Я почувствовал пульсацию этого мира. Где-то на грани моего сознания возник страх. Всё моё естество воспротивилось этому акту, требуя немедленно прекратить насилие над собой. Я плотно сжал губы, контролируя сигналы тела. Время.

— Вулнера санентур. — Проговорил я на распев. И, снова сделав вдох, повторил. — Вулнера санентур.

Мир вокруг посоха изменился. Энергия стала колебаться внутри него. Пора её выпустить и придать ей форму. Время для злости. Где-то на грани моего сознания ещё ощущался страх. Это хорошо. Ибо страх легче всего подавить гневом, злостью. Нас этому учили. Я активировал знакомый приём из своих привитых навыков. Злость и гнев как дрессированные псы рванулись из глубины моего разума, атакуя и разрывая на части мой страх. Энергия в посохе качнулась ещё раз и, будто прорвав плотину, выплеснулась из моего посоха наружу. Осталось придать этой энергии форму. Создав вокруг комка энергии силовые плоскости, я сжал их, придав сырому комку энергии форму острого шипа. Вторым своим видением он казался мне лезвием кинжала, светящимся желтоватым цветом. Приложив усилие, я осторожно ввел острие энергетического кинжала в рану бойца. Физически ничего не изменилось, но тело воина дёрнулось от боли. Прикладывая усилия и напрягая второе видение, я повёл острие кинжала к разорванным тканям. Для начала нужно было срастить связки. Второе видение позволяло мне видеть концы оборванных сухожилий. Я настойчиво повёл острие, чтобы прикоснуться им к ним. На всём протяжении движения острия в его теле, аура плоти больного менялась на красную. Тело раненого забило в путях заклятия умиротворения. Прикоснувшись к концам разорванных сухожилий, я провёл между ними белые полосы. Как только я закрепил полосы к намеченным местам, сразу же стал стягивать связки друг с другом. Я напрягся изо всех сил. Белые линии стали утолщаться. Сначала они натянулись как канаты, а после стали сокращаться в длину, одновременно увеличиваясь в ширину. Я неукротимо сжимал белые полосы. Наконец концы порванных сухожилий соединились вместе. Теперь они выглядели так, как им положено. Белые полосы превратились в сплошные белые пятна, размазанные по местам стыков. Теперь требовалось их срастить. Магическая связка не вечна.

Я направил своё внимание на рой красных капель боли, плавающих в моей ментальной

сети. Их количество явно прибавилось. Теперь надо было их использовать. Я усилием воли потянул их к себе, создав мысленную дорожку к ране. Я задал программу и наблюдал, как она исполняется. Я наблюдал как соединительные клетки ткани — фибробласты — синтезируют коллаген и эластин, соединительные белки организма. Видел, как белковые волокна укладываются вдоль соединений магических связок, заполняя травмированную зону. Красные капли боли врывались в рану и впитывались тканями. Конечно, в обычных условиях на заживление раны требуются недели лечения. Но здесь и сейчас, при моём воздействии и целенаправленном потоке жизненной энергии, это происходило в разы быстрее. Я продолжал размеренно дышать и усилием воли выдавливать силу из посоха в лезвие энергетического кинжала. Вдох и заклинание нарастают.

— Вулнера санентур...

Мне пришлось ещё дважды погрузить острие в тело раненого. Один раз для того, чтобы срастить мышечные волокна, другой раз — стянуть кожу. Я мог гордиться своей работой. На плече воина образовалась тоненькая звёздочка шрама с расходящимися в разные стороны ветвящимися ниточками, оставшимися от разрывов тканей. С меня обильно тек пот. Возвращение сознания в наш мир вызвало у меня головокружение и сильную усталость. Моё первое лечение без проникновения в плоть больного закончилось успешно. Но, даже зная об этом, мне было тяжело поверить в случившееся. Я пошатнулся. Отвел посох от тела воина. Очнувшись, запоздало снял путы умиротворяющего заклятия. Освобождённый воин сжался в комок, поджав под себя ноги. Медленно, словно не веря, протянул вторую руку к заживленной руке, и потрогал шрам. Лекарка протянула ему тряпку, чтобы тот мог протереть руку от остатков крови и сукровицы. У этого заклятия было одно важное достоинство. Я поглядел на свою правую руку. Рука не болела. Мною стало овладевать ликование от первой победы и полученного преимущества.

Лекарка воспринимала мои действия как должное. Но позади себя я почувствовал удивление, испытываемое Элентиттой. Сквозь шум в ушах, появившийся как следствие возвращения в нашу реальность, я расслышал её голос.

— Хэас лики еделлен гул... (Это похоже на эльфийскую магию...)

В комнате мгновенно наступила тишина. Все посмотрели на меня. Я почувствовал себя слегка смущённым всеобщим вниманием. Медленно я повернулся к Элентитте. Глядя ей в глаза, произнёс.

— Иес...

Моего словарного запаса не хватало, чтобы объяснить, что это заклятие действительно похоже на эльфийское. Потому я его и стал учить. Как оно оказалось в списке людских заклятий? Мне не известно. Может этому заклятию людского мага когда-то научил эльфийский маг. А может людской маг подсмотрел это заклятие у эльфов и стал разрабатывать подобное для себя. Главным было то, что заклятие было в моей коллекции, и я мог его изучить. Но сейчас я смотрел на Элентитту, и её глаза загорелись яростным огнём. Её крик хлестнул по всем присутствующим как удар кнута.

— Теах нин... (научи меня...)

Не ожидавший такого, я отшатнулся. Присутствующие затаили дыхание. Тишина стала звенеть. Все ожидали развязки. И мне было понятно почему. Маги редко кого учили, если они не были учителями Академии. Передача заклятий от мага к магу даже среди представителей одной расы было огромной редкостью. Каждый стремился получить для себя преимущество над другими, запасаясь редкими заклятиями. Передача же заклятия магу

другой расы не только не практиковалась никогда, но и наказывалась своими соплеменниками. Я мог отказаться с чистой совестью, опасаясь расправы над собой. И никто бы меня не осудил. Понимала это и Элентитта. В её глазах отражались одновременно страх, надежда, просьба и боль от ожидаемого отказа. Я встряхнул головой, отгоняя наваждение. Некоторое время я молчал. Потом махнул приглашающее рукой.

— Тирио... отер хэн... (смотри... другой глаз...)

Элентитта подпрыгнула и взвизгнула. Но тут же зажала рот рукой. Передо мной в тот момент стояла не взрослая, умудрённая опытом эльфийка, а маленькая девчонка, которой пообещали сладости. Девчонка, которая не сдержала радость, но потом сразу же устыдилась её. Она степенно прошла к столу, но её выдавало напряжение во взгляде и теле, которое ей скрыть не удалось. Но мне было не до смеха. Вы можете осудить меня за этот поступок. По вашему мнению, я должен был умереть, но не выдавать секретов магии представителям другой расы. Только вы не были на моём месте. Я был благодарен эльфам за то, что не бросили меня в лесу, а приютили. Я мог умереть от хищных зверей или орков. Они тогда стали для меня воинскими союзниками. А ещё я не знал, вернусь ли я когда-нибудь назад, в человеческую Империю. Тогда, брошенный в чужом мире, я жил одним днём. Чтобы наказать меня, вам пришлось бы сначала найти эльфийское поселение, а потом войти в него. Найти в нём меня и привезти меня в Империю для наказания. Но сначала вам надо было узнать, чем я здесь занимаюсь. Хотя эльфы и обещали вернуть меня домой, но возвращение мне тогда казалось чем-то далёким и нереальным. Я мог умереть много раз от разных причин. Всё это мелькнуло в моём мозгу в одно мгновение, и повлияло на это решение. На стол уложили нового бойца. Я занял удобное положение, Элентитта расположилась рядом, морща переносицу и напрягая глаза. Прежде, чем приступить к лечению, я произнёс.

— Меня за это казнят — оглядевшись по сторонам, добавил — Если узнают и найдут.

Много лет после этого я молчал о том, что произошло тогда той зимой в Роше Исцеления. Эльфы тоже не стремились рассказывать об этом всем подряд. Может их удерживала благодарность ко мне, а может чрезмерная гордость остроухих, которая вошла в поговорки разных народов. Теперь, когда я уже стар, а смерть ждёт меня за порогом моей жизни, можно об этом рассказать. Смерть не раз приходил за мной. Следующую встречу я жду уже без страха. По мере роста моих годов, эта встреча становится всё более желанной для меня. А старость обесценила все ваши угрозы, проклятия, презрение или ненависть. Когда я был молод, то молчал, потому, что считал этот поступок позорным. А ближе к смерти ваши критерии и оценки стали терять для меня значение. Ибо, как сказал Спаситель, «Пусть кинет камень тот, кто сам без греха». Но, чтобы оценить мои поступки, вам придётся «надеть мои башмаки и пройти моими дорогами». И тот, кто сможет пройти и остаться безгрешным, тот и должен меня судить. Мнение остальных мне теперь безразлично.

Так мы и приступили к излечению раненых воинов. Я намеренно делал всё медленно, чтобы Элентитта смогла это рассмотреть. Я мог гордиться собой. Хотя это и увеличивало страдания бойцов. Но позволяло, не спеша и вдумчиво, проводить лечение дистанционно. Это позволило набрать необходимый опыт. После того, как я излечил третьего раненого, раздался голос Элентитты.

— Кан им три... (можно мне попробовать).

Некоторое время я разглядывал Элентитту с изумлением. Потом произнёс.

— Стилл эарль... (рано ещё) — произнес я. И, подобрав слова, добавил — бо ан едел (на эльфе).

Элентитта смотрела на меня одновременно обиженно и разгневанно. Меня всегда удивляла способность эльфов проявлять сразу несколько чувств одновременно. Понимая, что от меня не отстанут, я произнёс.

— Репеат (повтори)... сон актион (это действие)... бен и гвелвен (на воздухе).

Медленно произнёс я, с большим трудом подбирая слова. Наверное, этим я и обидел тогда Элентитту, но по-другому было нельзя. Возникло минутное молчание. Было неизвестно, чем всё это закончится. Наконец, сжав губы, Элентитта вышла на середину комнаты. Взяв в руки свой жезл, она стала копировать мои движения. Выходило коряво, но стало понятно, что она не просто так смотрела на меня во время лечения все эти дни. В целом обряд был проведён правильно. Но не это удивило меня. За всё время выполнения обряда энергия, заключённая в её жезле ни разу не всколыхнулась от воздействия активирующих слов. Это было очень удивительно. Любой волшебник, даже просто размахивая посохом без выполнения всяких заклинаний, постоянно воздействует на энергию своего посоха, заставляя её колебаться и даже выплёскиваться вовне небольшими капельками разряда. Жезл Элентитты вёл себя как инертная вещь. На моей памяти такое случалось в трёх случаях: либо посох представлял собой красивую безделушку, не имеющую отношения к магии; либо это был чужой посох; либо волшебник был не настроен на собственный посох. Жезл Элентитты не подчинялся воле своей владелицы. Я заморожено смотрел на её жезл и даже не сразу понял, что ко мне обращаются. Очнулся только тогда, когда лекарка тронула меня за плечо. Элентитта хотела узнать, насколько правильно она всё исполнила. Я вытянул руку в сторону её жезла и спросил.

— Элентитта... хэас лим вадд (это твой жезл)? — Увидав её удивлённый взгляд, попытался добавить, коверкая слова. — Ин тур (его сила)... ис (стоит).

Поглядев на Элентитту и остальных, я увидел в их глазах непонимание.

— Питен вордс (мало слов)... адюал (вечер)... Голендил... саи (говорить).

Развернувшись к раненому, я дал понять, что разговор окончен. Требовалось закончить лечение всем, кому можно было помочь.

Незаметно наступил вечер. Я встречал его в своём домике. Небольшой и уютный, какой и хочется иметь для жизни в пригороде или на природе. Но только тогда, когда в нём живёт твоя семья, или люди, близкие тебе. В этом же домике жил я один. И весь вкус одиночества мне удалось понять уже к концу первого месяца. Меня посещали, только если я был нужен. Окружающие меня не разговаривали на моём языке. Я сам их понимал с большим трудом. Днём я работал, помогая хозяевам как маг-лекарь. А вечером и ночью я оставался наедине с самим собой. Изредка меня посещал Голендил, да и то если в этом была сильная необходимость. Я был гостем в этом доме, но хозяева всячески избегали общения со мной. Поневоле я стал ощущать себя изгоем. Одиночество давило меня своей пустотой. И заполнить её можно было либо алкоголем, благо недостатка в нём не было, либо работой.

В годы учёбы в Академии нам часто показывали наглядно действие алкоголя на организм человека. Чаще всего привозили мелких преступников, чьи проступки были незначительны. Им наказание иногда заменяли «показательным выступлением» перед учениками. Нас рассаживали в большом тренировочном зале на скамейках по кругу. А в центре на огороженной площадке расставляли столы с пищей и спиртными напитками. Преступников рассаживали за столом и напаявали алкоголем. Наставники внимательно следили, чтобы мы обязательно наблюдали происходящее за столом. При этом наставники читали нам лекции, описывая происходящее на «Сцене». Мы наблюдали, как люди постепенно хмелели, теряя человеческое достоинство. Лекция могла проходить несколько часов подряд, в зависимости от крепости «контингента». Это были самые мучительные лекции, преподанные мне за всё время обучения в Академии. Неприятной частью этой лекции было то, что после того, как охранники уволакивали потерявших сознание «актёров», одну из групп оставляли, чтобы убрать грязь со сцены. Такие «лекции» повторялись регулярно, а потому в течение года всем группам удавалось прибираться эту сцену. Не знаю, что они добавляли в алкоголь, но после каждого такого выступления на полу оставались рвотные массы. Убирать их было не великое удовольствие. И это притом, что нам при уборке запрещали использовать магию. А ещё к нам в замок привозили трупы погибших алкоголиков, заставляя учеников препарировать трупы в качестве наглядного пособия. Ученики должны были не только разделать трупы, но и рассказать в качестве экзамена об изменениях, произошедших в организме алкоголика. Описать, как эти изменения отразились на жизни человека. С годами я стал понимать, зачем проводились эти лекции. Практически никто из прошедших Академию не пристрастился к алкоголю или наркотикам. Я также испытывал стойкое отвращение к употреблению спиртных напитков. Те сосуды с вином, что эльфы оставили в моём домике, так и остались стоять там, где они их оставили, в кладовой. Прожив в домике восемь месяцев, я так и не прикоснулся к ним.

Поэтому, чтобы не сойти с ума, я стал много времени уделять работе. Каждый вечер, сидя за столом перед небольшой лампадкой, я старался переписывать книги. Работа была не окончена. Из моей коллекции книг, взятых из башни с моего прежнего места службы, было не переписано ещё семь фолиантов. Мой выбор пал на книги по «Магнетизму» и «Ясновидению». Эти книги были относительно не большие. При этом были практически

избавлены от рисунков. Поэтому мне казалось, что их перепись не займёт много времени. После этого я планировал переписать эльфийские фолианты в первоизданном варианте. Мне хотелось их иметь именно в таком виде. Позже хотелось бы перевести их на язык людей. «Книгу ужаса», содержащую сборник предсказаний, я решил оставить на потом. Потеря этого фолианта, в случае чего, не грозила мне большой трагедией. К тому же книга была достаточно толстой, и браться за такой объёмный труд сейчас мне откровенно было лениво. Для моего выживания эта книга не представляла большого интереса. За прошедший месяц книга по «Магнетизму» была практически закончена. Оставалось дописать последние строчки в этом труде. И я надеялся сделать это сегодня вечером.

Поскольку я передал свою просьбу о встрече с Голендилом через эльфов, то первую половину вечера провёл в ожидании его посещения. Время текло медленно. По прошлым разам мне было известно, что Голендил никогда не приходил ко мне после заката солнца. Я отдыхал, сидя на лавочке перед домиком. Солнце клонилось к закату. Тени деревьев медленно удлинялись. Становилось холоднее и темнее одновременно. Солнце осветило горизонт жёлтым светом, оттенив контуры деревьев. Солнечные лучи покрасили в жёлтый цвет редкие облачка, плывущие по небу яркого голубого цвета. Объёмные облака принимали различные формы. И различные оттенки цветов только усиливали впечатление. Подкрашенные снизу жёлтым цветом, сверху и с боков они окрашивались в различные оттенки от молочно белого до холодных тёмно синих и серых цветов. Игры красок создавали различные объёмные изображения, дополняемые в моём уме фантазией. И всё это простиралось над лесными пиками серых деревьев, лишь в немногих местах прикрытых листвой. Голые веточки сложной и тёмной паутинкой пытались вцепиться в небесную голубизну, словно хотели поймать разноцветные облака, пролетающие над ними. Они будто призывали облака пролиться драгоценными снежинками к себе под ноги-стволы, опирающиеся корнями в разноцветный ковёр из красных и жёлтых листьев. На этом ковре уже блестели мелкие островки снега, отражающего блики заката. Я любовался этой картиной, как произведением лучшего из зодчих земли — природой. Мыслями я уносился далеко отсюда, туда, где мне удалось найти свой дом, хоть и ненадолго. Я ждал. И в тот миг, когда солнце коснулось горизонта, ко мне пришло понимание того, что Голендил не придёт сегодня. Возможно, его задерживали важные дела. После заката его можно было не ждать. Поэтому я решил потратить остаток времени на работу над книгами.

Закрыв за собой дверь домика, я встрепенулся. За время моего ожидания на улице моё тело достаточно сильно озябло. В домике было достаточно темно. Последние лучи солнца, проникавшие через окна, практически ничего не освещали. Засветив наверху посоха, я дошёл до стола. Там на столе, почти в самом его центре стояла лампадка. Эта лампада заправлялась маслом. И, хотя эльфы знали стекло, но для своих светильников они использовали бумажные плафоны. Лампадка представляла собой достаточно сложную конструкцию из металлической проволоки, поверх которой этот плафон из бумаги и натягивался. Он одновременно защищал огонёк от ветра, и при этом придавал свету лампы нежный матовый оттенок. Засветив лампаду и накрыв её бумажным плафоном в виде бумажной трубки, я сел за стол. Поплотнее закутавшись в свой тёплый плащ, я попытался сосредоточиться на работе. Раскрыв книгу на нужной странице, я расположил перед собой лист бумаги и принялся писать, регулярно окуная перо в чернильницу.

Дописав строку, я дал себе отдых. Размял пальцы рук, поморгал глазами, чтобы снять напряжение, сделал несколько глубоких вдохов и огляделся. Мой домик. За последнее время

я привык так называть место, в котором живу. Я понимал, что это ненадолго. Помещение было не большим, обставленным просто. Первое, что меня поразило в эльфийских домах, так это то, что в них не было предусмотрено камина или очага. Хотя воздуховод имелся. На мои расспросы мне объяснили, что летом готовка еды производится на улице под навесом на специальных жаровнях. Зимой эти жаровни вносят внутрь помещения и устанавливают под воздуховоды, чтобы выводить дым на улицу. Но эти жаровни не предназначены для обогрева помещения, а только для приготовления пищи. Эльфийские дома имели особую конструкцию, исключая сквозняки. Жилые помещения строились из материалов, имеющих низкую теплопроводность. Они имели низкие потолки, а общее помещение не было разделено на отдельные комнаты. Отдельные пространства разделялись плотными тканевыми занавесками на деревянных каркасах. Несколько живых существ, проживающих в этом помещении, быстро нагревали его теплом своих тел. И это тепло долго держалось в помещении. Но не это было главным для эльфов. Даже зимой они одевались весьма легко. Исключением в одежде была тёплая меховая или шерстяная накидка в виде плаща, одеваемая в холодное время года. И при этом они не замерзали. Настоящим ценностью эльфов, не дающей им замерзнуть в холода, были особые методы дыхания. Эльфийских детей обучали им сразу, как только они начинали ходить. Этому уделяли особое внимание, как и закаливанию. При необходимости эльф мог с помощью дыхания поднять температуру своего тела, а также мог эту температуру понизить. Тренировки по дыханию были столь упорны, что становились второй частью натуры эльфа. Они регулировали температуру своих тел даже во сне неосознанно. При такой подготовке они не нуждались в дополнительных обогревателях в своих жилищах. Я же такой подготовкой не обладал, а потому постоянно мерз в этих жилищах всё сильнее, по мере наступления холодов. Конечно, в Академии меня учили таким дыхательным упражнениям, но особого упора на эту подготовку не было сделано, а потому и не стало частью моей натуры. И чтобы просто не замёрзнуть, мне приходилось прилагать дополнительные усилия. Ещё раз вздохнув, я передвинул черновой листок чуть ниже уже написанной строки. Обмакнув перо в чернила, склонился над листом и приготовился писать, когда в дверь постучались.

Я напрягся и замер. На моей памяти не было случаев, чтобы ко мне приходили посетители или гости вечером, а тем более — после заката. В моей голове пронеслись образы, показывающие разные ситуации. Враги прошли в Рошу исцеления и наткнулись на мой домик? Но почему стучатся? Хотят ввести в заблуждение? Или может эльфийские лекаря? Но почему так поздно? Случилось что-то непредвиденное? Сражение? Много раненых? Бандиты, случайно оказавшиеся здесь? Местная эльфийская радикальная секта, пришедшая изгнать чужака? Сердце начало бешено биться в моей груди. Всё равно придётся открыть, или хотя бы узнать, кто стучится. Отложив перо и вложив закладку в книгу, я встал и взял в руку посох. Прихватив со стола горящий фонарь, с посохом наперевес наверху и вперёд я подошёл к лестнице и стал спускаться по ступеням в прихожую первого этажа. Как и во всех эльфийских домах жилые комнаты располагались на втором этаже. А на первом располагались кладовые, прихожая и рабочая комната. Это позволяло удерживать тепло в жилом помещении. По мере спуска вниз становилось холоднее, словно я постепенно опускался в погреб с хранимыми в нём припасами. Одежда не давала надёжной защиты и холод стал пробираться под мантию, заставляя тело съёжиться и покрыться «гусиной кожей». Расположившись напротив двери, я поставил на пол светильник и отступил чуть в сторону, перехватив посох обеими руками. Я постарался успокоиться и вспомнить вежливые

слова этикета.

— Кто стучится в столь поздний час?

Спросил я, надеясь, что это прозвучало достаточно вежливо, но при этом сжав покрепче посох. Почти сразу из-за двери раздался знакомый женский голос.

— Меллин (друзья)!

А другой голос добавил.

— Мы приходите двое. Впусти нас. Не надо знать много глаз.

Это были Элентитта и Голендил. Я был озадачен происходящим. Чуть помедлив, я сделал шаг к двери и открыл засов. Сразу же после этого отступил в сторону, чтобы пропустить гостей. Дверь бесшумно распахнулась, и в помещение бесшумно вошли две тени в плащах с капюшонами, накинутыми на головы. В руке одной тени был зажат жезл мага, а у другой тени в руке был лук. Под плащом угадывался колчан со стрелами. Следом в помещение ворвались потоки холодного воздуха, сразу же обратившиеся в пар, который стал растекаться по полу. Тень, вошедшая последней, сразу же прикрыла дверь в помещение. Щелкнула щеколда и Голендил, а это был он, откинул капюшон плаща.

— Ты нас встречать здесь? Или подниматься наверх?

— Я рад гостям. Хотя и удивлён столь позднему визиту. Прошу в мою комнату.

Я подобрал с пола светильник и указал в направлении лестницы. На лице Голендила отразилось небольшое умственное усилие. Было похоже, что он пытался перевести на свой язык мои слова. После этого он заговорил, обращаясь к своей спутнице. Общий смысл сказанного мне был понятен. Голендил работал сейчас переводчиком. Выслушав его, вторая тень откинула капюшон, и на свет показалось лицо Элентитты. Мне сказали правду. Это не означало, что вокруг дома не расположены бойцы охраны. Но пока я не видел угрозу для себя. Развернувшись с фонарём к лестнице, я стал подниматься вверх. Я чувствовал их взгляды на своей спине, но старался вести себя естественно. Оказавшись на верхней площадке, я остановился и развернулся, чтобы подсветить дорогу идущим следом за мной эльфам. Я увидел лицо идущей за мной Элентитты. Голендил стоял на нижней площадке, а магичка уже сделала несколько шагов по ступеням. Поскольку тень от моей спины загоразивала от неё свет, то идти ей пришлось в темноте. Как только лестница осветилась, Элентитта замерла и посмотрела на меня. Её лицо не изменилось, но в глазах блеснули искорки благодарности. Здесь мне и пришлось ждать, пока мои гости поднимутся наверх.

Оказавшись наверху, Элентитта сразу прошла к стене и присела на скамейку, стоящую там. Голендил стоял недалеко от входа, оглядываясь по сторонам. В отличие от Элентитты он впервые был у меня в гостях.

— А здесь мило.

Наконец, произнёс он со своим странным акцентом. Я огляделся. Насколько я понимал, домики были однотипными для Роши Исцеления и не отличались архитектурными особенностями. Комната была простая и лишённая всех индивидуальных особенностей. Я считал себя здесь гостем, и не собирался оставаться здесь надолго. Поэтому я не пытался обустроить обжить этот домик «под себя». Небольшое помещение, почти полностью было лишено мебели. Стол у окна, несколько скамеек, простая кровать без лишних удобств. Всё было сделано просто и без излишних украшений, которыми славятся эльфийские мастера. Одна скамейка стояла возле стола, создавая для меня рабочее место. Ещё одну я использовал для хранения своих вещей, на ней располагался мой заплечный мешок. Свои вещи я так и не стал раскладывать по разным местам, а хранил сложенными в заплечном мешке, готовыми к

походу. Осмыслив сказанное Голендилом, я решил, что эта фраза является частью этикета. Наверное, так он пытался завязать разговор. Я подошёл к столу и поставил не него светильник. Теперь требовалось его поддержать, чтобы не казаться невежливым. Не просто же так они пришли в неурочное время, да ещё хотели, чтобы об этом знало как можно меньше народа. Обернувшись к гостям, я проговорил.

— Домик действительно приятный. Прошу садиться с дороги. — Проговорил я, делая жест в сторону свободной скамейки. — Угостить мне вас нечем, но могу предложить воды.

— И тем быть благодарен. — Проговорил Голендил и прошёл к скамейке.

Я налил воды из кувшина, стоящего на столе, и подал его Голендилу. Тот принял чашу с кивком благодарности головой, поднёс к губам и отпил маленький глоток. После чего передал эту чашу Элентитте. Она также исполнила лёгкий поклон и отпила глоток. Чаша вернулась ко мне. Ну что же, приветственная часть этикета исполнена. Пора перейти к серьёзным разговорам — предмету посещения. Я присел на скамью возле стола, чтобы быть с моими собеседниками на одном уровне.

— На дворе ночь, и помнится мне, что вы так просто ночью не ходите ко мне. Значит, есть большая необходимость. Чем могу быть полезен.

Я поглядел на Голендила прямым, спокойным взглядом. Тот сделал вдох и плотно сжал губы, собираясь с мыслями.

— То есть так. Мы пришли обсудить происшествие, которое быть сегодня. Мы хотим знать, может ли Элентитта делать это заклятие.

Теперь он смотрел на меня прямым взглядом. Кивнув головой, я откинулся на скамье, облокотившись о стол. Прикрыв глаза, я попытался собраться с мыслями.

— Это долгий разговор.

— Мы не спешить.

— Да. Она сможет освоить это заклятие. Но для этого нужно соблюсти несколько условий.

Я подождал, пока Голендил переведёт мои слова эльфийке. По мере пересказа моих слов, глаза Элентитты начали светиться. Она задала вопрос на эльфийском.

— Она хочет знать, что за условия.

— Для начала я хочу знать, чей у неё посох. — Я встряхнул головой. — Нет, мне не важно знать — чей он и как к ней попал. Важно лишь одно — она на него настроена?

Потребовалось время на перевод. По мере пересказа в её глазах потух огонёк, плечи поникли. Она задала вопрос Голендилу. Я догадался о его содержимом. Прежде, чем он перевёл вопрос, я поднял ладонь.

— Жезл — это магический артефакт. Чтобы он работал, на него нужно настроиться. Пройти особый ритуал. После этого ритуала жезл станет слушаться своего хозяина, и с его помощью можно будет совершать заклятия.

— И этот ритуал...

— У вас должны быть старшие маги, которые могут помочь ей настроиться на жезл.

Возникла тишина. Потом Голендил стал переводить ей мои слова. Снова стало тихо. Время шло. Когда я уже решил, что продолжения разговора не будет, Голендил задал мне вопрос, который застал меня врасплох.

— Ты можешь провести такой обряд?

Сказано было почти без акцента, поэтому я ответил сразу, прежде чем смог обдумать ответ.

— Да, мне приходилось проводить такой обряд.

И только после этого смог остановиться и прикусил губу. Рассказывать такие вещи представителям других рас было запрещено. Нас много раз наставляли на это старшие. Я мысленно пожалел о сказанном.

— Ты говоришь почти чисто на нашем языке. Почему ты так коверкаешь речь?

Он улыбнулся.

— Когда-то у меня было много время говорить с представителями твой народ. Тогда я говорить чисто, почти. Но прошло много время. Ваш язык прост, но требует знать много нюансы. Говорить с тобой чисто для меня также тяжело, как и для тебя со мной на мой язык. Но мы сейчас говорить об обряд. Ты помочь нам?

Я закрыл глаза, выпрямил спину и попытался расслабить тело и лицо.

— Обряд не сложен, но требует подготовки. Проблема в другом. Если я проведу этот обряд для вас, то многие в моём народе посчитают это за предательство. Нам запрещены подобные действия.

— Мы сделать обряд тайно, а потом мы молчать. Никто не выдаст эта тайна.

— Это не имеет смысла. Я не говорю «если узнают», точнее сказать «когда узнают». У нас есть волшебники, проникающие в мозг, узнающие мысли. От них ничего нельзя скрыть. Когда я вернусь домой, меня обязательно подвергнут такой процедуре.

— Чем это тебе грозит?

— Зависит от многих причин. В худшем случае — казнят. Но то, что не простят — это факт. Я стану там чужим, и не стану здесь своим.

Голендил стал переводить мои слова Элентитте, и у меня появилось немного времени, чтобы обдумать сказанное. Какая-то мысль вертелась на самой грани моего сознания. И когда он закончил говорить на эльфийском, эта мысль оформилась в моём мозгу.

— Голендил, а почему мы говорим о таком? У вас же должны быть старшие волшебники, которые смогут провести такой обряд. Почему не обратиться к ним?

Элентитта хотела что-то сказать Голендилу, но тот её остановил поднятой рукой, обращённой ладонью к ней. Возникла пауза. Было видно, что он собирается с мыслями.

— Это долгий рассказ. — Он немного помедлил, будто собирался высказать нечто тяжёлое для себя. — Как ты знать, мой народ потерпеть поражение в война с нежить...

Рассказ действительно оказался длинным. Рассказ прерывался моими вопросами. И Голендилу приходилось отвлекаться, чтобы отвечать на эти вопросы, но потом он возвращался к основной теме. За время разговора я узнал, что эльфы, в отличие от людей не обучались в Академии или школе. Большинство из них проходило подготовку в собственных кланах. Каждый клан имел свою подборку заклятий, но, чтобы получить аттестат мага, юный эльф-волшебник должен был сдать экзамен в центральном храме волшебства в столице эльфийского королевства городе Альзония. Были обязательные заклятия, которые должен был знать каждый маг. Но перед тем, как начать обучение, адепт должен был придти в этот храм и принести клятву верности королевству. За него должен был поручиться его клан. Клятва накладывала обязательства и запреты, исполнять которые он должен был всю свою жизнь. А в случае нарушения этой клятвы позор падал на весь его клан. Поэтому за такую попытку его убивали родственники. Если же родственники не стали или не смогли это сделать, то наказывать отступника должны были уже маги королевства. Но тогда клан терял свой статус и положение. Мог потерять часть территорий и доходы. Прийти на дачу клятвы адепт должен был со своим жезлом, который он покупал сам или ему выдавали в

клане. После дачи клятвы старший жрец проводил ритуал настройки адепта на жезл. Но столица королевства пала под напором нежити. Храм был разрушен. Вокруг Храма кипели самые жаркие бои, но остановить нежить они не смогли. Все старшие жрецы пали в той битве. Выжил ли кто-нибудь, Голендил не знает. Но в тех городах, что остались под властью тёмных эльфов, нет ни одного жреца, способного провести такой ритуал. Почти все волшебники погибли в той войне. Элентитта ещё не маг. И даже не адепт. Она только начала обучение. Поэтому она не настроена на свой жезл.

Рассказ Голендила вышел сухой. Было видно, как он сдерживает свои эмоции. Но уже до того, как он закончил свой рассказ, я уже знал о чем они меня хотят попросить. Последние фразы я слушал уже через стены своей невнимательности. Я погрузился в свои размышления. Сейчас и здесь решалась судьба целого народа. Народа побеждённого, но гордого и не сломленного. Они готовы были умереть, но не просить ни помощи, ни пощады. Моё решение могло либо спасти, либо убить их. Я почувствовал, как огромная тяжесть легла на мои плечи. Моё тело сидело на стуле прямо, но чувство было такое, будто под тяжестью необходимости принятия этого решения моя спина сторбилась. Стало тяжело дышать, тело стало потеть. Мозг впал в ступор. Внутренне моё сознание раздвоилось, и эти две части стали активно спорить между собой, склоняя меня к принятию именно их мнения. Спор шёл на языке образов, которые мелькали передо мною, заслоняя друг друга и вызывая различные эмоции. Во мне одновременно боролись два начала: благодарность за спасение, кров и хлеб, замешанные на милосердии к моим спасителям; и чувство долга, верность своей расе, ответственность за свои поступки, с добавкой страха перед наказанием за совершённое преступление. Накал страстей во мне постепенно возрастал. Было чувство, будто мой мозг сейчас будет разорван на части. Я стал терять контроль над своими эмоциями, выражением лица и связью с реальностью. Пришлось встряхнуть головой, отгоняя мысли и надеясь на возобновление контроля.

— Ты давал клятву...

— И там была часть о защите и помощи...

— А ещё о неразглашении...

— Они сдерживают натиск нежити...

— Которая не угрожает нам...

— Потому, что застряла здесь...

— Что скажут наставники...

— Лучше думай, что скажет совесть...

— То, что я выполнил долг...

— Какой ценой?...

— А моя жизнь не цена?...

— Против жизней целого племени...

— Меня осудят, и придётся жить с позором...

— Чей суд тебе страшнее...

— Я исполню долг перед своим народом...

— Принеся в жертву чужой. Сможешь спать спокойно?...

— Нельзя давать другому палку, которой станут тебя бить...

— Этот народ пока не сможет причинить нам вред...

— А потом?...

— Это будет ещё не скоро. Живи сейчас...

— Мир сохранить для потомков...

— Которые ещё должны доказать право на жизнь...

— Но думать об этом должны мы...

— Думай о себе. Тебе с этим жить...

— Среди тех, кто тебя презирает...

— Они далеко. Умирать ты будешь здесь и в одиночестве. Что тебе до них?...

— Но цена...

— Вот и спроси о ней...

Я снова встряхнул головой и поднял взгляд. На меня смотрели эльфы. На их лицах проступало любопытство, смешанное с удивлением. Я что, говорил вслух? Сглотнув слюну, я встал. Предстоял тяжёлый разговор.

— Вы хотите попросить настроить Элентитту на жезл?

Голендил потупил взгляд и отвёл его в сторону.

— Я этот не говорить.

Но весь его облик говорил, что именно эта просьба и стоит у него в горле. Точнее сказать поперёк горла. Эльфы отлично умеют скрывать свои эмоции, но сейчас моя чувствительность возросла, и я смог прочитать его внутреннее состояние.

— Точно. Не говорил. Но это и так понятно. — Я прошёлся по комнате и остановился у стола. — А ещё вам нужен сам ритуал настройки на магические артефакты.

Голендил стал переводить мои слова Элентитте. Когда он дошёл до обряда настройки, она не сдержалась и воскликнула.

— Вэи (зачем)?

Голендил не успел ответить, за него это сделал я.

— Потому, что ты не единственная. Остальные волшебницы тоже нуждаются в этом ритуале. Только так они смогут быть полезны племени.

— Волшебники тоже. — Ответил Голендил.

На мгновение я замер, ошеломлённый этой новостью.

— Волшебники? Ах да, мне же говорили...

— Именно так. Им вас а голлор (Я был волшебником). Я быть волшебник...

После этих слов Элентитта с удивлением посмотрела на Голендила. Не смотря на всё умение контролировать себя, её эмоции удивления прорвались наружу. Глаза широко расширились, а рот приоткрылся. Было ощущение, что она хочет задать вопрос к нему, но не может его выговорить. На некоторое время она замерла в таком нелепом положении.

— Твой жезл... — проговорил я.

— Я не носить жезл. Моя сила — в мой лук.

Он поднял лук над землёй и показал его мне. Я глупо уставился на это изделие и не сразу сообразил взглянуть на него вторым зрением. Второе видение показало мне сложную конструкцию композитного лука. С внутренней стороны этого изделия была вклеена тонкая полоса «магической субстанции», сложенной в два слоя, где каждый слой соприкасался со своим концом рога. Я был поражён. Сгибание лука должно было вызывать выделение разряда в «магическом слое» лука. Умелый маг мог его использовать.

— Этот лук...

— Чужой. Мой сломаться, а настроить меня на этот лук не кому.

— Что он мог?

— Чаще всего — заклятий большой меткость и дальность для стрела. Но можно

стрелять чистая сила. Главное — во что эта сила превратится. — Он посмотрел на свой лук, и его лицо обрело ностальгическую мечтательность. — Во враги я стрелять огонь, а в друзья — лечить раны.

Я с восторгом посмотрел на это изделие эльфийских мастеров.

— Я впечатлён. А мужчин магов как готовили?

— Подготовка одинакова для мужчины-маг, так и у женщина-маг.

— Ты обладаешь вторым видением.

— Да. А зачем ты спрашивать?

— У меня возникла идея. — Я прошёл по комнате. — Я могу научить тебя обряду настройки, а ты уже настроишь всех остальных. Осталось решить проблему цены.

— Деньги? Драгоценности? Всё в пределах разумность.

— Деньги — это хорошо. Будет что кушать, когда пойду домой. А вот драгоценности... — я посмотрел на лук Голендила, и в моей голове промелькнуло множество мыслей. — Надеюсь это не последний лук в твоём племени. Мне хотелось бы получить один из таких. А ещё... Я слышал о великой ценности эльфов — мелорнах. Говорят, что у вас есть сад таких деревьев. Мне бы хотелось взглянуть на это чудо.

Глаза Голендила раскрылись от удивления при упоминании лука, и ещё больше при упоминании о мелорнах. Он застыл с выражением удивления на лице и пребывал в нём некоторое время. Сглотнув ком в горле, он проговорил.

— Ты меня удивить. Лук, конечно, не последний, а наши мастер сделать ещё, даже для тебя. Но зачем? Ты пользоваться посох. Эта часть плата мы дать. А мелорн... — Он потрогал пальцами переносицу, после чего рука скользнула на подбородок и потёрла его. — Мелорн больше нет. Сад погибать после битва с орки. Мы показать тебе место сад.

— Погиб ваш священный сад? И вы не пытались восстановить его?

— Это место горя для любой эльф. Мы не ходить туда.

— Ну, хотя бы глянуть на место бывшего сада. — Я печально усмехнулся. — Будет что вспомнить. Никто из людей никогда не видел даже этого. Буду единственным. А про деньги...

— Мы дать десятую часть с добычи от война с орки с момент твой приход к нам и до твой уход от нас.

Деньги меня в тот момент волновали меньше всего. Больше я интересовался проблемами своей чести и совести. Если имперский суд решит меня казнить, то мне они будут не нужны. Но до этого ещё надо дожить. Путь домой долг, и не факт, что мне удастся вернуться. Внутренним нутром я понимал правильность своего поступка. Но у этой правильности был вкус горечи позора и гнили предательства в купе с тленом отвращения. Я принял решения помочь эльфам, но счастливым это меня не сделало. Можете считать, что я смалодушничал, цепляясь за свою никчемную жизнь. Ваше право так думать. Но вы не жили среди этого погибающего народа, не смотрели им в глаза. Вы не были на моём месте. Я мог позволить им умереть и остаться чистеньким перед законами людей. Но я не мог бы потом жить с таким грузом на своей совести. Кости брошены. Случилось то, что случилось. Я подошёл к скамейке, на которой лежал мой заплечный мешок, и вытащил из него коробочку с книгами и волшебной палочкой.

— Голендил, ты умеешь рисовать? — Спросил я, не оборачиваясь.

— Меня учили раньше. А зачем ты спрашивать?

— Будет лучше, если схема заклития будет исполнена твоей рукой, рукой эльфа. Тогда

будет меньше улик.

Я обернулся и заметил, что Элентитта смотрит на стол, на котором лежала моя книга по магнетизму.

— В той книге нет магических заклятий. — Сказал я, обращаясь к ней. — Да и эльфы не станут использовать заклятия людей. Если не будут уверены, что это заклятия эльфов. Или будут считать, что они эльфийские и возвращены эльфам людьми. — Я перевёл взгляд на Голендила. — Это ещё одна причина, чтобы сделать схему заклятия твоей рукой. Пусть остальные думают, что заклятие восстановил ты сам, по памяти.

Подойдя к столу, я безошибочно вынул из коробки уменьшенную книгу «Общие заклинания» и волшебную палочку. Именно в эту книгу я тогда переписал башенные заклятия. Чистые листы пергамента уже лежали на столе. Взяв в руки волшебную палочку, я мысленно сосредоточился, восстанавливая связь с ней. Схема заклятия сама всплыла в моём мозгу. Не потребовалось даже заглядывать в кольцо. Направив палочку на уменьшенную книгу, я проговорил.

— Энгоргио.

Я увидел, как молекулярные связи стали расслабляться, принимая своё изначальное положение. Спустя малое число времени Книга приняла свой изначальный размер. От нахождения в уменьшенном состоянии она нисколько не пострадала. Расстояние между молекулами было столь мало, что в него не проникала вода и различные вредители. Мне нравилось это заклятие. Жаль, что его нельзя было использовать для длительного хранения вещей. Через некоторое время сила заклятия истекла, и предметы возвращались к изначальным размерам. Пришлось раз в тридцать дней снимать заклятие с книг и накладывать его по-новому. Раскрыв книгу «Общих заклинаний», я нашёл нужную страницу и уложил книгу на стол. Придвинув чистый лист и уложив закладку, я пригласил Голендила к столу. Тот подошёл ко мне, глянул на стол и проговорил.

— Писчие листы люди. Возьмём наши, так лучше.

Вынув из складок плаща небольшой кожаный тубус, он раскрыл его и извёл из него на свет несколько листов пергамента. Даже одного взгляда было видно, что их пергамент лучшего качества, чем наш. Тоньше и плотнее. Отличался он и размерами. Людские пергаменты стараются делать ближе по форме к квадрату. Эльфийский пергамент по форме более вытянутый, предназначен скорее для хранения на катушках.

— Ношу для деловые письма и документы. — Ответил он на незаданный вопрос.

Так началась наша авантюра. О том, что это авантюра, мне стало известно немного позже. Голендил также рисковал, как и я. Если бы эльфы узнали о его договоре со мной, то его вполне могли обвинить в предательстве и сговоре с вероятным врагом. Ведь договора между нашими государствами не было. А уж за обещание мне эльфийского магического лука и похода в Священную рощу, его ждал смертный приговор без всяких оговорок. Но в тот момент он поставил жизнь своего народа выше своей собственной. От себя лишь добавлю — я рад, что участвовал в той удачной авантюре.

Мы занавесили окна плотной тканью и приступили к перерисовыванию схемы заклятия. Голендил переносил элементы рисунка на свой лист линию за линией. Он вполне уверенно пользовался моими чертёжными инструментами, хотя и признавал, что наши меры измерения для него неудобны, непривычны. Эльфийский народ пользовался своими собственными мерами измерений и массы. Но это не мешало ему быстро адаптироваться к нашим мерам. Каждую надпись на схеме приходилось переводить на эльфийский язык, что

вызвало немало трудностей. Приходилось долго объяснять значение некоторых терминов. Это затягивало процесс работы. Сегодня тяжело поверить, но тогда, объяснив Голендилу эту схему, я лучше понял её сам. До этого мне приходилось использовать её как пользователю, теперь я стал понимать принципы работы этого заклинания. К своему стыду должен признать, что Голендил понял эти принципы раньше меня. Время шло. Элентитта сначала спокойно сидела и наблюдала за нами. Но скоро ей это наскучило. Было видно, что такие схемы для неё сложны и непонятны. Она стала откровенно засыпать. Она поднялась и стала прохаживаться по комнате. В какой-то момент она присела на мою кровать. Момента, когда она уснула, мы не заметили. Просто дав себе отдых от работы, увидели её спящей в одежде на моей кровати. К тому моменту мы были достаточно уставшими. Видимо это и повлияло на мой несдержанный язык. Обычно я себе не позволял такие глупые выражения. И стараюсь шутить культурнее. Увидав её спящей на моей кровати, я проговорил.

— Надеюсь меня не обвинят в растлении малолетней.

И только потом сообразил, что она может быть много старше меня по возрасту. Не оборачиваясь, Голендил отозвался.

— Воспитаем как своего.

Я ошарашено повернулся к нему. Он смотрел на меня совершенно серьёзно, но недолго. Его лицо растянулось в улыбке. Он засмеялся. Смех был весёлым и заразительным. Не смог устоять и я. И через мгновение смялся. В первый раз в жизни я видел смеющегося эльфа. Вы можете не верить, но именно в тот момент и началась наша дружба. Элентитта пошевелилась на кровати, но не проснулась. Мы работали ещё долго. Было уже далеко за полночь, когда работа была закончена. Снизу, под схемой Голендил дописал принципы настройки на артефакт, которыми пользовался я лично.

Пора было расставаться. Голендил поднялся из-за стола и потянулся. Он выглядел неважно, как может выглядеть человек после бессонной ночи. С поправкой, что это эльф. Он подошёл к кровати и потряс Элентитту за плечо. Она открыла глаза. Некоторое время она бессмысленно смотрела на него. Потом в её глазах вспыхнуло беспокойство. Она резко встала и зашаталась от такого быстрого перехода в вертикальное положение. Голендил поддержал её за плечо. Он заговорил по-эльфийски. В тот момент у меня не было желания вникать в их разговор. Они стали собираться. Голендил свернул просохший лист пергамента в рулон и спрятал в свой кожаный тубус.

— Люмус.

Засветил я наверху посоха. Они на некоторое время замерли, разглядывая работу этого заклятия. Это меня удивило. Оба были знакомы с этим действием. Многие видели, как я его использую, по крайней мере Элентитта точно была с этим заклятием знакома. Позже Голендил рассказал мне, что ни наш договор, ни переписанная схема заклятия не произвели на него впечатления. И только когда я зажёл свет своего посоха, на него снизошло понимание, что начинается новый этап их жизни. Я проводил их до двери. Вернулся к столу. Что-то меня беспокоило. Да! Книга. Вынув палочку, я взял в руки книгу и закрыл её. Направив на книгу палочку, я сконцентрировался на заклятии. Кольцо не потребовалось.

— Редуцио.

Книга сжалась и уменьшилась на моих глазах. Я вложил её в сумку. В тот миг меня мало интересовала награда за сделанное. Оставшись один, я вновь стал испытывать все свои страхи и сомнения. Погасив свет лампы, я лёг в кровать.

— Теперь они знают, что у меня целая книга с заклятиями. Но воспользоваться они ими

не смогут без моего согласия.

Проговорил я, лёжа в кровати и проваливаясь в сон.

Следующие три дня я не видел ни Элентитты, ни Голендила. Я продолжал ходить с лекарями по Роцце исцеления от одного домика к другому, излечивая раненых. Лишь много позже мне стало известно, что на второй день после нашей ночной авантюры, Голендил сообщил на совете, что восстановил по памяти одно древнее эльфийское заклятие. Пояснил, что это заклятие должно позволить ему настроиться на магический артефакт. Между ним и главным жрецом культа Галеана возникла перепалка. Чтобы окончить ссору, Совет постановил Голендилу провести обряд. На это Голендил согласился. По настоянию главного жреца это должно было произойти на главной площади города. Голендил пришёл на площадь в сопровождении своего клана и с Элентиттой. Воспользовавшись длинной линейкой и угломером, он долго чертил большой пактакль. Встав в центр этого пактакля, он достаточно долго проводил обряд. Все начали терять терпение, когда из концов его лука посыпались искры, а сам лук озарило свечение. Руки Голендила устало опустились. Он тяжело дышал. Главный жрец стал кричать на него, обвиняя в дешёвых фокусах и шарлатанстве. На это Голендил просто натянул свой лук и выстрелил в сторону дерева, стоящего недалеко. Раздался треск и с дерева вниз пала опалённая птица. Ветка на этом дереве в месте поражения обуглилась. Натянув лук ещё несколько раз, он стрелял в это место до тех пор, пока ожоги не затянулись, а ветка не покрылась молодыми листьями. На площади наступила тишина. И в этой тишине отчётливо прозвучали слова Голендила, обращённые к жрецу.

— Я знал, что ты шарлатан. Настоящий жрец с первых же линий мог бы узнать схему древнего ритуала, с помощью которого наши маги настраивались на магические жезлы и луки.

После этого, осторожно ступая через линии, в пактакль вошла Элентитта. Она была заранее обучена проводить такую настройку. Они встали с Голендилем лицом к лицу. Голендил убрал свой лук в налуч и обхватил жезл Элентитты поверх её рук. С его помощью обряд прошёл намного быстрее. Его окончание было обозначено её стоном и выбросом магических искр из навершия жезла. Они оба покачнулись. Родственники Голендила подбежали к ним и увели с площади. Сразу же появились представители клана Голендила и мётлами смели с площади рисунок пактакля. Этот акт политического противостояния выиграл Голендил.

Позже я узнал, что главный жрец храма Галеана был основным противником Голендила в Совете города. Именно он больше других настаивал на том, чтобы меня изгнали из города. Вокруг него собралась сильная партия радикалов. А положение Голендила в Совете покачнулось после предложения дать мне кров. Его желание поступиться древними традициями ради выживания народа, едва не стоило ему места в Совете и влияния. Но этот эпизод политической борьбы Голендил выиграл. Жрец же стал терять свой авторитет. Согласно их традиций, именно этот обряд являлся негласной прерогативой жреческого сословия. Его утеря стало большой трагедией для их народа. Теперь для подключения к жезлу им предстояло идти на поклон к Светлым эльфам. А это означало конец государства Тёмных эльфов. Ставило Тёмных эльфов в зависимость и подчинение от своих Светлых собратьев. До сих пор гордость и приверженность традициям не позволяло это сделать, но время шло. И чем дальше это продолжалось, тем больше становилось ясно, что гибели и

подчинения не избежать. В этот день Голендил смог преодолеть этот кризис и дал королевству Тёмных эльфов надежду на восстановление. Восстановив это заветное, он автоматически становился претендентом на должность главного жреца Храма Галеана. Такая демонстрация превосходства сразу избавила Голендила от большинства противников. Конфликт из политического противостояния перешёл в неприязнь двух представителей жречества. И, тем не менее, Голендил продолжал терять влияние в совете. Но увеличил своё влияние среди представителей жречества и магического сообщества. Многие кланы стали обращаться к Голендилу и его клану с просьбой настроить их магов на магические жезлы и луки. Начались переговоры. Голендил предложил собрать все заветные кланов в единый сборник, мотивируя это тем, что за время войны многие заветные были утеряны. И для увеличения возможности магов нужно было расширить их познания. Заветные требовалось объединить, чтобы вернуть магическое могущество. Голендил обещал, что каждый клан получит такой сборник в своё пользование. Кланов одновременно соглашались и противились данному соглашению. Желание усилить своих магов было сильным и необходимым для выживания. Но отдавать свои секреты было противно их традициям. Они боялись быть обманутыми. Голендил сильно рисковал. Раньше в королевстве практиковался единый набор заветных, утверждённый королевским приказом. Остальные заветные были секретом самих кланов, давая им особые возможности и индивидуальность. Проблема была в том, что почти все заветные из общего набора были утеряны. Либо сохранились в отдельных кланах. Голендил пытался восстановить этот набор, собрав его из различных источников. Но объяснить это остальным было тяжело. Раньше такими вопросами занимались жрецы. Но нынешний верховный жрец больше занимался большой политикой и достижением власти, чем своими прямыми обязанностями. По этой причине Голендила и стали воспринимать как лицо жреческого сословия, хотя и не облечённое в сан. Он терял политическое влияние в городе, обретая влияние религиозное. Его советы в гражданской сфере стали терять свою силу. А конфликт с главным жрецом храма Галеана, почувствовавшим, что его власть уходит от него, стал только обостряться. Замышляя эту авантюру, Голендил не рассчитывал на такой результат.

На третью ночь в дверь моего домика постучали. На этот раз я поступил мудрее, чем в прошлый раз. Не задавая вопросов, я активировал второе видение и осмотрел пространство вокруг дома. Почему я не делал этого раньше? Вокруг на несколько сотен шагов не было никого, кроме двух эльфов в плащах у двери моего домика. Присмотревшись к их ауре, я узнал Голендила и Элентитту. Засветив наверху своего посоха, чтобы не носить с собой светильник, я спустился вниз. Для приличия задал вопрос, уже находясь возле двери.

— Кто пришёл ко мне в гости?

— Меллин!

Раздался из-за двери голос Элентитты. Не ожидая подвоха, я раскрыл дверь домика. На улице было темно, но в свете звёзд я разглядел силуэт Голендила, стоящего напротив двери с натянутым луком. Древко магической стрелы светилось голубоватой полоской, натянутой между пальцами правой руки и рукоятью лука. Наконечник стрелы светился, переливаясь, желто-красным светом. И этот наконечник смотрел прямо на меня. Я замер. Мыслей не было. Я просто ждал продолжения ситуации.

— Я знать, что ты оценить. — Он медленно отпустил тетиву, и стрела сначала погасла, а потом исчезла. — Я тоже оценить. Я чувствовать себя вновь молодой.

Мой посох давал достаточно света, чтобы разглядеть его лицо. Он широко улыбнулся.

— Мы пришли с миром. Ты пустить нас в дом.

Всё ещё находясь в шоке от увиденного, я пропустил их в дом. Они прошли и сразу же закрыли дверь.

— Вы чего-то боитесь?

— Лишние глаз.

— Можете расслабиться. Вокруг на много сотен шагов нет никого.

Они не стали спрашивать, откуда я это знали. Кивнув мне, они прошли наверх. Ещё раз глубоко вдохнув и выдохнув для успокоения нервов, я прошёл следом за ними. Когда я поднялся на второй этаж, они уже придвинули скамейки ближе к столу и присаживались на них. По традиции занавесив окно плотной тканью, я присел к столу рядом с ними, прикрыв книгу по «Ясновидению». «Магнетизм» я закончил переписывать днём раньше.

— С чем пришли, уважаемые, в столь поздний час? Опять какая-нибудь афёра?

Голендил улыбнулся ещё шире.

— Быстро ты понимать нас! Будет здесь и афёра и награда, как обещал.

С этими словами он широко распахнул свой плащ и извлёк из него налуч, в котором был вложен лук без тетивы. На мгновение я замер, глядя на это чудо. Второе видение, включенное мною, подтвердило, что это магический лук. Голендил положил лук на стол. Что-то было в этом луке не так. Приглядевшись, я удивленно взглянул на Голендила.

— Почему у этого лука тетива должна натягиваться с другой стороны, в отличие от твоего?

Его лицо вытянулось от удивления. Я вынул лук из налуча, взял руку и показал, как я буду из него стрелять. Лицо Голендила перекошилось от смеха. Он прыснул. Повернувшись к Элентитте, он проговорил, содрогаясь от смеха.

— Е тинкс и стригх ис драйн о сен сиде (Он считает, что тетиву натягивают с этой стороны)

Лицо Элентитты вытянулось от удивления. Она посмотрела на меня. Её лицо опять сменило эмоцию с удивления на смех. Следующие несколько минут они с удовольствием смеялись. Они смеялись то успокаиваясь, то снова погружаясь в смех, как человек, переживший сильное эмоциональное напряжение, и теперь эмоции прорвались наружу. Казалось, что покажи я им палец, и они полягут от смеха. Я терпеливо ждал объяснений. Наконец, Голендилу удалось взять себя в руки.

— Давно меня не могли так рассмешить. Не в обиду тебе. У людей такой лук нет. Ваш лук большой и прямой. Наш лук сложный. Когда снять тетива, его рога загибаться в обратный сторона.

Он достал из налуча свой лук и показал мне. После чего накиннул на свою ногу и, выгибая лук вокруг своей ноги, снял с него тетиву. При этом один рог лука был зажат у него в правой руке, а второй рог оказался зажат между его ног на уровне коленей. После чего плавно отпустил его. Взяв его в руки, он вытянул его вперёд. С удивлением я заметил, что рога его лука изогнулись вперёд, как и у моего.

— Из-за этого наш лук короче при той же сила. Его легче носить. И хранить его надо без тетива.

Вновь продев лук между коленей, он плавно стал изгибать его в обратную сторону, пока лук не принял своего нормального боевого положения. Только после этого он вложил лук в налуч.

— А теперь афёра. Я придти просить научить Элентитту заклятие лечить. Именно просить. Понимай, дать больше ничего не могу.

Я пожал плечами.

— Семь бед — один ответ. Плата и так велика. Просьбу выполню. Научить тоже могу. Но нужно рисовать ещё одну схему. Без этого научить тяжело.

Было видно, как расслабилось тело Голендила. Он заговорил с Элентиттой. Её лицо тоже расслабилось от напряжения. Без лишних слов я поднялся и направился к своей заплечной сумке. Достав коробочку с книгами, я направился к столу. Из неё я достал и увеличил книгу «Общие заклинания». За столом уже сидел Голендил и разворачивал на нём лист пергамента.

Закончили мы уже за полночь. Это заклятие было проще предыдущего, но требовало большей практики. О чём я и сообщил присутствующим. В этот раз Элентитта не ушла спать. Она активно принимала участие в изучении заклятия, выполняя все циклы посреди комнаты пока Голендил занимался перерисовыванием. Я успевал наставлять обоих. Наконец, объяснив Элентитте её ошибки, совершенные в прошлый раз. Как и у меня, на этот раз энергия её посоха колебалась, но не выплёскивалась. Я успокоил Элентитту, сказав, что это нормально. Нужна практика.

— Когда отправимся в Святую Рощу?

Спросил я, когда они стали собираться домой. Голендил замер на мгновение и проговорил, поморщившись.

— Скоро. Всё равно надо туда идти, если на меня теперь вешать обязанность верховный жрец.

Я приподнял бровь от удивления.

— Не знал, что ты церковник.

— Не мой желание. То, что я делать — это работа верховный жрец. Вот они и пытаются меня сделать он.

— Расскажи.

Голендил задумался.

— Хорошо.

Он вновь присел за стол. Рассказ занял почти час, с уточнениями и дополнительными вопросами. Только слушая его, мне стало понятно, какие страсти кипят в этом городе из-за моего появления в нём. Даже проводив своих гостей и расположившись в кровати, я продолжал об этом думать. Моё появление нарушило тихую жизнь этого города. Подвергло сомнению старые устои. Пошатнуло власть местных вождей. Оставалось лишь удивляться, что дело не дошло до моего физического устранения. С этого момента нужно вести себя осторожнее. С такими мыслями я провалился в беспокойную дрему, которая с некоторых пор заменяла мне полноценный сон. Даже в домике эльфов в Роще исцеления я не чувствовал себя в безопасности. И теперь понимал почему.

Начались будни. Утром ко мне заходила Элентитта с лекаркой, и мы отправлялись на прогулку по Роще исцеления. Наш маршрут, как и прежде, лежал от домика к домику. С каждым днём раненых становилось всё меньше и меньше. Однако новые раненые не переставали поступать. Это говорило о том, что эльфы продолжали вести бои с орками на своей территории. Об этом я догадался по тому признаку, что раны были свежие, не запущенные. Такое могло быть лишь в том случае, если от места боя до Роши исцеления было не очень большое расстояние.

Я продолжал практиковаться в изучении заклятия дистанционного лечения без погружения в плоть больного. С каждым разом мне это удавалось с большей лёгкостью и меньшими потерями энергии. Каждый день Элентитта продолжала тренировать свои навыки. Мой опыт говорил, что изучить первое своё заклятие — самое тяжёлое дело. Остальные заклятия даются легче. Они ложатся на первичный опыт. Поэтому в Академии нас заставляли в первую очередь изучать самые простые заклятия. Дальнейшее обучение шло по пути усложнения. Но и мы были меньше и ростом и возрастом. Меньше понимали. Элентитта была старше, опытнее. Необходимость заставляла нас начинать не с простого, а с необходимого. Это усложняло обучение. Но упрямства Элентитте было не занимать. Она раз за разом, день за днём повторяла одни и те же движения, совмещая дыхательные циклы, положение тела и жезла, волевой импульс по выделению энергии и приданию её формы. На её лице отражалась злость. Эту эмоцию она стала проявлять сразу, как только ей удалось совместить все элементы заклятия. Глядя на неё, в голове всплывали слова Голендила, переведённые с моих наставлений.

— На ахиеве и еруй снях на тур, иоу бяр на бе верь. Рен иоу вилл леарн на ехеди а сплах на тур пен ресотиг на рут. Мут и еруй сплах ис ахиевед нед три негативить. (Чтобы добиться первого выплеска силы, тебе надо сильно разозлиться. Потом ты научишься делать выплеск силы, не прибегая к злости. Но первый выплеск достигают только через негатив).

Я стал хорошо запоминать слова и фразы, сказанные на эльфийском. После я понял, что так происходит всегда, когда тесно общаешься с носителями языка. А уж этого у меня было в избытке. Я так и не научился говорить на их языке чисто, но стал их хорошо понимать. Настолько, что отвечал на вопросы, не дожидаясь перевода на свой язык. Я ожидал у неё выплеска энергии из жезла со дня на день.

Через две недели нашего «полка» прибыло. В Рошцу исцеления привели группу молодых эльфиек с жезлами. В то утро я, как всегда, ожидал Элентитту с лекаркой. Когда раздался стук в дверь, я уже был собран и готов к выходу. Не утруждая себя осмотром вторым зрением окрестностей, я взял посох и стал спускаться вниз. Открыв дверь, я увидел перед собой группу женщин. Ситуация шокировала меня. Я оказался к этому не готов. Приход Элентитты и лекарки стал для меня чем-то обыденным, домашним. Я расслабился. Поэтому даже не готовился к приходу гостей. Даже не привёл себя в порядок. Моя одежда и поведение отражали мою небрежность в отношениях, что, по моему мнению, было недопустимо в отношениях с незнакомыми людьми. Я испытал некоторую неловкость. Моё тело впало в ступор, из которого я вышел спустя несколько мгновений.

— Йоу коулд гаро... варнед нин (ты могла предупредить меня) — проговорил я, обращаясь к Элентитте. — Я бы хоть привёл себя в порядок.

Несмотря на то, что я произнёс последнюю фразу на языке людей, они её поняли. Раздались обидные для меня женские смешки. В расстроенных чувствах я вышел за дверь и прикрыл за её собой. Даже спиной я чувствовал на себе заинтересованные взгляды этих эльфиек. Стараясь не обращать на это внимание, я прошёл сквозь их толпу по тропе. При этом я даже не додумался поздороваться с лекаркой и Элентиттой. Настолько я тогда был расстроен. Толпа женщин расступалась передо мной и смыкалась за моей спиной. Я прошёл немного по тропе, прежде чем смысл происходящего дошёл до меня. Повернувшись, я произнёс.

— Да я забыл поздороваться. — Собравшись с мыслями, добавил. — Хэеалт а просперити на иоу нуйн ин тяр (Здоровья и процветания вам под сенью леса).

Поклонившись, я развернулся и отправился дальше по тропе. За спиной слышались голоса, сказанные приглушённо.

— Веи дид каротат (почему он так поступил)?

— Ве дидныт варн еим (мы не предупредили его) — раздался голос лекарки. — Еайн бай тио на каротат (похоже у них так не принято)... мен тоо (у нас тоже). Ис упсет (он расстроен).

— Нин фялт (моя вина) — раздался голос Элентитты — ве фаллоу (идём следом).

Раздался звук множества шагов, идущих за мной. Чтобы сгладить настроение в группе, я обернулся и, улыбнувшись, сделал приглашающий знак следовать за мной. Женщины ускорились и скоро догнали меня. Они выглядели весьма молодо, но я понимал, что почти все они много старше меня. Мы продолжили путь по тропинке все вместе. Путь до следующего домика занял некоторое время. За время пути меня посетила мысль, что Голендил всё-таки смог договориться с главами родов о предоставлении заклятий в общий архив. Он делал свою работу. За этими размышлениями мы и дошли до места нашей работы. Внутри нас поджидало одиннадцать раненых бойцов. Все они были молоды, по эльфийским меркам. Сняв меховые плащи внутри помещения, мы расположились вокруг. Элентитта обратилась ко мне, медленно и отчётливо произнося слова.

— Хэиал мин хэарн афадон (излечи одного способом людей), — Она говорила, глядя мне в глаза и жестикуюлируя — а и отер мин едхил (а второго методом эльфов).

После недолгих размышлений я кивнул головой. Пора было начинать. Взяв в руки посох,

я направился к столу. За спиной послышались женские шепчущиеся голоса.

— Е уддерстадс ноз лам (он понимает наш язык)?

— Иес, бут спаакс бадль (да, но говорит плохо). — Раздался голос лекарки. — Дин плеасе. Тирио карефулли. (Прошу тишины. Смотрите внимательно)

Следом послышался голос Эллентитты.

— Сее еден кенед. И мост атарастиг над вилл хэаттен еннас. (Смотрите вторым зрением. Самое интересное будет происходить там).

На стол уложили раненого бойца. Моё второе видение подсказало мне, что он получил ранение в грудь. Удар копья (было очень похоже) пробил кожу и мышцы груди и сломал несколько рёбер, но дальше не прошёл. Раненый не мог шевелить руками и сильно страдал во время дыхания. Он дышал не глубоко, и сопровождение его до этого стола вызвало у него приступ боли и одышку. Лекарки осторожно сняли с него рубашку и уложили на стол. Руки больного были подвешены на перевязи. Эльфийский воин был достаточно рослым и хорошо сложенным. Мы вынули его руки из перевязи и уложили вдоль тела. Рядом послышался тихий говор.

— Ис маэр (а он хорош).

— Имьл гаро ма меет хэим аб (надо с ним потом познакомиться).

Следом послышались тихие смешки. Я поднял глаза в сторону этих шутниц и, постаравшись придать своему взгляду грозный вид, постучал костяшкой указательного пальца по столу. За их спиной беззвучно появилась одна из лекарок и, схватив обоих за их заострённые ушки, притянула к себе. Послышалось рассерженное шипение. Шутницы стусевались. Я вновь повернулся к раненому. Пора приступать к лечению.

Вторая лекарка подала миску с водой и плавающим в ней платком. Этим платком мы в четыре руки стали размягчать повязки вокруг раны. Постепенно повязки размокли, и я приподнял воина за плечи, а лекарка стала разматывать тканевую полосу. Вокруг стояла тишина. Когда мы сняли последний слой ткани, я уложил воина на стол и отошёл в сторону, чтобы дать ученицам возможность разглядеть рану внимательнее. Сразу после этого раздался звук падения тела на пол. Я поднял глаза. Одна эльфийка лежала на полу. Остальные стояли бледные, в состоянии близком к обмороку. Некоторые сдерживали рвотные порывы. Я вздохнул. Они ещё держались молодцом. Когда при нас впервые проводили лечение и показывали нам раны, число упавших в обморок было большим. Пора было продолжать.

Бой, в котором участвовал воин, происходил недалеко отсюда, поэтому его почти сразу доставили в Рошчу исцеления для лечения. Рана была почти чиста, но её также следовало очистить от грязи и заражения прежде, чем проводить лечение. Но сначала надо было обездвижить воина, чтобы он не стал брыкаться при оказании помощи. Я снова взял в руки посох и направил на него.

— Петрификус тоталус!

Тело воина дёрнулось и замерло. Рядом раздалось возмущённые голоса эльфиек и грозный оклик лекарки, призывающий к тишине. Но мне некогда было отвлекаться. Это заклятие имеет свою продолжительность действия. Требовалось успеть до конца его действия. Мне подали чашку. Взяв её в левую руку, я отставил посох и вновь наклонился над раной. Включил второе видение. Грязь в ране предстала перед моим взором как тонкая плёнка тёмной дымящейся слизи. Пальцами правой руки я прикоснулся к донцу чашки. Обряд начался. Я видел, как от донца чаши и до моих пальцев протянулась светлая полоса

энергии. Стараясь не совершать резких движений, я потянул эту полосу клужице слизи. Казалось, будто я размазываю пальцами белую краску по поверхности, вот только этой поверхности не было. Полоса тянулась по воздуху. Осторожно я прикоснулся грязевой плёнки. Я сделал усилие и мысленно потянул грязь из тела раненого. Пары слизи прилипли к белой полосе. Я усилил тягу. Гниль начала перетекать из тела в чашу. Я отчётливо видел все поврежденные ткани. Я стал расслаивать тело, переводя гниль в энергетическую оболочку из физической формы. Потеряв связь с физической оболочкой, гниль стала обильно вытягиваться из тела и по белой полосе перетекать на дно чашки. Покинув тело, гниль снова переходила в физическую составляющую. Вокруг стал распространяться слабый запах гниющей плоти. С каждым мгновением запах усиливался. Было видно, как скривились и ещё больше побледнели лица эльфиек. Но упавших в обморок не было. При этом пришла в себя первая эльфийка.

По мере удаления паразита из тела раненого бойца, аура воина менялась от синевато-серой до сине-красной с серыми участками. Воин испытывал боль. И чем дальше, тем больше. Его лицо перекосилось от испытываемой боли. С уголков губ по щекам потекла слюна. Глаза приобретали бешенное, затравленное выражение, но звуков он не издавал. Когда красного цвета стало много, он стал отделяться от тела и пульсирующими каплями утекать в пространство. Человек терял энергию. Не ослабляя тяги, я создал ментальную сеть и набросил на воина. Энергию следовало собрать и использовать.

Постепенно чаша наполнялась жидкостью с плавающими в ней каплями крови, гноя и кусочками отторгнутой плоти. Настал момент, когда последние капли грязи покинули тело воина и упали в чашу. Полоса втянулась туда же. Теперь можно было убрать чашу подальше. Чашу я отдал лекарке. Она унесла чашу от стола, намеренно пронеся её мимо эльфиек-учениц. Их лица скривились, было невероятно, что они ещё стоят на ногах. Лекарка сполоснула чашу водой, слила содержимое в ведро. После протерла чашу тампоном, смоченным в растворе щёлочи.

Обе мои руки были свободны. Одну из рук я наложил на грудь больного чуть выше раны. Слегка надавил, чтобы отвлечь его внимание от моих действий. Теперь я должен проникнуть в плоть раненого, переведя свою руку в энергетический спектр. Процедура крайне неприятная, как для воина, так и для меня. В определённой степени болезненная для нас обоих. Глядя на свою руку вторым видением, я стал переводить руку в энергетический спектр. Казалось, будто плоть перетекает из этой реальности в параллельную. Плоть руки истаивала в физическом мире до тех пор, пока не осталась лишь её видимость. Рука, перешедшая на энергетический уровень, стала немедленно менять оттенок своей ауры с голубоватого на красный. Ощущение было такое, будто руку поместили под горячую воду. Рецепторы руки стали испускать сигналы боли. Теперь надо было погрузить руку в тело раненого и завершить лечение как можно быстрее, сократив агонию для себя и него. Я стал вводить руку в тело больного. Для начала нужно было срастить кости. Второе видение позволяло мне видеть обломки костей. Я настойчиво повёл руку к ним, намериваясь пальцами прикоснуться к ним. На всём протяжении движения моей руки в его теле, аура плоти больного менялась на красную. Я старался сделать работу быстрее. Как только я закрепил полосы к намеченным местам, сразу же стал выводить руку из плоти. Теперь требовалось стянуть сломанные кости вместе и одновременно придать им то положение, которое они должны занимать по решению природы. Я напрягся изо всех сил. Белые линии стали утолщаться. Сначала они натянулись как канаты, а после стали сокращаться в длину,

одновременно увеличиваясь в ширину. Я неукротимо сжимал белые полосы. Наконец концы сломанных костей соединились вместе. Теперь они выглядели так, как им положено. Белые полосы превратились в сплошные белые пятна, размазанные по местам стыков. Теперь требовалось их срастить. Магическая связка не вечна.

Я направил своё внимание на рой красных капель боли, плавающих в моей ментальной сети. Их количество явно прибавилось. Надо было их использовать. Я усилием воли потянул их к себе, создав мысленную дорожку к ране. Я задал программу и наблюдал, как она исполняется. Видел, как белковые волокна укладываются вдоль соединений магических связей, заполняя травмированную зону. Красные капли боли врывались в рану и впитывались тканями.

Мне пришлось ещё дважды погрузить руку в тело раненого. Один раз для того, чтобы срастить связки и мышечные волокна, другой раз — стянуть кожу. На груди воина образовалась тоненькая извилистая ниточка шрама.

Я почувствовал усталость. Взяв в руки посох, я направил его на воина и снял заклятие умиротворения.

— Фините Инкантатем.

Воин сразу стал двигаться. Лекарки подняли излеченного воина со стола на пол и, поддерживая за руки, стали надевать на него рубашку. После чего повели его на второй этаж. Ему предстояло ещё несколько дней провести в этом домике до полного излечения. Проводив его взглядом, я осмотрел учениц-эльфик. Мне требовался отдых. Им он нужен был ещё сильнее, чем мне. Махнув рукой в сторону двери, я проговорил.

— Пост (отдых) — и покачав отрицательно головой и указательным пальцем, направленным вверх, добавил — аво внанн (не долго).

Эльфийки как будто только этого и ждали. Они толпой двинулись в сторону двери, создав в дверях давку. Постепенно они выбрались на улицу. Я выходить не стал, а присел на лавку возле стола. Надо было дать остыть своему мозгу. Нет, меня утомило не лечение. Больше всего на меня давили их отрицательные эмоции. Эманации отвращения, страха, ужаса происходящего, сильное сопереживание чужой боли. Это и хорошо и плохо. К чужим страданиям они потом привыкнут. Их сопереживание выльется в необходимую жестокость, сокращающую страдания больного. Эмоции перестанут быть такими острыми. Но это потом. Сейчас выплеснутый негатив их эмоций сильно давил на мой мозг, мою психику. Я стабилизировал дыхание и закрыл глаза. Постарался отключить все чувства и внешние раздражители. Я считал вдохи. Очнулся я от прикосновения. Открыв глаза, я увидел лекарку, смотрящую на меня. Пора. Встав, я проговорил.

— Пора. — Сделав манящее движение в сторону двери, я добавил. — Зови их обратно.

Эльфийка не знала моего языка, но сразу поняла меня. Плавной походкой она дошла до двери и, раскрыв её, прокричала призыв войти внутрь эльфийкам, находившимся снаружи здания. Спустя некоторое время в комнату стали возвращаться ученицы. Их внешний вид значительно улучшился, но не до конца. Многие до сих пор были бледны и имели расстроенный вид. Было видно, что их представления о магии и лечебных заклятиях были частично разрушены обрушившейся на них реальностью. Это только в рассказах бардов и на картинках в книгах занятия магией выглядят изящно и красиво. Реальность жёстче и страшнее, а ещё отвратительнее. Рваные раны, запах гноя, испражнений и немых тел. Сильные эманации страха, боли и отчаяния. Знать об этом и видеть, чувствовать, обаять — вещи разные. А ведь маг прикасается к этому своими руками.

Подождав, пока вокруг стола соберутся все участники показа, я продолжил. Элентитта давала последние наставления. Она чувствовала себя весьма уверенно. Не только потому, что не раз присутствовала при моих процессах исцеления, но и имела бесценный боевой опыт применения подобных заклятий. Лица эльфиек стали напрягаться и морщиться, глаза приобретали соответствующий прищур. Они включали второе видение. Пора. На стол стали укладывать молодого эльфа. Его живот по диагонали пересекал неглубокий разрез от меча или топора. Этот разрез делился надвое на уровне пояса. Моё сознание нарисовало мне рубящий удар меча в бою на уровне живота. Этот удар должен был стать смертельным для этого воина, но его спасла пряжка ремня. Меч нарвался на пряжку и поэтому не нанёс глубокой раны, ограничившись длинным разрезом. Этого воина мне предстояло лечить «эльфийским» способом. Воин страдал от боли при перемещении его с носилок на стол. Но моё внутреннее естество почувствовало сильное чувство стыда. И когда с него сняли накидку, я осознал причину этого стыда. Под накидкой воин был обнажён. Полученная рана и наложенная повязка не позволяли надеть на него одежду. Он потерял много крови и не мог ни прикрыться, ни элементарно покраснеть. Но он был в сознании, и это причиняло ему душевную боль. Я почувствовал заинтересованные взгляды со стороны молодых эльфиек и нахмурился. Подняв глаза, я обвёл взглядом их лица, чьи взгляды были прикованы к раненому бойцу. Демонстративно кашлянув, не разжимая губ, и постучав костяшками пальцев о край стола, дождался внимания к себе. Проговорил.

— Тинк о... форт (думать о... работа).

После чего снова опустил глаза к раненому воину. Внутренним чувством я ощутил чувство неловкости от своих подопечных. Рядом зашевелились Элентитта и лекарки. Послышались приглушённые гневные голоса и оправдания. Пора приступать.

Элентитта заклятием остановила истечение крови из ран. Мне и лекаркам потребовалось время, чтобы снять с раненого повязки, не разрезая их. Взору открылось тонкое тело, рассечённое длинной неглубокой раной через весь живот от нижних рёбер левой стороны груди до центра живота и ниже от центра живота до правого бедренного сустава. Сустав, слава Всевышнему, был не повреждён. На удивление, рана была не сильно загрязнена. Видимо её промыли на поле боя прежде, чем наложить повязку, а текущая кровь вымыла остатки грязи. Это было только на руку нам.

— Пюг (чистая) — проговорил я, указывая на рану. — Клозе (закрывать).

Теперь надо было наложить на бойца путы умиротворения. Это было больше нужно для него, чем для меня. Направив посох на воина, произнёс.

— Петрификус Тоталус.

Воин вытянулся на столе и замер. После чего взял в руки посох и направил его наверх на живот воина. Я принял позицию, указанную в схеме. Сконцентрировался. Провел дыхательный цикл. Моё сознание расширилось. Мир стал изменяться. Цвета стали расплываться и потекли безумными красками. Цвет обрёл запах, а запахи обрели цвет. Я почувствовал пульсацию этого мира. Я плотно сжал губы, контролируя сигналы тела. Время.

— Вулнера санентур. — Проговорил я на распев. И, снова сделав вдох, повторил. — Вулнера санентур.

Мир вокруг посоха изменился. Энергия стала колебаться внутри него. Пора её выпустить и придать ей форму. Опыт дал своё, обошлось без злости. Энергия в посохе качнулась ещё раз и, будто прорвав плотину, выплеснулась из моего посоха наружу. Осталось придать этой энергии форму. Создал вокруг комка энергии силовые плоскости, я

сжал их, придав сырому комку энергии форму острого шипа. Вторым своим видением он казался мне лезвием кинжала, светящимся желтоватым цветом. Приложив усилие, я удлинил энергетическое лезвие кинжала и осторожно ввел острие в рану бойца. Физически ничего не изменилось, но тело воина дёрнулось от боли. Прикладывая усилия и напрягая второе видение, я повёл острие кинжала к разорванным тканям. Я настойчиво повёл острие к тканям тела, чтобы прикоснуться им к ним. На всём протяжении движения острия в его теле, аура плоти больного менялась на красную. Тело раненого забило в путах заклятия умиротворения. Прикоснувшись к концам разорванных тканей, я провёл между ними белые полосы. Как только я закрепил полосы к намеченным местам, сразу же стал стягивать их друг с другом. Я напрягся изо всех сил. Белые линии стали утолщаться. Сначала они натянулись как канаты, а после стали сокращаться в длину, одновременно увеличиваясь в ширину. Я неукротимо сжимал белые полосы. Наконец концы порванных тканей соединились вместе. Теперь они выглядели так, как им положено. Белые полосы превратились в сплошные белые пятна, размазанные по местам стыков. Теперь требовалось их срастить.

Я направил своё внимание на рой красных капель боли, плавающих в моей ментальной сети. Их количество явно прибавилось. Теперь надо было их использовать. Я усилием воли потянул их к себе, создав мысленную дорожку к ране. Я задал программу и наблюдал, как она исполняется. Видел, как белковые волокна укладываются вдоль соединений магических связей, заполняя травмированную зону. Красные капли боли врывались в рану и впитывались тканями. Я продолжал размеренно дышать и усилием воли выдавливать силу из посоха в лезвие энергетического кинжала. Вдох и заклинание нарастало.

— Вулнера санентур...

На животе воина образовалась тоненькая извилистая ниточка шрама. С меня обильно тёк пот. Возвращение сознания в наш мир было уже не таким болезненным как в прошлые разы. Сказывалась практика. Отвел посох от тела воина. Снял путы умиротворяющего заклятия. Освобождённый воин продолжал лежать на столе. Лечение вымотало его, и он неотвратимо стал погружаться в сон. Лекарка протёрла ему тряпкой живот, удаляя остатки крови и грязи. Раненого бойца подняли с поверхности стола и помогли встать на пол. На него накинули накидку и лекарка, держа под руку, повела его вверх по лестнице. Он откровенно засыпал, почти не отдавая отчёта самому себе о происходящем вокруг него.

На стол стали укладывать следующего бойца. Ранение было не сильным. Боец получил удар топором в плечо. И хотя кожаный наплечник сдержал большую часть удара, но от плеча и до центра груди теперь красовался длинный неглубокий разрез. Проблемой для него стала выбитая при ударе ключица. Чудо, что она выдержала. После того, как бойца уложили на стол, под его лопатку был подложен матерчатый валик. Надавив на плечевой сустав, мне удалось вправить ключичную кость на место, причинив воину сильную боль. Он вскрикнул и зарычал под моими руками.

— Тихо, тихо — проговорил я, пытаюсь успокоить его.

Воин стал стихать, успокаиваясь. Надо было выждать время. За моей спиной Элентитта отвела эльфиек в сторону и стала с ними беседовать. При этом она делала пасы руками и посохом. Видимо она объясняла принципы выполнения заклятия. Я старался не прислушиваться. Всё равно моего словарного запаса не хватало, чтобы понять всю её речь. Вместо этого я с помощью лекарки стал готовить бойца к операции. С него сняли повязки. Видимо топор был недостаточно чистым или на нём самом была одежда не первой

свежести, но рана уже начинала гноиться.

С помощью посоха я наложил на него заклятие умиротворения. Получив из рук лекарки чашу, я сконцентрировался и произвёл чистку раны от нагноений. Пора было проводить сращивание раны, но шум позади меня привлёк моё внимание. Громче всего звучал голос Элентитты, видимо убеждающий окружающих в правильности своих слов. Её перебил другой женский голос.

— Татс манн вере тавгет на пен и кант каро анитиг хаерселв (Этому нас учит та, которая сама ничего не умеет)!

Позади меня послышалось рычание, смешанное с шипением рассерженной кошки. Я обернулся, чтобы остановить возможный конфликт, но опоздал. Посреди комнаты стояли две эльфийки. Одна из них была Элентитта. Её лицо было разъярено и перекошено от злости. Вторая эльфийка стояла спокойно с высокомерным выражением лица. У обеих в руках были жезлы. Остальные эльфийки расступились по кругу, дав им пространство для противостояния. Моё второе видение было включено. В обоих посохах сила колебалась. Но если в посохе эльфийки она колебалась почти незаметно для глаза, то в посохе Элентитты колебания принимали опасную величину. В момент моего поворота из посоха Элентитты произошёл выплеск силы. Было ощущение, будто кто-то плеснул воды из ковша в воздух. Капли выплеснулись из навершия посоха и поплыли в сторону противницы Элентитты. Видимо, второе видение было включено у большинства эльфиек. Вместе с выплеском раздалась возгласы одновременно страха и удивления. Времени на размышления не было. Моё тело сработало быстрее разума. Вскинув посох, я вклинился между ними и прокричал.

— Протего!

Вокруг меня возник защитный полог. Вовремя! Выплеск энергии достиг полога, и на нем заплесали искры. Раздалось шипение как от масла на сковороде. Противница Элентитты оказалась за моей спиной. Увидав пляшущие искры перед собой, эльфийка попятилась и издала возглас страха. Её подхватили.

— Стоять! — Закричал я. После чего присовокупил ряд грязных слов, усвоенных мною на военной службе.

Лицо Элентитты выражало одновременно злость и удивление. Глаза как бы говорили — получилось. Этим надо было воспользоваться, закрепить результат и погасить конфликт.

— Элентитта! — крикнул я, привлекая к себе её внимание.

Когда она посмотрела на меня, я поманил её к себе пальцем.

— Иди ко мне — проговорил я грозно.

Она подошла ко мне деревянной походкой. В комнате стояла тишина. Ткнув пальцем в раненого бойца, я проговорил.

— Лечи! Э-м-м... трeat хэим (лечи его).

После чего отошёл в сторону, давая ей пространство. Она поняла, чего от неё ждут. Направив на раненого жезл, она сосредоточилась. На лице бойца отразилось беспокойство, которое стало усиливаться, когда он увидел выражение лица Элентитты. Оно стало принимать выражение неконтролируемой злости. Когда точка эмоционального накала достигла максимума, она произнесла.

— Вулнера санентур.

Нараспев и с шипением. Казалось, будто она не лечит его собирается, а покалечить. Было от чего пугаться. Энергия жезла качнулась и выплеснулась вовне, образовав на конце навершия целую струю силы. Элентитта сконцентрировалась. Заклятие стало

реализовываться. Рана стала стягиваться и зарастать. Энергия лилась щедро, буквально транжирилась. Воин испытывал боль, которая щедро изливалась вовне.

— Вулнера санентур.

Может она забыла или так произошло по неопытности, но она не стала набрасывать на растекающуюся энергию ментальную сеть. Энергия утекала вовне и растворялась в пространстве. Я создал свою собственную сеть и стал собирать энергию боли.

— Вулнера санентур.

На груди воина образовывался достаточно широкий корявый шрам. Эх, мало у неё опыта. Но это поправимо. Рана продолжала стягиваться на его груди. Элентитта почти дошла до грудины. Её лицо стало обильно покрываться капельками пота. Было видно, что она держится из последних сил на одном упорстве.

— Вулнера санентур.

Последний рубец был наложен на рану воина. Он был полностью излечен. Жезл Элентитты почти полностью опустел. В комнате стояла тишина. Эманации удивления и шока повисли в воздухе. Даже бойцы подались вперёд, чтобы увидеть произошедшее. Именно тогда я и осознал, что произошло великое событие. Впервые за многие годы эльфийская магичка смогла совершить лечение с помощью магического заклятия. Я дал им возможность насладиться моментом, после чего отстранил Элентитту от стола и занял её место.

— Фините инкантатен.

Снял я заклятие обездвиженности с бойца. Лекарка протёрла ему грудь тряпкой и помогла встать на пол ногами. Воин стоял твёрдо, но ошеломлённо. Потрогал шрам. Постарался шевельнуть второй рукой, но ойкнул от боли. Лекарка сделала для него перевязь и продела в неё руку, перекинув её через плечо. Довела его до лестницы. Дальше воин пошёл сам. Я обернулся. Элентитта шла от стола медленно. Было видно, что она вымотана и ошеломлена. Остальные эльфийки смотрели на неё с шокированным видом. Я хлопнул в ладоши.

— Так!

Привлёк я внимание. И когда все повернулись в мою сторону, продолжил.

— Все! — Я обвёл руками круг, стараясь, чтобы все эльфийки попали в него. — Собрались и вон.

При этом я собрал ладони вместе, создав ими композицию «мяч, зажатый в ладонях». После чего направил этот мяч в сторону двери и сделал движение, словно послал мяч в сторону двери.

— У меня работы по горло. — Я расположил ладонь под подбородком, словно показывал уровень.

Мне на помощь пришли лекарки, которые стали активно выталкивать эльфиек в сторону двери. Раздались возмущённые возгласы. Но они подчинились. После недолгих сборов все эльфийки покинули помещение. Пора было продолжать лечение раненых. Одна из лекарок вышла за дверь, провожая уходящих учениц. Из-за двери послышались голоса.

— Вэй (почему)?

— Сем ис а сад ан нестанд, аво амс (Здесь место для лечения, а не ссор). — Прозвучал резкий выкрик лекарки. — Им вил репорт нан коукил (я сделаю рапорт для совета).

Она вернулась. Мы глянули друг другу в лицо. Я кивнул в знак благодарности. Пора было продолжать.

Вечером ко мне в дом пришли Голендил и Элентитта. На этот раз я их ждал. Сквозь проём двери в комнату вошли две фигуры в плащах. Капюшоны были наброшены на головы, затрудняя опознание. Но опознание не потребовалось. Голендил прошёл чуть вперёд и, пропустив Элентитту, закрыл дверь. Он откинул капюшон, явив мне своё спокойное лицо с лёгкой улыбкой. Под плащом Элентитты чувствовалось плохо сдерживаемое возбуждение. Прежде, чем я смог осознать происходящее, она кинулась ко мне с приглушённым криком «Ви!» и заключила меня в объятия. Её жезл стукнул меня по спине. Даже обняв меня, она продолжала подпрыгивать на месте.

— Им коулд, коулд... (Я смогла, смогла) — проговорила она мне в ухо.

Не ожидавший такой несдержанности, я стоял ошарашенный происходящим. Жизнь не научила меня, как надо поступать в такой ситуации. К проявлению открытых эмоций и чувств нас не готовили. И даже сейчас, много лет спустя, я продолжаю испытывать неловкость в таких ситуациях. Тогда было ещё сложнее. И это с человеческими женщинами. Что уж говорить о ситуации, когда тебя обнимает эльфийка. Я стоял в её объятиях поражённый и скованный смущением. Непонимающим взглядом я окинул комнату и встретился глазами с Голендилом. Тот с усмешкой наблюдал за ситуацией. Заметив мой взгляд, он кивнул слегка головой и подмигнул мне. Похоже, что мои смущение и робость его забавляли. Так я и стоял, словно истукан, позволяя чужим эмоциям изливаться на меня.

К счастью, моё смущение длилось не долго. Сознаюсь, это оставило у меня приятное впечатление, которое я сохранил в своей памяти. Скоро Элентитта отпустила меня. Похоже, что её подобная несдержанность совсем не смущала, либо она была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. На помощь мне пришёл Голендил.

— Мануйал упвард. Ве бяр ма дискуз бузинез (Поднимаемся наверх. Надо обсудить дела). — И добавил — Идти вверх.

Элентитта, всё ещё находившаяся в состоянии возбуждения, вбежала наверх по лестнице. При этом она издавала много шума и радостных возгласов, что в моём сознании совсем не связывалось с образом эльфов. В моём понимании они были всегда спокойными, сдержанными, мудрыми и вежливыми. Надо сказать, что в тот день мне удалось увидеть их с другой стороны — без маски благочестия. Это ввело меня в небольшой шок. Я продолжал смотреть ей вслед. Мозг отказывался работать, отдавать команды телу, контролировать мои поступки. Голендил смотрел на меня, улыбаясь. Моё состояние ступора его забавляло. Я попытался что-нибудь сказать, но из моего рта донеслись лишь невнятные мычащие звуки. Улыбка Голендила стала шире, и он решил мою проблему, просто указав мне рукой в сторону лестницы. Он предлагал мне идти в том направлении. Деревянной походкой я направился к ней. С трудом заставив себя сгибать колени при ходьбе, я старался не смотреть на своего спутника. Но даже спиной я чувствовал его улыбку. С трудом я поднялся на второй этаж домика. Элентитта уже ждала нас возле стола. Она с трудом удерживала себя на месте. Голендил вошёл в комнату следом за мной, ориентируясь по свету моего посоха. Не спрашивая разрешения, он сразу прошёл к скамейке возле стены и присел на него, вытянув ноги. На его лице отразилось удовольствие.

— День много ходить.

Проговорил он. Я позволил себе лёгкую улыбку, стараясь, чтобы она не выглядела насмешкой. Конечно, я понимал, что он пришёл сюда не для того, чтобы рассказывать о своей усталости. Позволив себе вольность, я разлил чай по чашкам и присел у стола.

Голендил взял свою чашу, но лишь слегка пригубил из неё. Элентитта вообще не прикоснулась к чаше. Она продолжала ходить по комнате. При этом она помахивала жезлом, а энергия в нём достаточно сильно колебалась, грозя выплеснуться наружу.

— Сегодня радость день! — Проговорил Голендил — Первая эльфийка делать заклятие. Это хороший начало.

Он снова отпил немного чая и продолжил.

— Мы наказать эльфийки, что устроить ссора. Больше ссора не будет.

Он улыбнулся. Я удивлённо поднял бровь.

— Их отчислили? Они больше не будет учиться?

Голендил отрицательно покачал головой.

— Слишком ценны, чтобы не учить. Есть другой способ наказать.

Немного подавшись вперёд, он продолжил.

— Я смотреть шрам на раненый, который быть после Элентитта и от ты. Она сумеет делать как ты?

— Да. — Не моргнув, ответил я. — Ей теперь нужна практика. Много практики. Она научится делать аккуратно и экономить силу при лечении.

— Силу?

— Пока что она её транжирит. Постепенно она научится лечить с меньшими затратами энергии и эффективнее. Но нужна большая практика. — Я вздохнул — эта рана была небольшая, не глубокая, и ран было не много. Поэтому она и смогла излечить раненого. Будь ран больше, ей не хватило бы энергии.

Голендил задумался. Потом жестом и словом остановил Элентитту и перевёл ей мои слова. Между ними состоялся небольшой диалог. В конце которого он задал мне вопрос.

— Ты тоже много практиковать, когда учиться?

— Конечно! — ответил я с удивлением. — Нас, учеников, направляли в большие Госпиталя. Это вроде вашей Роши Исцеления. Это несколько больших домов и парк вокруг. Там место только для раненых, больных и врачей. Мы там учились под присмотром наставников. Мы тоже совершали много ошибок, но наставники их исправляли и учили нас.

Я дождался перевода моих слов для Элентитты.

— Это долго? — перевёл для меня Голендил.

— У каждого по-своему. Как стараться будет. Но начало хорошее. Я ожидал худшего.

Мои слова перевели. Ненадолго воцарилось тишина. Похоже, что мои слова смогли успокоить эйфорию Элентитты. Она задумалась. Голендил обвёл глазами комнату и задержался на книге и листах пергамента, лежащих на столе.

— Я всегда хотеть спросить. — Продолжил он. — Зачем ты писать свои же книги?

Мои брови поднялись в удивлении. Я медленно перевёл взгляд на свои записи и книгу.

— Эту? — задал я глупый вопрос. — Ну, понимаешь... эта книга — магическая копия. Она долго не проживёт. Надо успеть её переписать... пока не распалась.

Пришлось дать пояснения о том, что такое магическая копия и для чего её делают. Указать причину её появления у меня.

— Нас готовили, в основном, как практиков. Теории давали мало, лишь самую необходимую. А без неё развиваться трудно. Когда я служил в гарнизоне, ну своём месте службы, нашёл там библиотеку, которую оставили прежние маги. Я изготовил магические копии, чтобы после переписать. Для меня такая находка — это большая удача. Это хорошо, что у меня есть возможность работать. Вот и спешу.

Голендил слушал меня, опустив голову, словно был погружён в свои мысли. Когда я закончил говорить, он тяжело вздохнул и проговорил.

— У нас тоже быть большой библиотека... там, — он махнул рукой, безошибочно указав в сторону мёртвых земель — в наша столица. — Он снова вздохнул. — Но, когда мы уходить, наши жрецы не взять свитки с собой.

Тряхнув головой, он продолжил.

— Поступать так. Элентитта станет учить остальной ученица. Они приходиться в Роща Исцеление, будут лечить раненый. Мы просить тебя следить за они и наставлять.

За столом произошло знаменательное событие. Стаканчик с костями прошёл уже полный круг. Все фишки двинуты, ходы сделаны. Стаканчик уже поставлен на стол. Всевышний благодушно улыбаясь, медленно стал протягивать руку к нему, когда за его спиной раздался вкрадчивый, но твёрдый голос.

— Кажется, сейчас мой ход.

Всевышний обернулся, на его лице появилось выражение удивления. За его спиной стояла Мортис. Как и когда она смогла подойти к нему со спины, он не узнал. На мгновение он замер, приходя в себя.

— Да, конечно. — Он отвёл руку назад. — Ты так долго пропускала ходы, что я и забыл о твоей очереди. Прошу.

Он взглядом указал на стаканчик с костями. Мортис тенью двинулась в сторону стола и подобрала с него стаканчик. Всевышний поморщился. Некогда Мортис была красива и носила имя «Солониэль». Но она пожертвовала своей красотой, чтобы спасти своего неблагодарного мужа. То, во что она теперь превратилась, вызывало одновременно жалость, ужас и отвращение. Жалкие лохмотья вместо прекрасной одежды, Сгорбленная фигура вместо стройного стана, жуткие стручья плоти на костях, ужасные шрамы и ожоги на месте некогда прекрасного лица. И всё это «великолепие» сопровождали непередаваемые запахи обгорелой мёртвой плоти. Взгляд Всевышнего скользнул по Галеану, бывшему мужу Солониэль. Прими он её тогда такой, она могла бы в мгновение ока вернуть свой прежний облик. Но Галеан не принял. Гнев Солониэль был ужасен. Досталось почти всем богам. Даже будучи богиней, она оставалась женщиной. Миллионы погибших живых стали тогда жертвами её гнева. Тем было удивительней её смирение. Смогла остановиться на краю, не добить Невендаар, не уничтожить на нём всё живое. Накрыв ладонью горлышко стаканчика, она небрежно трянула его. Сразу же перевернув его вверх дном, высыпала кости на стол. Всевышний замер. Он наблюдал, как кости катятся по столу. У него перехватило дух. Удачливость Мортис была велика, а неистощимость её легионов ужасала. Неужели опять война? Будь у него возможность оглянуться, то он мог бы заметить, что замер не только он один. На лицах остальных богов также застыло выражение страха. Не один он помнил её прежние вступления в игру. Остановился один кубик, второй, третий... Все невольно подались вперёд. «Видения», «Путь», «Выбор игрока», «Жатва». На лице Мортис отразилась жуткая гримаса, заменяющая ей улыбку.

— У меня есть право выбора игрока, чтобы показать ему «Видения».

Казалось, что тишина стала ещё ярче, даже стала звенеть в ушах присутствующих.

— И-игрока? — проговорил разом вспотевший Галеан. — Передавать видения богов игрокам опасно. Это может их убить.

Улыбка Мортис стала ещё шире и ужаснее. Все опасались, что она выберет именно их

игрока, а больше всего опасался сам Галеан. И не напрасно.

— Право!

С нажимом повторила Мортис. Галеан кивнул. Следом за ним стали кивать и остальные игроки, соглашаясь с этим правом. Дождавшись последнего кивка, она закрыла глаза. Шло время. Казалось, что она уснула, но это было не так. Вторым видением было заметно движение вокруг неё ментальных потоков. Наконец, её глаза раскрылись. Они были черны, и внутри их бушевал чёрный огонь. Вынув из-за пазухи магический жезл, она стала осторожно вытягивать его над картой. Жезл оставлял на карте тёмную тень. Казалось, само зло ползёт по её поверхности. Все напряжённо смотрели за движением тени. Тень пересекла тёмные земли и вошла в земли Тёмных эльфов. Она продолжала двигаться, пока не достигла окраин города Солем. Наконец, кончик тени достиг линии соприкосновения военных отрядов эльфов и орков. Ещё чуть и самое острие расположилось над фигуркой одинокого эльфа и стало опускаться.

— Если она коснётся эльфа, то он умрёт.

Раздался шёпот с той стороны стола. Разобрать кому он принадлежал было невозможно. Но это было и неважно. Все присутствующие были согласны с говорящим. Когда острие жезла оказалось в непосредственной близости от эльфийского воина, оно замерло. Мортис напряглась. Умственное усилие отразилось на её лице, что сделало её ещё более омерзительным. На конце острия стала скапливаться тёмная капля. Боги напряжённо ждали. Капля медленно вытянулась и упала с острия на воина. Она медленно падала вниз. Но на пол пути к воину она поменяла цвет на золотистый с зеленоватым оттенком. Упав на эльфа, она сначала окутала его собой, а затем исчезла, испарившись. Мортис убрала свой жезл от стола столь же медленно. Как и простёрла его над ним. Все заморожено следили за его движением.

— Что за видения ты ему передала? — с дрожью в голосе спросил Галеан.

Он до сих пор смотрел на выбранного Мортис воина. Аура бойца практически не изменилась. Это означало, что он вполне успешно перенёс воздействие богини на свой мозг, сохранив его в здравии.

— Он видел сон наяву. Он видел «Путь», дорогу к «Жатве».

Галеан смолчал, опасаясь узнать значение слова «Жатва».

Утро сегодня выдалось пасмурным. Снег тонким слоем покрыл землю, накрыв опавшие листья и пожухлую траву. Жёлто-серые стебли травы уныло торчали сквозь белое покрывало снега. Безлистые прутья кустарников уже не давали надёжного укрытия. Любое движение было хорошо видно сквозь них и тёмные стволы деревьев. Природа погружалась в спячку до следующей весны, когда лес надеялся вновь одеться в зелёную весёлую листву. Это было и хорошо, и плохо одновременно. Морозы ещё не сильно сковали землю, но уже не позволяли сидеть и отдыхать вольготно. Притаившиеся патрули и караулы было видно издалека. Но и крадущиеся рейды противника хорошо выдавали себя движением и хрустом снега и промёрзших веток.

Вэон стоял в карауле. Расположившись ногами на подушке из хвороста, чтобы изолировать себя от холодной поверхности, он внимательно оглядывал окрестности. Прислонившись спиной к дереву, он старался слиться с ним, чтобы затруднить своё обнаружение для вражеских разведчиков. Он сосредоточил своё внимание на дыхании, пытаясь выделить достаточно тепла для согрева тела. Это помогало скоротать время нахождения в карауле и сохранить тело от обморожения. Он был хорошо экипирован. Поверх обычной одежды была накинута меховая безрукавка мехом наружу. На спину он надел сумку, собранную для похода. Конечно, её можно было оставить в лагере, но тогда прислоняться спиной к стволу дерева было бы намного опасней. Лучше носить за спиной лишнюю тяжесть, чем получить переохлаждение позвоночника. Сумка давала хорошую изоляцию. Нож, меч и колчан со стрелами висели на поясе. В руках он сжимал свой «заряженный» лук, сложив руки на груди и прижимая его к туловищу, чтобы согреть его. Он не хотел, чтобы в самый нужный момент лук сломался из-за переохлаждения. Поверх всего этого был натянут тёмно-серый плащ с капюшоном. В безветренную погоду плащ хорошо маскировал его неподвижную фигуру. Вэон согревался дыханием, стараясь не выдавать себя ненужным движением, и оглядывался по сторонам, доверяя больше слуху и периферийному зрению. За его спиной находился лагерь. Он ждал. Как же долго его не сменяют. Он ждал.

Затянувшие небо облака давали полумрак. Лишь их движение по небу обозначало наличие ветра и его направление. Лес надёжно защищал от его порывов, создавая под своими кронами стоячий воздушный мешок, наполненный сырым, холодным и плотным маревом. Без ветра даже морозец, усилившийся перед самым рассветом, не казался страшным. В стоячем воздухе не было колыханий одежды, могущей его демаскировать. Любой звук мгновенно разносился во все стороны. Это было его преимуществом. К нему нельзя подойти незаметно, двигаясь против ветра. Вэон надеялся, что сразу различит звук крадущегося противника и отреагирует на него. Но и не расслаблялся. Он знал о судьбе глупцов, расслабившихся на посту. Они пропадали, а потом следовало нападение орков на военный лагерь. Он старался не думать об их участи, но и не собирался повторять их судьбу. Осталось совсем немного и его сменят. Тревожное ожидание для него закончится.

Внезапно что-то сменилось. Сначала он не понял сути происходящего. Не было никакого движения, ни звука хрустящего снега или веток. Почему же так тревожно? Он ещё раз прислушался к себе и внешнему миру. Он привык доверять своему внутреннему чутью. Он напрягся, стараясь до предела усилить свои чувства. Он внимательно огляделся. Спустя мгновение он понял причину своего беспокойства. В картину мира вкралось почти

незначительное изменение. С юга, двигаясь против движения облаков, в его сторону продвигалась тёмная тень. Один её вид завораживал и вызывал непонятную тревогу. Он ещё раз огляделся. Изменения коснулись только небесного купола. Тень достаточно быстро заполнила собой полнеба. Поднять тревогу? И что он скажет? «Меня напугало странное облако»! Какая глупость. Он напрягся, готовясь в любой момент сдвинуться с места в случае необходимости. Он ждал развязки. Может быть, это просто непонятное погодное явление, не сулящее никакой опасности? Тень уже оказалась над его головой, закрыв собой почти весь небосклон. Интересно, видит ли его кто-нибудь ещё. Почему же нарастает чувство опасности? Он продолжал ждать, не забывая осматривать окрестности. Что же происходит? Вокруг никого. Или у него иллюзия чужого отсутствия? Может это вражеская магия, укрывающая приближающегося врага? Это нестерпимо. Чувство опасности уже не говорит с ним. Оно буквально вопит от страха. Всё его тело начало бить мелкой дрожью. Не вытерпев давления, Вэон решил. Надо срочно покинуть это место. Хотя бы на несколько шагов. Может тогда морок спадёт, и он поймёт причину своего страха. Он напряг мускулы, пытаясь придать им активность. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он отстранился от дерева и попытался сделать шаг в сторону. Рука привычно сжала рукоять лука, вторая нащупала оперение стрелы. Что-то не так? Его лицо потеряло свою невозмутимость. Чувства страха и опасности явно проявились на нём. Шаг...

Он не успел. Позже он много раз пытался вспомнить свои ощущения. Описать увиденное им. Воспроизвести в мозгу запахи и кинестетические ощущения. Как же беден мозг живого существа? Сверху на него опустилась огромная волна золотистого тумана. Мир заиграл безумным красками. Золото и зелень соединённые вместе. Какое безумие! Мир поплыл. Очертания предметов размазались в его мозгу. Деревья и кустарники одновременно вздохнули серо-зелёным дымом. Голова Вэона затрещала. Казалось, что его глаза сейчас вылавятся и вытекут из орбит. Тело накрыла волна неги. Его разрывали одновременно боль и удовольствие. Эмоции были запредельными. Тело содрогнулось. Одновременно хотелось плакать и смеяться, издать воинственный крик и вопить от боли и страдания. Мышцы тела забились в агонии. Было чувство, словно они сейчас разорвутся на части. Сознание расширилось. Он был одновременно в своём теле и при этом за его пределом. Он смотрел на мир своими вопящими от боли глазами, и при этом видел своё бьющееся в агонии тело со стороны. Не выдержав страданий, его тело рухнуло сначала на колени, а потом завалилось на бок. Он сжался комком, поджав под себя руки и ноги. Тело так и не издало звука, но стало вертеться волчком, взрыхляя ногами землю вокруг места своего падения. Золотисто-зелёный туман опал на поверхность земли. В месте падения снег мгновенно растаял. Пожухлая было трава, вновь налилась силой и зеленью. Земля намокла от растаявшего снега. Вэон лежал в кругу мокрой зелени.

Сознание Вэона продолжало расширяться. Он заполнил собой уже весь лес на много лиг. Он увидел его сразу весь, прочувствовал каждый кустик и травинку. Увидел весь свой лагерь, и место расположения вражеских лагерей. Где-то внизу корчилось от страданий его тело. Он чувствовал его сигналы. Но это важно. Знать, где стоят твои враги. Он запомнил не только места, но и пути подхода к ним максимально безопасные для атаки. Внутри возникло злорадное чувство удовлетворения. Он сейчас видел, чувствовал и слышал, осмысливал и воспринимал информацию во много раз лучше. Память впитывала происходящее как губка. Правильные решения? Вот они! Только сейчас он понял, что все ограничения на его сознание накладывали оковы плоти. И лишь лишившись этих ограничений, он увидел

картину целиком. Осознал правильность и глупость поступков. Но сейчас важна война. Сознание продолжало расширяться. В нём одновременно мелькали образы и картины пространства. Он видел и ощущал картины этого мира, словно с высоты птичьего полёта. Его взгляд обратился на юг. Туда, где находились бывшие владения его народа, сегодня поражённые язвами омертвелой плоти. Сильная ностальгия захлестнула его. Откуда? Но вопрос как появился, так и растаял в картинах видений. Мимо проносились заброшенные и разрушенные поселения и города. Множество животных, мирно пасущихся на просторах заброшенных полей и лесов, в которые превратились некогда ухоженные сады. Он увидел столицу бывшего королевства. Почему именно столицу? Он не знал. Понимание пришло само. Он увидел и постарался запомнить расположение крепостных стен, основных строений, дворцов и храмов. Храм? Главный Храм? Почему он его заинтересовал? Мысль канула в образы. Он просто воспринимал видения. Его сознание проникло в руины храма. Пронеслось по его залам, заваленным обломками камней. Перед ним было главное хранилище. Величайшая сокровищница его народа. Библиотека. Хранилище было запечатано. Так сделали, чтобы охранить от орд нежити и случайных мародёров. Он прикоснулся сознанием к двери хранилища. Дверь закрыта не на простой замок. Это замок магический. Как она открывается? И сознание ответило ему. Дверь мог открыть лишь жрец-лучник выстрелом из волшебного лука по замку. Заряд активирует магию замка, открыв хранилище для пришедшего за знаниями. Попытка проникнуть внутрь не дала результатов. Хранилище было ограждено щитом от любопытных путников. И этот щит не пропускал внутрь даже сознание, отделённое от тела. Это ценно! Он ещё раз огляделся. Заглянул и под землю. В могилах вокруг храма и подвалах домов беспокойным сном спали мертвые тела эльфов и животных. Души уже покинули их, но их место заняла тёмная субстанция. Сознание дало ответ. Некротическая энергия, свёрнутая в глобулу и помещённая в мёртвое тело. Эта энергия защищала мёртвую плоть от распада и давала подобие жизни. Каждая такая глобула была подключена магически к источникам тёмной силы этого мира. Мёртвые ждали приказа проснуться. Сильная тревога посетила Вэона. Пора возвращаться. Иначе тело погибнет без присутствия сознания. Имея такие ценные знания, он не мог допустить гибели своего тела-носителя. Он устремился обратно. Картины мира замелькали перед его внутренним взором. Он нёсся обратно. Вот приметная поляна его дозора. Но что за интерес ещё гложет его на грани сознания? Ах да. Человеческий маг. Чем он ценен? Тело подождёт.

Картины мира вновь замелькали перед его внутренним взором. Он знал, куда надо двигаться, знал, где надо искать. Роща исцеления. Одинокий домик на окраине. Заметил пятна замаскированных живых охранников на фоне леса. Его охраняют? Ещё интереснее. Он прошёл сознанием в домик. Маг спал в постели. Его аура переливалась разноцветными пятнами, отражая движение мыслей и потоков жизненных сил. Он мог причинить ему вред, но интерес оказался сильнее. Мысленно протянув к нему руку, он прикоснулся к его ауре. Поток образов хлынул в его сознание. Мгновенно он увидел все его тайны и потоки жизни. Прошлое этого мага и его вероятное будущее прорвались в его сознание. «Боги! Как я мог быть так глуп?» мысленно проговорил Вэон. Этот чужой маг невероятно ценен для нашего народа! Он отвёл руку и встрепенулся. После самобичевания. Сейчас надо вернуться. Он вновь пронёсся над просторами лесов и вернулся на приметную поляну. Он нёсся как сильный порыв ветра в сторону собственного тела. Пора!

Удар был ужасен. Сознание сразу же наполнилось болью, страхом и страданием. Тело было ужасно холодным и плохо слушалось его приказов. Было чувство, словно он мгновенно

оглох и ослеп. Возникло чувство сильной беспомощности. Он забился на земле и закричал. Кто-то тронул его за руку. Вэон отрыл глаза. Они сразу же наполнились потоком слёз. Тело содрогалось от страданий. Над ним склонилась чья-то тень. Страх и чувство опасности вмиг заполнили сознание Вэона. Он мгновенно выхватил нож и замахнулся. Как же медленно он движется? Его руку перехватили.

— Бау, Вэон, бау! Сен нин. (Нет, Вэон, нет! Это я.)

Он узнал этот голос. И этот язык. Это язык его народа! Он на нём говорит с детства. Рука ослабла. Нож выпал из ослабевшей ладони. Мысли путались.

— Что здесь произошло? — Над ним стоял Ханон.

Сознание ещё не успело «сжаться» до размера тела. Ответ пришёл сразу.

— У меня было видение. — Язык отказывался поворачиваться во рту. Слова с трудом всплывали в памяти. Речь получалась грубой и корявой. — Кажется, меня коснулось «видение богов».

Вэон не мог сказать об этом точнее. Не было нужных понятий в его бедном наречии.

— Я бы посмеялся, если бы не это.

Вэон сделал усилие, и ему помогли сесть. Тело ещё отказывалось слушаться. Он утёр глаза от слёз ладонью. Вокруг него на пятнадцать шагов вокруг была проталина в снегу, внутри которой вновь стала зеленеть трава. Только сейчас Вэон окончательно поверил в произошедшее с ним.

— Отведу тебя в лагерь. Ты должен рассказать обо всём, что увидел.

Вэона потянули вверх, помогая подняться.

Голендил не обманул. Мы шли на север небольшим отрядом. Отряд состоял в основном из воинов-стрелков жреческого сословия. Так мне объяснили. Возглавлял отряд Голендил, как один из правителей, облачённых в жреческое звание. Вынужденный носить особое одеяние, Голендил нервничал и раздражался по малейшему пустяку. В отряд включили Элентитту и меня. Мы шли с отрядом как маги-лекари, а также советники. Голендил убедил совет в том, что хотя Роцца Мелорнов и погибла, но наш непредвзятый взгляд нужен для определения ущерба. Помимо этого, Голендил хотел, чтобы мы осмотрели окрестности Роцци на предмет тайников. Прежние жрецы могли устроить там схроны с предметами важными для выживания общины. Советники осмыслили эти доводы и решили поступиться запретами. В живую Роццу они никогда бы меня не допустили. Но могли позволить мне посмотреть на пепелище. Продвижение этого решения в Совете стоило Голендилу потери сторонников. Его влияние в Совете ослабевало. И это не добавляло ему добродушия. Но своё слово он сдержал. Мы шли в Роццу Мелорнов. Из всех чужаков я был единственный, кого они решили допустить в это святилище. Орков можно не считать. Они пришли в Роццу как враги, как захватчики. И, разграбив в Роцце всё ценное, они её сожгли. Я был первым приглашённым гостем в этой Роцце.

На мой вопрос об ученицах, Голендил ответил, что они пока находятся под наказанием, наложенным Советом. Изменить он лично ничего не может, кроме как взять с собой Элентитту, как лекаря в поход. Время наказания продлится ещё несколько дней. За это время они успеют сходить в Роццу и вернуться обратно. К тому же сейчас затишье на войне с орками. Поэтому прибытие новых раненых не предвидится. Орки разбились на мелкие отряды, и ушли на зимовья в свои временные поселения. Эльфийские отряды встали лагерями в пограничных территориях. На местах расположения эльфийских лагерей сейчас

возводятся постоянные лагеря с укреплениями и тёплыми постройками, которые позволят пережить зиму без особых потерь. Поэтому у меня наступает временный отдых. Самое время для него исполнить своё обещание, данное мне. Благо, что здесь идти не далеко.

Пока мы находились в походе, я узнал, что это была последняя Роща Мелорнов, которые оставались у королевства Тёмных Эльфов. Остальные если и существуют, то находятся в землях нежити. Не осталось никого, кто был бы связан с этими расовыми деревьями. По описанию мне стало известно, что сами мелорны представляли собой искусственно выведенный вид деревьев. Создавая их, эльфы задумали особый вид растительности, способный генерировать в себе магические силы. Жрец, настроенный на связь с Рощей, мог воспользоваться собранной ими магической силой для нужд своих или племени. Я сделал аналогию с магическими башнями Империи людей. Выведение этого вида деревьев заняло у эльфов несколько тысяч лет, но результат того стоил. Однако не обошлось и без неприятностей. Созданные искусственно, эти деревья практически лишились способности размножаться самостоятельно. Вложив все силы в сбор и генерацию магической силы, деревья утратили способность давать плоды. Для создания нового дерева требовалось использовать побеги от ещё одного мелорна. И долго за ним ухаживать, чтобы дать ему возможность прижиться. Рощи усиленно охранялись. В те мирные времена жрецы использовали этот недостаток мелорнов для усиления своей власти в королевстве. Только жреческая каста имела доступ к Рощам мелорнов и хранила секреты их разведения. Магическая сила, даваемая мелорнами, была огромной ценностью для королевства. Но в годы беды эта особенность мелорнов стала и бедствием для эльфийского народа. Потеряв Рощи, они потеряли и практически все магические способности. Но даже если они и найдут мелорн и добудут от него побеги, то вырастить его всё равно некому. Жрецы, хранившие эти секреты, давно погибли.

Два дня и две ночи спустя мы вышли к поверхности крутого холма. Так мне показалось сначала. Мы двигались по пересечённой местности уже больше половины дня. Солнце уже давно миновало полуденный зенит и стало клониться к закату. Всё это время, от самого подъёма и до этого момента мы продолжали двигаться. Движение по пересечённой местности с грузом на плечах, в постоянной напряжённости вымотало нас всех. Отряд из пятнадцати эльфов и меня в придачу двигался походной колонной, стараясь ступать след в след, скрывая свою численность. Я с Элентиттой двигались почти в центре отряда, сразу за Голендиллом. Остановка отряда была для меня неожиданностью. Увидев холм, выросший перед отрядом, я подумал, что придётся карабкаться вверх. Неужели нельзя было обойти? Сразу после этой мысли я кинул взор вправо и влево, и мысленно застонал. Холм тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Обойти не удастся. Хорошо хоть холм невысокий. Спереди раздались радостные голоса и непонятное шевеление. Голендилл повернулся к нам и улыбнулся.

— Теепле моут! — и добавил — Храмовый гора. Её создать специально для мелорн.

Кажется, что его улыбка стала ещё шире. Я снова посмотрел на этот холм, но уже внимательнее, вторым видением. Видение меня поразило. То, что я сначала принял за холм, было курганом. Почти квадратной формы с плоской вершиной, каждая из его сторон тянулась почти на тысячу шагов. Склоны кургана были укреплены кустарниками. А на вершине по периметру располагались постройки, ныне уже разрушенные и заброшенные. Остатки ауры этих построек говорили, что это были хозяйственные и жилые строения, храмовые комплексы разных размеров, загоны для животных. Строения были каменные и

образовывали единую цепь, соединённую наружной стеной с проходами, видимо бывшими арочными воротами. Весь комплекс строений образовывал не только храмовый, но и оборонительный комплекс. Но больше всего меня поразило то, что находилось в центре этого кургана. Обгоревшие остатки стволов говорили, что раньше там находился, по-видимому, сад. В целом курган представлял собой гигантскую грядку для мелорнов. Теперь же плоская вершина кургана была густо покрыта пеплом. Голендил отдал приказ, и отряд стал готовиться к привалу. Две пары бойцов, сбросив лишние вещи, стали собираться к выходу. Мне стало интересно, и я задал Голендилу вопрос.

— Куда они?

Он посмотрел на меня через плечо, некоторое время помолчал. Но, видимо решив, что страшного ничего не случится, ответил.

— Они идти, искать ближайший проход внутрь.

Я удивлённо посмотрел на него. После чего, не говоря ни слова, перешёл на второе видение и осмотрел окрестности. На многие версты вокруг не было ни одного разумного и опасного для нас существа. Чуть левее от нас на склоне виднелось здание с проломленной стеной. Похоже, что её пробил стенобитной машиной. Пролом был достаточно широк для того, чтобы в него войти отряду по три человека в ряд. Ещё дальше влево от нас находился проход, бывший ранее воротами. Правее от нас был ещё один проход, но по дистанции он находился дальше левого. О своих наблюдениях я сообщил Голендилу. Тот некоторое время смотрел на меня, но после спросил.

— Это так?

— Можешь спросить об этом Элентитту. — Пожал плечами я. — Её способности не так развиты, как мои, но это она увидеть может.

Подумав, он позвал Элентитту. После чего у них состоялся небольшой диалог. Кивнув головой в знак согласия, она напрягла и одновременно расфокусировала глаза. Через некоторое время она что-то сообщила Голендилу. Эльфы вокруг с интересом слушали её. Кажется, они даже перестали двигаться, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Она подтвердить твой слова — обратился он ко мне. — Я послать воины проверить это. Потом мы входить внутрь.

Немного подумав, он внезапно задал мне вопрос.

— Она сможет быть второй глаз как ты, или это врожденно?

— Есть люди сильнее меня, есть слабее меня. Это врождённые свойства. Мы с Элентиттой примерно равны по силам. Она сможет быть такой же сильной, как я. Ей нужна практика, а это время.

Он задумался. Элентитта нерешительно тронула его за рукав одежды так, словно боялась потревожить и готовилась убежать или отпрыгнуть, если он разгневется. Она задала ему вопрос. Похоже, что хотела узнать результаты нашего разговора. Голендил перевёл ей мои слова. На полянке установилась тишина. Все переводили взгляд с неё на меня. В их глазах была задумчивость. Меня это стало напрягать, и я задал вопрос.

— Мы будем входить, или нет?

Голендил вздрогнул и вышел из оцепенения. Раздались команды. Отряд поднялся и двинулся вверх по склону, одновременно отклоняясь влево. Очень скоро мы достигли прохода. Некоторое время главный жрец Галеана осматривал провал в стене. Провал глянул на нас тьмой заброшенного помещения. Он был именно таким, каким я его и предвидел. Казалось, что гигантская рука великана ударила по этой стене, пробив в ней отверстие.

Изначально стена была ровной, с выложенным на ней барельефом из кирпича. Сверху кирпич покрыли штукатуркой и покрасили меловой краской, подобрав цвета так, чтобы на стене образовались узоры. Теперь святилище было заброшено. Штукатурка местами обвалилась, открыв взору ряды кирпича, а краска поплыла и выцвела. Я ещё удивился, как орки смогли втащить сюда стенобитную машину вверх по склону, но вовремя вспомнил каменётные машины. Если здесь была хоть одна такая, то подобный пролом в стене — вполне нормальное явление. Вокруг пролома валялся битый кирпич и куски штукатурки. Отверстие располагалось в самом низу стены. Камень из машины пробил нижнюю часть стены, сохранив верхнюю часть и крышу нетронутой. Было удивительно, что орки её не сожгли. Вверх по стене от пролома шли крупные трещины. Похоже, что это было едва ли не единственное здание сохранившее перекрытие. Возможно, что орков и не интересовали сами здания, а только сад внутри капища. Жрец обратился к Элентитте, и та сразу стала напрягать зрение. Стало ясно, что Голендил приказал ей осмотреть внутреннюю часть помещения на предмет опасности. Спустя некоторое время она стала говорить. Эльфы выслушали её молча. Голендил задал несколько дополнительных вопросов. После чего эльфы стали по одному проникать внутрь помещения через пролом. Но при этом Голендил не забыл отправить четверых воинов попарно в разные стороны. Было ясно, что доверять нам он не собирался без проверки. Но меня это мало интересовало.

Так мы оказались внутри. Здесь хотя бы не было ветра, который стал нас трепать, как только мы оказались на склоне холма. Мне так и не удалось определить назначение этого помещения. Но оно явно не использовалось для жилья. Не стойбище для животных и не культовое помещение. Наверное, это был какой-то склад. Содержимое его уже давно покинуло территорию капища. Помещение было достаточно просторным, чтобы весь отряд смог там расположиться спокойно, не стесняя друг друга. Из помещения вело четыре выхода. Два шли вдоль наружной стены и, видимо, предназначались для перемещения из одного строения в другое, не выходя на улицу. Ещё одна дверь вела во двор капища. И, наконец, пролом, ведущий наружу, через который мы вошли внутрь. Моё внутреннее видение показывало, что соседние здания были разрушены и не имели крыш. Другие здания, в которых сохранились стены и крыша, были достаточно далеко от этого места. Решение Голендила расположиться в этом доме было вполне рациональным. Бойцы устали, требовался отдых. Искать другое место в такой ситуации было неразумно. Остаток дня требовалось потратить на разведку окрестностей. Пока я осматривался, отряд уже успел расположиться и развести огонь. Несколько костров стали дымить в разных частях помещения. На них устанавливали треноги и вешали котелки с водой. Вернулась разведка. Переговорили со жрецом. Видимо, услышанное от них успокоило Голендила.

Вскоре мы все, кроме караульных сидели вокруг костров, и пили горячий ягодный напиток. Эльфы готовят этот напиток из сушёных листочков и ягод, без добавления других ингредиентов. Мне так и не удалось узнать название этих ягод, эльфы не спешат открывать свои секреты, но напиток весьма бодрит.

— Ты быть правый. — Проговорил Голендил в перерывах между мелкими глотками напитка. — Элентитта так же подтвердить твои слова. Но ей тяжелей.

— По мере роста навыка это пройдёт.

— Она должен постоянно ходить так?

— Нет — улыбнулся я. — Это как... стрельба. — Нашёлся, что сказать я. — Здесь важно не много, а часто. Когда ты учишься стрелять, ты часто натягиваешь лук. Ты же не держишь

его постоянно натянутым? Так и со вторым видением.

— У нас его звать «Отерхэн».

— Пусть так. — Согласился я. — Чем чаще она будет включать и выключать ваш... эм-м-м... Отерхэн, тем быстрее освоит его. Тем легче ей будет входить в это состояние и находиться в нём.

Голендил перевёл мои слова Элентитте, сидящей рядом с нами. Та молча выслушала его, но на её лице творилась целая буря эмоций. Между ними состоялся небольшой разговор, после чего Голендил вновь обратился ко мне.

— Она поняла смысл тренировка Отерхэн. Спрашивать тебя. Может ты ещё, что ей советовать.

Я несколько раз моргнул глазами. То, о чём меня просили, являлось тайной моего народа. Но, с другой стороны, я уже нарушил некоторые из правил. Хуже не могло быть. Мысли пронеслись молнией в моей голове. Мысленно я махнул рукой. Будет, что будет. Чтобы ответить за свои поступки, мне ещё надо выжить и попасть в Империю.

— Можно ещё посоветовать разминку для глаз и шеи — проговорил я вздохнув. — Мозг и глаза требуют хорошего кровоснабжения. Делать надо это регулярно. Кто этого не делает, с годами слепнет. Второе видение даёт усиленное зрение, оно же и калечит, если не принимать меры. Лентяи теряют зрение легко, а вернуть его очень сложно. Те, кто не развивал второе видение... ну, Отерхэн, спокойно «носят» свои глаза и зрение до глубокой старости. А магу приходится работать над этим всю жизнь. Вступил на этот путь — иди до конца. Иначе — слепота. Второе видение «съест» твои глаза, если о них не заботиться.

Я перевёл дух, пока жрец общался с магичкой. Мне было немного не по себе из-за того, что я выдавал эту тайну посторонним... эльфам. Когда общение между ними притихло, я продолжил.

— Ещё можно посоветовать особые продукты для глаз. Это морковь, отвары шиповника, молоко и черника. Я не знаю, как у вас эта ягода называется. Блюда из злаков и бобовых.

Голендил задумался на мгновение, после чего перевёл мои слова Элентитте. Между ними состоялся недолгий разговор. Я уже расслабился и сосредоточился на своём напитке, когда он снова обратился ко мне. От неожиданности я вздрогнул.

— Элентитта спросить тебя, как Отерхэн убивать твои глаза, если это способность мозг?

— Как бы тебе объяснить? — я замялся, так как не готовился к такому ответу. — Ну... способность второго видения нам дают астральные глаза. А они являются отражением твоих реальных глаз в астральном теле. Изменения в физических глазах, отражаются и в энергетических оболочках. Ты тратишь энергию на поддержание второго видения через глаза энергетической, астральной оболочки, а они отнимают энергию от твоих физических органов. В данном случае глаз. Чем исправнее твои физические глаза, тем лучше видят твои вторые глаза. Даже если у тебя отнимут физические глаза, некоторое время ещё будут работать твои астральные глаза. Пока изменения физической оболочки не отразится в энергетических оболочках. Но даже здесь существуют упражнения, которые могут поддержать работу твоих астральных органов зрения. Некоторые слепые маги много лет успешно пользуются астральным зрением вместо физического. Сразу скажу — мне такие упражнения не известны. Моё обучение не предполагало их знание. Да и нужды особо нет. Мы можем восстанавливать физические глаза. Зачем тратить время?

Снова состоялся разговор между жрецом и магичкой. На этот раз он был более

продолжительным, и я успел, не спеша, допить свою чашу с напитком. Это может быть странным, но я испытывал удовольствие от того, что отдыхал. Это недолгое общение меня достаточно сильно утомило. Как пролетело время отдыха, я даже не заметил. Сказалась усталость. Вроде только присели, а уже надо вставать. При попытке подняться, мои затёкшие и уставшие мышцы заныли от боли. Пришлось прикладывать значительные усилия, чтобы заставить тело работать. Именно заставить. Казалось, будто руки и ноги сразу налились свинцом, сделавшись неподъёмными. Маленький ребёнок внутри меня заныл, прося оставить его в покое. Хотелось просто лечь и не двигаться. Казалось, будто я поднимаю значительный вес от земли. Но мне это удалось. Более того, я сразу же надел на себя свою заплечную сумку. Наверное, с вашей точки зрения я совершил глупость. Но у меня были свои соображения на этот счёт. Первое, жизнь научила меня быть в постоянной готовности. Это правило я стал выполнять со времён нашего полкового военного лагеря. Что бы я стал делать, если бы не оказался готов к этому путешествию? Тогда тоже ничего не предвещало опасности. Второе, как бы ни казалось глупым, но так было теплее спине. А зимние переходы научили меня беречь тепло своего тела. Третье, двигаться с грузом было тяжелее, но быстрее разогревало. Я понимал, что мышцы болят от того, что они остыли во время привала. Чем быстрее я их разогрею, тем быстрее они вернут свою работоспособность. Нет, усталость не пройдёт, но станет легче. Я оглянулся. Судя по выражению лиц, окружающие меня эльфы испытывали те же чувства. Внутри меня промелькнуло чувство солидарности. Хотя мы и принадлежим к разным расам, но чувства боли и усталости мы испытываем одинаково. Но пора было выходить, и я направился в сторону выхода из здания, ставшего нашим убежищем.

Голендил сдержал слово. Мы шли на заснеженный пустырь, проваливаясь по щиколотку в снег. Пустырьём это место назвать было трудно. Вокруг возвышались обгоревшие остовы деревьев. Видеть обгоревшие стволы было неприятно даже мне. Что уж говорить об эльфах. Казалось, будто они идут по кладбищу, притом кладбищу разорённому, с вскрытыми могилами. Где им приходится переступать через тела собственных предков, чей покой был потревожен. Лица сопровождавших нас эльфов были угрюмы. Впечатление было такое, что только дай им повод, и они сбегут отсюда, куда глаза глядят. Так им было неприятно находиться здесь, но они сопровождали нашу «неразлучную тройцу». А мы шли к центру этого кургана-капища. Настроение было не просто траурным. Давящим. С каждым шагом ступать было всё тяжелее и тяжелее. Как будто некая могучая сила оказывала на нас давление, заставляя повернуть обратно, намекая, что пройдя дальше, мы ляжем под тяжестью её мощи и обратно вернуться уже не сможем. Сильнее всего эту силу ощущали эльфы, а мне передавалось их настроение. Давление было скорее психическим. Где-то внутри я понимал, что это давление мы создаём себе сами, поддаваясь осознанию большой трагедии, потери. Но, даже понимая ситуацию, противостоять такому давлению было невероятно тяжело. Общее настроение и состояние эльфов воздействовало и на меня. До центра этого кургана нужно было пройти каких-то пятьсот шагов. Но, как же тяжело и долго мы их шли.

Пейзаж, мимо которого мы проходили, был мрачен. И мне подумалось, если здесь сейчас так всё плохо выглядит, то как же должно было выглядеть сразу после пожара? Чем дальше я вглядывался в окружающий пейзаж, тем яснее мне становилось понятно, почему эльфы покинули это место. Никому не нравится видеть свой дом разрушенным и сожжённым. А для них это был не просто дом. Это было последнее пристанище их духа. Их

надежда на возрождение. Теперь орки всё это разрушили. И стоять на руинах своей надежды никому не нравилось. Особенно народу обречённому. Но слово, данное мне, приходилось держать. И Голендил вёл нас по заснеженному сгоревшему саду, наступая на снег, покрывающий пепел. Настроение было тягостным. Когда мы достигли центра этого капища, эльфы угрюмо столпились вокруг обломков ствола некогда крупного дерева. Останки впечатляли. Диаметр дерева, по моим прикидкам, должен был составлять примерно пять-шесть шагов. Я постарался мысленно представить себе его размер. Его вершина должна была сильно возвышаться над лесом. Это дерево должно было быть видно издалека. Чтобы вырасти до таких размеров, дерево должно было прожить более трёхсот лет. Его корни должны были уходить на большую глубину. Обгорелые стволы деревьев, мимо которых мы проходили, были значительно меньшего диаметра. Роща, как фундаментальное произведение эльфов, в моём воображении, была великолепна. Даже стало немного жаль, что я не мог увидеть её в дни расцвета. Если пепелище давало такое сильное впечатление, то роща таких деревьев должна была просто поражать.

— Надо идти назад. — Проговорил Голендил. — Здесь больше делать нечего.

— Впечатляет! А какие у него были листья?

— У него быть иглки, зелёный. Вечнозелёный дерево. Когда оно быть живым, оно звенеть, если приложить к нему ухо. Даже через рука чувствовать его жизнь. — Он протянул руку в сторону. — Там быть небольшой озеро и родник на дно. Теперь всё засыпать пепел и грязь. Это место мёртвое. Надо оглядеть строения и уходить. Идём.

— Погоди. У этого дерева должна быть сильно развитая корневая система, уходящая глубоко в землю. Я хочу посмотреть на это.

Жрец пожал плечами. Мои желания его интересовали мало, но и мешать мне он не собирался. Спор мог затянуться надолго. Проще было дать мне пару минут на мои прихоти. Он тягостно вздохнул и отвернулся. Смотреть на мёртвые стволы деревьев ему не хотелось. Проводив его взглядом, я повернулся к мёртвому стволу. Переход ко второму видению дался достаточно легко. Мир подёрнулся красками. Далёкие деревья дохнули серо-зелёным дымом своего дыхания, пусть и меньшим, чем летом, но ещё существующим. Не все из них впали в спячку. Но, скоро ударят морозы, и последние лиственные деревья погрузятся в свой зимний сон. Небо посылало на землю последние желтоватые потоки энергии, согревая уже холодный воздух, не давая ему окончательно промёрзнуть. Второе видение показало мне пепелище сада в чёрно-белых безжизненных цветах. Даже при использовании второго видения пейзаж навевал мрачные мысли и настроение. Окинув взглядом окрестности, я глубже погрузил свой взгляд в ствол сгоревшего дерева. Уголь и сажа от огня перемежался со несгоревшими слоями древесины, уже высушенной и безжизненной. В этой мёртвой материи встречались частицы металла, впитанного деревом из почвы и поднятого потоками воды вверх по стволу. Я стал скользить взглядом вниз по стволу. Чувство было такое, будто я сам ползу по деревянному остову, пачкаясь в саже и грязи. Конечно, я был вне этого деревянного мёртвого столба, но чище я себя от этого не чувствовал. Оказавшись мысленно внутри этого огромного ствола, я был впечатлён размером внутреннего пространства. Возникло лёгкое чувство паники от потери направления, но я его подавил. По расположению волокон безошибочно угадав направление вниз, стал опускать своё взор ниже. Тьма, грязь, сажа, пачкающая даже моё сознание. Вокруг меня была смерть, мёртвая материя. Я двигался всё ниже, ожидая увидеть перед собой комель дерева. Однако, погрузиться далеко вниз мне не удалось. Чуть ниже поверхности почвы мне почудилось что-

то аномальное, не естественное для этого мёртвого места. Я остановил своё продвижение. Моё внимание сосредоточилось на этой аномалии. И среди тьмы, грязи и смерти я увидел...

Моё сознание кинулось обратно. Слишком быстро оно вошло в моё тело и разум. От внутреннего удара я покачнулся и стал терять равновесие. Пришлось приложить усилие, чтобы удержаться на ногах. Кто-то подхватил меня и помог устоять. В глазах всё поплыло, мир зашатался. Меня затрясли за плечо. Чьи-то слова раздавались рядом, но до моего сознания они не доходили.

— ... видеть. Говори! — стало проясняться в моей голове — Там опасность? Что происходит?

Я поднял глаза и увидел Голендила и Элентитту, держащих меня и смотрящих с интересом.

— Нет. Там... жизнь.

— Что там?

— Там... дерево не умерло! — моё состояние стало выравниваться. — Там — я указал на сгоревший ствол — на уровне земли есть живой росток.

Голендил с удивлением взглянул на ствол. Между ним и Элентиттой произошёл разговор, перешедший в спор. Эльфы стали проявлять интерес к разговору, по мере его продолжения. На площадке возникло напряжённость.

— Ты это видеть?

— Пусть она глянет сама.

Жрец повернул голову к магичке и что-то сказал ей. Она ответила. Жрец нахмурился и пристально посмотрел на неё. Его лицо стало жёстче, а рост зрительно увеличился. Он кинул хлёсткое слово и указал на сгоревший ствол дерева. Это был приказ. Я понимал нежелание Элентитты выполнять его, сам только что измазался в этой грязи. Но приказу она подчинилась. Некоторое время она напрягала лицо, её глаза расфокусировались. Спустя мгновение лицо Элентитты стало отрешённым. Она мысленно стала покидать тело, направляя внимание в другое место. Очень скоро на её лице отразилась брезгливость. Это мне было знакомо. Замараться можно не только физически, но и мысленно, а это порой хуже физической грязи. Постепенно её лицо менялось. Эмоция отвращения сменилась удивлением, потом узнаванием, пониманием и восторгом. Как можно испытывать восторг, находясь в такой грязи, мне было непонятно. Наконец, её лицо стало меняться и приобретать осмысленное выражение. Я слышал о таком, но видеть, раньше не доводилось. Обычно у человека, погружённого в транс, мимика лица застывает. Но бывают моменты, когда сознание сохраняет связь с телом, даже погружаясь глубоко в видение. Она вернулась обратно, но не так резко, как я. Потому и осталась стоять спокойно. Голендил обратился к ней с вопросом. Она ответила утвердительно. На площадке возле дерева возникла тишина. Все присутствующие находились в состоянии шока от услышанного. Мы погрузились в свои мысли и, одновременно, смотрели друг на друга. Целая гамма чувств отразилась на лицах эльфов. Но как разрешить ситуацию никто не знал. Наконец, я решил нарушить тишину и задал вопрос.

— Когда сгорел лес?

Голендил посмотрел на меня с изумлением и лёгким безумием в глазах. Было видно, что он до сих пор находится в состоянии шока.

— Прошлый весна.

Он ответил раньше, чем сумел осознать сказанное. Потом тряхнул головой, отгоняя

наваждение.

— Это не важно, когда сгореть. Важно, что делать.

— Важно. Росток едва жив. Ему не хватает жизненных сил. Он пережил лето, но может не пережить зиму. Решать надо сейчас.

— Что предлагать?

— Не знаю — ступевался я — не силён по мелорнам. Надеюсь, что вы дадите более разумный совет.

— Те, кто мог дать, умереть в та битва. — Помолчав немного, он добавил — решать будем мы.

— Я обойду вокруг.

Сразу после этих слов я развернулся и начал идти вокруг дерева. На что я надеялся? Ботаника — это последнее, в чем я разбирался. Или точнее сказать, в чем я ничего не понимал. Шаг, посмотрел вокруг. Возможно, идея придёт во время ходьбы. Ещё шаг. Осмотрелся. Эльфы стоят и бессмысленно смотрят на дерево. Может моё лицо умнее? Что вокруг? Безжизненная вершина кургана, засыпанная снегом. Мёртвые, обгоревшие стволы деревьев. Кромка леса поверх разрушенных зданий и крепостной стены. Обвалившиеся крыши, провалы в стенах покинутых зданий. Тонкие полоски снега на вершинах обрушившихся стен. Мысли не за что уцепиться. Ещё шаг. Ещё шаг. Сгоревший ствол отгораживает меня от эльфов. Теперь мысли не цепляются даже за них. Я продолжаю идти шаг за шагом. Наверное, я уже на другой стороне ствола от эльфов. Этот обгоревший пень достаточно велик, чтобы скрыть меня от них. Но мысли мне не прибавляет.

Навстречу мне кто-то идёт. Кто-то обходит дерево с другой стороны. Здесь же только свои. Неосознанно я включаю второе видение. Направляю взгляд вперёд за ствол. Это Элентитта. Она решила обойти дерево с другой стороны. Я остановился. Нет смысла идти вперёд. Моё видение ещё не отключено. Я опускаю глаза вниз. Белое полотно снега предстаёт передо мною. Мёртвое, безжизненное. Хотя нет. Жизнь здесь присутствует. Под снегом видно остаточные следы жизни. Видимо стебелёк травы, до конца сопротивляется наступлению морозов. Как ты смог выжить на пепелище. Совсем рядом раздались шаги. Элентитта почти дошла до меня. Она поднимает ногу. Сейчас она наступит на этот последний островок жизни на этой безжизненной равнине. Я вскидываю руку.

— Стад... (стой)

Элентитта останавливается и замирает, так и не поставив ногу на землю. Я делаю шаг к ней и наклоняюсь к её ногам. Она делает шаг назад и удивлённо смотрит на меня. Положив посох себе на колени, я обеими руками начал разгребать снег в этом месте. Из-под снега показался стебелёк и несколько пожухлых листьев травы.

— Ферн (мёртвый)? — задаёт она вопрос мне.

— Бау. Кюн (Нет. Живой). — Отвечаю я.

Как ты мог выжить здесь? Нет. Ты не выживал в огне. Семечко принёс ветер уже после пожара, летом. Или какой-то зверёк принёс на себе. Не важно. Но ты смог прижиться на пепелище. Бедный. Твоя жизнь истекает. Твои семена уже пали в почву и взрастут по весне. Ты единственное украшение этого мёртвого места. Может я и не прав, так поступать нельзя, но я немного продлю твою жизнь. Элентитта молча смотрела, как я поднимаюсь и направляю свой посох на этот пожухлый стебелёк травы. Я сконцентрировался и произвёл выплеск энергии из посоха.

— Вулнера санентур.

Элентитта присела на корточки и заворожено наблюдала, как усилием воли я придал выделившейся энергии форму тонкого ручейка и направил его конец на стебелёк. Нет, он не расцвёл. Но его стебелёк налился силой и выпрямился, потянулся вверх к источнику жизни. Пожухлые листья выпрямились и налились силой. В них появилась зелень. Я убрал посох. На мёртвом полотне снега обозначился зелёный островок жизни, созданный мною. Я посмотрел с улыбкой на Элентитту, сидящую передо мной на корточках. Она медленно оторвала взгляд от растения и посмотрела на меня. Некоторое время мы мерили друг друга взглядом. Внезапно в глазах Элентитты появилась искорка мысли. Она резко поднялась на ноги и закричала, напугав меня.

— Голендил, тели ма си (иди сюда).

Спустя несколько мгновений раздался топот множества бегущих ног. Эльфы выскочили из-за дерева и стали разбегаться вокруг нас. Некоторые уже тянулись за оружием. Добежать до нас они не успели. Их остановил голос Элентитты.

— Стадд... (стой).

Эльфы замерли, озираясь. Голендил посмотрел на магичку, ожидая ответов.

— Им исто ман на каро (я знаю, что делать) — проговорила она.

Все обратили взоры на неё. Она указала на куст растения, оживлённого мною, и заговорила так быстро, что я перестал понимать её слова. Между ней и жрецом разгорелся спор, в ходе которого она постоянно указывала то на растение, то на меня. Эльфы стали успокаиваться и убирать оружие в ножны и налучи. Многие подошли, чтобы рассмотреть растение, живущее среди снегов. Наконец, Голендил повернул ко мне лицо и задал вопрос.

— Ты оживить этот цветок?

— Это не цветок... да, я сделал это.

— Зачем?

— Хотел оживить пейзаж. Цветок ещё не умер, потому его удалось восстановить. Мёртвое оживить нельзя.

— Ты смочь оживить дерево? — Он указал на обгоревший мелорн.

Только теперь до меня стала доходить суть их разговора с Элентиттой. Некоторое время я пребывал в шоке от такого предложения. Но ведь дерево ещё не погибло окончательно. А значит...

— Можно попробовать. Хуже мы всё равно не сделаем. А ведь может и получиться. Если энергии хватит... Пробуем?

Я перевёл взгляд с погибшего дерева на Голендила. Здесь я гость, решение должен принять он. Он задумался, но после отрицательно потряс головой.

— Бау, хэин эад на карохэа (нет, это должна сделать она) — он ткнул рукой в сторону магички. — Так правильно.

Сразу после этого он отвернулся от меня, показав, что разговор окончен. Я слегка поклонился головой, соглашаясь с его мнением. Это эльфийская территория, эльфийская святыня, эльфийское капище. Я здесь гость. А вообще — чужак. Восстанавливать эльфийские святыни должны эльфы. Сразу после этого я сделал несколько шагов в сторону от дерева. Я не буду помогать, но смогу наблюдать за процессом. Голендил отдал ряд приказов. Эльфы окружили дерево и встали вокруг него охраной. Я отошёл ещё чуть дальше. Элентитта подошла к обгоревшему стволу. Было видно, как она волнуется. Кажется, что её даже трясёт от напряжения. Она направляет жезл на ствол и усилием воли пытается успокоить себя. Её взгляд расфокусируется, она активизирует второе видение. Сейчас она

пытается отыскать в стволе дерева маленький огонёк жизни. Я тоже активирую второе видение. Поскольку я знаю, что искать и где, то нахожу его первым. Спустя мгновение я чувствую рядом присутствие эльфийской магички. Она нащупывает мыслью искру жизни и прокладывает к ней силовую полосу от своего жезла.

— Вулнера санентур. — говорит она и высвобождает энергию жезла — Вулнера санентур.

Сила из посоха начинает перетекать по силовой линии в искру жизни. Как это выглядело? Это сложно описать вам. Много раз я пытался описать тот процесс, но никогда не был доволен результатом своего описания. Было чувство, будто на затухающую свечу одновременно стали поддувать воздух и при этом подливать масла. Сначала ничего не происходило. Искра жизни просто плавала в потоке жизненных сил, впитывая их в себя. Но потом вдруг произошла вспышка, и искра стала превращаться в бушующее пламя. Огонёк стал расползаться во все стороны, а потом один из языков пламени потянулся вверх. Жизнь стала захватывать мёртвую материю, поглощая её как питательный материал. Жизнь в дереве разгоралась, не смотря на наступающие холода. Внезапно я почувствовал, как поток магической силы стал истаивать. Это побудило меня вернуть сознание в тело. В тот миг, когда я оказался в своем теле, раздался вскрик Элентиты. Взглянув на неё, я увидел, как она трясёт свой жезл, глядя вокруг ошарашенным взглядом.

— Всё нормально! — Произнёс я. — У неё разрядился жезл. Надо подождать, пока зарядится.

Голендил повернул ко мне голову.

— Это долго?

— Минуты три. Потом можно продолжить работу. Она всё правильно делает.

Голендил принялся переводить ей мои слова. Слушая его, она стала успокаиваться. Когда он закончил, она обернулась и благодарно глянула на меня.

Так началась долгая эпопея выращивания мелорна. В ней я был всего лишь зрителем. Постепенно я понял, что Элентитта полностью освоилась в работе с жезлом. Ещё шесть раз нам пришлось прерываться на перезарядку жезла Элентитты. Я перестал проникать взглядом внутрь ствола. На грани моего сознания возникла мысль, что самое интересное теперь должно произойти в этом мире. И я оказался прав. Когда жезл Элентитты в седьмой раз разрядился почти на половину, на вершине обгоревшего ствола раздался напряжённый и нарастающий треск. Я поднял взгляд вверх и увидел, как верхняя, плотная часть дерева перекосилась, пошла трещиной и лопнула с громким треском. Этот треск разошёлся по окрестности и отразился от стен, вернувшись к нам многократным эхом. Из этой трещины пробился стебель дерева. На нём сразу набухла почка и, раскрывшись, превратилась в веточку, покрытую длинными зелёными иголками хвойного дерева. Веточка продолжала быстро расти и уже через секунду стала разветвляться в разные стороны. Эльфы смотрели во все стороны, не понимая причины произведённого шума. Некоторые схватились за оружие.

— Смотрите!

Я указал рукой в сторону вершины обгоревшего ствола, на котором сейчас уже располагался целый побег, быстро превращающийся в небольшое деревце. Все обернулись и посмотрели наверх. Голендил положил руку на плечо Элентитты, останавливая её работу. Оба повернули головы в сторону побега на вершине ствола. Наступила тишина. Все взгляды и мысли окружающих были прикованы к этому ростку мелорна. Эльфы медленно стали опускаться на колени. На глазах у некоторых были слёзы. Я прекрасно понимал их. Для них

рождалась новая надежда. Нет, ни мой приход к ним, ни обучение магичек заклятиям. Именно рождение нового мелорна дало им надежду на выживание и победу в этой нескончаемой войне. Голендил читал молитву на своём языке. Я даже не стал прислушиваться к словам этой молитвы. Она принадлежала не мне, а эльфам. Я не имел права вмешиваться. Договорив до конца, он встал с колен и подошёл ко мне.

— Что ты думать? — Он махнул рукой в сторону ростка.

Я активировал второе видение и присмотрелся к ростку. Спустя некоторое время я обернулся к Голендилу.

— Больше его питать нет смысла. Он достаточно силён, чтобы расти самостоятельно.

— Я тоже так думать.

Он развернулся и стал отдавать приказы. Эльфы стали собираться. Двое остались охранять дерево. Мы возвращались в разрушенный дом, в котором нам предстояло провести эту и последующие ночи.

Больше меня в эту рощу не пускали. Я и не настаивал. Я единственный человек в нашем мире, которого эльфы пригласили посетить Священную рощу мелорнов. Я видел мелорн! Пусть даже и маленький. Найдётся ли ещё один человек, который видел мелорн эльфов? О приглашении даже речи не идёт. Эльфы строго охраняют свою рощу от проникновения чужаков. Они будут биться за свои мелорны до конца.

Мы пробыли на этом месте ещё три дня. Каждый день Элентитта под присмотром воинов уходила в Рощу и осматривала погибшие мелорны в поисках остатков жизни. Её поиски увенчались успехом. По её словам, из более чем тридцати деревьев ей удалось спасти девять. Это была огромная удача. Эльфам удалось раскопать озеро от грязи и пепла. Они вытащили из него обломки сгоревших деревьев. Родник оказался жив, и вода снова стала заполнять озеро. Каждый день они возвращались мокрыми, но счастливыми. Мне приходилось сушить на них одежду. За что они были мне благодарны. Каждый день я в сопровождении нескольких эльфов и Голендила обходил дома и строения по периметру. Мы искали тайники, которые эльфы раскапывали. В большинстве случаев это оказывались спрятанные украшения и ритуальная утварь. На второй день нам повезло особенно. Под завалом из кирпичей, на глубине трёх футов был закопан небольшой сундук. Открыв его, Голендил впервые за всё это время испытал радость. Это было очень интересно наблюдать на его лице. В сундуке оказались спрятаны свитки. После их обнаружения Голендил сообщил о прекращении экспедиции. Мы стали собираться для похода домой. Но не все. Десять эльфов оставались охранять рощу. Остальные должны были отнести найденную добычу в город.

Через два дня я увидел свой домик на краю Роши Исцеления. Мы вернулись в город под вечер. Едва добравшись до кровати, я сбросил свои вещи в кучу и, не раздеваясь, завалился спать. В тот день меня не трогали. Наконец-то я смог отоспаться полностью и с удобствами.

Голендил, оказавшись в городе, сразу же собрал внеочередное собрание Совета. На нём он сделал доклад. Заседание закончилось очередной склокой между ним и прежним Верховным Жрецом. Причина — моё посещение Священной Роши. Доводы, что это именно я разглядел жизнь в умирающих мелорнах и нашёл тайник со свитками их народа, не подействовали. Создавалось впечатление, что личная власть Верховного Жреца значила для него больше, чем спасение его народа. Нарушение традиций и правил своего народа всё больше подрывало власть Голендила в Совете. Но его деятельность в духовном и просветительском плане усиливалась. А вот власть Верховного Жреца падала с каждым новым шагом Голендила.

Свитки были изъяты из сундука и осторожно развёрнуты. Больше их не сворачивали. Вспомнив о моей работе по переписыванию, Голендил строго приказал переписать каждый свиток, сохранив не только каждую букву или подсказку, но и каждую пометку. Знания следовало сохранить именно в этом виде, пока они не будут прочитаны и осмыслены.

Утром следующего дня один из военных лагерей, расположенных наиболее близко к Священной Роше, снялся с места зимней стоянки и переместился в саму Рошу. Это было не свойственно для их военной организации, но требовалось для охраны Роши. В том числе и от самих эльфов. Военный отряд переселился в уцелевшие строения охранной стены, попутно латая в ней проломы. Ставились новые ворота.

Потоки верующих эльфийских паломников устремились в восстанавливаемую Рошу. Вокруг каждого спасённого мелорна теперь стояли эльфийские патрули, ибо желающих прикоснуться к возрождённой святыне, или унести её веточку было с избытком. Запоздало в Рошу перебрался Верховный Жрец. Вновь начались молебны и ритуальные обряды. Вот только командовать в Роше продолжал военачальник эльфийского отряда. Ибо подчиняться Верховному Жрецу, который ничего не сделал для возрождения Роши, он не собирался. Это подрывало власть Жреца ещё больше, но поделать ничего он не мог.

Утром следующего дня в дом Голендила пришёл Таурон. Он принёс отчёты, сделанные по «видениям» одного из его бойцов Вэона. У них состоялся длительный разговор. Оказалось, что пока Голендила не было в городе, Верховный Жрец не допускал Таурана в Совет, помня о том, что именно он меня нашёл и привёл в Содем. Усталый и раздражённый Голендил выслушал Таурана. Время не ждало. Вновь был созван Совет. На нём выступил Таурон. Решением этого Совета стал сбор военного отряда. Таурон настоял на том, чтобы в него включили всех его офицеров, а также Элентитту, как наиболее подготовленную и способную магичку. Отряд стали спешно собирать из всех желающих, а их было больше, чем необходимо. Было решено сменять состав отряда после каждой вылазки. Город готовился снять с себя осаду, дать бой вторгшимся оркам.

Я хорошо выспался. И хотя моё тело ещё болело от прошедшего похода, но я был готов приступить к работе. Едва я выполнил все утренние упражнения, в дверь моего домика постучали. Усталый и не выспавшийся, я открыл дверь. На пороге, как всегда, стояла лекарка

и Элентитта. Лекарка была бодра и красива на столько, на сколько могут быть красивы эльфийские женщины. Как будто и не выполняла ежедневную тяжёлую работу по уходу за ранеными и больными. Элентитта, напротив, выглядела уставшей и не выспавшейся. Сказывалась усталость после прошедшего похода. Длительный переход и проведённая работа не прошли для неё бесследно. Они ждали меня. Прикрыв дверь, я отправился за ними. Начинались мои будни. В какой-то мере я был рад им. Жизнь в таких условиях была для меня понятна и достаточно безопасна.

Раненых практически не было. Война на время притихла. Мелкие стычки с орками не были уже столь кровавыми. Однако зима принесла новые проблемы. Появилось много больных, в основном простуженных и обмороженных. Эльфийские лекарки сами вполне справлялись с этой напастью, но моя помощь оказалась весьма кстати. Эльфийские воины, как и большинство их собратьев по ремеслу во всём мире, презрительно относились к простуде. Они стремились перенести её на ногах, при этом, часто не принимая никаких мер по излечению или сбережению организма. Поэтому в Рощу Исцеления они уже попадали в весьма плохом состоянии. Конечно, их вылечивали. Но с моей помощью это происходило значительно быстрее. В основном моя задача сводилась к удалению гноя и слизи, скопившегося в их организме в ходе болезни.

Возле домика с больными нас ждали ученицы. По уговору с Голендиллом, обучением эльфиек занималась Элентитта. Моя задача сводилась к тому, чтобы стать для них учебным пособием и страховкой. Мы изготовились к проведению лечения. Эльфийки собрались вокруг стола, на котором лежал больной. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что у него простуда зашла до уровня воспаления лёгких. Лекарства, данные лекарками, уже начали восстанавливать его тело. Но скопившийся гной в лёгких мешал больному дышать. Он хрипел при каждом вздохе и сильно закашливался. Я стал готовиться к лечению. Несмотря на обилие женщин, в комнате соблюдалась абсолютная тишина. Видимо, применённое наказание дало свои результаты. Раздавался негромкий голос Элентитты, описывающий мои действия. Мне подали чашу. Памятуя, что все действия мне желательно выполнять с помощью посоха, я поставил чашу на стол рядом с больным. По моей просьбе, высказанной с помощью жестов, больного повернули на бок, лицом к чаше. Время пришло. Показав на свои глаза, я проговорил.

— Отерхэн.

Раздался голос Элентитты, призывающий всех перейти на второе видение. Подождав немного, я приступил. Сам перешёл на второе видение. Прикоснулся наверху посоха к внутренней поверхности чаши и потянул силовую линию от чаши к ветвящимся щупальцам паразита. Для меня не было ничего сложного, но и, одновременно, было непривычно делать так. Но я справился, хотя и вспотел с непривычки. Гной из лёгких, мокрота и скопившаяся слизь были мною отделены и постепенно перетекли в чашу. Лица окружающих скривились от запаха и вида содержимого чаши, но никто не произвёл ни звука. С момента начала операции всё происходило в абсолютной тишине. Сразу по окончании процедуры, я дал перерыв. Эльфийки словно этого и ждали. Беззвучно покинули домик.

Больного подняли и увели вверх. Ко мне подошла Элентитта. Она смущалась, но проговорила, помогая себе жестами.

— Имл три на каро (я попробую сделать)...

Она сложила ладони на груди. Её глаза одновременно выражали надежду, страх и решимость совершить задуманное. На стол как раз укладывали очередного больного, а

предыдущего уводили наверх. Я кивнул головой. В конце концов, я же здесь и смогу своевременно исправить ситуацию. А обучаться им надо уже сейчас. И чем быстрее, тем лучше. Как только на стол уложили больного, я дал сигнал, и лекарка позвала с улицы эльфиек. Элентитта заняла моё место. Эльфийки вновь заняли свои места. Увидав Элентитту на моём месте, у них на лицах стало проявляться удивление. Но на этот раз разговоров не последовало. Мы приготовились. Элентитте подали чашу. Она нервничала.

— Калм (спокойствие).

Обратился я к ней, с трудом вспомнив слово. Для меня было очень тяжело общаться с ними, учитывая плохое знание эльфийского языка. А Голендил был с нами не всегда. Она вздрогнула, но оборачиваться ко мне не стала. Её плечи опустились, лицо расслабилось. Было видно, что она пытается подавить в себе эмоции и сконцентрироваться. Она вытянула вперёд жезл и коснулась внутренней поверхности чаши наверху. Медленно она стала тянуть силовую линию от стенки чаши к больному. Было видно, что это даётся ей очень тяжело, но она не прекращает своей работы. Только сейчас я понял, что она не просто смотрела за моими действиями, но и тренировалась, пытаясь повторить мои трюки. Сейчас я наблюдал результаты этой тренировки. Я был удивлён, впечатлён и рад, что ей это удаётся. Я видел, как покраснело её лицо от науги. По лицу стали стекать маленькие капельки пота. И это при наведении только силовой линии? Что же будет дальше? Я внутренне напрягся, готовясь в любой момент прийти к ней на помощь. Наконец, силовая полоса дотянулась до лица больного, коснулась болезни. Вторым видением эта болезнь выглядела словно паразит, чьи щупальца были видны колеблющимися изо рта больного. Щупальца лениво коснулись наверху жезла, видимо не посчитав его достойным внимания. Силовая линия была закреплена на теле паразита. В следующий момент Элентитта приложила волевое усилие и потянула жезл из тела больного. По неопытности она сделала это слишком сильно. Больной зашёлся в приступе кашля и рвотных позывов. Но паразит стал удаляться из тела.

— Софтер. Пулл геетль (Мягче. Тяни нежнее). — Произнёс я.

Слова подбирались тяжело. Невозможность пообщаться с ними раздражала. Однажды я попросил Голендила дать мне несколько уроков эльфийского языка. И получил отказ. Он мотивировал это тем, что нужды в этом нет. Жить я среди них не буду. А общаться с другими эльфами для меня опасно. Несколько слов будет вполне достаточно. И вот теперь я испытывал сильные затруднения при донесении самых простых истин. Голендил рассказал, что, приютив меня, они нарушили ряд традиций своего народа. Многим моё появление здесь не нравится. Усугублять положение, обучая меня их «священному языку» не стоит. При этом для многих эльфов изучение моего «низшего языка» считается делом недостойным, унижающим их достоинство. Из-за своего высокомерия они сейчас обрекают свой народ на гибель. Он не считает так, но злить большую часть своего народа не считает необходимым. Это и есть та причина, по которой я стал изучать эльфийский язык, уже покинув их территории.

В тот момент я не мог понять, услышала меня Элентитта или просто устала, но усилие, прикладываемое к паразиту, уменьшилось. И всё равно оно было велико. Закончилось тем, что в определённый момент паразита разорвало пополам, и небольшая часть его осталась в теле больного. Она покачнулась. Остатки гноя и слизи стекли в чашу. Я протянул руку и поддержал её, чтобы не дать упасть. Больной продолжал кашлять, лёжа на столе. Отстранив Элентитту, я занял её место. Надо было срочно исправить положение. Паразит медленно уползал внутрь тела. На поверхности осталась тонкая ниточка его ауры. Надо было успеть.

Коснувшись наверху посоха внутренней стенки чаши, я достаточно быстро протянул силовую линию к лицу больного. Я успел. Силовая линия коснулась ниточки ауры паразита. Я медленно и тихо потянул его из тела. По мере извлечения паразита, я усиливал напряжение. Прошло не так много времени. Последние части ауры паразита, вместе с его физическими составляющими из гноя и слизи оказались в чаше. Я расслабился и вздохнул спокойно. Меня слегка пошатывало. Теперь надо было поддержать Элентитту. Она сделала очень много, учитывая, что её никто не обучал и до всего приходилось доходить своим умом.

— Маэ... тен... игтериёке (молодец... потом... опыт).

Надеюсь, она меня поняла. Я снова дал эльфийкам перерыв. Допускать их к этой работе, пока они не прошли минимальный тренинг, было небезопасно. В первую очередь для них самих.

Следующее излечение провёл я. Но последующее опять стала напрашиваться Элентитта. Это вызвало у меня раздражение, но я уступил. Излечение произошло намного мягче, чем в прошлый раз. Но и на этот раз ей не удалось полностью извлечь из больного гной и слизь. Пришлось мне снова заканчивать операцию вместо неё. В этот день она пробовала ещё несколько раз, но выполнить полное извлечение болезнетворных последствий у неё так и не вышло. Однако результаты с каждым разом становились всё лучше. Оставалось надеяться, что со временем она достигнет требуемых показателей. Но если честно говорить, то, чего достигла она, уже было хорошим началом. Лёгкие очищались настолько, что дальше и сам организм мог бы справиться с болезнью. Поэтому я посчитал этот результат удовлетворительным. О чём и сообщил впоследствии Голендилу.

Закончив на сегодняшний день лечение болезней, я оставил бойцов на попечение лекарям, а сам вышел во двор и стал ждать, пока все эльфийки покинут домик. После чего обратился к Элентитте.

— Эян (они)... — я показал рукой на эльфиек — Ворк (работать).

После чего похлопал рукой по своему посоху. Как же мне не хватало слов. Надеюсь, она поняла. Кивнув мне головой, она стала криком созывать учениц.

Простившись с ними, я направился к себе в домик. Там мне уже должны были принести пищу на день. Питание эльфов отличалось от нашего. Они не делили день на завтрак-обед-ужин. У них была порция пищи на один день. А дальше по желанию. Ты мог съесть всё за один присест. Чаще всего такой способ приёма пищи практиковался во время военных походов. А мог съедать эту пищу постепенно в течение дня. Такой способ практиковался в мирное время. Если в дом приходили гости, могли накрыть праздничный стол с дополнительной пищей. Но последнее было редкостью. Мне приносили мою порцию пищи в корзинке, а на следующий день корзинку заменяли. Пищи было немного, но я не чувствовал себя обделённым. Последние два месяца жизни в гарнизоне моё питание было более скромным. И я этого не забыл. Я чувствовал, что большинство эльфов меня недолюбливают, но решение Совета они исполняли неукоснительно. Живя среди эльфов, я стал подчиняться их распорядку приёма пищи.

А ещё меня ждала работа по переписыванию книг. Я был в радостном возбуждении. Поход в Святую Рошу отнял у меня время на работу над последней книгой, из выбранных мною для первичного переписывания. Мне осталось дописать несколько страниц из книги «Ясновидение» и закончить её. «Книгу ужаса» я решил не переписывать, пока. Я не считал её важной для себя. Теперь предстояло потихоньку переписать эльфийские книги. И первой частью моего плана должен был стать лист с эльфийским алфавитом. Тем самым, простым

Синдарским алфавитом, который использовался как бытовое письмо. Я очень надеялся, что книги будут написаны на нём. Ибо Телерийский алфавит добыть будет значительно сложнее. А если текст написан им, то и прочесть станет невозможно. Ибо за это время язык эльфов мог сильно поменяться. Именно с такими мыслями я и добрался до своего домика.

Корзинка ждала меня там, где и должна была. Перед работой я решил дать себе лёгкий перекус. Поднявшись с ней на второй этаж, я стал готовиться к принятию пищи. Со стола были убраны все записи, которые я мог запачкать пищей. Эльфы для этой цели проводят целый ритуал. У них стол должен быть очищен от всех вещей, кроме пищи. За столом собираются все, кто в данный момент собираются кушать. Прежде, чем приступить к пище, они обмениваются последними новостями. Даже если их день прошёл самым обыденным способом. Я считаю эту традицию очень интересной. Это позволяет их семьям общаться друг с другом. Чего не делают многие наши семьи. Даже живя под одной крышей, они мало разговаривают друг с другом. Совместное общение за столом, интерес к членам семьи, пусть даже ритуальный, делает их семьи более крепкими. После начала принятия пищи, за столом наступает полная тишина. Пища потребляется маленькими кусочками и тщательно пережёвывается. Рекомендуются даже закрывать глаза, чтобы сосредоточиться на процессе еды. Мне было с чем сравнить. Человеческие воины моего отряда, как правило, питались очень быстро, закидывая в рот большие порции пищи и часто глотали их, не жуя. Я лично предпочитал есть маленькими порциями и тщательно пережёвывать. Так я думал, пока не увидел, как едят эльфы. Их порции были ещё меньше, а ели они дольше и жевали намного тщательнее меня. При этом они старались полностью отключиться от внешнего мира. Это не значит, что в этот миг к ним можно было подойти незаметно. Глядя на них, я вспоминал старую басню, рассказанную моим наставником:

«Однажды ученик пришёл к мастеру и спросил его.

— Учитель, чем ты отличаешься от остальных?

— Ну как? Когда надо — я ем. Когда надо — работаю. Когда надо — отдыхаю. Когда надо — сплю.

— Но разве остальные не делают тоже самое?

— Остальные, мой ученик, не присутствуют в том, что делают».

Глядя на то, как едят эльфы, я понял, что они при этом присутствуют именно в этом процессе. Попытавшись однажды повторить их ритуал (за исключением общения за столом, по причине отсутствия собеседника), я был весьма удивлён. С одной стороны мне потребовалось больше времени для принятия пищи, а с другой — я наелся меньшим её количеством. Поскольку объём пищи, приносимой мне, был небольшим, то я решил пользоваться именно этим методом. Сложнее для меня было полностью сосредоточиться на потреблении пищи и её пережёвывании. Мой мозг, воспитанный в обществе людей, воспринимал процесс еды, как форму бездельничанья, которую он стремился заполнить размышлениями. Но, как только я начинал погружаться в посторонние мысли, срабатывал рефлекс, и я начинал ускорять процесс жевания. И часто при этом не пережёвывал пищу. Приходилось одёргивать себя. В конце концов, я смог добиться результатов, хотя и ценой больших усилий. Присев за стол, я быстро отделил от общего объёма пищи, ту часть, которую намерен был съесть прямо сейчас. Получилось немного, но я не хотел перегружать желудок перед работой, пусть и умственной. Сосредоточившись на процессе, я погрузился в свой обед. Да, именно так я его назвал. Знаете ли — сила привычки.

Закончив с едой, я отставил корзинку в сторону и приступил к работе. Вновь разложил

на столе свою книгу на нужной странице, я стал тщательно переписывать её содержимое на новые листы. Я хотел закончить эту работу сегодня, но при этом не спешил. Я не хотел снова переписывать листы, и пользовался правилом: «Тише едешь — дальше будешь». Поэтому тщательно сверял текст, и только потом делал запись своей рукой. В тот миг, когда солнце стало скрываться за кромкой леса, а в комнате наступать сумрак, я поставил последнюю точку в этой книге. Оглядевшись, я заметил наступающий сумрак и разжёл светильник.

Теперь следовало составить Синдарский алфавит эльфов. И тогда моя работа на сегодня будет закончена. По крайней мере, я так думал. Осталось решить, каким путём мне следовало идти. На свою память в этом случае у меня надежды не было. Но, по крайней мере, следовало попробовать. Я помнил, что в этом алфавите двадцать пять согласных звуков. И, дополнительно, ещё пять гласных. Ещё было несколько лигатур, т. е. соединений нескольких звуков вместе. В данном случае гласных и согласных вместе. Оставалось только вспомнить эти знаки. В этот момент я жалел, что не уделил внимание эльфийскому языку и алфавиту, в частности, когда учился в Академии. Всё, на что меня хватило — это разлиновать один из своих черновиков на большой квадрат с делением его на двадцать пять клеток. Всё, на что хватило моей памяти, это на четыре начальных знака алфавита — т, п, ч, к. Именно с них начинался эльфийский алфавит. Почему? Этого мне не известно. Я стал рисовать все эльфийские знаки, которые только мог вспомнить. Этого было немного. Именно в этот момент в дверь домика постучались. Второе видение показало снаружи Голендила и Элентитту. Я обрадовался. Будет с кем поговорить. И спустился вниз. Гостей следовало встречать у порога.

Элентитта ворвалась в мой дом как замёрзший вихрь, что-то радостно лопоча от радости. Мои мысли были погружены в работу, и я не стал разбирать её слов. Хотя и так было понятно. Она радовалась тому, что смогла освоить ещё одну из частей своего мастерства мага. Голендил вошёл более степенно и закрыл за собой дверь. При свете моего посоха он первым поднялся на второй этаж. Уже после него туда же направились я и Элентитта. Оказавшись там, я был поражён и обеспокоен. Голендил рассматривал мой черновик алфавита.

— Ты заниматься наш язык? Зачем?

Переборов своё беспокойство и волнение, я нашёл, что ответить.

— Мне трудно работать с эльфами, не хватает слов для общения. Вот и хочу попробовать создать разговорник. А заодно записать эти слова на родном алфавите, чтобы если попадётся эльфийский текст, суметь прочитать. Можешь помочь?

Не думаю, что он мне поверил, но подумав, согласился со мной.

— Только я давно не пользоваться наш письмо. Будет трудно.

Ему потребовалось время, чтобы перевести это Элентитте. Между ними состоялся довольно интенсивный разговор. Закончился он тем, что Элентитта, ещё недавно пылавшая от счастья, надулась и присела на уголке кровати. Её настроение было испорчено.

— Что с ней? — Спросил я, кивнув на неё.

— Один из наша традиций, — Голендил вздохнул. — Я нарушить их много.

Я поудобнее сел и приготовился слушать.

— Много время назад...

Рассказ длился недолго, но оставил во мне неприятный осадок. Выяснилось, что в прошлые века всех эльфов поголовно обучали письму и чтению. Но жизнь эльфов оказалась достаточно длинная. Не все проявляли интерес к чтению свитков. И чем дольше они не

использовали свою способность, тем быстрее теряли её. Многие эльфы через пятьдесят-семьдесят лет забывали алфавит, и теряли навыки, привитые во время обучения. Особо сильно это коснулось эльфов из низких социальных слоёв. А поскольку половое созревание у эльфов наступало весьма поздно, то, как следствие, поздно создавались семьи и рождались дети. Следовательно, многие уже не обучались грамоте. Сказывалось и отсутствие централизованного образования. Практиковались домашнее обучение и частные школы. Для многих эльфов образование стало недоступным из-за его стоимости. Да ещё многие родители, ни разу за жизнь не воспользовавшиеся этой способностью, не видели в нём необходимости. Так постепенно образование и грамотность стали достоянием элиты. А если и случались исключения, то его делали только для мужчин. Образованная женщина обязательно являлась представителем одного из правящих и влиятельных домов. Постепенно такое положение стало традицией. Элентитта, к несчастью, не относилась ни к одному из знатных семейств этого города. А потому образование для неё было закрыто. Разве что ей повезёт выйти замуж за представителя такого рода. Но пока она (по их меркам) несовершеннолетняя, то этот путь для неё закрыт. А Голендил не хочет нарушать ещё одну традицию своего народа. Его положение и так уже пошатнулось. Мне жаль было Элентитту, но помочь я ей не мог. По крайней мере, сейчас.

После этого рассказа мы приступили к работе. Попутно выяснилось, что сам Голендил давно не пользовался алфавитом эльфов. Ему самому требовалось время, чтобы вспомнить его. Мы стали изводить мои черновики, рисуя знаки. Закончилось тем, что я нарисовал имперский Кириллический алфавит. Для начала мы нарисовали те знаки, которые он смог вспомнить, после того как я произносил звук своего алфавита. Напротив каждого из имперских знаков постепенно стали появляться знаки эльфийского алфавита. Так мы смогли восстановить большинство знаков. На остальные потребовалось время. Голендил ходил по комнате, измеряя её шагами. Иногда делал приседания или танцевальные движения. Замирал посреди комнаты с закрытыми глазами. Возвращался к столу, брал карандаш и снова рисовал знаки. Думал, отходил, возвращался и перечёркивал знаки. Снова ходил и возвращался, чтобы нарисовать новый знак. Всё то, что было вбито в него годами обучения, выветрилось за годы странствий, боёв и жизни в новых местах, где не было ни одного письменного листа пергамента. Знаки медленно, но верно забывались из его памяти, затираясь новыми событиями. Но это раньше не вызывало неудобств. Хорошо обученный, способный держать в уме большой объём информации, выполнять сложные логические и мыслительные операции, он продолжал сохранять в обществе своё положение. И только теперь, когда были обнаружены древние свитки, встал вопрос об их прочтении. Голендил был не уверен, что и другие Рода, перенёсшие такие же трудности, что и его Род, смогли сохранить способность к чтению и письму. Поэтому сейчас эти ветхие свитки просто переписывали... нет перерисовывали, в надежде, что найдётся тот, кто сможет их прочесть. Он был сильно занят этой проблемой, когда увидел, что и я пытаюсь решить проблему эльфийских текстов. Пусть и для своих собственных нужд. Наши интересы совпали. В этом Голендил видел «промысел Богов». Именно так он мне и сказал. Дополнительным условием стало предоставления ему копии алфавита.

Лист эльфийского алфавита я приложил к своим хроникам.

Разница между моим листом и листом Голендила была в том, что он под каждым символом рисовал не только знак имперского алфавита, но и маленький рисунок. Полагаю, что предмет, нарисованный в его алфавите, начинался с той буквы, которая была

нарисована. Ну что же, на его месте я поступил бы также. И ещё маленькое дополнение, я не уверен, что в изначальном Синдарском алфавите соблюдалась именно эта последовательность знаков. Но это было не столь важно.

— Невил, я к ты есть просьба. — Проговорил Голендил. — Через некоторые дни Элентитта вместе с отряд уходит в поход.

Я удивлённо вскинул брови.

— Вы собираетесь воевать зимой?

— Мы воевать всегда. Но сейчас у нас есть нужда.

Он вздохнул. На его лице отчётливо прояснились морщинки, такие редкие для эльфов. Я внимательно взгляделся в его лицо. Он выглядел молодым. Среди людей ему можно было бы дать около тридцати лет. В волосах проблёскивали тонкие нити седины. Но сейчас это лицо отражало сильную усталость. Так могли бы выглядеть люди после многих дней напряжённой работы.

— Невил, Элентитта уметь растить плоть, но ей для полного мастерство надо уметь растить кости и жилы.

Я сидел в полной растерянности. То, что для меня было естественным, для них оказалось верхом способностей. Я постарался взять себя в руки. Ну что же, к этой лекции меня не готовили. Наверное, я выглядел странным и нервным, растерянным человеком. Но в тот момент меня это не волновало. Я потирал руки друг о друга, моргал глазами и нервно сжимал губы.

— Ну, это не секрет. — Я сглотнул слюну. — Здесь важно умение создавать силовые линии. Точно такие же, какие мы создаём для... мышц и прочих тканей. Только прикладывать их надо к костям и сухожилиям. Стянуть и зарастить. Она это может. Я видел, но нужно много практики.

Потребовалось время, пока Голендил переводил мои слова эльфийке. Она по-прежнему сидела на скамейке, надувшись, с показным видом обиды. Но я видел, как внимательно она слушает слова Голендила. Наконец, она что-то буркнула в ответ.

— Она спрашивать. Ей, как и ты, надо проникать в тело?

— Нет. То, что я делаю руками, можно сделать и с посохом. Будет даже легче и проще.

— Тогда почему ты проникать в плоть, а не использовать посох?

— Так выглядит наше обучение. Мы не должны зависеть от внешних артефактов. Как бы сказать... — я сильно задумался и стал усиленно тереть губы и подбородок — во времена Великих Войн посохи были редкостью. Их сильно не хватало. А магическая помощь была очень нужна. Поэтому и разработали систему, которая могла дать магу способность лечить без помощи магических артефактов. Я тоже считаю — это хорошая система. Если завтра меня лишат посоха, то я сохраню способность лечить. А она — я ткнул рукой в сторону эльфийки — потеряет. Многие маги в этом мире являются приставкой к своему посоху. Создать силовую линию с помощью посоха даже легче, чем без него. Важно уметь управлять ей. А она умеет, я видел.

От этой неожиданной лекции я сильно вспотел и даже устал. Пока Голендил переводил мои слова эльфийке, у меня возникла возможность отдохнуть. Между ними возник ожесточённый спор. Когда он затих. Я не стал спрашивать о его причинах. Но Голендил сам мне сказал об этом, увидев моё заинтересованное лицо.

— Опять просить меня нарушать традиция. — Он пытался успокоиться. — Я ей говорить, что сначала необходимость, потом удовольствие. Пусть сначала научиться

работать с жезл.

— Мудрое решение! Я тоже так думаю. Сначала надо изучить необходимые способности, потом дополнительные, которые расширят твои возможности. Нас тоже так учили, только с другой стороны. Поэтому я сейчас осваиваю лечение посохом.

Жрец снова стал переводить мои слова Элентитте. Та молча и хмуро выслушала его. Потом она фыркнула и отвернулась. Теперь она дулась уже и на меня тоже. Но что-то во всём её виде говорило, что обида у неё показная. Сначала она дулась как ребёнок, которому не дают желанную игрушку. Теперь она дулась из гордости, не желая нам уступать. Видимо она тоже осознала правильность наших слов. Но чувство ущемлённого достоинства не позволяло ей сразу признать это.

— И ещё — Голендил внимательно взглянул на меня. — Элентитта не стала использовать жизненную силу пациента для его лечения.

Заинтересованность Жреца сразу возросла. Он смотрел на меня с большим интересом, даже замерев, боясь пропустить мои слова.

— Жизненная сила больной?

— Больной человек... эльф при лечении всё равно будет терять жизненную силу. Или ты её просто потеряешь, или соберёшь и используешь для излечения его же самого. Так нас учили, так я поступаю. Это позволяет экономить силу для тебя самого и твоего посоха. Элентитта этого не сделала в прошлый раз. Надо это исправлять. Иначе её может не хватить на тяжёлое ранение.

Мне вновь пришлось ждать, пока жрец просвещает эльфийку по вопросам магии. Я глянул за стены своего жилища вторым видением. Время пролетело незаметно. Наступала полночь, о чём я и сообщил своим гостям. Они сразу же стали собираться в дорогу. Голендил сообщил мне, что они не собирались задерживаться здесь надолго. Он извинился, что отняли у меня время. Я пожал плечами. Время было потрачено с пользой, а значит не потеряно, а использовано. Он согласился и распростился со мной до следующего раза. Я спустился вниз и проводил их до двери. Некоторое время я смотрел, как они уходят в ночь. Только потом закрыл дверь. Пора было ложиться. Завтра меня ждала работа.

Утром в двери моего домика постучалась лекарка. Начинались будни. Разговоров не было. Мы обменялись поклонами головы и отправились в путешествие по Роце Исцеления от одного домика к другому. Затишье между боями привело к тому, что больных и раненых в домиках было мало. Да и те стремились побыстрее выбраться из Роцы к себе домой или в военные отряды. Несмотря на затишье, в воздухе ощущалась некоторая тревожность. Это ощущали все. И все стремились подготовиться к этому.

Возле первого домика нас ожидали эльфийки. Я не мог определить их возраст, но вели они себя как стайка юных девиц, которых отпустили от домашних забот отдохнуть на природу. Они радовались мягкому снегу, павшему на землю прошлой ночью. Бегали по белому полотну снега, игрались в снежки. Я понимал, что каждая из них может быть старше меня в разы, но у меня желания порезвиться со снегом не возникало. Последний раз развлекался, играя в снежки, примерно в возрасте лет тринадцати. Точно не помню. Но рядом с ними я ощущал себя взрослым. Захотелось улыбнуться. Даже не знаю чему. Или их непосредственности, или своему ощущению взрослости.

Лекарка окрикнула эльфиек. К своему удивлению среди них я разглядел Элентитту. Почему-то я не мог представить её балующейся или играющей, словно ребёнок. Хотя возможно, что с точки зрения эльфов она и была ребёнком. Я даже не знал её возраста. Да это и не имело значения. Через несколько месяцев сойдёт снег, и подсохнут дороги. Тогда я просто уйду от эльфов, направлюсь обратно в земли Империи. Я встряхнул головой, отгоняя наваждение. По тому, что я узнал, они считают меня чужим. И никогда не примут к себе как равного. Я нужен им для получения магических знаний. Они нужны мне для выживания и как проводники в земли Империи. У нас взаимно выгодное сотрудничество. Остальные мысли могут привести меня только к беде. Поэтому их надо изгонять из своей головы. Понимаю, что живя среди них, начинаешь принимать эту общину как свою. Вот только твоей она никогда не станет. Ты можешь принять их, но они никогда не примут тебя. Одёрживай мысли и держи дистанцию.

В тот момент, когда мы уже входили внутрь домика, к нам подошёл Голендил. Это меня удивило. Зайдя последним, он закрыл за нами дверь. Пройдя внутрь, он остановился недалеко от двери. Он стоял спокойно, ожидая, пока на него обратят внимание. В домике повисла тишина. Казалось, будто даже больные перестали хрипло дышать и кашлять. Потом раздались тихие голоса приветствия. Эльфы стали склонять головы в знак приветствия и уважения к представителю власти. Я присоединился ко всем, поклонившись Голендилу, как жрецу и представителю Совета. Дождавшись окончания приветственного ритуала, он заговорил. После небольшой речи он подошёл ко мне и на ломаном языке людей объяснил, что у него сегодня свободный день, и он решил навестить нас, посмотреть на наши результаты.

Расположившись у стены, он, тем не менее, не присел на скамейку, хотя место ему и предложили. По просьбе Голендила, сегодня лечением занималась только Элентитта, а я страховал её и исправлял ошибки. В целом она справлялась с заданием, но полноценного и качественного исцеления у неё не получалось. В основном шли простудные заболевания. Элентитте за весь день ни разу не удалось полностью удалить мокроту и гной из лёгких или ран. В целом исцеление было признано мною удовлетворительным.

Раздался ропот остальных эльфиек. В общих чертах я понял, что они недовольны положением, когда им не дают попыток лечения. Почему всё внимание уделяют Элентитте? Она что, любимица? Голендил поднял руку. Наступила тишина.

— Хэаби калм а бе патиег. Хэа ис препареднен капяги. (Сохраняйте спокойствие и терпение. Её готовят к походу.) — Он обвёл взглядом эльфов, смотрящих на него. — Хэар трымимб ис море апортат си. Фиид патиеке. Лин тиме вилл тели. (Её подготовка сейчас важнее. Найдите в себе терпение. Придёт и ваш час.)

Я наблюдал за лицами окружающих. Воины стали смотреть на Элентитту с интересом и восторгом. Эмоции эльфиек были другими. Интерес, страх, высокомерие (?), а некоторые смотрели даже с завистью. Глянув на Голендила, я заметил, что и он внимательно смотрит за реакцией окружающих. Ну что же, думать об этом некогда. Пора работать.

Элентитта снова приступила к лечению бойцов. Хорошо, что их было мало. Солнце ещё не успело дойти до обеденного зенита, а мы уже успели излечить всех больных и раненых воинов. Вот только Элентитта выглядела измотанной. Когда увели последнего раненого, вперёд вышел наш жрец. Он поднял руку вверх и призвал к тишине. Внезапно он заговорил со мной.

— Невил, ты сумеешь показать нам... действие, которое поможет освоить лечение?

Я задумался. Мне потребовалось время, чтобы понять, что от меня требуется. И ещё немного времени, чтобы придумать такое действие. Наконец, меня осенило. И как я раньше не додумался до этого. Сегодня это упражнение является базовым в подготовке магов, но тогда мне пришлось сильно напрячь моё воображение. И тогда на меня снизошло озарение. Просто картинка, но почему я об этом не мог догадаться раньше?

— Пожалуй, да. — В моём мозгу стали мелькать различные картинки, и одна мне понравилась особо. — Ваши воины играют в... кости? Ну, кубики с картинками на плоскостях.

— Да. — Произнёс жрец, спустя некоторое время. Видимо мои слова тоже нужно было осмыслить.

— Нужна пара одинаковых кубиков. На время, для показа.

Голендил отдал команду. Началось шевеление. Оказалось, что у эльфиек нет таких костей. Лекарка поднялась на второй этаж. Раздались вопросительный лекарки и бурчащие мужские раненых. Потом голос лекарки перешёл на приказные тона. Бурчание стихло. Спустя несколько минут лекарка спустилась вниз. В её руке были зажаты две игральные кости. Подойдя к нам, она положила их на стол. Я обратился к Жрецу.

— Попроси их смотреть внимательно на мои действия вторым видением.

Пришлось ждать, пока он переведёт это на их язык. При этом слова звучали в приказном тоне. Взяв их со стола, я внимательно рассмотрел эти изделия народного творчества. Везде кости такого типа одинаковы. На поверхностях были высверлены небольшие углубления от одного до шести на каждой из шести поверхностей. Взяв их в руки так, чтобы вперёд смотрели единицы, я повернулся и показал их всем присутствующим. После чего бросил их на стол. Они упали в беспорядке. Направив на них посох, я сконцентрировался и протянул между кубиками силовую полосу так, чтобы края этой полосы прикреплялись к кубикам в поверхности с единицами. Медленно, но уверенно я стал стягивать силовую полосу. Она стала уменьшаться и утолщаться одновременно. Кубики поползли навстречу друг другу. При этом они разворачивались. Наконец, полоса сжалась в одну сплошную плоскость, зажатую между двумя кубиками. Я отпустил усилие. Кости продолжали лежать на столе прижатые

друг к другу единицами. Я сделал шаг назад, давая возможность остальным посмотреть на лежащие кубики.

— Скажи им — обратился я к Голендилу, — что это подготовительное упражнение к лечению. С его помощью можно освоить стягивание вместе сломанных костей, порванных сухожилий и тканей. Кости можно вернуть хозяину.

Голендил стал переводить мои слова эльфийкам. Они внимательно слушали. При этом мои слова в его исполнении звучали не как совет, а приказ. Эльфийкам предписывалось в ближайшее время освоить это упражнение. Эльфийки принимали его слова в тишине. Надеюсь, им хватит ума осознать, что его тон связан с необходимостью. Чем быстрее они освоят лечение с помощью магии, тем больше будет шансов на выживание у их расы. После отдачи приказа эльфиек отпустили, и они стали по одной тихо покидать помещение. Того радостного возбуждения, которое они испытывали перед началом нашего занятия, уже не было. Постепенно помещение опустело. Вышла с ними и Элентитта. Я обратился к жрецу.

— Скажи, Голендил, почему у некоторых эльфиек было чувство высокомерия по отношению к Элентитте, когда ты сказал о том, что она идёт в поход?

Голендил задумчиво пожевал губы прежде, чем ответить мне. Из его ответа я понял, что сословное деление эльфов сказывается и на магах, а не только на воинах. Магички из благородных родов, как правило, никогда не участвовали в военных походах. Магические способности сами по себе являлись большой редкостью. Лишь один из многих сотен был наделён этим даром. Но сила дара была различна. И чаще всего передавалась по наследству. Магичек берегли. Помещали в самые безопасные места. Их наличие в Роду и их сила определяли его социальное положение в племени. Мужчины чаще становились боевыми магами. Их способность к лечению значительно ниже, чем у женщин. Поэтому женщин-магичек берегли особо сильно. Если магичка отправлялась на войну, то, как правило, имела низкий социальный статус. Именно такой являлась Элентитта. Поэтому некоторые магички испытывали по отношению к ней высокомерие. Им походная жизнь не грозит. А те, кто испытывал страх или зависть, это как раз те, которым предстоит в будущем или искать работу, чаще в Роце Исцеления, или идти в поход с войсками потому, что сами они также происходят из низких социальных слоёв. Кто согласится работать в войсках — отправится по военным лагерям. Но, с другой стороны, у них там будет шанс найти себе мужа из благородного Рода. Возможно даже мага. Тогда у них появится шанс родить ребёнка с магическими способностями. А это повышает для магички статус и ценность.

— Она будет жить среди большого количества мужчин. Не бойтесь, что её... принудят к сожительству?

— Ты плохо знаешь наши женщины. — Его лицо сморщилось, словно он проглотил нечто неприятное. — Если эльфийка принуждать к связи, то она погибает. Мне не известны случаи, чтобы эльфийка осталась жить после такого. За насилие в наш народ наказывать не просто смерть. Медленный и мучительный смерть. За насилие над магичкой — смерть ещё мучительней и медленней, и позор на весь Род, без разницы от статус. Магичка — большой ценность в отряд. Там она в безопасности.

— Если они из низких социальных слоёв, то как они получили жезлы. Это очень дорогое изделие.

— Это так — кивнул он головой в знак согласия. — Раньше жезлы принадлежать Рода. Дети с магической способностью искать и забирать Рода. Чем больше маги и воины, тем сильнее Род. Сейчас всё сложнее. Мне пришлось говорить с главы Род, чтобы они

поделиться жезлы для всех найденных магички. Постепенно их разберут в Рода, и всё станет как раньше. Но сейчас трудный ситуация. Пришлось нарушать традиция — его лицо опять поморщилось. — Так мы дать жезлы всем магички. Они учиться.

Я смотрел на Голендила. Где-то внутри мне было его даже жаль. Работая на выживание своего народа, он при этом всё больше и больше подрывал свою власть.

— А как же Элентитта? Откуда у неё жезл?

— Особый случай. Её родичи подобрать жезлы в бою, как трофей. Такие жезлы Рода не отнимать. Их чаще выкупать. Но Элентита и её мать — магички. Они не отдавать жезлы. Они мало уметь. А жрецы нет, чтобы настроить их. Пока я их не настроить на жезл. Её участие в тот поход позволил собрать все женщины, такие как она. Это большой удача. — Он улыбнулся. — Её мать тоже скоро учиться магия. Это тоже против традиция, но у нас плохой ситуация. Раньше мы не учить взрослый маг. И приходит она со свой жезл.

Мы покинули домик для раненых. Я шёл до своего домика и размышлял. Этот эльф сделает много для своего народа, и много потеряет. Мы разошлись в разные стороны. Меня ждала работа над книгой. Я решил не переводить, а просто перерисовать эльфийские книги. И сегодня я надеялся начать эту работу. Жизнь возвращалась в привычную колею.

Через два дня Элентитта перестала приходить на занятия. Теперь я по очереди практиковал других эльфиек в магии лечения. Таково было условие. Результаты были не велики. Но даже при таком темпе они должны были к весне освоить эту способность. О чём я и сообщил беспокоящемуся Голендилу. Всё шло своим чередом. Я подозревал, что Элентитта с отрядом ушли в поход. Но спрашивать об этом не стал. Понимая, что я здесь чужак, и старался абстрагироваться от их проблем. Но сказать честно, я переживал. Я не хотел этого признавать даже себе самому, но они стали для меня очень близкими и дорогими. Скоро я познакомился и с матерью Элентитты. Внешне она выглядела как молодая женщина, только с обилием нитей седины в волосах. К моему удивлению, таких как она было несколько. Было видно, что эльфы, стремясь выжить, мобилизовали все свои резервы.

Через две недели в Роцу массово стали поступать больные и раненые эльфы. Многие из них получили тяжёлые ранения в боях, но были излечены в полевых условиях и благополучно дожили до приезда домой и полноценного лечения в Роце Исцеления. По рассказам бойцов, подслушанных мною, они участвовали в рейде по орочьим зимовьям. Стоянки были разгромлены, а орки перебиты. В честь этой победы в городе устроен праздник. Горожане радуются. Мелькало имя Таурона, как замечательного военачальника. Так же я узнал, что Таурон сейчас пополняет запасы продовольствия и боеприпасы. Восполняется численный состав отряда. Воины горевали, что не могут отправиться с ним в дальнейший поход. Многие из них потеряли много крови, получили переохлаждение. Нуждались в более тщательном восстановлении повреждённых органов. Отправлять их сейчас в поход было равноценно подписанию смертного приговора.

Я внутренне радовался победам эльфийского народа и военным успехам Таурона. Но внешне ничего не показывал. Осмотр ран показал, что они были заживлены знакомой мне рукой. Радовало, что Элентитта приносит пользу отряду и своему народу, спасает своих воинов. Было видно, что её мастерство растёт. Одного этого было достаточно, чтобы дать превосходство эльфам в этой войне. Но здесь и сейчас готовилась более масштабная сила. К весне эльфы обретут значительные возможности. Мне было неизвестно, какие атакующие

заклятия они готовят, но то, что они их изучают, сомнению не подвергалось. Эльфы готовились к масштабной войне и восстановлению своего могущества. Сегодня я рад, что явился свидетелем тех событий. А также был тем «камешком», который стронул эту «лаvinу» с места. Так говорят гномы. Мой же личный вклад был весьма скромным.

Для меня продолжались трудовые будни. Я целенаправленно срисовывал эльфийские книги. Хотя труд и продвигался медленно, но не останавливался. Просматривая кольцо с заклЯтиями, я нашёл и другие интересные заклЯтия. По вечерам я отрабатывал их в своей комнате. Правда, без выплеска энергии. Не хватало ещё наложить заклЯтие на себя самого. Голендил теперь приходил ко мне только днём, поэтому я не боялся, что он подсмолит. Обучение эльфиек проходило достаточно медленно. Но прогресс всё-таки был. Это было тихое и спокойное время для меня. Затишье перед бурей. Элентитта так и не зашла ко мне пока была в городе. А через неделю она вместе с отрядом снова покинула город. Отряд снова ушёл на войну. Обиды не было. Наверняка у неё было много работы. Но, должен признаться, я скучал по нашим вечерам. По нашему общению. Мир вокруг меня был тих и размерен. А где-то шла война.

Эльфийские воины, после окончательной очистки тел от накопившейся грязи и устранения порывов тканей, ещё некоторое время проходили реабилитацию в Роше. Каждое утро я наблюдал, как их заставляют под музыку выполнять гимнастику, больше похожую на какой-то медленный экзотический танец. А также они выполняли особые дыхательные упражнения. Некоторые я узнавал, о назначении остальных догадывался. Воины быстро шли на поправку, но окончательное решение об их возвращении к нормальной жизни принимал не я. Моя задача была значительно скромнее.

На улице наступала поздняя осень. Становилось холоднее с каждым днём. Уже не было дневных оттепелей. Землю сковал холод. Снежный наст становился плотнее, а толщина снега постепенно нарастала. Тропинки замело. Ходить становилось труднее. Именно у эльфов я впервые познакомился с таким предметом как лыжи. Конечно, люди знали о лыжах и активно использовали. Но моё обучение не предполагало способностей к их использованию. В то утро, когда я задумался о способах передвижения по снежному насту между домиками, в мой домик пришла лекарка в сопровождении эльфийского воина. В руках воина находились четыре предмета. Пара лыж и лыжные палки. Также мне выдали пару зимней обуви в виде фетровых сапог. Эльфы были довольные и раскрасневшиеся. Видимо ходьба на лыжах доставляла им удовольствие.

На первом этаже моего домика, за закрытыми дверями они быстро объяснили мне как с помощью кожаных ремней притянуть лыжи к своим ногам, чтобы они не болтались. Они же помогли мне снарядиться в мой первый выход. Не надо считать, что ходьба на лыжах понравилась мне с первого раза, но впоследствии я получал от этого вида передвижения большое удовольствие. Прикрыв двери, они помогли мне надеть лыжи на мои фетровые сапоги. В руки мне дали лыжные палки, а мой посох они привязали у меня за спиной на верёвочную лямку. Мы отправились в обход по домикам для больных. Лекарка шла первой. Следом неумело двигался я, поскальзываясь и падая чуть не на каждом шагу. Позади меня шёл воин. При каждом моём падении он подъезжал ко мне и помогал подняться на ноги. К моменту приезда на место я походил на растрёпанное чучело, измазанное снегом. При этом я распарился от необычного способа передвижения, был красным как рак в кастрюле с кипятком, и от меня шёл пар. Наверное, это было забавное зрелище.

Возле домика меня ждал Голендил и толпа эльфиек, которых я должен был обучать.

Жрец смотрел на меня недоумённо, а вот лица эльфиек растянулись в улыбках, глядя на меня. Неумело перебирая лыжами и палками, я наконец-то добрался до дверей домика. До меня доносились тихие насмешки. Пострадало ли моё самолюбие? Сложно сказать. В тот момент я испытывал много эмоций. Усталость, раздражение, чувство беспомощности и предчувствие ношения мокрой одежды. Пока не доберусь до своего домика, возможности просушиться у меня не будет. Голендил подождал, пока я окажусь возле него и задал вопрос.

— Ты в первый раз одевать... — он ткнул пальцем в лыжи. — Ски?

Последнее слово он сказал после задержки, словно он пытался вспомнить название, но не смог. Но мне стало понятно, о чём он говорит.

— Да. — Я поморщился. — Раньше мне не приходилось пользоваться ими.

На площадке возле дверей снег был откинут с помощью лопат до твёрдого наста. Можно было стоять, не боясь провалиться в снежную массу. Выехав на эту площадку, я с большим трудом снял с себя лыжи, предчувствуя будущие боли в мышцах. Голендил удивил меня. Он подошёл к двери и снял с крюка возле неё небольшой веник из прутьев. Подойдя ко мне, он стал отряхивать меня от налипшего снега. Я в тот момент был в таком шоке, что даже не сопротивлялся. И лишь когда он закончил, я нашёл в себе силы задать вопрос.

— Зачем ты это сделал?

— Так принято в мой народ. Зимой путник приходит в дом, он обметать себя от снег. Привыкать.

Развернувшись, он вернул веник на место и вошёл в домик. Следом за ним словно стая птичек впорхнули внутрь и эльфийки. Мои спутники воткнули свои лыжи в снег возле входа, и обмели себя от снега. Я с удивлением наблюдал за происходящим. Наконец, я догадался повторить их действия. Воткнул лыжи в снег вместе с палками и обмёл ноги. Оказавшись на твёрдой почве, я вернул себе уверенность. Прежде, чем войти внутрь, я привёл себя в порядок, одёрнул одежду, снял со спины и взял в руки посох. Придав себе достаточно приличный вид, я толкнул дверь и вошёл в дом, где меня уже ждали.

Скоро вся Роща была опутана лыжными трассами. Там, где раньше были тропинки, теперь были проложены линии от лыж. По ним передвигались охранные патрули. По ним же передвигались больные и раненые бойцы. Как оказалось, у эльфов ходьба на лыжах является не только способом передвижения в зимнее время года, но и формой тренировки и частью оздоровительной программы. Ходьба на лыжах была не сильно затруднительна, по сравнению с оздоровительной ходьбой и бегом, но давала длительную нагрузку, положительно сказывающуюся на восстановлении здоровья больных. Сам я тоже пристрастился к этой нагрузке. Но попытка ввести этот вид нагрузки в имперских госпиталях, поддержки не получила.

Для меня продолжились рабочие будни. А на дворе заканчивался месяц Листопада. Морозы становились сильнее с каждым днём. Мне, не привычному к такому виду жизни в неотапливаемом доме, приходилось прилагать много усилий, чтобы сохранить в себе тепло. Но тяжелее всего было пережить одиночество. Никогда до этого мне не приходилось находиться долго без общения с людьми. Я работал усиленно не по тому, что такой трудолюбивый. Меня заставляло это делать скука и отсутствие общения. Чтобы не сойти с ума, приходилось заполнять своё свободное время работой. Сегодня я благодарен тому периоду своей жизни. Мне удалось выполнить очень сложную работу за весьма короткий срок. Видимо Всевышний намеренно подверг меня этому испытанию.

Именно в эти морозные дни пришла очередная группа раненых. Так до нас дошли

сведения о возвращении отряда. У моих учениц теперь была возможность практиковаться в излечении ран и заживлении. Старались использовать этот материал, хоть и плохо так говорить о живых людях... эльфах. Стоя на подстраховке, я поочерёдно сменял эльфиек при заживлении. Видимо, бои были очень тяжёлыми, если даже Элентитта не залечила всех. И расстояние до города было невелико, если она не сделала этого по дороге, как мы тогда по пути от болота до города. Но теперь мы пользовались такой удачей для повышения опыта магичек. С задачей справились далеко не все. Многим до сих пор не удавалось стянуть вместе кубики, а таких я не допускал до лечения. Из тех, кому это удалось, большая часть не могла запустить процесс регенерации тканей. Но были и «чемпионки», которым удалось сделать лечение хотя бы частично. Их ставили на заметку, как перспективных магичек. Голендил опять перестал ходить на занятия. Переводить стало некому. Однако к этому времени я набрал достаточно слов, чтобы окружающие меня понимали. А ещё у нас развилась достаточно сильно система общения знаками. Теперь мы общались достаточно быстро. Эльфийки, подчиняясь моим знакам, сменяли друг друга у стола для лечения. Прогресс шёл медленно. Иногда для заживления одной раны приходилось прибегать к усилиям двух — трёх магичек. Но результаты меня радовали. Ещё больше меня радовало то, что к началу месяца Снежника мне удалось закончить первую и самую объёмную из эльфийских книг. У меня были причины для радости. Я решил не уничтожать переписанную книгу. Теперь она лежала отдельно от остальных моих книг.

Сегодня я вспоминаю те времена, отмеряя его событиями. Это правильно. Прибытие раненых — событие. Написание книги — событие. Остальное — рутина, не отложившаяся в моей памяти.

По улицам города неспешно двигалась группа эльфов. Летом эти улицы были достаточно оживлённые, но сейчас, в месяц Снежник улицы и без того немногочисленного города опустели. Лишь редкие прохожие спешили по своим делам. Где-то во дворах слышались крики резвящейся детворы, лай собак. Взрослые же предпочитали сидеть по своим домам или мастерским, занимаясь немудрёным мастерством. Внешне в городе жизнь замирала и перебиралась под тёплые крыши и стены. Город был аккуратным. Ухоженные стены домов, крепко положенные крыши из черепицы. Множество домов смотрело в мир стеклянными глазами окон. Достаточно широкие улицы, с проезжей частью, выложенной из брусчатки, были огорожены газонами с густым живым ограждением из кустарников. Среди кустов проглядывали деревья. Так было сделано намеренно, чтобы озеленить город, сделать его непохожим на города орков, гномов и людей. Летом город утопал в зелёных листьях деревьев и кустарников. Сейчас эти газоны были засыпаны снегом, сметённым с проезжей части. Дорога была достаточно широка, чтобы по ней могли спокойно разъехаться две повозки. Из-за таких широких дорог город занимал достаточно много пространства. Но мог, при необходимости принять втрое больше народа, чем в нём обычно проживало. Это стало полезно в дни исхода.

Было же время! В летописях описывались времена расцвета эльфийской расы. В те времена, ещё до отплытия Великих Правителей эльфов в Валинор, численность эльфийского народа была значительна. Тогда город Содем был очень густо заселён. Но вместе с Великими Правителями ушло в Валинор и большинство эльфов. Остальные остались, чтобы принять участие в Великой Войне против сил Темного Повелителя. О той эпохе почти не осталось упоминаний в летописях. Победу добыли люди. Эльфы понесли страшные потери,

от которых их раса управлялась несколько столетий. Дорога в Валинор оказалась закрыта. После ухода большинства представителей эльфийского народа, город Содем почти полностью опустел. Из многих тысяч жителей, живших здесь когда-то, осталось лишь несколько сотен. Город, расположенный в окружении болот и низких холмов, лишённый рудных и иных ресурсов, был не особо популярен среди жителей эльфийского королевства Алкмаар. Совет приложил значительные усилия, чтобы сохранить инфраструктуру города и его постройки в исправном состоянии. Поддерживались сады, речушки и озёра, мосты и дома, хотя большинство из них были пусты. Но опыт старейшин говорил, что всё может измениться в одно мгновение. И этот миг пришёл, когда орды нежити низвергли остальные города королевства.

Множество эльфийских беженцев стало искать укрытия в стенах этого города. Сначала приходили эльфы из низких социальных слоёв, и их селили на окраинах города. Потом стали отступать и представители Старших домов. Многие вошли в Совет города. Впервые за множество столетий в городе были заселены все жилые здания. Теперь хватало жителей и для охраны города со всеми коммуникациями, и для обеспечения всех городских нужд. Нежить обошла город стороной. Но в этом заслуга не защитников города, а удачное расположение его среди болот. И хотя болота не причиняли нежити никакого вреда, но при этом стали для эльфов надёжным укрытием от неё. Город устоял в той войне, но королевство погибло. Вместе с ним погибли и многие знания эльфийского народа. Могущество их расы медленно угасало.

Именно такие мысли и воспоминания посещали Голендила во время его движения по зимнему городу. Монотонные движения в такт небыстрому шагу. Медленно проплывающий пейзаж. Относительно тёплая погода и отсутствие ветра. Он прожил всю свою жизнь в этом городе. Родился в дни его упадка. С молоком матери впитал любовь к нему. Со строгостью отца привилась забота об этом городе. Тогда Совет стремился сделать так, чтобы оставшиеся жители города жили в окружении красоты этого места, а не среди руин. Нехватка рабочих рук заставляла всех усиленно работать для поддержания строений города в исправном состоянии. Его отец утром заседал в Совете, а после полудня в составе бригады рабочих латал стены, крыши и перекрытия домов. В те далёкие времена его Род отвечал именно за строительство. И с детства отец брал Голендила с собой, прививая ему необходимые навыки. Когда отец состарился и отошел от дел, Голендил занял его место. Теперь он руководил строительством в городе, поддерживая его красоту, и одновременно заседал в Совете города. Он вместе с остальными решал, куда заселять беженцев и какую работу им дать. Его мудрость принесла ему много сторонников, которых он теперь терял. Его личный Род был достаточно многочисленным. Не многие могли похвастаться семьёй из почти двухсот родственников. А потому и требовал больших усилий для поддержания своей власти в семье. Не только силой, а и умом. Не то, чтобы кто-то в семье старался оспорить его власть, но и желающих подчиняться особо не находилось. Приходилось постоянно убеждать своих родственников выполнять нужную работу. Но управление таким большим родом давало ему в городе большое влияние. При необходимости род мог вооружить до семидесяти представителей семьи. И это, не считая сторонников и наёмников. Теперь же две его племянницы усиленно обучались магии. Магом был и он сам. Сила рода росла.

Голендил оглянулся на своих спутников. За ним шли Таурон и Ханон, герои осеннего похода, принёсшего первую победу за многие годы. Ещё в отряде был молодой воин, кажется, имя его Вэон. По отчётам, предоставленным в прошлый раз, выходило, что это его

боги избрали для передачи им своего сообщения. Под плащом у него угадывался объёмный предмет, о сущности которого он мог только догадываться. Остальными членами отряда были его телохранители, набранные из членов семьи. Когда его положение в Совете города стало шатким и возникло много противников, совет семьи решил, что теперь его будет сопровождать охрана. Семья опасалась, что противники могут опуститься до физического устранения Голендила. Такое случалось крайне редко, но хроники имели подобные примеры. Тем более, что Голендил нарушал многие традиции и правила эльфийского народа. Охрана стесняла его, но он мирился с этой необходимостью. Он понимал, что предпринять нападение большими силами его враги не решатся. Скорее подойдут убийцу. Наличие охраны делало покушение на него затруднительным. Голендил мысленно вздохнул. Ему нужно выиграть немного времени. Скоро результаты его трудов станут приносить плоды, тогда даже самые ярые его противники прикусят свои языки. А когда человеческий маг уйдёт из города, жители постепенно забудут его. Но будут помнить, кому обязаны возвращением своей силы и величия. Нужно только правильно вести политику, напоминая о себе и своём Роде, и помалкивая о человеческом маге. Эльфы сами не захотят вспоминать о человеке. И их гордость станет его союзником. Осталось только пережить это время. Как же тяжело проталкивать свои решения через Совет города, убеждать этих гордецов и лицемеров в правильности очевидных поступков.

Именно с такими мыслями шёл Голендил, пока вёл отряд к своему дому. Двигаясь под порывами ветра, они постепенно миновали все изгибы улицы и остановились перед большим особняком. Конечно, всё относительно. По пути они миновали дома и большего размера, но, по сравнению с домами большинства эльфов, это был достаточно большой особняк. Он растянулся вдоль улицы на почти пятьдесят шагов. Двухэтажное здание имело симметричную форму. В обе стороны от центральной постройки тянулись крылья дома. Центральная постройка имела выступ вперёд на уровне первого этажа в виде арки с перекрытием. Такое конструктивное решение строители применили, чтобы защитить двери дома, расположенные в глубине от заметания снегом зимой, и неплохо защищало от дождя летом. По сравнению с другими зданиями влиятельных родов, оно не имело большого количества декоративных украшений, будь то лепнина или барельефы. Каменное здание было оштукатурено и покрашено без нанесения фресок или иных рисунков. Ситуация с отсутствием рисунков и барельефов была странной для города эльфов, где каждый род, даже менее славный, стремился приукрасить принадлежащие им дома символами рода, а также ликами славных предков и сцен их подвигов. Особо богатые рода даже устанавливали статуи основателей и героев. Лишь несколько колонн украшало фасад и арочный проход. И, тем не менее, дом выглядел аккуратным и ухоженным, что немало говорило о самом владельце.

Голендил повернулся к зданию лицом и прошёл к главному входу по тропинке, проложенной между двух искусственных сугробов, которые летом представляли собой газоны и клумбы, ограждённые от тропинки живой изгородью. Он остановился перед входом. Несколько секунд он ждал, пока остальные его спутники подтянутся к нему. Взяв в руку веник, висящий возле двери, он обмёл свои ноги от налипшего снега, после чего передал веник своим спутникам. Пришлось ждать, пока все не отряхнутся и веник не вернётся к нему, после чего он повесил его обратно. Вздохнув, как перед выполнением неизбежного дела, он постучал в ворота дома. Теперь надо было немного подождать. Конечно, он мог войти и сам, но так уж было заведено у него в доме. Постучавшись, он давал возможность домашним приготовиться к приходу гостей, привести себя и свою одежду в

порядок. Это позволяло им сохранить лицо, не создавая для них неудобств. За дверью послышался звук лёгких шагов. Кто-то остановился перед дверью и замер. Голендил представил, как она приводит себя в порядок, прежде чем произнести простую фразу.

— Кто там?

— Это я пришёл, Эллотель. И я не один.

Послышалось шевеление, скрип и щелчок засова. Дверь без скрипа легко сдвинулась, приоткрыв небольшую щель. Сквозь неё на пришедших глянули глаза серого цвета, принадлежащие женщине среднего роста с миловидным лицом и чёрными волосами. Эти волосы были густо усыпанными седыми прядями, отчего казались пепельными. Вокруг глаз разбегались тонкие линии морщинок. Когда-то Эллотель была женой его старшего сына Полдона. Простое одеяние подпоясывал тонкий ремешок с мешочком для личных принадлежностей. На голове волосы были стянуты широкой чёрной лентой, которую обычно носят вдовы. Оглядев пришедших, она раскрыла двери ещё шире и ритуально поклонилась. Гости склонили головы в ответ.

— Здоровья и процветания вам под сенью леса, дорогие гости.

— И вам процветания, хозяйка. — ответили гости в разнбой.

После чего она отступила в сторону, пропуская пришедших в помещение. Её рука плавно развернулась в приглашающем жесте. Гости во главе с Голендилем стали проходить внутрь дома, стараясь не спешить, чтобы не уронить достоинство своё и дома приглашающего. Но, и не задерживаясь, чтобы не выстуживать помещение. Наконец, дверь дома оказалась закрыта, а все гости внутри него. После чего Эллотель развернулась и ушла внутрь дома, предоставив мужчин самим себе. Глядя ей в след, как она плавно вышагивает ножками в лёгких фетровых башмачках, он вспоминал о своём сыне, который должен был наследовать ему и о его гибели в годы Великого исхода.

Память унесла его в то время. Когда велась Великая война с нежитью, многие молодые воины решили отправиться на войну. Почти никто не вернулся. Голендил не разрешил старшему сыну идти воевать, хотя два средних сына — Сарнон и Менелон — ушли. Причина запрета была в том, что Полдон, как и его отец был магом. Ради выживания народа, таких, как он, следовало жертвовать в последнюю очередь. Сыновья не вернулись. После в город стали прибывать вести о большом количестве беженцев и страшных поражениях в той войне. Совет был жарким, но Голендил и его сторонники смогли настоять на помощи беженцам и размещении их в своём городе под защитой стен. Было решено провести всех найденных беженцев через болота в город. Голендил с сыном и отрядом бойцов отправились наводить гати и проходы в болотах. Беженцы были встречены и направлены в сторону города. Вереница беглецов нескончаемым потоком стала идти через болота. Сразу за беженцами шла нежить. Именно там, защищая беженцев, они и дали несколько сражений. Беженцы сражались наравне с воинами его отряда, прикрывая отход женщин и детей. В тех боях пал его сын. Его собственный лук был переломлен. Теперь Голендил пользовался луком своего сына. Многие пали, но ещё больше эльфов было спасено. Голендил отступал последним. Нежить, получив сильный отпор, двигалась следом, но не нападала. С собой воины уносили своих павших. Восставшие мертвецы с синюшными и раздутыми лицами остановились, не дойдя до кромки болотной воды с десятков шагов. Ближе всех подошли оборотни. Полулюди — полуволки припали у воды на передние лапы и стали принюхиваться. В их глазах читался голод и злость, напололам со страхом. Между Голендилем и крупным самцом, вожакom оборотней, было не более двадцати шагов. Для оборотня так вообще пара прыжков. Но

оборотень не прыгнул. Запах воды ему видимо не понравился. Фыркнув от отвращения, он поднялся на задние лапы и завыл. После чего вся стая развернулась и ушла обратно в лес. Следом стали уходить и мертвецы. Голендил и остальные воины не верили своим глазам. Голендил утёр выступивший пот. Лук был чужой, он не отвечал на приказы Голендила. Защититься от оборотня ему было нечем. Обычные стрелы и мечи оборотням вредили очень мало. Проще сказать, что они были неуязвимы для обычного оружия. В том сражении, помимо обычных воинов и магов, пал и верховный жрец города. В тот год настроить Голендила на лук стало некому.

Возвращение было скорбным. Мертвецов сжигали, опасаясь поднятия их из-за грани смерти. Маленькую урну с прахом Голендил лично отнёс в лес и высыпал под дерево, чтобы душа сына теперь обитала в нём. В той войне его семейство понесло сильные потери. Более тридцати воинов его рода не вернулось с полей сражений. Потери могли быть и более значительными, но нежить не стала нападать на город. Орды нежити ушли на север, не напав на город по узким проходам между болот. Жители города спешно разрушали мосты, опасаясь нападения, рыли каналы между болотами, надеясь на защиту болотной воды. Нежить обошла город стороной. В самом же городе стоял траур. Все Рода города понесли потери. Средние сыновья не были женаты. Младший, ставший теперь наследником главы рода, по меркам эльфов был ещё ребёнком. Сила магии только начинала проявляться в нём. Из пяти дочерей, две стали лекарками остальные ухаживали за хозяйством. На его плечи пала большая тяжесть. Эллотель находилась в трауре. Её горе сильно ударило по ней. Был момент, когда она решила покончить с собой. Она привела к нему своих детей и попросила взять их на воспитание, а её отпустить вслед за мужем. Голендил и сам находился в сильном состоянии горя, но слова Эллотель его тогда просто взбесили. Гнев помог ему преодолеть боль утраты. Он орал на неё так, что перепугал всех живущих в доме. Дети плакали, а взрослые жались по углам, надеясь не попасть под его горячую руку. Властью главы рода он запретил ей думать о самоубийстве, возложив на неё обязанность воспитания её собственных детей. Той же властью он запретил ей уходить из его рода в род её отца. Эллотель подчинилась. Год спустя его жена Нениэль умерла от горя по своим сыновьям. Теперь дом держался на Эллотель. По сути, в отсутствие Голендила, Эллотель перенимала всю власть в Роду. Но, хотя срок траура уже давно вышел, она так и не сняла траурную повязку.

Все эти мысли мгновенно пронеслись в его мозгу, принеся ему боль и горечь утраты. Но Род ещё жил.

— О чём задумался, глава?

Вопрос вывел его из транса. Он оглянулся. На него смотрели его спутники. Спohватившись, Голендил повернулся лицом к ним и проговорил.

— Приветствую вас, путники, в доме Рода Каменной опоры. Прошу проходить.

Гости стали снимать одежду и отдали её родственникам Голендила, которые стали уносить её в гардероб. Голендил бывал в маленьких домах, с небольшим числом живущих. В них вешалка для одежды находилась в коридоре. Но в его доме устроить такое было невозможно, слишком много эльфов проживало под крышей этого дома. Пришлось оборудовать целую комнату под гардероб. Родственники сами относили свою одежду в гардероб, а гостям помогали младшие члены семьи. Охрана стала провожать гостей в кабинет Голендила. Раньше это был кабинет его отца. Он помнил как будучи юным эльфом, прислуживал отцу во время его деловых бесед с гостями. Отец вёл беседы неспешно,

сохраняя хладнокровие и невозмутимость, даже если его собеседник проявлял бешенство. Он всегда стремился сохранить своё достоинство и достоинство Рода. Тогда Голендил представлял себя на его месте. Теперь он сам был на его месте. Сдав пост главы Рода, отец старался больше не заходить в эту комнату, испытывал раздражение, если приходил в неё. Тогда Голендил не понимал этого, но проработав в ней много лет, сам стал испытывать раздражение от нахождения в рабочем кабинете. Теперь этот кабинет стал восприниматься им не как символ его власти, а как место постоянного перенапряжения ума и психики, мучений при принятии решений, страха от осознания возможной ошибки. Кабинет давил на него. Но при этом был и частью его личности и статуса. Принимая гостей, он вынужден был работать в нём. Войдя в кабинет, Голендил сразу же прошёл на своё место и встал возле стола. Так предписывал этикет. Сделав рукой знак, он пригласил к столу своих гостей. Прихватив скамейки, гости стали располагаться по другую сторону стола. Пока никто не сел, лишь скамейки были расставлены на места их возможного расположения. Сейчас ещё можно было подвинуть их, давая возможность приблизить к себе одного из гостей, дав ему преимущества перед остальными. Но в данный момент такой необходимости не было, чем Голендил был весьма доволен. В комнату вошёл его младший сын Латеон. Он принёс поднос с чашами, наполненными ягодным отваром. Когда-то так входил он сам. Вспомнив, что должен подавать сыну пример, он приосанился и придал лицу спокойное выражение.

— Здравствуйте, дорогие гости. Я, Голендил, в данный момент возглавляющий Род Каменной опоры, благодарю вас за оказанную честь и посещение моего дома.

Он старался, чтобы ни один мускул не дрогнул на его лице. Латеон заворожено смотрел на него, внимательно слушая и запоминая. Гости стояли напряжённо, следуя правилам этикета. Они ожидали, когда закончится вступительная часть приёма и начнётся настоящее обсуждение решаемого вопроса.

— Прошу вас присаживаться. Мне приятно будет общаться с такими славными воинами, как вы.

— Благодарим за предложение и похвалу, господин Голендил. — Ответил за всех Таурон.

Они сделали лёгкий поклон, после чего заняли свои места на скамейках. Следом за ними присел и хозяин кабинета.

— Господин Голендил, у нас к тебе важный разговор. Это касается пророчества, данного нам через моего воина Вэона.

Неприятное чувство возникло внутри груди Голендила, но внешне он ничем этого не показал. Степенно взяв со стола чашу с напитком, он лишь прикоснулся губами к нему. Он двигался медленно и размеренно, ставя чашу на стол и переводя взгляд с Таурана на Вэона. Возле стены на скамеечке сидел его сын. Поставив чашу на стол, он продолжил.

— Помнится, что мы уже обсуждали эту тему. Разве вы тогда рассказали мне не всё содержимое видения?

— Обстоятельства были против — продолжил Таурон, — для этой части пророчества тогда ещё не пришло время.

Раздражение стало заполнять Голендила. «Сколько же у тебя частей пророчества от богов? — Подумал он. — И как долго ты их будешь выкладывать по частям? Хочешь поиграть в избранного?»

— И что же такого в этой части, что её нельзя было обсудить одновременно с предыдущей?

Он позволил себе слегка приподнять бровь.

— Эта часть не имеет отношения к ведению боевых действий, в которых мы сейчас участвуем. — Проговорил Таурон. На его лице отразилась гамма эмоций. — Это моя вина. Пророчество было разделено на две части. Ту, в которой было показано расположение воинских отрядов орков, была высказана первой. Она тогда была более актуальна. Половина орков и гоблинов была уничтожена, оставшихся мы добьём к весне.

Было видно, что Таурон волнуется. Да! Он не политик, не умеет скрывать свои эмоции. Таурон взял со стола чашу с напитком и сделал глоток. Голендил внутренне усмехнулся. В чашу добавляли успокоительные травы, чтобы снизить вероятность конфликтов. Сейчас это было актуально.

— Воины получают опыт войны, а маги учатся. Мы сейчас намного сильнее, чем прошлым летом. — Голендил смотрел на говорящего военачальника. Положение в войсках ему было хорошо известно. — Вторая часть касается расположения тайной библиотеки в разрушенном храме нашей бывшей столицы и способов в неё проникнуть. Я специально утаил её, чтобы не спровоцировать поход туда. Мы для этого ещё не готовы. А осенью были готовы ещё меньше, чем сейчас.

— Об этом судить будешь не только ты, Таурон. Но твоё мнение будет учтено. Так что с пророчеством? Могу я ознакомиться с его содержанием?

Ни один мускул не дрогнул на лице Голендила, но внутри у него поднялась настоящая буря эмоций. Место расположения и доступ к библиотеке его народа! За это он был готов простить Таурону его утаивание информации. Важно лишь, чтобы это была правда. Важно ознакомиться. Он внимательно посмотрел на Таурана. Тот, правильно его истолковав, перевёл взгляд на Вэона.

— Вэон, отдай свиток.

Воин немного замялся, но потом распахнул плащ и вынул на свет большую катушку с намотанным на неё листом пергамента. Под взглядами окружающих он уложил её на стол и стал разматывать.

— Вот здесь я описал своё видение, а Ханон записал его знаками — проговорил он скороговоркой, ткнув пальцем в строки, состоящие из корявых знаков эльфийского алфавита. — А здесь я нарисовал рисунок с планом построек. Если мы пойдём вот так...

— Позволь мне самому ознакомиться со свитком и самому судить о содержимом — проговорил с нажимом Голендил.

Получив отповедь, Вэон отступил к скамейке и присел на неё. Было видно, что он чувствует себя неудобно на этом заседании.

— Будьте здесь. Если мне потребуются ваши пояснения, я обращусь к вам. — Он перевёл взгляд на Ханона. — Ты умеешь читать и писать? — он дождался кивка головы — Это хорошо.

Склонив голову над свитком, он стал медленно водить пальцем по строкам знаков, читая их про себя и мысленно благодаря всех известных ему богов. Очень вовремя он получил алфавит и смог вспомнить чтение, сидя над свитками. Сейчас он создавал впечатление очень грамотной личности. Это должно было положительно сказаться на его репутации. Чтение давалось тяжело. И вопрос не только в том, что Ханон писал очень корявые знаки, трудные для понимания, но и множество ошибок, допущенных им. В некоторых словах Голендил остановился потому, что не мог их прочесть. Пришлось звать Ханона, чтобы тот дал ему разъяснения. Делая пометки карандашом, и заодно устраняя

ошибки, Голендил, наконец, смог прочесть этот документ. Он выглядел измотанным. Гости при этом успели выпить несколько чашек ароматного ягодного напитка и пребывали в расслабленном состоянии. Отодвинув лист, Голендил вздохнул.

— Ну и подчерк у тебя, Ханон, просто жуть. Но это лучше, чем у большинства наших офицеров. Те вообще ни читать, ни писать не умеют — он глянул на Таурона. Тот смутился, но взгляда не отвёл.

— Вообще-то я читать и писать умею. Отчёты по армии заполняю я.

— Видел я те отчёты — согласился Голендил — Ещё страшнее, чем этот свиток. — Он улыбнулся, давая понять, что это была шутка.

Таурон улыбаться не спешил, но расслабился. Лицо Голендила снова приняло спокойное выражение.

— Теперь я хочу, чтобы Вэон спокойно рассказал мне о своём видении.

— Вы мне не верите — Лицо Вэона имело раздражённое и слегка обиженное выражение.

— Верю я или нет, в данный момент имеет мало значение. Тебе придётся говорить перед советом, как и мне и Тауруну с Ханоном. По этому докладу нам в любом случае придётся отправить в столицу отряд с разведкой и поиском. Этот поход очень опасен. Возможно, многие воины погибнут в нём. Нужны веские обоснования, чтобы жертвовать жизнями воинов. Их и так мало. А новобранцев в этот поход не пошлешь, значит, жертвовать придётся опытными воинами, а они очень дороги — их ещё меньше.

Голендил смотрел на Вэона спокойным взглядом и говорил спокойным тоном, но с напором, как маленькому ребёнку. Вэон, успевший привстать с места под воздействием бушевавших в нём эмоций, медленно сел на место. Его лицо имело потерянное и смущённое выражение после такого отпора.

— Но я видел это очень чётко. Как тебя...

— Поэтому, — продолжил Голендил — ты сейчас подойдёшь к рисунку и спокойно и тщательно всё нам расскажешь. Где, какие объекты, какие препятствия, сколько шагов между ними, какая охрана. Это нужно, чтобы наши офицеры — он сделал указующее движение рукой в сторону Таурона и Ханона — могли разработать детальный план этого похода. Без этого мы потеряем больше воинов.

Потребовалось время, чтобы сказанное дошло до Вэона. Он поднялся и подошёл к столу. Голендил подал ему палочку-указку и жестом предложил офицерам подойти ближе. Но, прежде чем Вэон смог открыть рот, Голендил остановил его жестом руки и повернул голову в сторону своего сына, сидящего в углу со скучающим видом.

— Латеон, будь добр, покинь комнату и закрой дверь снаружи. На сегодня ты свободен.

По счастливому лицу ребёнка было видно, что именно этого он и ждал всё это время. Получив разрешение, он стремительно покинул комнату, даже не сделав поклона уважения.

— Когда-то и я был таким — Проговорил Голендил, глядя вслед сыну — глупым.

— Все мы были такими — согласился Таурон — и многие вынуждены были повзрослеть раньше времени. Он будет хорошим правителем. — Он посмотрел в глаза Голендила и усмехнулся — у него хороший пример.

После этого они всей компанией склонились над схемой. Рисунок был сделан от руки неумело. Пришлось по ходу дела приписывать названия объектов. Понятие масштаба также было незнакомо Вэону. Он путался в показаниях, указывая между объектами разные дистанции. Постепенно схема обростала дополнительными стрелками, знаками и цифрами.

Обсуждающие ходили вокруг стола, обмениваясь словами и даже переругиваясь. Время шло. В комнате стало темнеть. В комнату постучались, и, после полученного разрешения, в неё вошла Эллотель со светильником. Обсуждение прервалось на чаепитие и лёгкий перекус.

— Таурон, на сегодня всё — проговорил Голендил после того, как передал ему тубус. — Здесь чистый лист пергамента из моих запасов. Всё, что мы сегодня обсудили, нужно аккуратно перерисовать на него с указанием масштаба. Как только будет готово, сообщи мне. Я организую собрание Совета.

— Займёмся, как только вернёмся домой ко мне.

— Осталась самая малость — уточнить состав отряда. Кто возглавит отряд? Кто составит костяк и ключевые фигуры?

— Выбор у нас невелик. — Ответил Таурон. Он плотно сжал губы, прежде чем ответить — Возглавить отряд придётся мне. Никто из присутствующих в городе не знает туда дорогу. Карты всех подробностей не дадут. Отряд должен быть невелик — 30–40 бойцов. Больше нельзя — привлечём лишнее внимание. Нам нужен маг-лучник, чтобы открыть хранилище. И очень хороший маг-лекарь. И вот здесь у нас большие проблемы. Наши лекарки недостаточно сильны. И даже к весне не достигнут нужного уровня, даже Элентитта.

— Твоё предложение.

Таурон сглотнул комок в горле.

— Нам нужен для этого похода человеческий маг. — Он помолчал и добавил — А ещё нам нужен маг-лучник. Ты знаешь такого на примете?

Голендил помолчал. Сказанное не явилось для него неожиданностью. Весь ход обсуждения вёл к этому. Сложнее было признаться в этом вслух.

— Из магов-лучников сегодня есть действующий только один. И это — я. Остальные слишком молоды и не готовы ни к такому походу, ни к стрельбе не только магией, но и просто из лука.

Он замолчал. Решение было очевидным и опасным, но он готов был рисковать своей жизнью ради своего народа. В данный момент он думал о человеческом маге. Внутри него шевельнулся червячок мерзкого чувства. И это чувство называлось — предательство. Нет. Не по отношению к человеческому магу. Он предавал самого себя, своё слово, данное человеку. Многие годы он привык считать своё слово самым твёрдым и надёжным. Теперь он должен был его нарушить. И это вызвало у него чувство отвращения, которое он должен был пережить ради своего народа.

— Человеческий маг. — Он обвёл глазами присутствующих — Мы дали ему слово отвести его в земли Империи за помощь нам. — Он подошёл к окну и взглянул на улицу. Окно выходило во двор, и он видел там детвору, которая резвилась в снегу, не смотря на сумерки. — Сегодня мы встаём на путь предательства.

— Не знал, что ты так сентиментален — Проговорил Таурон — Это всего лишь человек. И разве мы нарушим слово? Путь в земли Империи всё равно лучше держать через земли нежити, в обход болот. Так и объяснить. По пути зайдём в столицу. Там потребуются его помощь. А дальше — путь в Империю. Сам знаешь, если не входить в города и селения, нежить не нападает. Он нам поможет ещё чуть-чуть.

— Разве о нём разговор? — Голендил повернулся к Таурону. — Мы предаём себя и собственное слово. Но ты прав. Лучше всего именно так и поступить. И лучше будет, если этот поход удастся. В случае провала мы потеряем лучших магов-лекарей, и больше некому будет обучить молодёжь стрелять магией из луков. Я единственный, кто это умеет.

Наступила тишина. Все обдумывали слова Голендила. Теперь все карты были раскрыты. В случае гибели отряда, народ тёмных эльфов нёс огромные потери, вплоть до гибели. В случае удачи — большие шансы на выживание. Огромная тяжесть ответственности ложилась на всех присутствующих. Голендил обвёл взглядом присутствующих.

Кости опять совершили свой бег по столу. Голеан с удовольствием расслабился. Удача наконец-то повернулась к нему лицом. Как хотелось надеяться, что тяжёлые времена для его народа закончились. Восстановление святынь, укрепление границ, изгнание орочьих отрядов с эльфийских земель. Восстановление магических способностей, хотя бы частично. Могущество эльфов постепенно возрастало, не так быстро, как хотелось бы, но неуклонно. Кто бы мог подумать, что появление лишь одной фигуры человеческого мага так сильно изменит расстановку сил в регионе? Теперь каждый ход и сброс костей был на его стороне. Сильных потерь больше не было.

Он сидел, прикрыв глаза от удовольствия и улыбаясь. Но вот его блаженное состояние было прервано вторжением чего-то чужеродного. Сначала сбоку от него послышалось движение, а затем в его счастливые мысли вторгся запах. Его лицо скривилось от отвращения и ужаса одновременно. Это был запах мёртвой и горелой плоти. Страх пережитого заставил его мгновенно очнуться и пошевелиться на стуле. Это движение едва не опрокинуло его на пол, так сильно он сместился, а потому потерял равновесие. Глаза с ужасом раскрылись, и его взгляд уткнулся в сгорбленную фигуру, укутанную в чёрный балахон. Голова существа повернулась к Галеану. Под капюшоном показалось бледное лицо, покрытое уродливыми шрамами от ожогов. Галеану с трудом удалось побороть свой страх, но не отвращение. Он хорошо контролировал своё лицо и тело. Стул вернулся на место, поверх которого Галеан разместил своё тело. Лицо превратилось в благодушную маску с наклеенной на него улыбкой. Вот только обмануть это никого уже не могло. За столом послышались тихие смешки. Мортис смогла произвести сильное впечатление на своего бывшего мужа.

Пока Галеан приходил в себя, Мортис протянула свою обезображенную руку к костям и одним движением сгребла их. Её рука медленно протянулась к стаканчику, и спустя несколько мгновений раздался стук кости, упавшей на дно стаканчика. Все вздрогнули. Для всех присутствующих этот стук был подобен звуку набата, оповещающего беду. Прошло ещё мгновение, показавшееся окружающим вечностью, и снова раздался стук удара кости о дно стакана. Окружающие побледнели. Ещё стук. Бледность усилилась. На другом конце стола послышалось шевеление одного из богов. Это был Вотан. Лицо бога продолжало сохранять бледность, но его рот раскрылся. Казалось, что он хочет сказать: «Ну, можно же скинуть разом все кости». Но слова так и не были произнесены, потому что Вотан встретился глазами с взглядом богини. Связываться с такой опасной, истеричной, жестокой и удачливой противницей ему не хотелось. Все напряжённо продолжали ждать. Наконец, последняя кость упала на дно стакана. Ладонь закрыла горлышко стакана и подняла его в воздух. Раздался звук мерно встряхиваемого стаканчика с перемещающимися в нём костями.

Окружающие замерли и напряжённо ждали. Внезапно из балахона вынырнула вторая рука и подхватила стаканчик за донце. В следующий миг первая рука отпустила горлышко, и кости стали выпадать из стаканчика и раскатываться по столу. Остановился один кубик, второй, третий... Все невольно подались вперёд. «Видения», «Путь», «Выбор игрока», «Жатва». На лице Мортис отразилась жуткая гримаса, заменяющая ей улыбку.

— У меня есть право выбора игрока, чтобы показать ему «Видения».

— Два одинаковых хода подряд! Разве такое возможно? — удивлённо проговорила Фрея на другом конце стола.

Обезображенный рот Мортис расплылся в ещё более широкую улыбку.

— Если твои глаза тебя не обманывают — значит, возможно.

За столом затянулось молчание. Возражать никому не хотелось.

— И так, у меня есть право на выбор игрока, чтобы показать ему «Видения».

Казалось, что тишина стала ещё ярче, даже стала звенеть в ушах присутствующих.

— И-игро-ока-а... — проговорил Галеан. Казалось, что он смакует это слово. — Опять выберешь одного из наших?

Улыбка Мортис стала ещё шире и ужаснее. Все опасались, что она выберет именно их игрока.

— Своего. — Вкрадчиво проговорила Мортис — На этот раз это будет мой игрок.

Галеан кивнул, расслабив тело. Следом за ним стали кивать и остальные игроки. Подобный выбор Мортис всех устраивал. Каждый признавал право воздействовать на своих игроков, тем более что Мортис уже доказала способность передавать видения, не убивая фигуры. Дождавшись последнего кивка, она закрыла глаза. Прошло немного времени. Наконец, её глаза раскрылись. Они были черны, и внутри их бушевал чёрный огонь. Вынув из-за пазухи магический жезл, она стала осторожно вытягивать его над картой. Жезл оставлял на карте тёмную тень. Тень пересекла тёмные земли и, двигаясь по глади Торгового моря, вошла в земли Чёрных королевств. Она продолжала двигаться, пока не достигла окраин города Реффулия. Наконец, кончик тени достиг земель клановых поселений. Ещё чуть и самое острие расположилось над фигуркой женщины в поместье одного из кланов тёмных магов.

Раздался шёпот с той стороны стола. Разобрать, кому он принадлежал было невозможно. Но это было и неважно. Все присутствующие нетерпением ожидали развязки. Мортис напряглась. Умственное усилие отразилось на её лице, что сделало её ещё более омерзительным. На конце острия стала скапливаться тёмная капля. Боги напряжённо ждали. Капля медленно вытянулась и упала с острия на женщину. Она медленно падала вниз. Но на пол пути к женщине капля поменяла цвет на золотистый. Упав на женщину, капля сначала окутала её собой, а затем исчезла, впитавшись. Мортис убрала свой жезл от стола столь же медленно. Как и простёрла его над ним. Все заморожено следили за его движением. Аура женщины изменилась лишь незначительно. Это означало, что она также успешно перенесла воздействие богини на свой мозг, сохранив его в здравии.

— Она также видела сон наяву. Она видела «Путь».

Улыбка Мортис стала загадочной, не смотря на уродство плоти. Сейчас она на краткий миг вновь стала напоминать ту прекрасную Солониэль, какой была когда-то.

Глава 12

Окраины Риффулии утопали в зелени. Высокие лиственные деревья соседствовали с низкорослыми кустарниками. А на полянках, покрытых густой травой, тянулись к солнцу пальмы. Сочетание столь разных растений было невозможно в любом другом месте, но только не здесь, где установили свои особняки и поместья магические кланы. Это был мир ярких красок и красивых пейзажей. Этот район был особенно живописен. Тонкие ручейки, журчавшие в тени деревьев, пересекались с тропинками, выложенными брусчаткой. Через ручейки были перекинута небольшие каменные мостики. Тропинки плавными линиями кружили по этому лесу, больше напоминающему ухоженный парк. В окружении этих тропинок располагались поместья и особняки магических кланов, ограждённые от внешнего мира высокими заборами, выложенными из дикого камня. Казалось, что обитатели этих кланов с помощью этих заборов пытаются спрятать от внешнего мира свои секреты. Воображение сразу начинают будоражить виды пыточных столов и висящих на столбах скелетов, волчьих ям, забитых трупами врагов, или ужасных монстров, выведенных тёмными магами для охраны своих богатств. Наверное, потому представители не магического сословия пытались не посещать эти места, опасаясь за свои жизни. Но если бы им пришлось в голову заглянуть за заборы, не опасаясь, что маги отрежут им головы или превратят в зомби, то они бы увидели там вполне ухоженные дворики и беседки. Там имелись даже сады, лужайки и бассейны с водой. И среди этого великолепия жили вполне обычные люди, хотя и наделённые магическими способностями. На лужайках резвились дети, а в беседках днём отдыхали старики (если были те, кому повезло дожить до старости), по вечерам в этих беседках встречались влюблённые. Поместья жили вполне обыденной жизнью. Казалось, что поместья стоят в беспорядке. Но так думали лишь непосвящённые в тайну этого поселения. Столетие назад, когда этот участок был очищен от леса, чтобы провести застройку по расширению территории города, на этой месте был обнаружен выход природной магической силы. Притом тёмной силы. Маги, обследовавшие источник, признали этот участок непригодным для заселения простыми людьми. Одновременно стала понятна причина появления в этом месте большого количества тёмных тварей. Потомство зверей, живших на этой территории, регулярно рождалось с мутациями и отклонениями. Заселять эту землю людьми было намного опаснее, из-за опасности мутаций. После небольшого совещания с участием всех магических кланов было решено устроить на этой территории зиккурат для сбора магической энергии. Сама природа соорудила здесь ступенчатый холм, возвышавшийся над окрестностями на несколько десятков метров. То, что это была тёмная энергия — значения не имело. Важно было то, что данную энергию можно было использовать для военных нужд. Люди лишь немного доработали то, что создала природа. Площадки холма были выровнены и укреплены. Склоны холма укреплялись кустарником и деревьями от размывания, а для их жизнеобеспечения на вершину холма магическим способом подавалась вода, стекавшая вниз по искусственным каналам. Дорожки тоже были проложены не просто так, а по схеме. Для непосвящённого человека это сооружение было просто красивым облагораживанием ландшафта. Но для человека, способного видеть вторым видением, было понятно, что тропинки и ручьи являются силовыми каналами, по которым свободно текла магическая энергия. Эта энергия стекала и собиралась в большие потоки у подножия холма. В ключевых точках пересечения этих потоков были построены ловушки,

где рачительные маги и собирали эту энергию в свои хранилища. Именно над этими ловушками и были построены поместья и особняки магических кланов, чтобы замаскировать их. Собрать всю энергию в одном месте было невозможно. Поэтому поместья стояли в два ряда вокруг природного зиккурата по окружности, чтобы не дать энергии растечься и раствориться в окружающем пространстве. И лишь вершина зиккурата не была заселена, а отдана лесному зверью. На их мутировавших выродков молодые маги регулярно устраивали охоту, упражняя своё магическое мастерство, или сдавая экзамен на звание мага. Сами же ловушки представляли собой каменные алтари с встроенными или вставляемыми в него магическими кристаллами. Алтари же маскировались от непосвящённых под небольшие молельни культа богини Мортис. И на территории каждого поместья находилась такая молельня, в которую могли впустить помолиться также и не-мага. Сама природа создала место для проживания здесь тёмных волшебников.

В особняке клана Борнов сегодня решалась тяжёлая задача. По тропинке вокруг особняка выгуливало два представительных господина. Одежда одного была тёмно-серого цвета, с нашитыми на ткани мантии черепами, свастиками и символами смерти. Господин был высок и худощав. Он был подпоясан широким кожаным ремнём с выдавленным на коже рисунком. Его чёрный плащ имел высокий стоячий воротник с металлическими накладками на его боковых поверхностях. Суконный колпак, расшитый золотистыми шнурами, был одет, несмотря на тёплую погоду, и придавал лицу особо высокомерное выражение. Его возраст давно перевалил за средний и близился к ранней старости. В руках он держал длинный, белый костяной посох, украшенный барельефами на своих поверхностях. Его худощавое, скуластое лицо с орлиным носом и чёрными глазами было загорелым, как у человека, проводящего на улице много времени. Это сильно не вязалось с его образом, ибо в нём сразу угадывался жрец культа Мортис. Но было не похоже, что этот господин много времени проводит в тёмных кельях и помещениях Храмов, уделяя много времени молениям. Второй господин был одет проще, но достаточно представительно. Он был много моложе своего собеседника. Коротко подстриженная борода не могла скрыть его молодость. Задорные карие глаза смотрели на мир вызывающе. Весь его облик показывал раздражение. Суконная туника серого цвета едва закрывала колени, была застёгнута на длинный ряд множества пуговиц, тянувшийся до самого подбородка. Короткий стоящий воротник с небольшими стальными накладками по бокам шеи был широк достаточно, чтобы в него можно было опустить нижнюю часть лица. Широкие рукава заканчивались узкими длинными манжетами, застёгнутыми на пуговицы и тянувшимися от самых запястий до середины предплечья. Свободные чёрные штаны были заправлены в высокие кожаные сапоги со шпорами. На голову была надета суконная шапочка с меховой оторочкой. К ней спереди была приколота серебряная пряжка, на внешней поверхности которой был вычеканен герб клана Борнов. На широком поясе из металлических блях был подвешен длинный меч и кинжал, а в руке зажат длинный посох без всяких украшений. Если исключить металлическую пряжку на шапочке, то вся одежда молодого человека была лишена украшений и иных излишеств.

— Хорошо у тебя здесь, Говард — проговорил жрец, прищуриваясь, словно от солнца, хотя из-за облаков на улице было не очень ярко. — Как проходит сбор силы?

— Не заговаривайте мне зубы, магистр, — огрызнулся молодой маг. — Мы оба знаем, зачем вы приехали сюда.

Магистр обернулся и внимательно посмотрел на Говарда. Спустя немного времени он

вздохнул и продолжил.

— Понимаю. Тема для тебя неприятная. Но через это надо пройти. Твоя сестра Лидия. Она...

— Она находится под моей защитой. Когда придёт время, она исполнит предназначенное для неё.

— Никто и не хочет для неё плохого. — Магистр нахмурился и остановился, разглядывая своего собеседника. — Ты знаешь правила. У твоей сестры нет магических способностей. Такие как она после достижения совершеннолетия должны покинуть поместье клана.

Он отвёл глаза. Говард был одним из самых способных его учеников, обладающих большой силой и трудолюбием. А вот его сестра... Все помнили юную, красивую девочку, выросшую среди их детворы. Законы были нерушимы. В десятилетнем возрасте всех детей отводили к королевской ясновидящей, чтобы она определила их судьбу. Таких ясновидящих было несколько, и все они работали на короля. Их наличие у него на службе, было одним из видов контроля и подчинения короне магических кланов. После этого судьба детей сильно изменялась. Детей, одарённых магически, оставляли в кланах для магического обучения. Судьба остальных была более печальна. Их разлучали с родителями и отдавали в кадетские школы для мальчиков, готовя из них офицеров или чиновников, или школы-пансионаты для девочек. Такими не расшвыривались. Ибо у них также могли рождаться дети с магическими способностями. Такое случалось редко, но регулярно. Через поколение — два. Но с Лидией было по-другому. Ясновидица не нашла у неё магических способностей, но сообщила, что от неё родится очень сильный маг, который сможет повернуть исход войны с демонами, которая случится через сорок лет, в пользу Чёрных королевств. Узнав о таком, клан сразу отказался отдавать ребёнка в школу-пансионат для девочек. Лидию было решено оставить в клане. В клане её готовили как танцовщицу и прислужницу жреца в клановом храме. За время её жизни в клане она сильно привязалась к своему родному брату Говарду. А тот ответил взаимностью. Это было именно то, чего старательно избегали в течение всего существования кланов. Маги не должны привязываться к не-магам. Только к себе подобным. Это было опасно разрушением магических династий. Но от девочки ждали многого. Если бы не та беда. Когда ей было тринадцать лет, произошёл выброс тёмной некротической энергии. Это не страшно. Тёмные маги чувствуют такой выброс и заранее уходят из опасной зоны. Но она была не-магом. Выброс, пойманный ловчей сетью, устремился к ловушкам. В тот момент она делала приборку в клановой молельне, когда пойманный выброс влился в ловушку. Произошёл выброс излишней силы. Девушке обожгло лицо и руки. Остальные девушки, завидовавшие её красоте, прозвали её «Мортислика». Лидия, потеряв красоту, попыталась покончить с собой. Но, помня о пророчестве, её удержали. Издеваться над своей сестрой Говард не позволил. Было несколько дуэлей, после которых его противники стали щеголять шрамами. Остальные заткнулись, опасаясь мести Говарда. Но имя «Мотрислика» за Лидией закрепилось основательно. Хуже было то, что её новый облик сразу же отпугнул от неё всех женихов. Теперь Лидия носила маску и перчатки. Всё чаще она становилась затворницей, проводя время в своей келье или молельне. Вероятность выхода замуж и рождения потомка для неё угасала с каждым днём. В клане стали поговаривать, что старая ясновидица ошиблась. И теперь, когда пришёл возраст её совершеннолетия, возникли разговоры об её отселении с территории клана. Для Лидии это означало лишь гибель без средств к существованию и вероятности замужества. Противился этому только Говард. Но

даже он понимал, что не может вечно её защищать. В один прекрасный день его отправят в поход, а её либо тихо убьют, либо выгонят из поместья, что не лучше убийства.

— Говард, твоя привязанность — это твоя слабость. Даже ты не выдержишь атаки группы магов. А они об этом уже думают. Сейчас мы можем решить это тихо. Отселим её, назначим пособие.

— Ложь! Клан никогда, никому не назначал пособие! Вы хотите её просто выкинуть на улицу. Но знайте — если её выкинут, то я тоже уйду с ней.

— Это глупо...

— У неё есть предназначение! Она...

— Ах да! Великое пророчество! Мать великого мага!

— Это воля Богини ...

— Где сейчас твоя сестра? — магистр начал выходить из себя из-за упрямства Говарда.

— В молельне, а ...

— Если это воля богини Мортис, то пусть она сейчас яви...

Он замер с отвисшей челюстью, уставившись на юго-восток. На его лице отразился ужас вперемежку с удивлением. Заметив молчание магистра, Говард внимательно взглянул на него. Потребовалось несколько мгновений, чтобы он осознал, что происходит нечто, выходящее за рамки обыденного. Говард повернул голову в направлении взгляда магистра и обомлел. С юго-востока по небу в их сторону приближалась огромная чёрная тень, закрывающая собой уже половину неба. Говард испытал слабость в коленях. Тень не просто пугала, она подавляла сознание, высасывала всю волю к сопротивлению. Вмиг он забыл о том, что он мужчина и маг. Страх стал поглощать его, захотелось убежать и спрятаться, бросив всё. Ему удалось перевести взгляд на магистра. Всегда надменный, сильный и опасный магистр, глава клана стоял с перекошенным от страха лицом. По этому лицу катились крупные капли пота. Внезапно Говард осознал, что и он сам покрыт липким, мерзким потом по всему телу. Этот пот также широким потоком стекал по его спине. Чувство было одновременно жутким и омерзительным.

«Это психологическая атака на мозг — подумал Говард. — Надо сопротивляться». Эта мысль, несмотря на сильный сковывающий страх, заставила его двигаться. Движения выходили неловкими и нелепыми, но он смог сдвинуть руками и сплести их в защитный знак. Стало легче.

— Тутела cerebri.

Едва двигая одними губами, проговорил он больше умом, чем голосом. Сразу стало легче. Конечно, сознание не освободило полностью, но он смог двигаться и мыслить. Было чувство, будто ему сильно стягивают голову стальными обручами. Но боль отступила, хотя и не прошла. Магистр остался на месте, но Говард сделал шаг в сторону молельни. Если его сестре угрожают, то он должен опознать заклятие и того, кто его наслал. Его сильно шатало, но злость придала сил. Он сделал ещё один шаг. Именно в этот момент с потемневшего неба прямо на молельню упала огромная масса энергии. Тёмный шар, сверкающий и искрящийся золотыми искрами. В тот миг, когда он коснулся молельни, этот шар сменил цвет на ярко-золотистый. Светом полоснуло по глазам. Говард зарычал и сделал ещё один шаг вперёд наугад. Он не ослеп, но временно потерял способность видеть. В глазах плясали блики. Он замер. Шло время. Этого заклятия он не знал. Но обязательно найдёт того, кто его послал. Такая масса энергии оставляет следы, отпечатки хозяина. Стало проясняться. Рядом стонал магистр. Наконец, он стал видеть очертания предметов.

— Всё закончилось? — раздался мученический голос магистра.

— Похоже, что да — проговорил Говард. — Что это за заклятие, учитель?

— Никогда не видел ничего подобного.

В глазах прояснилось достаточно, чтобы воспринимать окружающее. Магистр стоял на коленях, опираясь на свой посох, чтобы не упасть ничком на землю. Он непонимающе смотрел на Говарда.

— Как ты смог сопротивляться такой силе? — прохрипел магистр.

— Я использовал заклятие «Тутела серебри» защиты разума...

— Это заклятие предназначено против воздействия парализующих призраков, а здесь было что-то намного более сильное. — Он перевёл дух — Это заклятие не должно было сработать. У меня не сработало. — Он стал подниматься с колен. Его шатало и кидало из стороны в сторону. Говард подошёл и помог учителю подняться, хотя сам себя чувствовал плохо. Их обоих шатало. И услышал, как магистр закончил шёпотом. — Не зря я называл тебя лучшим учеником. Когда-нибудь ты меня заменишь.

— Надо пройти, посмотреть на то, что осталось от молельни. Там моя сестра...

— Если она погибла, то так лучше... для неё... для всех.

Говард взглянул на учителя с отвращением и отпустил его руку. Да, учитель прав. Но он не может принять эту правду. Развернувшись, он сделал шаг в сторону молельни. По стенам молельни до сих пор бегали золотистые искры. Он понимал, что после такого удара силы ничто не могло уцелеть. Но понимать и видеть — вещи разные. Молельня была целой, но сестра...

Двери молельни раскрылись. Из дверей вышла его сестра. Она шла медленно, мелкими шаркающими шагами, как человек ошеломлённый. Говард встал как вкопанный. Увиденное стало только сейчас доходить до него. На сестре не было перчаток. Она с интересом рассматривала свои руки. Потом она подняла ладони к лицу и рывком сняла с себя маску. Волосы растрепались, закрыв ей голову почти целиком. Обхватив лицо ладонями, она стала ощупывать его. Раздался лёгкий смешок. Говард напрягся, опасаясь за разум своей сестры. Если его и магистра почти раздавило силой заклятия, то, что могло случиться с ней, лишённой магической защиты. Смех повторился уже громче. Говард решительно двинулся к ней. Именно в этот миг она откинула волосы назад, открыв лицо. Лицо было гладким, очищенным от шрамов. Лишь в середине каждой из её щёк были видны маленькие шрамики в виде розочек. Она засмеялась громко и задористо. Её смех стал перерастать в истерический. Говард бросился вперёд и прижал её к себе.

— Говард! Мортис очистила меня от шрамов!

Она продолжила смеяться и затряслась в его объятиях. Потом смех стих и перешёл в рыдания. Она плакала и сотрясалась, уткнувшись в его грудь.

— Говард, я такая счастливая...

Говард повернул голову к магистру. Он глянул в его глаза.

— Вы хотели, чтобы богиня Мортис явила нам знак?

— Да, — кивнул он головой — знак признаю. Надо чтобы её осмотрели целители.

— Зачем?

— Посмотри на её волосы.

Говард опустил взгляд вниз на голову своей сестры. Поначалу он был так ошарашен, что даже не обратил внимание. Принял это за блики в глазах после той вспышки. Волосы сестры были абсолютно белыми. Молочная седина покрыла всю её голову, от корней и до самых

кончиков волос.

До них донеслись звуки. Почти всё население поместья бежало к зданию молельни. Они были встревожены. Многие были вооружены тем, что смогли собрать второпях. Мечи, посохи и копья. Некоторые несли с собой магические кристаллы в деревянных коробочках. Люди оглядывались в поисках врагов. Раздались голоса. Магистр оглянулся и вскинул руку в останавливающем жесте. Люди остановились.

— Успокойтесь! — Громко призвал он — На нас никто не нападал.

— А что это было?

— Мортис явила нам свою силу и коснулась своей силой сестры Говарда. С ней всё в порядке.

— Она коснулась Лидии — раздался из толпы скептический женский голос. — И что же наша Ли...

— Меня зовут «Мортисликая»! — Раздался громкий крик Лидии.

Она оттолкнула от себя Говарда и вышла вперёд, показывая себя, чтобы все могли её рассмотреть. Над толпой повисла тишина. Казалось, что даже звуки природы исчезли. Настолько стало тихо.

— Она...

— Говард, отведи сестру в поместье. Пусть её осмотрят целители.

Говард обхватил за плечи свою сестру и повёл за собой. Она шла, не сопротивляясь. За их спинами раздался громкий и властный голос Магистра.

— Кто это здесь наводит хулу!? Кто сомневается, что наш клан находится под покровительством Мортис!? Сколько ещё вам надо вдалбливать...

Говард с сестрой удалялись от звуков его голоса.

— Да уж. — Тихо проговорил Говард. — Наш магистр всегда на коне. Куёт железо, пока горячо. Любую мелочь использует для усиления власти, тем более не мелочь.

Говард и Магистр сидели возле дверей санчасти. Там, за дверью, должны были уже давно осмотреть Лидию. Они ждали. Недалеко находились ещё несколько представителей клана. Они все приехали из других поместий, чтобы засвидетельствовать чудесную благосклонность божественной сущности к их клану. В их глазах виднелся откровенный скептицизм. Они не верили в произошедшее. Им требовались доказательства. Но самые главные свидетельства сейчас находились за дверью этой комнаты, в которую их не пускали. Время тянулось час за часом. Напряжение нарастало. Говарду не терпелось. Настал момент, когда он попытался встать и пройти по комнате.

— Сядь! — рявкнул магистр — Ты ей не поможешь. Займись успокаивающими техниками. Я зря тебя учил?

Говард сглотнул слюну. Но заняться практиками он не успел. Двери санчасти распахнулись и оттуда вышли два лекаря, самых старых и опытных на территории клана. Повернувшись к магистру, один из них заговорил.

— Она совершенно здорова. Это удивительно, учитывая, что она пережила. — Второй лекарь согласно кивнул головой — Я не знаю никого, кто пережил бы воздействие на мозг такой силы и остался при этом живым и здоровым. — На немой вопрос магистра он добавил — Её мозг полностью здоров. Она немного ошарашена, но это пройдёт.

— С ней можно поговорить? — спросил магистр.

— Вполне. Но не перегружайте её вопросами. Психика может не выдержать. Ей надс выспаться.

— Мы недолго и под вашим присмотром.

Лидия сидела на постели. Она была одета в простое платье, сменившее наряд прислужницы молельни. На ней не было ни пояса, ни шапочки, ни украшений. Посетители стали входить в помещение по одному. Они стали расходиться вдоль стен, чтобы не закрывать обзор друг другу.

— Милость божья!

Раздался голос одного из посетителей. Говард не стал оборачиваться, чтобы посмотреть на говорившего. Все взоры и так были прикованы к его сестре. Точнее сказать, к её волосам. Многие из присутствующих знали его сестру в лицо. И если изменения в её лице и руках можно было ещё объяснить искусным целительством, то изменения цвета волос таким способом было добиться невозможно. Слышались изумлённые тихие голоса. Люди обсуждали увиденное. Вперёд вышел магистр.

— Как ты себя чувствуешь, дитя?

Лидия посмотрела на магистра слегка рассеянным взглядом.

— Хорошо — но при этом было видно, что она пошатнулась сидя на постели.

— Старайся не шевелиться. — Произнёс лекарь. Она кивнула головой.

— Можешь нам сказать, что произошло? — Спросил магистр.

— Да. Меня коснулась Мортис. Она излечила меня.

— Ещё что-нибудь было?

— Да. — Её взгляд расфокусировался и словно погрузился в себя. — Было видение.

Раздались голоса, обсуждающие услышанные слова. Магистр поднял руку, призывая к тишине.

— Что ты видела.

Она снова посмотрела на магистра и тихо произнесла.

— Я видела отца своего ребёнка.

Призывать к тишине не потребовалось. Все замерли, боясь пропустить слова Лидии.

— Кто он?

— Имперский маг — проговорила она после недолгого молчания.

Магистр стоял, ошеломлённый сообщением. Но спустя мгновение он нашёлся. Недаром он занимал своё место.

— И где он будет?

— Мы встретимся в землях Алкмаара. На входе в город Альзония. Он придёт туда с отрядом воинов.

Говард впал в ступор. Слова, сказанные Лидией, не укладывались в его голове.

— Маг... имперский? — Только и смог произнести он.

Лидия перевела на него взгляд.

— Да, — она сложила ладони на груди в молитвенном жесте. — Братик, ты отвезёшь меня туда?

В её глазах заплясали слёзы. Он не мог ей отказать. Но и принять в семью имперского мага... Противоречивые эмоции отразились на его лице. Ему стало дурно, он вспотел.

— Братик!

— Да... отвезу.

На него мрачно глядел магистр. Он понимал его лучше остальных. Понимал всё буйство эмоций, борющихся в нём сейчас. Он медленно направился в коридор, чтобы отдышаться. В коридоре он дошёл до угла и упёрся рукой в косяк двери. Второй рукой он стал нащупывать

ворот туники, чтобы расстегнуть её. Его душила злость, боль обиды и ненависть к своим врагам. Сзади раздались мягкие шаги. Говард обернулся. За его спиной стоял Алан. Его друг ещё по годам ученичества. Не столь сильный, как он, но хитрый и мстительный. Благодаря этим своим качествам продвинулся в клане. Теперь он, как и Говард, руководил одним из поместий клана.

— Почему? — прохрипел Говард.

— Так хотела Мортис — мягко ответил Алан.

— Понимаю — сильный маг от сильного мага. Но почему она не выбрала для моей сестры кого-нибудь из магистров?

— Видимо тот маг намного сильнее. Нам нужно его семя. — В голосе чувствовалось сочувствие и одновременно жажда наживы.

— Но терпеть эту имперскую мразь в моей семье...

— Зачем терпеть? — Алан злорадно улыбнулся и, придвинувшись ближе, зашептал ему на ухо — Нам нужно только его семя...

Оглянувшись на приоткрытую дверь палаты, он продолжил также тихо на ухо Говарду.

— Алкмаар наша территория. Там опасно. Много мёртвой энергии. Чужие маги там часто погибают... Отвези сестрёнку. Возьми семя. А остальное ей знать необязательно.

— А как с ...

— Зная, что она носит такого сильного мага, как предсказано, да ещё и вдова... Многие захотят называть его сыном. Это ведь статус.

Алан и Говард глянули друг другу в глаза. Их лица расплылись в улыбках, как у матерых хищников, которые уже приглядели себе добычу и поделили между собой. Осталось загнать и забить. Настроение стало улучшаться. Уверенной походкой Говард вернулся в палату, одновременно поправляя на себе одежду. Глянув в лицо своей сестры, он громко проговорил.

— Да, сестрёнка, я отвезу тебя.

Переведя взгляд на магистра, он продолжил.

— Мне к весне нужен корабль, экипаж я подберу сам. Слуг и воинов тоже буду отбирать сам.

И мысленно продолжил: «Чтобы были верны и держали язык за зубами». Магистр улыбнулся, будто читал его мысли.

Снова вечер. В моём домике опять находятся гости, и опять мы решаем различные проблемы. Голендил ходит из угла в угол, а Элентитта сидит на скамейке, отвернувшись от нас в сторону и состроив обиженное выражение лица. Шторы задёрнуты, на столе горит одинокий светильник. На улице темно. Помимо туч, закрывших небо, наступает зимнее солнцестояние. Дни становятся короче, а ночи длиннее. Быстрее темнеет. Внутренне я радуюсь. Днём мне удалось закончить переписывание... нет, перерисовывание самой большой из эльфийских книг. А вечером ко мне с предложением отправиться в путь пришли Голендил и Элентитта. Путешествие планируется на позднюю весну, когда сойдёт снег и просохнут тропы. И пусть будет стоять половодье, но вода должна к этому времени прогреться, чтобы её можно было переплыть, не боясь простудиться. И снова Элентитта попросила научить её читать. И снова Голендил ей отказал.

Кажется, у меня наступает ощущение де-жавю. Я по-глупому усмехаюсь и обвожу взглядом нашу небольшую компанию. Голендил движется и что-то пытается объяснить, он пытается говорить спокойно, приводя аргументы. Вот только он говорит по-эльфийски, а потому я мало что понимаю. Но основную суть разговора мне удалось понять. Он отказывает Элентитте, ссылаясь на традиции, наличие общественных предрассудков.

На столе лежит карта. Нарисована она от руки и потому напоминает примитивную схему. Но это больше, чем ничего. Теперь мне ясен маршрут нашего весеннего перемещения. На схеме указаны ключевые точки пути и примерное расстояние между ними. Одно мне было неясно — зачем идти через земли нежити. Голендилу пришлось долго объяснять, что во время весеннего половодья болота, расположенные к северу от города станут непроходимыми. Лучше всего в таких случаях будет придерживаться старых дорог, проложенных во времена прежнего королевства Алкмаар. Конечно, эти дороги старые, и за ними давно никто не ухаживал, но они более проходимые, чем болота, хотя сейчас они напоминают сильно заросшие широкие тропы. Проблема заключается лишь в том, что эти дороги ведут внутрь королевства. Та дорога, которая им нужна, приведёт их в бывшую столицу эльфийского королевства Альзонию. Столицу они обойдут стороной, как и все остальные поселения, чтобы не будить нежить, охраняющую эти земли. Их путь лежит на запад по старой дороге, ведущей к городу Махаль. Не дойдя до города, они направятся на север во владения Светлых эльфов, у которых есть соглашение с Империей людей. Идеальным вариантом для Невила станет, если он попадёт в город-крепость Корбак. Тёмные эльфы проводят его в этот город, если их светлые братья им это позволят. Устраивать войну для них нежелательно. В этом городе их пути разойдутся. Эльфы вернутся домой. От города Корбак Невил может отправиться с торговым караваном ещё дальше на запад по их дорогам вплоть до побережья в город Леминес, в котором раньше присутствовало посольство Империи. В это посольство ему и надо обратиться, чтобы вернуться на Родину. Впервые за многие месяцы мой путь определился. Теперь я знал, что мне делать и куда идти. И от этого у меня на душе становилось тепло и радостно. Правда, на карте отсутствовали остальные города и поселения этих земель, но это меня теперь не волновало. Осталось дожидаться прихода весны.

Может именно это радостное настроение и подтолкнуло меня к такому поступку. В обычном своём состоянии я не стал бы его совершать.

— Голендил. — Обратился я, привлекая к себе внимание. — А по-другому она не может получить способность читать?

Он остановился и внимательно посмотрел на меня с удивлением. Некоторое время он осмысливал мои слова, после чего заговорил, медленно подбирая слова.

— Мы уже говорить это. Наша традиции не позволять нам учить она. Ты ведь хорошо слушать...

— Хорошо. — Я принял более удобное положение для разговора, наклонившись чуть вперёд. — Я слышал твои доводы. Но, допустим, её будет учить не эльф, а посторонний вам... человек.

От возмущения Голендил на время потерял дар речи. Его лицо вытянулось от возмущения, а глаза выпучились.

— Люди никогда не учить эльф. Мы — старший раса.

Я поднял руки в примиряющем жесте.

— Никто не оспаривает ваше первенство.

Я попытался изобразить притворное возмущение, изогнув одну бровь и вытягивая лицо.

— Допустим, что знание и способность возвращаются к вам обратно от людей. То, что вы когда-то дали людям, теперь возвращается вам. — Я посмотрел на Голендила искоса и стал моргать, пытаюсь изобразить саму невинность. — Разве история эльфов не знает таких примеров?

Конечно, я был неопытен в таких вещах, поэтому получилось весьма глупо. Некоторое время Голендил смотрел на меня. Нелепая ситуация затягивалась. Его лицо стало перекашиваться. Возмущённое выражение сменилось удивлённым, а потом он не выдержал и залился смехом. Назвать это смехом было сложно. Он хохотал, схватившись за живот и согнувшись пополам. С трудом дойдя до стола, он с трудом опустился на скамейку, придерживаясь за стол. Даже Элентитта проявила интерес к происходящему. Было видно, что ей не терпится узнать причину такого сильного смеха, но она сдерживается, ожидая, когда он успокоится. Наконец смех перешёл в лёгкое посмеивание.

— Ты меня насмешить. — Наконец смог выдавить он из себя. — Такой пример есть. Это так. Что ты предлагать?

Я расслабился. В такой ситуации можно было ожидать всего, что угодно. Он мог мне просто отказать или даже обидеться. Но он предпочёл выслушать чужие предложения. Видимо, он не зря занимал свой высокий пост. Я позволил себе улыбку, уже настоящую.

— Сделать так, как делают для наших детей. Дать ей ваш алфавит, таблицу, конечно, вроде той, какую написал ты для себя — с картинками. Объяснить ей как он звучит и как им пользоваться. А чтобы она могла упражняться в чтении, прямо под ним написать несколько предложений на вашем языке, вашими символами. Получится упрощённая версия букваря.

— Но это придётся делать я. Ты не уметь писать на наш язык.

— На самом деле умею. Только вашего языка не знаю. Вашими буквами я пользовался. — На его удивлённый взгляд, я ответил — Мы же вместе составляли синдарский алфавит. Вот я и практиковался.

В тот момент мне не хотелось открывать ему истинную причину своего интереса к их письменности.

— Только писать и рисовать лучше ей — я мотнул головой в сторону эльфийки. — А ты продиктуешь мне ваши предложения.

— Что за предложений?

— Любые. Главное, чтобы все буквы алфавита были использованы.

Он кивнул головой. Потребовалось некоторое время, чтобы он перевёл мои слова Элентитте. После чего достал из тубуса лист пергамента.

Следующий час мы с Голендилом наблюдали, как Элентитта рисует таблицу и знаки в ней. Картинки получились настолько нелепыми, что мы едва сдерживали свой смех. Голендил придумал несколько строк, которые я нарисовал на черновом листе пергамента. Она их нарисовала под своей таблицей. На человеческом языке данный текст звучал как стихотворение:

Для того чтоб магом стать.

Надо много изучать. Заклинанья упражнять.

И здоровье сохранять. Хладнокровье развивать.

И собою управлять.

Рисунки предметов и животных, нарисованные ей, вызывали особое умиление от неопытности художницы. Но были похожи на оригиналы. Теперь ей предстояло научиться пользоваться этим алфавитом.

— Когда будешь читать или писать тексты синдарским алфавитом, то тебе надо помнить несколько правил:

Первое, в отличие от письменности людей, где все буквы пишутся и читаются в строку слева на право, эльфийская письменность читается зигзагом: сверху — вниз — слева — направо — сверху — вниз. И так буква за буквой. Причина заключается в том, что символы гласных звуков пишутся над знаками согласных звуков. При этом если есть знак гласного звука, то он читается первым, а потом согласный знак. — Говоря, я указывал карандашом знаки на пергаменте.

Второе, если есть черта под знаком согласного звука, то это значит, что знак двойной, а потому читается дважды. — Я указал на черту под знаком на листе.

Третье, если надо написать гласный знак отдельно, то его просто пишут над простой вертикальной чертой. Остальное ты поймёшь на практике.

Каждый раз мои слова прерывались переводом, который делал для Элентитты Голендил. Потом всё повторялось.

— Только запомни — делал я ей последние наставления — всем будешь говорить, что это я тебе дал этот алфавит. Иначе тебя могут наказать вместе с Голендилом за нарушение традиций вашего народа.

Это наставление я ей говорил уже, когда они находились перед дверью на улицу. Выслушав перевод моих слов, она кивнула головой. Лист пергамента был тщательно свёрнут в рулон и спрятан в складках её туники. Когда дверь за ними закрылась, я поднялся к себе. Настроение было приподнято. На столе лежала карта, показывавшая маршрут, который приведёт меня домой.

На пристани было оживлённо. Так всегда бывает в крупных торговых портах при прибытии или подготовке к отплытию кораблей. Влажный солоноватый бриз с моря трепал одежду путников. Небо было ясным, с барашками облаков, кидających свои тени на поверхность земли. Мелкая рябь реки практически не могла поколебать лёгкое двухмачтовое судно, нанятое кланом Борнов для путешествия своих членов. Двое из них в дорожной одежде стояли на верхней палубе корабля, ещё пятеро находились на пристани. Они следили за тем, чтобы грузчики аккуратно вносили тюки и ящики с коробами на палубу и далее в трюм. На пристани стоял гам и шум. Два десятка рыбацких лодок были пришвартованы вокруг корабля. Сновали вездесущие босоногие мальчишки, рыбаки проверяли свои снасти, переговариваясь между собой. Толкались лоточники, громко расхваливающие свои товары. Чуть дальше на пристани стояли молодые женщины, вульгарная одежда и непристойное поведение которых указывало на их древнюю профессию. На пристани также находился отряд наёмных солдат. Молчаливые и угрюмые они мрачно взирали на мир сквозь прищуренные веки. Их грубые и бородатые лица, обрамлённые в стальные каски, дополнялись снизу грубой тканью бригадных доспехов, поблёскивавших рядами железных заклёпок. Герб клана Борнов указывал их принадлежность.

Капитан, одетый в свой парадный мундир, и его матросы находились на своих местах. На необычность ситуации указывали лишь излишняя бледность капитана и не в меру повышенная подтянутость матросов. Причина этой повышенной дисциплинированности крылась в грузчиках, задействованных для погрузки. Это были не те грузчики, которых нанимают в порту добропорядочные торговцы и путешественники. Даже запахи благовоний не могли перебить трупный запах, исходящий от этих работяг. И это, не говоря уже о трупных пятнах, проступающих на их лицах и открытых участках тел. Капитан сразу вспомнил о жутких рассказах про тёмных магов. Среди матросов ходили мрачные разговоры, сводившиеся к простому выражению: «магам не отказывают». И капитан мог лично убедиться в правдивости этого выражения. Встреча с тёмным магом оставила у него неизгладимое впечатление. Воспоминания о той встрече вызывали у него толпы мурашек, ползающих по его спине.

А начиналось всё весьма просто. На только что разгруженное торговое судно поднялся по трапу молодой подтянутой мужчина в простой серой тунике, опоясанный мечом. Коротко подстриженная борода. Карие глаза царапнули по капитану как два стальных кинжала. На голову была одета суконная шапочка с меховой оторочкой. К ней спереди была приколота серебряная пряжка, на внешней поверхности которой был вычеканен герб клана Борнов. Капитан считался бывалым человеком, но вид этого мужчины вызвал у него одновременно тяжесть в желудке и слабость в коленях. Обычно капитан говорил жёстко как с подчинёнными, как и с нанимателями, поддерживая марку бывалого и строгого человека. Но в данный момент испытал сильный страх и залебезил перед гостем.

— С чем пожаловали на борт моего корабля, господин? — Его голос основательно дрожал и звучал жалостливо.

— Говард, — просто представился гость — из Борнов.

Капитан сглотнул слюну, мигом забившую его рот. Об этом клане ходили плохие слухи один страшнее другого. Плохое предчувствие стало заполнять капитана.

— Мне нужен ваш корабль для похода до побережья Алкмаара.

Предчувствие не обмануло капитана. Казалось, что желудок не только стал тяжёлым, но и упал прямо до пяток. Тёмный не только пожаловал на его корабль, но и хочет плыть на нём до проклятых земель. Капитан стал взмокать от пота. Побережье этого мёртвого государства считалось очень плохим местом. Все торговые морские пути были проложены максимально далеко от него. Без особой нужды никто никогда не подходил к этому месту.

— Господин, мой корабль уже нанят для похода по другому маршруту...

— Придётся отложить.

Капитан понял, что обречён. Если тёмный положил глаз на его судно, никто другой уже не наймёт его, опасаясь неприятностей.

— Я заплачу достаточно — продолжил тёмный — покроет твои убытки.

— Господин — приложил ещё одну попытку капитан — путь был тяжёлым, море много штормило, команда устала — продолжал лепетать он — есть больные...

Бровь гостя изогнулась в удивлении. В глазах загорелся плотоядный интерес. Рот изогнулся в хищной улыбке, и обнажились мелкие острые зубы, напомнившие капитану оскал акулы.

— Много больных? — спросил гость.

Капитан почувствовал сильную слабость. Из горла донеслись непонятные булькающие звуки. Ласково приобняв капитана, гость довёл его до капитанского мостика и громко поинтересовался у команды об их здоровье. Он внимательно переводил взгляд с одного матроса на другого. Его закалённые матросы, которым и сам чёрт морской не брат, разом оробели. Те, кто ещё полчаса назад прикидывался больным и уставшим, надеясь получить увольнительное на берег, для посещения кабаков и борделей, разом проявили удивительное здоровье и преданность морскому делу. Команда в едином порыве решила отправиться в море хоть сейчас. Тёмный мог проклясть корабль. Бежать не имело смысла.

Но то, что случилось тогда, было лёгким недоразумением по сравнению с произошедшим сегодня. С одним тёмным общаться было неприятно. Но что можно сказать о семи тёмных магах сразу? Конечно, когда всё закончится, можно будет хвастать, что его корабль не побрезговал посетить сам магистр тёмного ордена. Но это когда закончится, если закончится. Истории с тёмными магами редко заканчивались хорошо для команды нанятых кораблей. Маги, способные делать себе мёртвых слуг, не доверяли живым. И мёртвые грузчики, вереницей входящие на борт корабля с грузами на плечах, заставляли верить в эти рассказы. На борт занесли ящики, коробки, мешки с грузом. После этого внесли большую повозку. Верховых или тяговых животных при этом на борт не вводили. Следом на борт взошли двадцать мертвых слуг и два мага — Говард и молодой, представленный как Марк. Последней на борт ввели юную девушку в тёмной вуали и сером походном платье. С ними были двое слуг — мужчина и женщина. Позже капитан узнал, что эта девушка и есть причина их путешествия. Но сейчас внутренне нахмурился. Женщины на корабле... Как жаль, что он не мог отказаться.

Пора было отплывать. Капитан дал команду. Матросы забегали по палубе, стравливая концы и работая шестами. К кораблю подошёл вёсельный буксир. Им кинули канат. На борт поднялся портовый мичман и встал к штурвалу. Корабль стал медленно выходить в устье реки и дальше на рейд. Пока особой работы не было. Оставив управление старшему помощнику, капитан отправился распределять пассажиров по каютам. По приказу Марка зомби спустились в нижний трюм, где ранее были расположены большие деревянные ящики.

Ящиков оказалось достаточно, чтобы зомби сложились в них по одному. Ящики были закрыты и опечатаны. После чего Марк сам поднялся наверх. Каждому из пассажиров выделили свою каюту. Большая часть кают пустовала, но желающих заселиться в них не нашлось. Корабль был наполовину пуст. Больше никто не захотел ехать пассажиром на корабле вместе с такими попутчиками. Перевозить грузы также желающих не нашлось. Но оплата полностью покрывала убытки капитана. Оставалось пережить это плавание. Корабль выходил на рейд.

Как только корабль оказался на рейде, мичман быстро покинул его. Он взял лишь сумму, оговоренную за буксировку и выход корабля. Не было ни ругани, ни попыток получить чаевые. Похоже, что мичману тоже не нравилось находиться в таком обществе. Буксир на полной скорости стал удаляться обратно в порт. Капитан вздохнул. Оглядел небо. На беду ветер был встречный. Для плавания требовалось идти галсами. Но отдать соответствующее распоряжение он не успел.

Говард вышел вперёд и развернул свиток. Марк поднял руку и крикнул, призывая к тишине. Голоса стихли. Слышался лишь шелест ветра и крики чаек со стороны берега. Говард внимательно прочитал свиток и, свернув, убрал в карман туники. Подняв руки над головой, он встал лицом по направлению движения корабля. Его тело распрямилось, ноги были расставлены на ширине плеч. Лицо приняло жёсткое, надменное выражение. Черты лица заострились, и он проговорил нараспев заклятие.

— *Aer bulla via!*

Корабль ощутил лёгкую вибрацию. Волна энергии прошла от ног мага в разные стороны, создав лёгкую рябь на воде вокруг корабля. С лёгким всплеском из воды возникла тонкая пелена из водяной плёнки на расстоянии в один кабельтовый от мага. Плёнка воды стала подниматься вверх, охватывая корабль по окружности, и сомкнулась прямо над мачтами, заключив судно в водный пузырь. Будто ребёнок-гигант в своих играх надул большой мыльный пузырь, внутри которого по недоразумению оказалось его торговое судно. Капитана охватили одновременно две противоположные эмоции — страх и восторг. Он присутствовал при свершении магического действия. Его же матросы в большинстве своём стали расползаться по углам палубы, надеясь спрятаться. Некоторые стали привязывать себя к мачте. На их лицах читался суеверный страх. Но никто не смел даже заговорить или издать иные виды звуков. Запрет Марка действовал. Нарушить приказ мага они боялись. Подул лёгкий попутный бриз. Говард опустил руки. На его лице читалась сильная усталость.

— Ставь паруса, капитан. Ветер будет дуть туда, куда смотрит нос судна.

— Но... но... Ветер дул в другую сторону... — с трудом проговорил напуганный капитан.

— В этом воздушном пузыре действуют свои законы — усмехнулся волшебник Говард — даже в сильный шторм здесь будет тихо.

Капитан стал отдавать приказы. Матросы плохо слушались. Побагровев, капитан с громким криком прибежал к трёхэтажному матерному убеждению. Вместе с гневом возвращалась былая уверенность. Магия? Зомби? Странные пассажиры? Он в море и он — капитан корабля. Нехотя матросы стали подчиняться его приказам. Не прошло много времени и на грот и фок мачтах были подняты стакеля из гротов и фоков, на носовой мачте натянуты кливера. Подумав, капитан приказал поставить ещё и бизань. Теперь его шхуна имела полное парусное вооружение. Пора было идти в море. Он оглянулся на мага.

— Куда идём, господин маг?

От былой робости не осталось и следа. Теперь перед Говардом и его спутниками стоял бывалый «морской волк», которого мало чем можно было удивить. Говард улыбнулся, заметив эту перемену в нём.

— Таким ты мне нравишься больше. Теперь наша цель...

Он вынул из кожаного тубуса карту и показал её капитану.

— Лучше всего в каюте. — Продолжил Говард. — Пусть молодёжь наслаждается прогулкой, а мы посмотрим это в других условиях.

Они спустились в каюту капитана. Там Говард развернул рулон карты на столе.

— И так... — начал он.

Путь до устья реки Альзония прошёл без проблем. Хотя в это время года Торговое море славится своими штормами и переменными ветрами, затрудняющими плавание. Однако корабль быстро добрался до Илдрамских островов. Оттуда они повернули на восток и уже через два дня вошли в устье реки. И, хотя в устье встречалось множество мелей, торговая шхуна с мелкой осадкой быстро их миновала и скоро начала свой путь вверх по течению. Скоро капитан и его команда уже освоились с этим заклятием. Оно позволяло идти против течения с полной скоростью и не бояться смены курса. По пути они миновали несколько заброшенных поселений. Говард не позволил им сойти на берег и порыскать в развалинах. Ослушаться они не посмели. Месяц спустя, после начала плавания, корабль пришвартовался к старой пристани посреди заброшенного города. Говард произнёс заклятие, и ветер внутри сферы стих. В сфере был полный штиль и стоячая вода, хотя вокруг неё было заметно сильное течение реки и колебание деревьев на ветру.

— Альзония — сообщил Говард капитану и своим спутникам одновременно. — Бывшая столица эльфийского королевства. Смертельно опасная территория — добавил он, оглядев экипаж, у многих уже загорелись глаза от возможной поживы — на берег не сходить.

— Господин маг, а можно поинтересоваться, почему? — вежливо спросил капитан. Вместе с окончанием плавания, у него заканчивалась и уверенность.

— Это территория Мортис. Она охраняется мёртвыми. Сейчас они спят, но, если живой вступит на их землю, они проснутся. Тогда мы все погибнем.

— А как же мы? — подала голос Лидия.

— Я наложу на нас особое заклятие, и мы станем невидимы для мёртвых. Вот только действует оно недолго. Так что времени у нас мало.

Осмотрев окружающих, он добавил с усмешкой.

— По этой причине я и выбрал путь на корабле, а не через портал. Не так быстро, но комфортно и относительно безопасно. Теперь будем ждать. Они пойдут здесь. Им больше некуда идти.

Лютые морозы медленно стали убывать, уступая оттепелям и ночным заморозкам. Снег ещё не сошёл, но стал мокрым, а в воздухе стало нарастать предчувствие близящейся весны. Месяц Лютый сменялся на календаре Березенем. Ученицы делали успехи. Практически все из них уже выполняли заклятие лечения с помощью посоха. Шрамы были ещё корявыми и уродливыми, но под ними уже сейчас была прочно сросшаяся плоть. Некоторые, особо выдающиеся магички смогли освоить удаление гнойных масс и заражений из тел хотя бы частично. Таких брали на заметку и оставляли для работы в Роще Исцеления. Я приступил к переписыванию последней из эльфийских книг. Близилось время, и моё настроение постепенно росло. Вместе с ней росла и тревога за своё будущее. Неясное беспокойство стало наполнять меня. В один из таких вечеров ко мне в дом зашли Голендил и Элентитта. Её отряд недавно вернулся из похода. Им удалось разбить один из последних орочьих отрядов. Оставшиеся орки и гоблины, поняв, что на них ведётся охота, посреди зимы стали сниматься со своих мест стоянок и попытались уйти за пределы эльфийской территории. Но отряды эльфийских лучников безжалостно преследовали их. Орки на самодельных снегоступах сильно уступали в скорости эльфам, а потому становились для них лёгкой добычей. Но самое главное — за прошедшую зиму у эльфов сильно возрос моральный дух. Из смиренных и забитых ничтожеств они превратились в безжалостных охотников. И орки смогли это испытать на своей шкуре. Согнанные со своих стоянок, орочьи отряды были обречены, хоть на эльфийской, хоть на территории нежити.

Я был рад их приходу. Мастерство Элентитты значительно возросло. Она была желанным гостем в Роще среди лекарок. Теперь она могла излечивать даже тяжёлые раны. В дни, когда их отряд возвращался, она подменяла меня, давая мне время на работу с книгами. Но, ни она, ни Голендил так и не узнали, какие книги я переписываю. Я не хотел им говорить, а они не стремились узнать. Видимо человеческие книги их не интересовали. После угощения ягодным отваром, они свободно расселись на своих скамейках, и потекла неспешная беседа. Голендил теперь говорил на моём языке хотя и с сильным акцентом, но достаточно бегло. Из его рассказов я узнал, что в юности он и отец путешествовали по королевству и в столице имели возможность общаться с людьми из человеческого посольства. Там он и смог освоить нашу речь. Мы обсуждали последние новости, когда разговор зашёл о скором нашем отбытии и переходе учениц в ведение наставниц Рощи. Невзначай я задал вопрос.

— Голендил, я, конечно, понимаю, что лезу не в своё дело, но ответь, если не секрет, как у вас проводят экзамен на звание мага?

Он мог не отвечать. Одёрнуть меня, сообщив, что это точно не моё дело. И был бы прав. Но наши отношения давно стали достаточно дружественными. Наверное, руководствуясь этими соображениями, он ответил. Из ответа я понял, что их экзамен в столице состоял из трёх основных частей: зельеварения, боевой части и магии лечения. Зельеварение включало пять обязательных зелий: изготовление яда (любого); изготовление противоядий к самым распространённым ядам; изготовление лечебной мази (любой); изготовление снотворного и изготовление тонизирующего зелья (любого). Каждая семья мела свои рецепты и в этом их никто не ограничивал. Боевая часть магии включала три заклятия: атака зарядом из посоха; ослабление противника (любое) и усиление союзника или себя самого (любое). Лечебная

часть магии включала также три заклятия: срачивание плоти и костей; исцеление гнойных ран заклятием и исцеление от большинства болезней заклятием. Остальные заклятия всегда были тайными знаниями отдельных кланов.

В свою очередь он поинтересовался, а как у нас происходят экзамен на звание мага. Задумавшись, я ответил.

— Наших магов учат в Академии магических наук централизованно. Домашнее обучение в родах — огромная редкость, хотя и оно встречается. Но это в основном для тех, кто не может обучаться магии в Академии по причине здоровья. Поэтому все заклятия у нас в основном одинаковы. Некоторые рода могут иметь особые заклятия, но редко.

— Ты учиться в ваша... школа?

— Да. Меня забрали в Академию из семьи с десяти лет.

На лице Голендила читалось удивление и ужас одновременно.

— Тебя забрать от семья? Ты не расти как все дети?

— Нет. У нас так принято. Я не знал другой жизни. Академия — это и есть моя семья.

Я замолчал, давая возможность Голендилу перевести мои слова Элентитте. Между ними состоялся интенсивный разговор. Когда они замолчали, я продолжил.

— В конце обучения мы все сдавали экзамены. Примерно, как ваши. Они состояли из пяти основных частей: зельеварения, трансфигурации, бытовой магии, боевой магии и магии лечения. Магом ты станешь только тогда, когда сдашь магию лечения. Она самая главная. Не сможешь сдать остальное — просто закроют глаза. Я знал одного мага. Он сразу не смог сдать эту дисциплину. Его сделали просто лекарем и отправили в гарнизон на границу. Эту магию он освоил уже позже. Тогда и получил своё звание и посох. Хотя посох у него был трофейный. Но подтвердили его звание мага много позже. На экзамене по зельеварению мы сдаём: изготовление ядов по списку; изготовление противоядий к этим ядам; изготовление лечебных мазей по списку; тонизирующие зелья по списку; успокаивающие и снотворные зелья по списку. Список обязателен. По трансфигурации мы выполняем восстановление предмета; уменьшение и увеличение предмета; изменение формы в определённых пределах по указанию преподавателя; манипуляция предметов в пространстве — притянуть и оттолкнуть. Экзамен бытовой магии предполагает сдачу простых вещей: разжигание и гашение огня, например, для светильника; свет на конце посоха; наполнение сосуда водой или удаление жидкости из сосуда; стирка и сушка одежды; мытьё своего тела; открывание и запираание дверей; уборка помещения. Боевая магия предполагает сдачу таких вещей как: связывание противника верёвками; обезоруживание; создание защитного щита; ускорение движений на себя и союзников; замедление движений на противника; повышение силы удара; повышение точности; контрзаклятие, снимающее большую часть заклятий; атака зарядом из посоха. Магия лечения предполагает способности излечения ран; удаление гноя и грязи и удаление из тела болезненного начала.

Голендил кивнул головой.

— У человеческий маг большой... способность.

Я вздохнул.

— У вас способностей не меньше, но они не объединены вместе, а принадлежат разным кланам. Да и не все маги у нас владеют полным набором. Приоритетом всё-таки идёт лечение.

Я замолчал, собираясь с мыслями. Голендил снова переводил мои слова Элентитте.

— Ну, это общие экзамены. Для всех людских магов.

— А есть не для всех?

— Есть. Но это не экзамен как таковой, а испытание. На нём — я замолчал, формулируя мысль — тебя травят различными наркотическими веществами, чтобы вызвать у тебя различные состояния ума. Суть в том, чтобы перебороть наркотик. Это экзамен контроля над своим телом.

— Ты этот испытание сдать?

— Да — моё тело передёрнуло от болезненных воспоминаний.

Голендил стал переводить мои слова. А моя память унесла меня в прошлое.

Наставник ввел меня и ещё одного моего сокурсника в комнату. Оставив нас посреди комнаты, он отошёл к группе преподавателей. Мы оба были добровольцами. Это испытание было необязательным, но его прохождение давало магу дополнительные бонусы при назначении на место. К этому испытанию допускали не всех, а только успешно прошедших отбор по состоянию здоровья физического и психического. Получить допуск к этому испытанию тогда было равносильно попаданию в магическую элиту. Так я тогда думал. Оглядевшись, я понял, что был прав по поводу элиты, но при этом загрустил. В комнате, помимо нас, находились только отпрыски магических родов. Благородные и высокородные дети могущественных магов Империи.

— Так! — раздался голос одного из них — А вы двое, что сюда припёрлись? Валите отсюда. Здесь место только для благородных волшебников.

Я обернулся и впери́л взгляд в лицо своего противника. Это был один из сынков мага, приближённого к особе императора. Его отец едва ли не каждый день видел императора. Я тогда только слышал о том, что он правит нашей империей, но видеть не доводилось. И удастся ли когда-нибудь — не знал. Но сдаваться и уходить отсюда я не собирался. Запахло ссорой. Я не считал своего противника сильнее себя. В случае конфликта было неясно, кому достанется победа.

— Не тебе судить, кому сдавать это испытание. — Раздался голос наставника. Мы обернулись. Хаттон был абсолютно спокоен, но связываться с ним не хотелось никому. — За испытание платит император. Решение принимает совет учителей.

Моему сопернику пришлось подчиниться. Своего мнения он не поменял, но спорить не стал.

— Всем приготовиться — раздался голос ещё одного из наставников.

Мы стали расходиться по своим местам. Для каждого из нас приготовили ложе, больше напоминающее гамаки на кораблях, в которых спят матросы. Я залез в свой гамак и начал ждать. Так получилось, что мы оба оказались отделены от магов из благородных семейств. Мне было всё равно. За всё время обучения я не сошёлся ни с одним из них. Каждый из них открыто высказывал к нам, низкородённым своё презрение. Я был готов к чему-нибудь подобному. Когда закончилось шевеление, и последний из нас оказался в своём ложе, наставник продолжил.

— Слушать внимательно. От этого зависят ваши жизни. Сейчас вы ещё можете отказаться и уйти. Но начав испытания, вы должны будете пройти их до конца. Попытка сойти с испытания приведёт вас к психической и умственной нестабильности. Те, кто не прошёл весь путь испытания, заканчивают сумасшествием или погибают. Также вы можете погибнуть в ходе испытания. Думайте прежде, чем совершить первый шаг.

Он замолчал, давая нам возможность обдумать его слова. Я знал, о чём он говорит. Нам

показывали людей-растений с безумным взглядом, пускающих слюну и гадящих под себя. Им специально сохраняли жизнь, чтобы они были примером для нас. Мы же и ухаживали за ними. Впечатление было жутким. Но я был молод и верил, что это испытание мне по плечу. Сегодня я не уверен, что согласился бы пройти его ещё раз.

— Сейчас вам дадут зелье, — продолжил наставник — которое погрузит вас в транс. Боль, которую вы будете испытывать, будет вызвана возбуждением нервных окончаний. Ваша задача — подавить боль. Найти способ её контролировать. Вас этому учили.

Наступило молчание. Некоторое время я ждал. Наконец, ко мне подошёл один из наставников. В его руках был кубок с напитком.

— Сынок, ты принял решение? — ласково спросил он. — обратного пути нет.

Вместо ответа я схватил кубок из его руки и отпил изрядный глоток. Холодное обжигающее пламя побежало по моему пищеводу в желудок. Мне стало нечем дышать. Потребовалось значительное усилие, чтобы сделать вдох.

— Больше не надо — кубок забрали из моих рук.

Я лёг и стал ждать. Сначала ничего не происходило. Потом я почувствовал сильную резь в желудке. «Началось» — подумал я. Мир начал постепенно вращаться. Казалось, будто я падаю в глубокий колодец. Мир стал отдаляться от меня. Я чувствовал, как дёрнулся. Наверное, я что-то говорил, шевелил руками. Вокруг на пределе слуха раздавались крики моих однокурсников, проходящих это же испытание. Потом и это пропало. Хорошо, что я был в глубоком гамаке. Он надёжно удерживал меня от падений на пол. Моё тело стало подавать сигналы боли. Я не мог понять, что именно болит. Болело всё тело. Каждая клеточка тела изнывала от боли. Время остановилось. Моё тело было одной большой болью. Я перестал чувствовать руки и ноги. Боль постепенно нарастала. И я погружался в неё. Меня стало захлёстывать отчаяние. Боже! Зачем я на это решился. Боль меня убьёт или сведёт с ума. Время? Сколько уже прошло времени? Сколько это будет длиться времени? Кажется, я оглох от собственного крика. Рядом раздавались такие же крики других учеников.

И тогда случилось это. Нет, случилось ЭТО! На меня обрушился мрак. Я перестал видеть происходящее вокруг. Руки и ноги уже отсутствовали. Я не чувствовал их, они мне не подчинялись. Теперь я потерял связь с миром посредством глаз. Я закричал. Пытался потрогать глаза руками и не смог. Теперь мир ограничился до маленькой точки. И в этой точке находились только я и моя боль. Больше ничего не существовало. Ни мира, ни времени, ни моего тела. Я был болью. От боли я не мог соображать. И всё-таки на грани моего сознания родилась мысль. В моём мозгу для неё не было места. Там была только боль. Сначала она предстала передо мной как нечто чужеродное. Представьте некий предмет, плавающий посреди океана. Я был этим океаном, и боль была водой этого океана. И вот моя мысль была таким предметом. Я смотрел на неё, чувствовал её, но она не доходила до моего сознания. Не растворялась в океане моего сознания и боли. Вот так мы и плавали рядом. Я и моя мысль.

Боже! Кажется, я перестаю воспринимать боль, как нечто чуждое моему сознанию. Я уже встречался с таким явлением. Допустим, вы пробили руку гвоздём. Вам больно. Но вы не можете вынуть гвоздь по определённой причине. Постепенно вы смиряетесь с болью, как с чем-то неизбежным и даже необходимым. Вот так и я стал смиряться с болью моего сознания. Это больно, это неприятно, но можно терпеть. А главное, можно думать. Что же может усмирить мою боль. Кажется, это говорит со мной моя мысль? Или я с ней разговариваю? Нет, что вы? Это не слова, а образ! Иностраный образ на ярко красном

колышущемся океане моей боли. Интересно. Я вглядываюсь в эту деталь, и боль отступает на второй план. Вот ты о чём, мысль.

Я начинаю следовать мысли.

— Говори...

— Боль рождается от спазмов, расслабь мышцы...

— Интересная ты, разговариваешь...

— Не говори — действуй...

— Да...

— Я расслабляю ноги и руки... У меня нет рук и ног!

— Делай образ...

— Ноги и руки провисли как верёвки. Они расслаблены...

— Теперь грудь... живот... пах... ягодицы... поясница... спина... лопатки... шея...

— Я спокоен... я совершенно спокоен... мой разум спокоен... мой дух спокоен...

— Расслабляется мой затылок... темя... виски... уши... челюсть... щёки... губы... язык.

Мышцы обвисли как на корабле паруса в штиль.

— Здесь кругом боль, но я сосредоточен на образе.

— Расслаблены мышцы моего лба... бровей... носа... скул... век... глаз.

— Я расслабляю свой мозг. Все лишние мысли уходят. Моё дыхание спокойно. Вдохи и выдохи. Сердце работает спокойно.

— Я отключаю свою боль. Мой дух — это спокойное озеро в лесу. В нём отражаются небо и окружающие деревья. Это мой образ.

— Вокруг боль. Она как температура воды. Вода нагревается и бурлит. Я охлаждаю воду. Ниже температура. Вода успокаивается. Образ спокойной воды. Ещё ниже температура. Вода успокаивается. Образ спокойной воды.

— Я спокоен... я совершенно спокоен. Образ спокойной воды. Эмоции — это ветер. Вода покрывается волнами и теряет спокойствие. Я успокаиваю ветер. Вода успокаивается. Образ спокойной воды.

— Образ спокойной воды. Мой дух находится возле этого озера. Это безмятежное место. Мой дух безмятежен.

— Боль есть. Она никуда не делась. Но теперь она не обжигает, а лишь согревает воду в озере. Образ спокойного озера.

— Я сконцентрирован на образе спокойного озера. Время не существенно. Есть я и образ спокойного озера.

Моё сознание накрывает благодущие. Мне хорошо. Я сижу расслаблено возле озера с тёплой спокойной водой. И мне хорошо.

— Хаттон! Посмотри. Он спит — раздаётся голос где-то на грани моего сознания. — В первый раз такое вижу. Боль должна была его расплющить.

— У него есть потенциал. — раздаётся рядом довольный голос моего наставника. — Невил! Вставай! Испытание на сегодня окончено.

Я открываю глаза, и меня выдёргивает из моих видений. В теле остаточная боль и сильная слабость. Мне помогают выбраться из гамака и ставят на ноги. Меня шатает от слабости. Моё тело покрыто липким, вонючим потом. Моё лицо кривится от неприятного запаха. Одежда прилипла к телу.

— Сколько времени прошло?

— Двенадцать часов. Остальных уже подняли. Ты — последний. И самый тихий. —

Поведал мне наставник, проводивший испытание. — На удивление в этом году этот этап сдали все. Зелье уже вышло из тебя вместе с потом. Тебе надо смыть его, будет сразу легче.

Я кивнул головой. Мой мозг быстро брал тело под контроль. Я прямиком из этого зала отправился в душевую.

Следующий день я снова встречал в этой комнате. Лица окружающих были уставшими. На них отразились следы вчерашней боли. Не было высокомерных взглядов и улыбок. Однако взгляды были заинтересованные. Некоторые смотрели на меня с особым интересом. Мне было не до них. Сегодня нам предстояло особое испытание. Хотелось понять, что оно из себя представляет. Требовалось успокоиться. Снова к нам обращались наставники. Предложений отказаться не последовало. Мы разошлись по своим местам. Я забрался в гамак. Положение остальных меня не интересовало. Требовалось очистить мозг от лишних мыслей. И мысли об окружающих в данный момент были лишними. Они не помогут мне проходить испытание и не пройдут вместо меня. Эту боль и страдание я буду вынужден встречать в одиночку. Ко мне подошёл наставник. Он протянул мне кубок, и я отпил из него глоток.

Мир стал медленно погружаться в туман. Приятное тепло стало распространяться по моему животу. Потом это тепло стало распространяться по телу и, в конце концов, захлестнуло мой мозг. Мир удалился и скрылся за туманной пеленой. Я плавал в состоянии неги и удовольствия. Где-то на грани моего сознания пришла мысль. Я долго её рассматривал, прежде чем осознал. Это испытание? Вчера пытали болью, сегодня — удовольствием. Нельзя погружаться в это. Можно потерять себя. Я попытался сконцентрироваться, изгоняя из сознания состояние удовольствия. Не расслабляться! Потом произошло ЭТО. Сначала из клоков тумана стали собираться расплывчатые образы. Я проявил интерес и сразу же пожалел об этом. Передо мной предстали образы обнажённых женщин. Они улыбались мне. Поняв, что я обратил на них внимание, они стали делать похотливые жесты и движения. Мне приходилось ходить по городам людей. Там мне встречались продажные женщины. Я видел их поведение. Но те были в одежде. И даже в таком виде вызывали сильную похоть. А эти были обнажены. Моё образование предполагало знание анатомии и физиологии. С обнажёнными телами мне приходилось работать. Но те, как правило, были либо мертвы, либо изуродованы болезнью. Но в этих образах женщины были здоровы и хороши. Хороши они были настолько, насколько могла вообразить моя фантазия. Это была моя похоть. Это ключевое слово.

Я уцепился за это слово как за якорь. Если это испытание, то связано оно с похотью. Осознав опасность, я стал усиленно бороться со своими желаниями. Преодоление похоти. Что-то такое нам говорили на уроках. Но что... Между тем образы передо мной стали активнее. Они уже не были расплывчаты. Наблюдалась чёткость линий, можно было рассмотреть их тела в мельчайших подробностях. Надо хотя бы отвернуться. Попытка повернуть голову не удалась по причине того, что её просто не было. Здесь были только я и мои образы, собранные из самых моих похотливых фантазий. При этом я чувствовал своё тело где-то за гранью этого тумана. Во всём теле наблюдалась удивительно приятная теплота и нега. А ниже пояса, в моих чреслах, постепенно нагнеталось напряжение. Попытка отвернуть голову не осталась незамеченной. Раздались женские смешки. У меня что? Не только зрительные, но и звуковые галлюцинации? Но это было только пол беды.

— А ты шалун — заговорил со мной один из женских образов — мы же видим тебя, знаем твои желания. Отпусти себя на волю. Дай себе расслабиться.

Голос был нежный и глубокий. У меня снова возникло желание тряхнуть головой, чтобы отогнать морок. Не получилось. Снова раздались женские смешки. Одна из обнажённых женщин моих видений двинулась вперёд и прикоснулась ко мне. Прикоснулась? Ощущение было невероятно реальным. Так не должно быть! Я никогда не слышал, чтобы галлюцинации были настолько реальны. Слышать, видеть, но не кинестетические же ощущения! Это испытание. Проверка на твою устойчивость к похоти. Снова эта навязчивая мысль. И где она? Стоп! А где я нахожусь? Я попытался отстраниться, чтобы привести мысли в порядок. Заметив это, остальные образы одновременно двинулись ко мне. Через мгновение я был окружён женскими обнажёнными телами. Моё сознание было наполнено их телами, прикосновениями к моему телу и запахами их тел. Моё сопротивление было мгновенно сломлено. Мне уже не хотелось сопротивляться, захотелось отдаться этой неге. Запахи? Наставник, почему ты не рассказал, что галлюцинации могут быть настолько реальными? Эта мысль причинила реальную боль.

— Это галлюцинации. Невил, отгони их! — Кажется, я стал говорить сам с собой.

— Мы просто твои желания. Позволь нам сделать тебе приятно...

Напряжение в моих шганах стало невероятно сильным, вплоть до боли.

— Нет, отгони их.

— Но как?

— Глупец, ты слушал наставника?

— Это просто образы. Они не могут причинить мне вред...

— Мысль реальна. С образами борются только образами.

Эта мысль оформилась на грани моего сознания. Сам я был погружён в негу из женских образов, прикосновений и запахов, звуков, издаваемых ими. Мне было одновременно и хорошо, и больно. Хотелось продолжить эту негу. Но в мыслях уже появилась деталь, отличная от окружения. Я видел эту мысль и потянулся к ней. Чем больше я прилагал усилий, чтобы дотянуться до своей мысли, тем приглушённой становились образы, звуки и ощущения.

— Образ. Но как его сформировать?

— Прямо в мозгу.

— Идиот. Мы уже в мозгу.

— Но как...

— Видишь туман? Формируй прямо из него.

Я посмотрел на туман хаоса моих иллюзий. В нём происходило перемещение масс, клочков газовых масс. Но, как же мне хорошо. Не хочу отсюда вырваться. Это испытание. Что будет, если не сможешь его пройти? Кем ты станешь? В кого превратишься? Это были не мысли. Это были образы, рождающиеся в моём сознании прямо за спинами женских похотливых иллюзий. Человек-растение. Погружённый в свои иллюзии. Их держат в домах для психически больных. Их практически не удаётся излечить. Но они хороший материал для изучения и хорошее пособие для учеников. Потому и не убивают. Хотя милосерднее было бы оборвать их жизнь. Я представил себя в такой лечебнице в качестве пациента. Образ вызвал отвращение. Надо бороться. Надо вырваться. На мгновение эти мысли разорвали покров тумана моих галлюцинаций. Где-то там, на грани видений я увидел комнату, в которой мы проходили испытание. Со стороны это выглядело омерзительно. Ученики бились в конвульсиях и исполняли похотливые движения. Раздавались стоны и крики, чмокающие звуки. Чувство отвращения было для меня безграничным.

Меня снова поглотил туман. Но образ той комнаты был невероятно чётким. Такой чёткой может быть только реальность.

— Это испытание. Борись.

Усилием воли я зачерпнул массу тумана, и стал формировать из неё равнину с синим небом над ней. Насытил это небо облаками и пролетающими птицами. По поверхности земли насадил кустарников. На большее моего образа не хватило. Но не это важно. Важно, чтобы образ не был похотливым. По этой равнине я проложил дорогу. Я потянул образ на себя. Прежние образы не захотели меня отпускать. Приложив усилие, я отмахнулся от них и стал проникать в свой новый образ. Я с усилием сделал шаг по этой дороге.

Чья-то рука тронула меня за плечо, и вмиг оплела мою шею. Её ладонь упала на мою грудь.

— Не уходи. Нам же хорошо вместе. Мы сделаем тебя счастливым...

— Да. А заодно и безумным.

Я мысленно отшвырнул руку со своего плеча, и сделал шаг по этой дороге. Я в другом мире. Захотелось обернуться. Внутренним чутьём я почувствовал страх перед этим поступком. Оборачиваться нельзя. Я сделал второй шаг по дороге. Иллюзия окружающего пространства была нестойкой. Менялся цвет неба и формы облаков. Иногда цвет и эти формы были абсолютно безумны. Внезапно образы облаков стали похотливы. Я увидел картины обнажённых тел и процессов совокупления. Тело опять стало наполняться теплом и напряжением. Усилием воли разогнал эти образы вместе с облаками. Небо стало чистым и безоблачным. Заодно стёр с пейзажа все кустарники и деревца. Передо мной расстилалась чистая равнина и проложенная дорога по ней. Я сделал шаг по дороге. Дорога — это важно. Чутьё подсказало, что похотливые движение и образы надо заменить другими, не относящимися к похоти. Образ дороги и моё движение по ней. Шаг. Ещё шаг. Меня уносило прочь от образов похоти. Это я зря подумал о похоти. Впереди на дороге стояла обнажённая женщина. Напряжение воли, злость. И образ исчезает. Снова лишь пустой пейзаж, чистое небо и дорога, уходящая вдаль за горизонт. Очисти своё сознание. Иди вперёд. Я сосредоточился на дороге. Постепенно тело расслабилось и напряжение пропало. Ещё несколько раз мне приходилось стирать образы, не относящиеся к моему путешествию в никуда, по этой дороге. Я успокоился.

Чьи-то жёсткие пальцы опять впились в моё плечо. Меня стали трясти. Я открыл глаза. Надо мной стоял наставник. Чувство сильной усталости и ощущение липкого холодного пота. А ещё чувство, будто меня макнули в какую-то гадость. Измазали в грязи. Я испытывал чувство сильного отвращения и ненависти. В этот вечер я отмывал себя в душе с особым ожесточением. И всё равно. Чувство грязи и испачканности осталось.

На следующий день оказалось, что двое учеников не смогли пройти это испытание.

— Их отчислят? Снимут с испытания?

— Нет. Сейчас они проходят обучение и слушают лекции по контролю своих эмоций и иллюзий. Потом они снова будут проходить это испытание.

— Почему? — снова поинтересовался один из «благородных отпрысков». — Разве не разумнее их снять?

— Нет. Это опасно для их психики. Маги очень нужны. Маг-психопат — это опасное сочетание. Их будут мучить, пока они не смогут найти способ контроля своего разума.

Оставшиеся ученики продолжили испытания. Я снова лежал в своём гамаке. Как я был глуп, согласившись на такое. Что-то говорило мне, что боль и позор — не самые большие

испытания для моего разума. Мне подали кубок. Я отпил, но уже не столь уверенно. Какое-то мерзкое варево проползло по моему пищеводу в желудок. И снова я стал погружаться в свои видения. На этот раз не было ни боли, ни похоти. Первое, что коснулось меня в этот раз — был запах гнили. Нет ни просто гнили, а ГНИЛИ. Так могли пахнуть только старые разлагающиеся трупы, лежащие в сырости. Меня передёрнуло от омерзения.

Окружающее пространство стало исчезать. Комната подёрнулась дымкой и медленно растворилась. Меня вновь окружали клубы тумана. Вот только пах этот туман болотной сыростью и трупной гнилью. Болото. Это стало ключевым словом в моих видениях. Под ногами слышалось чавкающие звуки. Опустив глаза, я разглядел болотный мох и тину, покрывающих мелководье. Я стоял по щиколотку в болотной воде. Попытка сдвинуться, и вызвала этот чавкающий звук. Меня потихоньку засасывало в болотный грунт. Медленно я попытался переставить ногу с этого места. Мне это удалось, и я переступил на новое место. До меня донеслись звуки болотной жизни. Где-то в тумане квакнула лягушка, потом ещё одна. Запела болотная выпь. Из-за тумана и тяжёлого запаха настроение было подавленным. Но это было только начало.

В тумане раздались чавкающие звуки, издаваемые переставляемыми ногами. На меня кто-то шёл. Нет не кто-то один, а множество живых существ. Они шли в мою сторону. Мне стало страшно. Страх сковал меня. Всё, что мне оставалось — это стоять и ждать их. И они пришли. И стали проходить мимо, снова уходя в туман. Запах гнили и разлагающейся плоти стал непереносим. Никто из них не пытался причинить мне вред. Они просто шли мимо. Смотреть на них было жутко и омерзительно. Распухшие, гниющие прямо по всему телу. Многие были покрыты ужасными гнойными язвами. На их телах были видны трупные пятна. Одежда этих людей была вся изодрана и покрыта пятнами гнойных выделений и крови. Хуже всего было смотреть на их лица, в которых отпечатались страдания. Они шли мимо, а я наблюдал за шествием этих мёртвых людей. Впечатление было такое, будто какой-то некромант-недоучка поднял массу зомби, но не довёл своё заклинание до конца. Не защитил их от разложения.

Что-то привлекло моё внимание. Мимо меня проходил один из гниющих мертвецов. В этом распухшем трупe я узнал одного из своих сокурсников. Мы оба были из низких социальных слоёв общества, а потому сдружились. И вот теперь было ужасно видеть его в таком виде. Он почти прошёл мимо, когда я решился окрикнуть его. Это я поторопился.

— Ты тоже здесь гниёшь?

Почему я задал этот вопрос? Наверное, мой разум не работал в тот миг. Но он остановился и замер. Через некоторое время он обернулся ко мне. Его глаза смотрели на меня вполне осмысленно. Меня охватил ужас. Осмотрев меня оценивающим взглядом, он проговорил.

— Ты тоже не образец здоровья. На себя посмотри.

Голос, донёсшийся из его рта, был хриплым и низким. Словно со мной говорила сама смерть. Я сместил взгляд с его лица вниз на моё тело. Оно было распухшим и покрыто гнойными язвами. Вместо одежды на мне были натянуты грязные, разорванные лохмотья. Я поднял к лицу ладони. Они были отёкшими, покрытыми трещинами и струпьями. Сквозь трещины моей плоти были видны мелкие черви, копающиеся в моей плоти. Я был разлагающимся трупом, которого заживо поедали мелкие трупные падальщики. Да, зрелище было не для слабоверных. Вот тогда у меня и случился срыв. Я сорвался с места и побежал. Если это можно так назвать. С большим трудом поднимая и переставляя ноги в этой

болотной грязи, я медленно брёл навстречу толпе, постоянно натываясь на идущих мне навстречу людей. Меня отталкивали в сторону и брели дальше. Поток людей всё не кончался. Как не кончалось болото. Я потерял счёт времени, пока длилась моя истерика.

Наконец, я выдохся и остановился. Меня шатало. Какой-то гниющий ходок толкнул меня, окатив волной смрада, и двинулся дальше по болоту. Я упал на колени и завалился на бок прямо в болотную жижу. Приложив немало усилий, я смог сесть на коленях. Меня продолжало трясти от истерики. Я судорожно глотал воздух. Мозг никак не мог принять факта моей смерти и разлагающегося состояния. Но это... Это же... Мысль никак не могла оформиться, но я уже уцепился за неё. Да, у меня испытание. Нужно успокоиться. Только так можно его пройти. Мне потребовалось время, чтобы успокоить сознание и тело. Мозг до сих пор пребывал в состоянии шока, но тело и разум были спокойны.

— Это испытание. Это моя иллюзия.

— Ты уже сталкивался с реальностью иллюзий.

— Да, надо исправить эту реальность на другую,

— Это только половина твоей проблемы. Тебе придётся излечить это тело. Иначе болезни отразятся на твоём реальном теле.

— Но я никогда не пробовал лечить себя...

— Теперь у тебя будет такой шанс.

— Мысль реальна. Твои видения, приложенные к телу, отразятся на...

— Уже говорил.

Я оглядел себя. На теле были язвы и открытые раны. То, что нужно. Я включил второе видение. Моё тело выглядело омерзительно. Живой плоти практически было не видно, но она была. Всю плоть моего тела составлял большой комок гнили. Меня поедал паразит, разросшийся до гигантских размеров. Он выглядел как большой спрут, раскинувший свои многочисленные щупальца во все стороны. Смогу ли я изъять этого паразита, да ещё и из своей плоти? Это я сейчас узнаю. Пальцами правой руки я прикоснулся к дну болота, в котором сейчас находился. Обряд начался. Я видел, как от водной глади и до моих пальцев протянулась светлая полоса энергии. Стараясь не совершать резких движений, я потянул эту полосу к паразиту. Осторожно я коснулся паразита и вдавил полосу немного вглубь его. Я сделал усилие и мысленно потянул паразита из своего тела. Щупальца сразу же прилипли к белой полосе. Я усилил тягу. Щупальца паразита вытянулись и коснулись водной глади. Гниль начала перетекать из тела наружу. Боль вонзилась в меня своими зубами и стала рвать плоть. Я отчётливо видел все поврежденные ткани. Я стал расслаивать тело, переводя гниль в энергетическую оболочку из физической формы. Потеряв связь с физической оболочкой, гниль стала обильно вытягиваться из тела. Покинув тело, гниль снова переходила в физическую составляющую. По мере удаления паразита из тела, моя аура менялась. Я стал испытывать сильную боль. И чем дальше, тем больше. В какой-то момент боль стала нестерпимой, и я прервал обряд. Паразита разорвало. Одна из его частей оторвалась и упала в воду рядом со мной.

Эманации боли — сильнейший источник силы. Конечно же я потерял много энергии. Её требовалось собрать, чтобы использовать. Я огляделся. Вокруг меня плавало много капель моей энергии. Они ещё не успели рассеяться в пространстве. Мысленно я потянул к себе плавающие в ментальной сети капельки боли.

Надо было продолжить излечение. И снова я вытянул правую руку и пальцами коснулся дна болота. Боже. Как же больно. Но если это единственный путь, то его придётся пройти. Я

сосредоточился и потянул белую полосу от болотного дна к моему телу. Осторожно я коснулся паразита и вдавил полосу чуть внутрь его. Пора. На этот раз мне снова удалось оторвать от паразита часть его сущности и сбросить её в болотную воду из себя. Ментальная сеть наполнилась энергией моей боли.

Снова отдых. Снова обряд. И так несколько раз, пока тело в моём сознании не очистилось от паразита.

Пора было приступать к лечению. Погружать руку в своё тело не потребовалось. Внутри оно было целым. Были множественные внутренние повреждения, но ничего критического. Я потянул рой энергии боли в ментальной сети на себя. И стал вводить его в своё тело. Ощущения были неприятны. Но регенерация тела происходила ускоренным темпом. Мне пришлось только заращивать наружные раны.

Занимаясь лечением, я не заметил, как изменился окружающий пейзаж. Запах гнили ещё стоял, но гниющих людей уже не было. Они исчезли. Посреди болота находился я один. Те же клубы тумана, те же болотные звуки. Плавающая вокруг меня гниль, изъятая из моего тела. Внутреннее видение показывало, что я почти здоров. Оставались мелкие внутренние повреждения, но не критичные. Пора было изменить и это. С чавкающим звуком я выдрал свои ноги из болота. Позади были боль, страдание и отвращение. А впереди...

Я сделал шаг. Собрал клубы тумана и создал новую картину. Сделал ещё шаг. Под ногой была плотная почва. Я выдрал из болота вторую ногу и вступил на твёрдую поверхность. Главное не оглядываться. С меня стекает вода. Впереди дорога. На меня веет свежий ветер. Позади стихают звуки болота. Последним пропадает запах гнили. Повторим прошлый опыт. Передо мной расстилается равнина, сверху безоблачное небо, по равнине проложена дорога. Я делаю шаг за шагом...

Меня грубо трясут. Я открываю глаза. Состояние сильной слабости во всём теле. Головокружение, тошнота. Липкий, мерзкий пот по всему телу.

— Хаттон, смотри. Этот опять спал. — Наставник принимает к моей одежде. — Кажется, он лечил себя во сне.

Меня поднимают из гамака и помогают встать на ноги. Я оглядываюсь. Вокруг из гамаков вынимают других учеников. Состояние многих очень плохое.

— Ну, что же — сказал Хаттон. — Я доволен, что не ошибся. Это испытание мало кто проходит с первого раза.

В комнату вбегают слуги и начинают грузить учеников на носилки. Почти все ученики без сознания. Стоит мерзкий запах гнили и желудочных масс. Носилки поочерёдно выносят из помещения. Мне дают чашу. Я принимаюсь, пробуя на язык. Чистая вода. Выпиваю залпом всю воду из чаши. Наконец могу говорить.

— Куда их, наставник?

— В лечебную часть, очищать от зелья.

Пришлось усиленно мыться и стирать свою одежду. Ночью мне снились кошмары. Я снова и снова попадал на болота, и на меня шли гниющие, распухшие люди.

Утро следующего дня мы снова встретили в этой комнате. Уставшие, не выспавшиеся и злые. Это испытание сильно выматывало нас всех. Наставник что-то говорил, но я не слушал. Внутренне я содрогался от предстоящего испытания. Но поворачивать назад было поздно — было стыдно это сделать. На деревянных ногах я шагал к гамаку, предчувствуя ад, ждущий меня в нём. Я отпил из кубка. Это была какая-то мерзость. Меня едва не стошнило, но я стойко проглотил содержимое. Меня начало содрогать от омерзения прежде, чем туман

иллюзий сомкнулся надо мной.

Я сидел в глубокой яме по пояс в какой-то жидкости. Дно ямы было склизким и комковатым. Я прикоснулся к стенам ямы. Где я? Странная поверхность. Света было мало, но постепенно я разглядел окружающее пространство. Стоял неприятный трупный запах. Стены ямы были выложены из непонятного материала самых разных форм. В полутьме мне удалось разглядеть продолговатый камень в стене. Захотелось потрогать его, определить материал камня. Я протянул руку и ухватился. Меня передёрнуло от отвращения. Камень был мягкий и податливый, как плоть животного. Я вцепился пальцами и потянул на себя камень. Мне надо было убедиться в своей догадке. Камень пошёл с наугой, но уверенно. Потом его вывернуло из стены. От неожиданности я шарахнулся назад. Камень раскрылся. Передо мной из стены торчала человеческая рука. Я впал в состояние шока. Медленно я оглянулся вокруг. Мои глаза достаточно адаптировались к полумраку, чтобы разглядеть правду. Стены ямы были выложены из мёртвых человеческих тел. Я опустил взгляд вниз и посмотрел на жидкость, в которой сидел. Зачерпнув горстью этой воды, я поднёс её ближе к лицу. Жидкость пахнула затхлой, протухшей кровью с примесью гноя.

Я вскочил на ноги и встряхнул рукой, очищая её от крови. Кровь широким веером разлетелась по поверхности ямы, оставляя на её поверхности кровавые брызги. Я поскользнулся и спиной упёрся в поверхность ямы. Я продолжал скользить и заваливаться на пол, прямо в кровавую лужу. Чтобы не упасть, я вцепился рукой в один из кирпичей плоти. Пальцы легко разорвали кожу. В моей руке остался кусок плоти. Но движение вниз не остановилось. Я смотрел на склизкий кусок протухшего человеческого мяса, от которого к месту отрыва тянулись потоки слизи. Я резко отбросил этот кусок из своей руки и рухнул в лужу крови. Всё, о чем я думал, так это не нахлебаться этой жижи.

Я вынырнул из лужи крови и попытался встать на ноги. С меня текли потоки. Они пропитали всю мою одежду и стекали с волос на лицо. Я протёр лицо рукой и попытался принять равновесие. Меня всего передёргивало от отвращения к окружающему пространству. Однако двигался я слишком быстро и резко, а потому постоянно оскальзывался и вновь падал в кровавую лужу. Меня стала охватывать истерика. Но это было не самое страшное. Кажется, своими рывками и перемещениями я потревожил равновесие, в котором находились трупы, окружающие эту яму. Трупы стали падать сверху или выскальзываться со своих мест. Пространство стало сильно сокращаться. Меня просто заваливало трупами людей. Многие из них лопались, и наружу выпадала разложившаяся плоть. Мои руки были измазаны этой слизью. Настал момент, когда последний труп упал на моё лицо, и я перестал что-либо видеть. Перед тем как потерять сознание, я почувствовал, что задыхаюсь...

Я сидел в глубокой яме по пояс в какой-то жидкости. Дно ямы было склизким и комковатым. Я прикоснулся к стенам ямы. Где я? Странная поверхность. Света было мало, но постепенно я разглядел окружающее пространство. Стоял неприятный трупный запах. Стены ямы были выложены из непонятного материала самых разных форм. Кажется, я уже это где-то видел. У меня де-жавю? Стоп! А что было тогда? Да, человеческая плоть. Я поднялся и осторожно подошёл к стене из человеческой плоти. Я чётко различал контуры тел. Плоть. Разлагающаяся человеческая плоть. Меня стало подташнивать. А под ногами у меня... Кровь? Проверять не хотелось. Я ощущал чувство омерзения от нахождения здесь. Мой мозг отказывался работать. Это... это... Но как? Почему? Я почувствовал, что теряю опору под ногами. Мои стопы стали скользить, а я падать. Неосознанно я вцепился в плоть

стены. Часть плоти оторвалась, оставив в моей руке ногу. Наверное, я сжал плоть слишком сильно. Кожа лопнула и наружу стала вытекать пузырящаяся слизь. Я вновь упал. Равновесие тел нарушилось и меня стало засыпать разлагающимися трупами. Темнота и удушье...

Я сидел в глубокой яме по пояс в какой-то жидкости. Дно ямы было склизким и комковатым. Я прикоснулся к стенам ямы. Где я? Это уже было. У меня де-жавю? Стоп! Это не де-жавю. Это испытание. Наконец-то мой мозг стал работать. Какое испытание? Я огляделся. Я уже работал с трупами. Это не должно меня пугать или нервировать. Но что это за чувство. Я присмотрелся к себе и своим ощущениям. Время шло. Я перебирал в уме все названия известных мне эмоций. Наконец я понял, что я должен преодолеть. Имя ей — брезгливость. Я поглядел вверх. Наверху виднелось небольшое светлое пятно. Выход там. Надо подняться, преодолевая свою брезгливость.

Я подошёл к стене из тел. Потребовалось время, чтобы решиться. Вцепившись в одно из тел, я изо всех сил потянул его на себя. Тело поддалось и вывалилось наружу, оставив в моих руках обрывки разлагающейся плоти. Бросив их, я вцепился в следующее тело и потянул. Стена стала рассыпаться. Я продолжал стоять, а меня засыпало. Подмяв под себя тело, я стал карабкаться вверх по телам. Конечности отрывались, плоть разрывалась под моими руками и ногами. Я оскальзывался и продолжал ползти вверх. Тел становилось больше. Одно из тел опрокинуло меня вниз, увлекая за собой. Сверху стали валиться новые тела. Тьма и удушье...

Я сидел в глубокой яме по пояс в какой-то жидкости. Дно ямы было склизким и комковатым. На этот раз не было ни долгих размышлений, ни метаний разума. Испытание. Подошёл к стене и потянул на себя тело. Стена стала разрушаться. Я вновь стал карабкаться вверх. Одно из тел упало передо мной и съехало на меня по груде других тел, прижав меня к стене. Сверху упали другие тела. Тьма и удушье...

Я сидел в глубокой яме по пояс в какой-то жидкости. Дно ямы было склизким и комковатым. Снова я карабкаюсь вверх. Тело в слизи, а одежда в грязи и крови. На спину мне падает тело. Не успеваю сбросить. Меня вжимает лицом в кровавую лужу. Тьма и удушье...

... Тьма и удушье...

... Тьма и удушье...

Не сдавайся! Или из испытания не вырваться... Тьма и удушье...

Я потерял счёт своим смертям. Однако наловчился двигаться на разрушающихся и расползающихся от разложения трупах. Я был весь перепачкан слизью от разлагающейся плоти и протухшей кровью, когда мне, наконец, удалось вырваться на поверхность. Меня ждала равнина из гниющей плоти, залитая потоками крови. Стоял удушающий смрад. Но меня это уже не трогало. Оскальзываясь, я сделал шаг. Ещё шаг. Это мои иллюзии, значит, их надо изменить. Шаг за шагом. На небе рассеиваются тучи, а небо светлеет и приобретает синий оттенок. Шаг, ещё шаг. И поверхность становится твёрдой. Вокруг простирается равнина. По ней проложена дорога. Я начинаю уверенно шагать по ней. Слизь и кровь высыхают и осыпаются с меня. Меня обдувает свежий ветерок.

Меня грубо стали трясти за плечо. С трудом открыл глаза, и некоторое время пялился, не понимая происходящего. Надо мной стоял наставник. Я весь был покрыт липким, холодным потом. Запах от меня стоял столь гадостный, что даже мне стало неприятно. Ужасно хотелось пить. Наставник подал мне чашу с водой. Я залпом осушил её. Испытание закончено?

До этого испытания с первого раза дошло всего пять человек. Мой приятель, с которым нас привёл Хаттон, остался на предыдущем испытании. Нас уложили в гамаки. На это испытание я шёл с чувством спокойной обречённости. Мне дали кубок, и я отпил. Прежде, чем надо мной сомкнулись клубы тумана, меня накрыло волной беспричинного гнева.

Я стоял на каменистом плато. Под ногами были рассыпаны небольшие камни размером с кулак, а вокруг на расстоянии нескольких шагов плато медленно растворялось за клубами тумана. Было непонятно, куда идти. Но это было неважно. Меня раздирал беспричинный сильный гнев. Он доводил меня до бешенства. Прежде, чем я успел осознать эту причину, на меня напал Джордж — один из моих сокурсников. Хотя мы и учились вместе, но добрых отношений между нами так и не возникло. Обычно всё заканчивалось актами холодного противостояния. Мы терпеть не могли друг друга, но до ненависти и открытой агрессии не доходило. Мы чаще обменивались колкостями в отношениях. Но сейчас, увидав его, я испытал необоснованный приступ ненависти и гнева. Он тоже был сильно разгневан и раздражён. Мы кинулись друг на друга и сцепились в рукопашной схватке.

Бой продолжался не долго. Он был сильнее меня и крупнее. В жизни это не мешало. Я был подвижнее и быстрее. Он атаковал меня всей силой и массой и опрокинул меня на спину. Попытался прижать меня к земле, но я выкрутился, и мы покатались по земле. Бороться было бессмысленно. В Академии от драк нас сдерживала угроза наказания. Нс здесь ведь никого не было. Только мы двое. Мой гнев требовал выхода. Под руку попался камень, и я схватил его. При очередном повороте я ударил его камнем по голове. Он схватился за голову и застонал. Я вскочил на ноги и снова ударил его камнем. Я бил до тех пор, пока он не перестал двигаться.

Передо мной лежало его мёртвое тело. Ошибиться я не мог. Он был мёртв. Голова, разбитая камнем, была залита кровью. Моя одежда и камень в руке были испачканы кровью. Что это такое? Мы, конечно, не любили друг друга. Но убивать? Я у-у-убил... Это... Да так ему и надо, твари. Собаке собачья смерть. Пусть гниёт здесь! Он не заслужил могилы. Да я ему сейчас... Гнев захлестнул меня с новой силой. Рука сжала камень я стал подниматься с земли, чтобы... Зачем? Он же мёртв. Тело подёрнулось дымкой и растаяло. Я стоял ошарашенный этим зрелищем. Где он? А... Я оглядел себя. Кровь с одежды и камня исчезла. Что это?

На меня снова с криками бежал Джордж, размахивая кулаками. Раздумывать было некогда. Я снова вступил в бой. В руке я сжимал своё оружие... Сколько раз я его убивал в тот день мне не известно. Кажется, я насытился убийствами. Только тогда я стал замечать, что время между появлениями моего противника напрямую зависит от величины моего гнева. А это значит... Я в очередной раз убил сокурсника. Нет, так не пойдёт. Откуда такой сильный гнев? Да и где я? Как я мог забыть? Это же испытание. Значит, меня испытывают гневом. Вывод: надо научиться управлять им. Он снова напал на меня. Ещё один труп подёрнулся дымкой. Как укрощают гнев? На ум всплыла схема взаимодействия магических элементов. Да это то, что нужно. Что в схеме? Чем разрушают гнев? Печаль. Я снова убил его. Печаль? Я почувствовал новый прилив гнева. Ну, создавать нужные эмоции нас учили. Я сел на землю и скрестил ноги. Для печали нужен образ. Мой старый городок, дом, родители, братья и сестры. Как я по вас соскучился. Конечно, я давно вас не видел, но ваших прежних образов достаточно. Я весь обратился в слух, ожидая нападения. Я опечален, скучаю по моим беззаботным дням. Внутри меня развернулась борьба. Гнев против печали. Я искусственно усиливаю печаль. Гнев отступает. Это не лёгкая борьба, но я этому обучен.

Раздаются шаги. Появляется мой сокурник. Но не нападает. Он тяжело дышит, потом садится рядом на землю. Вот как? Оказывается, мой гнев провоцирует его на нападение? Мы сидим рядом и просто ждём. Может надо покинуть это место? Где моя иллюзия дороги? Кажется, я под неё засыпаю. Ну, это лучший способ провести это испытание. А мой враг пойдёт за мной?

Меня трясут за плечо. Я открываю глаза.

— Вижу, что сегодня ты не уснул. Хорошо. Испытание было тяжёлым.

Я поднимаюсь. Тело устало. Одежда мокрая. Я покрыт липким потом. Это испытание прошли все.

— Вижу, что здесь собрались самые крепкие. По опыту скажу, что больше отстающих в этой группе не будет.

Его слова сбылись. Мы пятеро прошли эти испытания с первого захода. Мыться и спать. Хорошо, что других занятий нет. Нас освободили от них на время прохождения испытаний.

На следующий день было испытание страха. После принятия зелья я провалился в свои кошмары. Меня накрыл мрак, и второе видение в нём не работало. Ни основным, ни вторым зрением я не мог ничего рассмотреть. Я был безоружен. Страх поглотил меня. Я понимал, что это испытание, но взять себя в руки не получалось. Беспомощность и неизвестность навалились на меня, уничтожив мою волю к борьбе. Из тьмы на меня стали выползать все мои детские и взрослые страхи. Тьма была живой. Она рождала образы и внушала их мне. За эти часы со мной случилось очень многое. На меня нападали большие и малые пауки. Меня кусали и заглатывали змеи и ящеры. Из тьмы вытягивались руки и хватали меня с разных сторон. Я оказывался на вершине отвесной скалы. Меня закапывали заживо. Я оказывался в горящем лесу и убегал от огня. Образы шли один за другим, не давая мне возможности осмыслить происходящее. Это сводило с ума, доводило до ужаса и безумия. Где-то на грани моего мозга опять появилась мысль. Я смотрел её сквозь ужас происходящего, прежде чем смог осознать её. Это была схема взаимодействия магических элементов. Разум снова подсовывал мне решение моей проблемы. И я ухватился за неё. Чем разрушают страх? Беспокойством? За что? Нет, вопрос поставлен неправильно. За кого? Ты будешь бояться до тех пор, пока тебе не о ком беспокоиться. Но за кого беспокоиться мне? Друзья? Наставник? Нет. Семья? Они счастливы без меня. За себя? Но я не такой уж и эгоист. Значит, надо найти того, кто слабее тебя и побеспокоиться о нём. Не обязательно реальное существо, или всё-таки реальное. У меня же есть младшая сестра. Я помню её совсем маленькой. Больше мы не виделись. Но как образ подойдёт. Я вспомнил её. Маленькую веснушчатую девчущку, ещё ребёнка. Создал её образ перед собой и посадил себе на колени.

— Не бойся, милая, всё будет хорошо.

Надеюсь, я не сказал эти слова вслух. Я сконцентрировался на ней. Искусственно я создавал эмоцию беспокойства. Страх отступил. Теперь картины, всплывающие из моего сознания, уже не пугали. А потом я взял её за руку, и мы шагнули на дорогу моих иллюзий.

Испытание печали для меня началось с недоумения. Тумана не было. Вокруг протиралась равнина из пепла. Серое небо закрывало куполом это место. Солнца или луны не было. Но света было достаточно. Глазу не за что было зацепиться. Сначала я принял эту иллюзию за свою дорогу. Вот только дороги здесь не было. Унылый пейзаж. Врагов не было. Я побрёл по ней. А потом равнина стала рождать у меня образы в виде воспоминаний. Нет, я никуда не погружался, не переходил из одной иллюзии в другую. Просто я вдруг вспомнил, что моя деревня сожжена орками. Моя семья полностью погибла. Я же сам был на месте

деревни и видел их могилы. Вспомнил, как брёл потерянный между земляных холмиков с могильными знаками, и знал, что в них покоятся мои родные. Вспомнил, что неприступная Академия была разрушена в войне. Я сам был на руинах Академии. Бродил среди обломков и братских могил. Видел разрушенные залы, сгоревшую библиотеку, обвалившиеся неприступные башни. Вспомнил разрушенные и разорённые города и сёла. Обезумевших женщин и стариков, схоронивших детей. Эти воспоминания давили с такой силой, что хотелось прямо сейчас покончить жизнь самоубийством. Пришлось тряхнуть головой и напомнить себе, что это всего лишь испытание. Эти картины — просто иллюзия. Снова схема взаимодействия магических элементов. Печаль разрушают Радостью. Это легко. Сначала я прыгал и танцевал как безумный. Я смеялся и радовался своим мыслям и фантазиям. Вот так, танцуя, я и вошёл на тропу своей иллюзии.

Чем для меня было испытание беспокойством? По сути, проверялось моё чувство заботы о близких мне людях. Их у меня и так не много, а здесь... Передо мной промелькнули картины пожаров, потопов, отвесных скал, военных набегов. И во всём этом принимали участие дорогие для меня люди. Они сгорали, тонули, падали со скал, их убивали враги. И я... всегда опаздывал их спасти. Меня стали охватывать ужас и отчаяние. Снова я прибегнул к схеме. Я разрушил своё беспокойство гневом. Гнев придавал сил. Картины повторялись. Я прорывался сквозь огонь, нырял под воду, успевал в последний миг подхватить, убивал, чтобы спасти близких мне людей. А потом мы все вместе шагнули на дорогу моих видений.

Это было самым тяжёлым для меня испытанием. Испытание радости. Я впервые за много лет был настолько счастлив. Общался с родителями. Помогал им по хозяйству, нянчился с младшими братьями и сёстрами. Меня встречали мои друзья, и мы вместе ходили по лесу в поисках приключений. В мире не было войн и болезней. Я помирился со своими врагами. Если в мире и существует рай, то сегодня я в нём побывал. Я был любим и желанен. Это было испытание бесконечного общения с теми, кто мне дорог и любим мною. И они отвечали мне взаимностью. Я плакал. Я не хотел уходить. Как разрушить своё счастье? Страхом. Страхом на пустом месте. Осознание, что это только испытание помогло мне. Я испугался, что не захочу отсюда уйти и останусь безумцем. Надо было вернуться из мира своего счастья в мир боли и страданий. Пусть твой мир даже не настоящий. Но как же тяжело отказаться от своего счастья. Это был самый тяжёлый для меня урок. Я понял, где сломались маги, которые не смогли пройти эти испытания. Боль была написана на моём лице, когда меня вытаскивали из гамака. Если бы я только знал, какое испытание меня ждёт... Я бы не решился.

Нашей пятёрке потребовалось девять дней, чтобы пройти все испытания. Мой друг вернулся на десятый день. Благородный отпрыск, пытавшийся не допустить нас до испытаний, вернулся на двенадцатый. Последний из нас вернулся с испытаний через семнадцать дней. Наставник сказал, что у нас ещё сильная группа. В прошлом испытания затягивались до тридцати дней. Были даже те, кто не смог выдержать их, и сходил с ума. Никто из нас не спешил рассказывать о том, что он там видел. Общение с моим другом показало, что мы в ходе испытаний видели разные картины. Значит, нам их не внушали. Эти картины были плодом наших фантазий. Теперь я знал, что у каждого человека в этом мире существует свой ад и свой рай.

Чуть позже наставник подтвердил мои слова. После нашего возвращения он сказал нам во время разговора.

— Все ваши видения были вызваны веществами в вашей крови, которые вы приняли во

время испытаний. Все эмоции вызваны влиянием этих веществ. Ваш организм сам вырабатывает эти вещества. Страх, боль, похоть, ненависть, удовольствие, злость, брезгливость, беспокойство и печаль. Избыток данных веществ может вызывать душевные болезни. Мы лишь увеличили их объём в вашем теле искусственно. Ваша подготовка включала способность создания и контроля всех этих эмоций. Испытание позволило вам проверить свои способности в реальности. Избыток вещества, создающего определённую эмоцию, вызывало ваши галлюцинации. А снотворное помогло вам с ними встретиться. Мы не создавали ваши иллюзии. Поэтому у каждого из вас они свои собственные. Я рад, что вы справились с контролем своих эмоций.

Была уже середина месяца Кветеня. Позади была снежная зима. Мне не верилось, что я смог пережить зиму с её морозами и снегопадами. И это учитывая то, что в доме не было камина для обогрева. Но я смог научиться регулировать тепло своего тела так, что уже не замерзал. Постепенно это становилось моей второй натурой. Всё это время я работал, и работа дала свои результаты. В эти дни мне удалось закончить перепись последней из эльфийских книг. Эльфийки, порученные мне на обучение, полностью освоили лечение посохом. По мере роста их способностей, к ним стали приглядываться командиры воинских отрядов и гарнизонов. Как только одна из них осваивала эту технику, как её тут же забирали от меня и переводили в другое место. Вчера забрали последнюю лекарку. Криво и косо, но ей удалось затянуть рану на теле воина, срастив мышцы и сухожилия. Моя помощь не потребовалась. Сразу после этого она уехала в дальний воинский гарнизон войсковым магом-лекарем. В Роще остались лишь эльфийки магички из благородных семейств. На них сложили ответственность за всех легкораненых воинов. На мою долю выпала необходимость лечения тяжёлых больных и раненых. Но было понятно, что это ненадолго. Скоро и они станут исцеляться эльфийскими магичками. Постепенно от моей помощи отказывались. Наступала пора, когда моя помощь станет не нужна, а значит — нужно было уходить. Теперь мне хотелось подготовиться к дороге. Идти нам, согласно схеме, предстояло через земли нежити, а потому я вновь открыл книгу «Некротеленикон». Требовалось обновить знания.

В первую очередь меня интересовали способы упокоения не упокоенных мертвецов и иных сущностей. Общую теорию причин неуспокоенности с её частными и общими случаями я прочитал, не вдумываясь в содержание страниц. Больше меня занимала классификация не упокоенных мертвецов. Хотелось знать, с чем нам, возможно, придётся встречаться по пути через их земли. Это было интересно и познавательно, даже при повторном прочтении. Нежить перечислялась от простейших до более сложных и разумных особей, с указанием их особенностей, примет для определения, возможностей, мест обитания, способов получения или стихийного создания нежити. Зомби, мумии, скелеты, низшие и высшие вампиры, оборотни, чудовища и химеры всех видов. Общую теорию пыток, жертвы и жертвенники, алтари для призыва я пролистал. Читать о таком было полезно, но неприятно. Да к тому же не было необходимости. Заклятия изгнания и упокоения использовали в основном представители церковной инквизиции. Притом не все, а только специально подготовленные священники. Меня впечатлили печати призыва и упокоения. Хотелось попробовать их в действии. Причина этого заключалась в том, что использовать их мог не только специалист, но и любой маг или даже простой человек. Печати наносились на оружие, которое собирались использовать против нежити, от чего оно принимало дополнительные свойства по её упокоению. Однако печати могли и не наноситься на само оружие. Они могли изготавливаться на самых разных носителях: на листочках пергамента, кожи, деревянных или костяных дощечках, делаться из металла или вырезаться на плоских камнях. Зависело от времени в наличии и возможностей пользователя. От материала зависело время существования самой печати. Носители из пергамента, кожи и дерева быстро разрушались, костяной носитель давал погрешности в работе самой печати. Печати из камня или металла были дорогими, ибо требовали работы артефактора. Эти же печати, но увеличенные в несколько раз можно было просто рисовать на земле, а потом заманивать в них нежить. К

несчастью, книга была больше ознакомительной, чем практической. В ней не описывались практические примеры использования печатей и способы их активации. Искать такие способы предстояло самому. Меня больше напрягал тот факт, что при таких поисках мне надо было рисковать собой. А этого хотелось избежать.

В конечном итоге я решил изготовить такую печать самостоятельно, используя для неё деревянную основу. Прямо из книги я взял самую простую печать, которая по описанию должна была разорвать связь духа с мёртвой плотью и полностью разрядить некротическую энергию в теле. Это должно было освободить дух и отделить его от тела, одновременно сделав физическую оболочку непригодной для подъёма в ближайшее время. Печать была пятиконечная, заключённая в окружность. В центре звезды и в каждом из её лучей располагались символы. Не сильно задумываясь о назначении символов, я перерисовал эту печать на черновой лист пергамента. Деревянные дощечки мне удалось достать через Голендила, которого тоже интересовали мои опыты. Карандашом я перенёс изображение на основу. И с помощью расплющенного и заточенного медного прутка на деревянной рукояти я выжег эти печати на дереве, нагревая прутки в пламени светильника. В верхней части дощечки были просверлены отверстия и к ним были подвязаны шнуры. Оставалось понять, как ими пользоваться.

Занятие это было интересным, но, по большей части, считалось глупым большинством моих знакомых эльфов, да и мной в том числе. Однако, впоследствии я был вынужден признать, что не зря потратил своё время. В результате моих экспериментов у меня получились восемь печатей на деревянной основе.

Именно с такими успехами я и встретил месяц Кветеня. Подошло время нашего путешествия. В один из вечеров Голендил сообщил, что через два дня отряд будет собран и выдвинется из города в сторону мёртвых территорий. Я испытал волнение. За эту зиму я привык к такой жизни. Я понимал, что рано или поздно мне надо будет отправиться в путь. Но осознание мало помогло при наступлении момента. Было чувство, будто сознание раздвоилось. Одна часть меня облегчённо вздохнула, а вторая забилась в истерике, убеждая разум найти способ остаться, сохранить всё как есть. Тогда я ещё не умел ломать свой устоявшийся уклад и быт. Страх всё потерять сковал меня. Потребовались большие усилия, чтобы заставить себя двигаться и работать. Я стал с сожалением собирать свою заплечную сумку. Потом понял, что просто перекидываю вещи с места на место. Голова была забита сожалениями, а руки отказывались работать. Пришлось встать прямо и сказать себе.

— Мне было здесь хорошо. Но всё когда-нибудь заканчивается. Так решил Всевышний. Я покинул крепость по его воле и оказался здесь. Теперь пора покинуть это место, чтобы оказаться в другом. Так решил Всевышний! Пора собираться. Так. Стихи походного снаряжения...

Далее я стал читать сам для себя стих по строкам и выполнять советы. Сборы пошли веселее. Сожаления стали отступать. На сборы я затратил меньше четверти часа. А вот на принятие решимости выполнить эту работу потребовалось значительно больше времени. Но к утру третьего дня я стоял возле своего домика полностью готовым. Мысленно я простился с ним. Пусть недолго, но я считал тебя своим местом жизни. Пришла пора проститься. Буду по тебе скучать. Прощай. Надеюсь, что ничего не забыл в твоих стенах. Возвращаться не придётся.

Я стоял и смотрел на тропу, по которой за мной должен был придти посыльный и сопроводить меня к месту сбора отряда. Солнце показалось над вершинами деревьев,

осветив пространство вокруг меня. Голые безлистые деревья с набухающими почками. Серая, пожухлая трава, чьи листья покрывали землю. И среди этого — тонкие зелёные ростки. Пришёл с зеленью и ухажу с зеленью.

На тропе вдали показался эльф посыльный. Не дожидаясь, пока меня позовут, я направился к нему. Начался мой путь домой. Он повёл меня из Роши исцеления на окраину города. В сам город мы так и не вошли. Отряд собирался в пригороде. Когда мы там оказались, то увидели, что большинство эльфов уже стоят собранными и готовыми к выходу. Мы ждали последних членов этого похода. Отряд должен был передвигаться пешком. Но с нами отправляли несколько пони для перевозки багажа. Повозок не было. Мы ждали. Эльфы подходили полностью собранными и готовыми к походу. Последним подошёл молодой эльф, он явно спешил, но за ним по пятам бежала женщина. Она на ходу пыталась запихнуть ему в сумку какие-то вещи. Даже на мой неопытный взгляд было видно, что эльф очень юн. По всей видимости бежавшая за ним женщина была его матерью. Он всячески пытался от неё отмахнуться, но это ему не удавалось. В конце концов, они остановились в нескольких шагах от нас. Между ними слышалась ругань. Я не вслушивался в разговор, но последнюю фразу мы расслышали хорошо.

— Нана, иоуре еббарразимб нин (мама, ты позоришь меня)!

Женщина отстала и смотрела ему вслед со слезами на глазах. Юноша подошёл к нам горделивой походкой. На его лице были написаны обида, гордость и злость одновременно. Некоторые воины встретили его с улыбками, но большинство предпочло не заметить происходящего. Юноша прошёл мимо меня. В его глазах и облике был написан вызов всем. Казалось, он бросится в драку с любым, кто осмелится посмеяться над ним. Женщина наблюдала издали. Она готова была расплакаться, но держалась. Я вздохнул. Окружающие меня не понимали, а потому я мог говорить всё, что хотел.

— Юнцы везде одинаковы. — И добавил, переведя взгляд на женщину — Как и матери.

— Это так — слышался за моей спиной голос Голендила — осуждать?

Я обернулся и посмотрел ему в лицо.

— Скорее завидую — проговорил я — меня мать так не провожала, никогда.

Он кивнул головой, соглашаясь.

— Идти за я. Встречаться с командир.

Мы двинулись к голове колонны. Я был сильно удивлён и обрадован одновременно, узнав, что командовать отрядом будет Таурон. В состав отряда лекарем входила Элентитта. Я поприветствовал их поклоном как старых знакомых. Они ответили мне улыбками и поклонами. Раздались команды. Эльфы построились в походную колонну. Меня, Элентитту и Голендила Таурон расположил в центре отряда, а сам расположился в головной части. Мы двинулись в путь.

Мы двигались на запад по тропам в обход города. Его строения постоянно виделись нам по левую руку. Через город было быстрее и короче, но Голендил намеренно выбрал этот путь. Эльфы тихо переговаривались. Позади я услышал голос юноши, которого провожала мать.

— Ман дид е саи о нин (что он обо мне сказал)?

И услышал голос Голендила, отвечающего ему.

— Ес леалоус (он завидует) — и спустя некоторое время он продолжил — ин нана невер сау лим офв (его никогда не провожала мать).

Позади слышалось сбивчивое топтание множества ног. Я представил, как строй

распался и все сбились в кучу.

— Вэи (почему)?

— Теир магес аре сепаратед о теир мортус бен еарль хилдоод (их магов разлучают с матерями в раннем детстве).

Позади меня возникла тишина, в которой слышался лишь топот ног идущих эльфов. Казалось, что тема исчерпана, но спустя немного времени снова раздался голос того же юноши.

— Веи (почему)?

— Теир ливес аре тоо тет (их жизнь слишком коротка) — дав время, чтобы смысл фразы дошёл до окружающих, он продолжил — Хэян роб хэйн на теир хилдооднин магикал тур на тейн нур (они лишают детей детства ради магической мощи своей расы).

Но продолжить вопросы Голендил не дал. Раздалась команда сохранять тишину. Эльфы, сбившиеся в кучу, снова выровняли строй и выстроились в колонну.

Мы продолжили движение. Время шло. Постепенно город остался далеко позади. Мы продвигались малыми и большими тропами. Иногда просто по лесу. Мимо проплывали деревья, кустарники, речушки. Земля была рыхлая, ещё не просохшая до конца после растаявшего снега. Отряд оставлял за собой хорошо вытопанную тропу, по которой нас было легко найти. Через несколько дней мы дошли до границы эльфийских владений. Протекающая речушка в этом месте была достаточно широка. Мы упёрлись в разрушенный мост. Из воды торчали каменные колонны, некогда бывшие опорами моста. Здесь нас поджидала группа эльфов, которые уже собрали для нас плот. На нём наш отряд по частям и переправился на другой берег. Мы были во владениях нежити. Во владениях Мортис. Мы не спеша двинулись по дороге дальше, постоянно оглядываясь по сторонам. В день мы проходили примерно по двадцать вёрст. Останавливаться приходилось постоянно в поле лагерем, выставляя часовых. Встречные поселения мы обходили стороной.

Спустя месяц такого пути мы стояли перед развалинами большого города. Город был одновременно похож на эльфийский, и, при этом, сильно отличался от ранее виденного мною Солема. Было похоже, что живые существа давно покинули это место, бывшее их домом. Краска с домов и штукатурка почти полностью сошли. Дома на окраинах потрескались, крыши во многих местах провалились. Даже стены домов стали осыпаться. Улицы города были засыпаны горами мелкого строительного камня. Город давно был покинут, но ещё не совсем сдался времени. Улицы и даже крыши зданий стали зарастать кустарниками и мелкими деревцами. Вокруг царили уныние и запустение. Но за пределами города буйно цвела растительность. Даже были видны мелкие зверьки, живущие своей жизнью. Дорога шла прямо в город. Обойти его было проблематично, ибо строения тянулись во все стороны, на сколько глаз хватало. Вдалеке, ближе к центру города виднелись высокие строения. Разглядеть их было достаточно тяжело, но даже с такого расстояния они выглядели монументально. Через город протекала широкая река. Моё сознание нарисовало мне величественные арочные мосты через неё.

Здесь, на холме Таурон приказал разбить постоянный лагерь. На мой удивлённый вопрос мне ответили, что это промежуточная точка пути, нужная для отдыха. Он удачно выбрал место для стоянки. Возвышенность давала прекрасный обзор. Низкая трава на вершине холма не позволяла скрытно подобраться к лагерю. Эльфы стали готовить место к длительной стоянке. Хотя Голендил и говорил, что мы здесь не собираемся задерживаться надолго, но лагерь они готовили основательно. Как будто готовились к обороне. Я принимал

в этом посильное участие. Были расставлены по кругу палатки. Выкопана яма, чтобы сделать скрытый очаг. Нет, эльфы не готовили пищу на костре в ходе походов. Свой хлеб они брали с собой, и завернутый в особые листья, он сохранял долго свою свежесть. Но они ежедневно кипятили на огне воду, заготавливали впрок и пили чай. Вокруг лагеря они воткнули в землю множество кольев, заострённой стороной направленных наружу. Эти колья связывались бечёвкой, и на неё подвешивались колокольчики сигнализации. Так незаметно пролетел день и наступил вечер.

Эльфы стали располагаться на отдых. По заведённой традиции, вечером, прежде чем солнечный диск скрылся за горизонт, я вышел на середину лагеря и осмотрел окрестности вторым видением. Со стороны дороги и леса не было ничего необычного. Природа жила своей обычной жизнью. Город поразил меня обилием мёртвой энергии, спящей, но напряжённой, готовой мгновенно выплеснуться наружу по сигналу. Опасное место, в которое лучше не входить, чтобы не будить силу, которую нельзя будет обуздать. Но даже на этом фоне я разглядел странную аномалию. Ощущение было такое, будто кто-то сделал складку материи пространства, надул пузырь. Более точного обозначения у меня тогда не было. Представьте, словно в пруд с тёмной водой кто-то бросил яркий мячик, которым детвора на улицах играет в свои игры. Этот мяч будет смотреться чужеродно в этом пруду. Также и этот пузырь смотрелся странно среди мёртвого города. Но самое неожиданное, что внутри пузыря я разглядел проблески жизни. Я напряг своё видение, но результата не получил. Пузырь сопротивлялся моим попыткам что-нибудь разглядеть внутри его. Какая-нибудь аномалия? Я сообщил о своём видении окружающим. Эльфы приняли мои слова спокойно. Тёмные аномалии — это интересно, но не жизненно необходимо. Так они мне сказали и предложили ложиться спать. Договорившись, что ночью меня будут регулярно будить для осмотра окрестностей, я забрался в свою палатку. Расположившись на своей подстилке и укрывшись одеялом, я забылся беспокойным сном.

Утро было долгим. Меня никто не пришёл будить, и я спокойно спал почти до полудня. Сказывалась усталость. Когда я раскрыл глаза, было уже достаточно светло. Солнечный свет просвечивался сквозь ткань палатки. Некоторое время я бессмысленно наблюдал за этим явлением, пока в моей голове не сложилась беспокойная мысль. Почему? Наскоро собравшись, я покинул палатку. В голове вертелось много беспокойных мыслей. Начиная с той, что на лагерь напала нежить и всех перебила, кроме меня, и, заканчивая той, что меня просто бросили посреди мёртвых земель. Не в обычаях эльфов было отсыпаться до обеда. Они почти все были ранними пташками. Что случилось? Я огляделся. И почти сразу обругал себя последними словами. Можно было оглядеться вторым видением прямо из палатки, не вставая с постели, и не беспокоиться. Лагерь, конечно, не был пуст. Возле костра сидели три молодых эльфа, выполнявших роль охраны лагеря.

Спрашивать их было бесполезно. Они просто не говорили на языке империи. А я сам был недостаточно подготовлен для разговора на эльфийском. Подойдя к костру, я умылся сырой водой. Ответы на свои вопросы я мог получить самостоятельно, осмотрев окрестности вторым видением. Мне не верилось, что отряд мог уйти достаточно далеко, даже за полдня. Они не оставили бы здесь часовых для охраны имущества, если бы собирались уходить далеко. Поднявшись на вершину холма, я осмотрел окрестности. По наивности я начал осмотр с леса. Почему-то мне тогда казалось, что они таким большим отрядом отправились на охоту или разведку окрестностей. Беглый взгляд не показал мне наличия крупных животных в этих лесах. Вот тогда тяжёлый комок предчувствия подкатил к моему горлу. Я

медленно повернулся к развалинам города и посмотрел на них вторым видением. По мёртвому городу передвигалась цепочка светлых, тёплых пятен. Эльфы ушли в мёртвый город. Мне стало нехорошо. Они шли на смерть. На что они надеялись? Сначала меня накрыла тревога. Потом в моих мыслях всплыли образы возможных последствий их поступка. Уйти не удастся. На меня напала апатия. Оставалось только ждать. Подойдя к костру, я присел на обрезок бревна, служившего походным сидением. Оставалось ждать.

Говард спустился с марса фок-мачты, с которой он осматривал окрестности. Его лицо было задумчивым. Вынужденное недельное безделье уже давно всем надоело. Не было ни морских просторов, ни бегающих и работающих матросов. По утрам их не будил громкий крик капитана. Ежедневно их ожидал один и тот же пейзаж. Берег, разрушенный временем причал, руины города. Пузырь надёжно защищал их не только от нападения мёртвых, но и от малейших дуновений ветра. Внутри стоял полный штиль. И это угнетающе действовало на всю команду и пассажиров. На палубе стоял столик. Вокруг него расположили кресла. В одном из них сидела Лидия и лениво потягивала из кубка сок, едва прикасаясь к краю кубка губами. В другом кресле с книгой расположился Марк. Разложив фолиант на столе, он медленно водил пальцем по строкам текста, шевеля при этом губами. Было видно, что он весь погружён в своё чтение. Матросы всей компанией расположились на палубе. Кто-то слонялся по палубе от безделья, кто-то спал, расположившись среди корабельного такелажа, были и те, кто бесстрастно рассматривал берег, хотя там уже давно всё было изучено и не представляло интереса. Запрет Говарда о сходе на берег и алкоголе действовал. Говард подошёл к столу.

— Он здесь — проговорил он.

Минутная пауза сменилась интересом и оживлённостью. Лидия и Марк подобрались и напряглись. Матросы стали поворачивать свои головы в сторону стола, заинтересованно.

— Ты его видел? — спросила Лидия.

— На вершину холма вышел отряд живых. Среди них как минимум три мага. Один светится особенно сильно. Похоже, что это тот, кого мы ищем.

— Сколько их? — задал вопрос Марк.

— Я насчитал сорок два живых огонька. — Ответил Говард. — Они разбивают лагерь на вершине холма в версте от города. Значит — не уйдут.

— Что им здесь надо?

— Это не важно. Важно, что надо нам. Пора готовить ловушку. Основные связи с нежитью установлены. Основные каналы энергии отслежены и подчинены. Осталось дождаться их хода.

— Ты... ты хочешь их ловить? — проговорила Лидия. — Но мы же...

— А что, по-твоему, будет делать имперский маг, когда увидит нас? — Говард выждал паузу, глядя в глаза Лидии. — Он нас атакует. Чтобы заставить его с нами разговаривать, надо сделать ситуацию невыгодной... для него.

Говард присел в кресло за столом. Марк и Лидия внимательно смотрели на него. Даже матросы стали прислушиваться к разговору.

— Я читал хроники. Я знаю, почему наши предки ушли из земель Империи. Имперский маг в землях Алкмаара — он проговорил эту фразу, растягивая, словно пробуя на вкус. — Ему здесь делать нечего, если только он не работает на инквизицию. Остальные маги и близко не подойдут к этим землям. И именно от инквизиции бежали наши предки. Ничего

хорошего я не жду от этой встречи.

Он взял со стола чашу с соком и отхлебнул из неё.

— Этот маг нам нужен. И нужен живой, от мёртвого толка не будет. — Он посмотрел на Лидию. — Потому мы устроим ловушку и заставим его говорить с нами. А говорить он будет, только если не сможет нас победить. Выбора нет.

Помолчав ещё немного, он продолжил.

— Завтра я и Лидия сойдём с корабля. Ты недостаточно опытен в работе с мёртвой плотью, Марк. Будешь обеспечивать обзор с мачты корабля, и показывать мне картинку. Так ловушка будет эффективнее. Сейчас спустись в трюм и активируй наших зомби. Запусти процесс медленной активации. Так будет лучше и меньше износа материала. Завтра они мне понадобятся, чтобы везти повозку. — И предупреждая следующий вопрос, продолжил. — На корабль его приводить опасно. Общаться будем на природе.

Говард спокойно допил свой сок из чаши под заинтересованные взгляды окружающих. В его голове роилось множество мыслей. Слишком много неясностей, нюансов. Опасность того, что этот маг окажется ему не по зубам сильно напрягала его ум. Завтрашний день всё покажет. Этот день обещает быть очень интересным. Схватка с сильным противником! Это всегда бодрит. Но на его лице не дрогнул ни один мускул. Более того, он максимально расслабил своё лицо, чтобы не выдать своих мыслей. Для окружающих он должен казаться спокойным, уверенным и загадочным. Это политика. Для всех: и для друзей, и для врагов. Пусть считают, что он давно всё просчитал и спланировал, что он знает каждый будущий шаг. И боятся даже думать о действиях против него. Только так можно отпугнуть врагов и привлечь друзей. Поставив на столик пустую чашу точным и размеренным движением, он плавно повернул голову в сторону Марка и удивлённо приподнял бровь. Марк смутился под его взглядом.

— Уже иду — смутился Марк и стал суетиться.

Одним глотком он допил чашу с соком и закрыл книгу, вложив закладку между страниц. После чего резко встал и направился в сторону люка, ведущего на нижние палубы. Говард же повернул голову к Лидии и произнёс.

— Я к себе, буду готовить посох и кристаллы. Тебе лучше отдохнуть перед завтрашним днём. Потом готовь себя. Если мы не сможем заполучить этого мага, то нам лучше не возвращаться. Ты понимаешь? — Лидия смущённо кивнула головой. — Вот и лады.

Поднявшись, Говард направился к своей каюте. И посох, и кристаллы были уже давно подготовлены. Но выходить из образа ради лени он не собирался. Он обязательно перепроверит своё имущество. Ибо не сработает оно только один раз. Эта ошибка может стать шансом для врага, а таких шансов он давать не собирается.

Сидеть у огонька было откровенно скучно. Вытащив из сумки книгу «Некротеленикон», я решил провести время с пользой. Конечно, я её уже читал и даже переписывал, но это совсем не то. Там, в тиши эльфийских лесов, эти строки были лишь абстрактными словами на листах пергамента. Здесь же у меня под рукой было наглядное пособие. Все теоретические выкладки, прочитанные мною и не понятые из-за отсутствия наглядных примеров, здесь, на территории мёртвого королевства, обретали совсем другое звучание и понимание. Мне стали больше понятны такие явления как мёртвая субстанция, некротическая энергия, каналы некротической энергии и нити управляющих каналов. Прочитывая страницы или главы книги, я окидывал окрестности вторым видением, чтобы увидеть эти теоретические выкладки в реальности. Стало понятно, что большинство окрестных возвышенностей были приспособлены последователями Мортис под природные зиккураты. Внутри зиккуратов, по гранитным естественным или искусственным столбам, от недр мира двигалась тёмная энергия. Не имеющие строгой ориентации в пространстве, а также лишённые ступенчатой конструкции, они выплёскивали энергию беспорядочно. Эта энергия стекала по склонам холмов и, повинувшись воле своих создателей, устремлялась в сторону города, подпитывая заклятия поддержания и сохранения нежити. Шоком для меня стало открытие, что холм, на котором мы сейчас находимся, является такой природной конструкцией. Прямо под нашими ногами располагалось озеро тёмной энергии. Я сглотнул комок в горле.

Когда сошёл первый шок, я продолжил чтение. Наконец, я прочёл информацию, которая сильно заинтересовала меня. Маг, составивший эту книгу, описывал обряд подчинения таких потоков энергии для личных нужд. Энергия имела свои особенности, но была вполне пригодна для использования. Были ограничения. Эта энергия была больше пригодна для убийства, чем для защиты и излечения. Приводились примеры как заклятий боевых, так и лечебных. Лечение такой энергией было весьма ограничено. Оно сводилось в основном к обеззараживанию ран. Причём именно убийством микроорганизмов, создающих нагноения. Для удаления грязи из ран, или заживления ран эта энергия совершенно не годилась. Стало ясно, почему в лечении гнойных ран и заражений, а также неизлечимых болезней у тёмных магов не было равных. Но они не могли сравниться с имперскими или эльфийскими магами в плане заживления ран. В моей голове стали рождаться планы попеременного использования этих энергий в моей практике. Описывались простейшие атакующие заклятия, но в общих чертах. Не было приведено ни одной схемы или печати. В книге была дана лишь одна схема, позволяющая магу настроиться на канал тёмной энергии. Пентаграмма, приведённая на странице, была очень похожа на ту, которую я использовал для настройки на башню. Но значительно проще. Не было точных привязок ни к сторонам света, ни к угловой точности линий. Да и углов было не семь, а всего лишь пять. Этакая неправильная пятиконечная звезда.

Мне стало интересно. Делать то всё равно было нечего. Подо мной была целое озеро энергии. Оно плавно выплёскивалось из гранитной чаши, образованной самой природой, и стекало наружу. И чем дольше я обдумывал ситуацию, тем сильнее мне хотелось опробовать такую настройку. Да что я теряю? А если совместить эту пентаграмму с моими методами настройки, то это может быть даже легче, чем описано в книге. Терпеть стало невыносимо.

Чертить можно и ножом. Вот как раз ровная площадка с минимумом травы, как раз над «водами озера». Выйдя на центр площадки, я вгляделся внутренним видением в холм. Самое то. Где здесь север для верхнего угла? Я вонзил свой нож в поверхность площадки. Какая мягкая земля? Она прямо создана для того, чтобы рисовать такие пентаграммы. Едва дождавшись окончания создания последнего символа в рисунке, я вскочил в центр звезды.

Концентрация была почти мгновенной. Мир расплылся. Я стоял прямо на поверхности озера. Энергия, точно горячая вода, бурлила под моими ногами. Руки в кольцо. Тяну к себе связи от звезды. Требуется время для настройки и перебирания цветовых и вкусовых комбинаций. Чёрное с горечью. Меня начинает основательно качать. Во рту появляется вкус пепла. Я открываю глаза. Мне нечем дышать. Откуда в моих лёгких такой гадкий дым. Я постарался выдохнуть. Дым идёт не только из носа и рта. Кажется, что он идёт от меня всего. Делаю глубокий выдох и разрываю связь. Некоторое время я закашливаюсь от дыма, забившего мои лёгкие. Что за гадость? Но самое главное — я настроился. Я испытываю восторг и горечь одновременно. Радость и гадливость. И это мёртвая энергия? Понятно, почему мало кто решается на неё настроиться.

Я вернулся в наш мир. Тело ещё было в состоянии эйфории, а потому не чувствовало боли. Но память говорила мне, что боль придёт обязательно. Но, мы же на чужой территории. Здесь опасно. А значит нельзя болеть. Но, что же делать? Делать? А если... можно попробовать. Надо всего лишь излечить себя. Энергия «озера» не годится, но можно использовать энергию собственного посоха. Надо только направить её на себя, а не на другого больного. А ведь всё должно получиться. Ведь я уже освоил подобное заклинание. Я дошёл до места, где сидел, и где остался мой посох. Я поднял посох и свёл руки в кольцо, зажал посох в ладонях вертикально, сжав его ладонями одну над другой. Произвёл вдох, задержал дыхание на три удара сердца. На выдохе я плавно, нарастающе произнёс.

— Вулнера санентур.

Я почувствовал, как через моё тело потекла волна чистой энергии, смывая из меня все последствия моих повреждений от подключения к озеру энергии. Было чувство, будто энергия посоха выплеснулась вовне из навершия и окутала меня. Она стала вливаться в меня через макушку и протекать насквозь, вымывая из меня всю грязь, болезни, последствия ранений и гематомы. Я поддерживал поток до тех пор, пока последняя гематома не рассосалась под влиянием потока энергии. Я разорвал связь.

Теперь я был подключён к весьма сильному источнику силы. Но возвращение в этот мир повлекло и возвращение памяти. Мы были в далёком походе, на территории нежити. А эльфы, сопровождающие меня, сейчас вошли на её территорию. Потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться в пространстве. Я развернулся в сторону города. Не знаю, хорошо это или плохо, но моё второе видение ещё не было отключено. Мир представлял в безумных красках. И мир был не просто безумен, он был растревожен и обеспокоен. На фоне мёртвого города шла цепочка светлых живых пятен. Но вокруг них расползались волны, пробуждающие каналы управления силой. Город оживал, если так можно сказать. Управляющие линии стали пробуждать силовые каналы. Мёртвые стали пробуждаться. Они ещё не покинули свои могилы, но уже ворочались в них. И на этом фоне древнего проклятия я увидел действие чужой воли. В городе было, наверное, десятки тысяч могил, но в движение пришли лишь несколько сот из них. Тёмная сила была повернута чужой волей и направлена на пробуждение именно этих могил, находящихся по ходу движения группы эльфов. Это не могло быть простым совпадением. Данный объём энергии мог пробудить все могилы в

городе, при условии, что его не направляют искусственно за несколько дней, которых должно было хватить, чтобы мы могли уйти из этого города. Но этот поток, направленный на несколько сот могил, должен был пробудить нежить за несколько часов. Стало ясно, что мы оказались в ловушке. Кто её создал? Сейчас не важно. Нужно было спасать эльфов, или спасаться самому.

Возможно, кто-то и посчитает, что мой поступок был глупым, но сбежать и бросить эльфов, к которым успел привязаться за несколько месяцев, благодаря которым я был ещё жив, для меня тогда было невозможным. А возможно, что я тогда был просто молод и глуп. Бросившись к палатке, я выхватил из своих вещей все деревянные бирки с пактаклями упокоения нежити. Это было моё единственное оружие. Схватив свой посох, я рванул изо всех сил в сторону города. Я стремился догнать ушедший отряд эльфов. Кричать, звать или пытаться связаться с ними, как то иначе, было бессмысленно. Я бежал по их следу. Капли жизни, остающиеся после прохода живых по территории мёртвых, хорошо отпечатались на этой мёртвой поверхности. Я бежал и осознал достоинство моих зимних тренировок ходьбы на лыжах. Дыхание практически не сбивалось.

Мне потребовался почти час, чтобы догнать отряд эльфов. Я сильно устал и запыхался. Потребовалось несколько минут, прежде чем моё дыхание смогло частично восстановиться, и я смог внятно говорить. При этом меня постоянно ругал Голендил за то, что я отправился вслед за ними. Наконец, я смог говорить.

— Мёртвые поднимаются. Это ловушка. — проговорил я, с трудом вдыхая воздух, отчего мой голос был хриплым.

— Мы знать — проговорил Голендил. — Мы засекают время зимой во время рейды. У нас есть несколько дней на работу. Мы успеть уходить.

— Нет! Времени нет — прохрипел я. — Кто-то перенаправил магические потоки. Вместо нескольких тысяч мертвецов сейчас поднимается несколько сотен. Этот поток поднимет их значительно быстрее. У вас несколько часов. Надо сейчас же уходить.

Наконец, моё дыхание стало выравниваться, а тело успокаиваться. Наступила тишина. Потом Голендил стал говорить с другими эльфами. А потом спросил меня.

— Ты уверен?

— Я видел с вершины холма. Надо сейчас же убираться. Пусть потоки рассеются, а мёртвые успокоятся. Не знаю, что у вас за цель, но она может подождать.

Начался пересказ моих слов остальным эльфам. Я ждал. Спустя несколько минут раздалась команда Таурона. Эту команду я понял без перевода. Отряд разворачивался и собирался скорым темпом уходить. Меня это устраивало. Почти два часа мы выбирались из развалин. Мы обходили развалины и кучи обвалившегося камня, встречавшиеся на нашем пути. Я постоянно оглядывался вторым видением. Надо было успеть. Элентитта, заметив мои движения и направление моего взгляда, тоже стала смотреть в том направлении. Теперь и она стала различать могилы и нежить, беспокойно спящую в них. Нежить становилась с каждой минутой всё более активной. Но я надеялся, что нам хватит времени, чтобы вырваться из города. Эта нежить должна быть привязана к месту своего упокоения. Если это стихийное пробуждение, то она не пойдёт далеко от места своего упокоения. Бросив лагерь, мы могли надеяться оторваться от нежити, и переждать пока заклятие не успокоится, а нежить не вернётся на свои места. Ведь по всем признакам — это охранное проклятие. Есть враги — поднять охрану из нежити. Нет врагов — вернуть охрану на место. А значит, убрав нас из этого места, мы можем надеяться на упокоение этого места.

Но червяк сомнения уже начал вертеться в моих мыслях. Сомнительно, чтобы стихийное проклятие подъёма нежити было таким сложным. А это значит, что кто-то разумный вторгся в эту схему и исправил её под себя. Следовательно, уйти просто так нам не дадут. Почему же я такой невезучий? Почему мои самые плохие мысли имеют свойство сбываться? Мы почти вырвались из города. Даже видели край стены последних домов, когда раздался жуткий треск. Одновременно с этим в небо взвились пласты земли и куски камня, обнажая могилы. Земля и камень рассыпались по окрестностям. Из могил показались мертвые эльфы, видимо жившие здесь до завоевания этих земель нежитью. Они довольно резво вылезали из земляных провалов и ковыляли в нашу сторону. Мы опоздали.

Мы впали в ступор. Тот, кто говорит, что воевать с мертвецами легко — лжёт. Звуки падающей из могил земли, рёв мертвецов, звуки множества шаркающих шагов. Вид двигающейся плоти, покрытой синюшными пятнами, струпьями плоти и местами оголённых костей. Застывшие глаза. И, конечно, сильный трупный запах. Несмотря на то, что трупы пролежали в земле уже много лет, они выглядели относительно свежими. Магия сохранила мёртвую плоть. И теперь эта же магия их подняла.

— Святая зелень лесов! — проговорил один из молодых воинов.

Эта фраза вывела нас состояния заторможенности. Раздались резкие команды Таурона. Эльфы стали собираться относительно компактной группой. Копейщики вскидывали пики. Просвистели первые стрелы и впились в мёртвые тела, впрочем, не причинив им особого вреда. Раздался выстрел из лука Голендила. В груди одного из зомби появилось обгорелое отверстие, из которого стал валить удушливый дым. Зомби дёрнулся и продолжил идти к нам, но резвости у него убавилось. Голендил взял поправку, и второе отверстие появилось уже у него в голове. Дёрнувшись, зомби рухнул на землю и больше не дёргался. Между Голендилом и Тауроном состоялся короткий разговор, после чего над полем боя раздалась очередная команда. Стрельба прекратилась. Все ждали. Когда первый зомби приблизился, эльфийский лучник вогнал ему стрелу прямо в глазницу черепа. Содрогнувшись всем телом, зомби упал на землю. Теперь даже для меня стала понятна команда Таурона: лучникам бить в голову, копейщикам — сдерживать. Но хватит ли стрел на столько противников? Нужно было вносить коррективы в это сражение. Эльфы не собирались сдаваться, но выиграть его они не могли.

Я вынул одну из дощечек с пактаклем. В книге было сказано, что с его помощью можно было упокоить нежить. Но не было указано, как это можно сделать. У меня не было выбора. Сейчас требовалось срочно понять правило использования этого предмета. Или нам конец. Одев шнурок на большой палец так, чтобы сама дощечка располагалась в ладони, я вытянул руку вперёд ладонью в сторону приближавшегося противника. Сконцентрировавшись на нём, я произнёс активирующее слово.

— Упокойся.

Не произошло совершенно ничего. Может надо применить какую-нибудь эмоцию? Такое уже было в моей практике. Я попытался разозлиться.

— Упокойся!

Не произошло совершенно ничего. Но вот зомби уже приблизился к нашим копейщикам. Может сострадание, доброта.

— Упокойся — сказал я с состраданием в голосе.

Зомби, вытянув руки, ринулся вперёд и наткнулся на копейные острия. Хорошо, что эльфийские пики снабжены перекладинами-упорами сразу за острием, чтобы не дать

противнику насадить себя на само древко. Зомби двинулся вперёд, сталкивая своих противников со своих мест. Всё-таки силы в нём было значительно больше, чем в живом существе. Времени на эксперименты больше не было. Снимать бирку тоже. Не мешает. Схватив обеими руками древко посоха, я направил его на зомби, пытаюсь попасть ему в голову и, при этом, не зацепить эльфов. Ионный след мгновенно был проложен по воздуху к его голове и по земле к нижнему концу посоха.

— Да упокойся же ты! — прокричал я, одновременно посылая в него заряд.

Этот заряд не мог его убить, только обжечь. Но к моему удивлению, зомби дёрнулся и стал заваливаться на землю. Жизнь полностью его оставила. Даже вторым зрением я не видел в нём следов оживляющей силы. Вокруг шёл бой. Видимо это подстегнуло мой мозг. Надо ещё попробовать. Я перевёл прицел на следующего за ним второго зомби и послал в него заряд.

— Упокойся.

Зомби мешком рухнул на землю. От радости я разрядил посох ещё в нескольких противников прежде, чем эйфория восторга стала спадать. Способ найден. Я завертелся волчком, расстреливая зомби, вцепившихся в наши ряды со всех сторон. Противник отхлынул. За его действиями ощущался разум, не свойственный безмозглой нежити. Нам противостоял сильный и опасный противник. Возникла пауза. Противник накапливал силы. Стало ясно, что сейчас они обрушатся на нас всей массой и сомнут, не смотря на все наши усилия. Сзади меня коснулась чья-то рука. Я обернулся. Это был Голендил.

— Что ты делать? Мы не мочь им причинять сильный вред, а ты — лёгкий удар и смерть.

Некоторое время до меня доходили его слова. Настолько я был возбуждён. Голендил повторил вопрос несколько раз, пока до меня дошёл смысл его слов. Кивнув, я разжал ладонь с биркой. Я был поражён, не смотря на происходящие события вокруг. Деревянная дощечка была рассохшейся и местами потрескавшейся. Белая древесина пожелтела. Видимо заклятие вытягивало из неё силы, потому она распадалась на части. Я показал дощечку Голендилу. Потом вынул вторую и передал ему, знаком предложив одеть на палец.

— Одень на ту руку, которой держишь лук. Когда будешь стрелять в мёртвого надо сказать — «Упокойся», чтобы активировать заклятие.

— На твой язык, или можно на мой язык?

— Не знаю, но можешь попробовать. Ты же ничего не теряешь. И лучше сейчас, пока затишье.

Надев бирку и перехватив лук, он направил его на одного из мертвецов и проговорил, отпуская тетиву:

— Калм дад! (упокойся ты)

Заряд попал нежити в грудь. Мы ждали. Глаза мертвеца остекленели, если это можно сказать о его глазах. В них потухли последние искры жизни и сознания. После чего он медленно рухнул, завалившись на бок.

— Гаро хэян (сдержите их)! — раздался над полем голос Голендила.

Возможно, такие бирки следовало дать и другим лучникам, но мы опоздали. Зомби пошли в атаку всей массой, какую они только смогли накопить. Я и Голендил встали спиной друг к другу и стали отстреливать нападающего противника. Остальные бойцы сплотились вокруг нас. Вот только шансы у нас были невелики. Их было раз в двадцать больше. Мы проигрывали битву. Надо было что-то менять в сложившейся обстановке. Мертвецов было

уже слишком много. Они шли практически сплошным потоком, сминая и продавливая наших бойцов. Я грязно выругался.

— Прямо как в битве при арке. Только вот нет здесь полковника.

Конечно, я понимал, что полковник тоже не мог бы выиграть эту битву. Перед моим внутренним взором промелькнули знакомые лица. Полковник, Аликс, тётя Вера, Алкима, Назар. В груди полыхнули тёплые чувства. Вспомнилась наша последняя битва под командой полковника. Толпы орков, идущих в атаку на наш лагерь. Я, осыпаящий врагов градом камней. Падающие камни. А ведь это идея. Быстрый взгляд по сторонам. Улицы завалены битым кирпичом и камнями из кладки. То, что нужно. Пара крепких слов помогает мне освежить память в поисках заклятия.

— Ну, посмотрим.

Я активирую заклятие из арсенала бытовой магии.

— Упокойся! — целая куча камней исчезает с поверхности улицы.

Ничего не происходит. Ещё одно ругательство. Я начинаю планомерный отстрел мертвецов, насевших на пики наших воинов и теснящих их. Я успел убить только троих, когда сверху на землю стали сыпаться крупные камни, булыжники и кирпичи. В рядах нежити образовались крупные проплешины. Мертвецы падали и больше не поднимались. Натиск на этом участке ослаб. Я застонал и мысленно припомнил несколько тяжёлых ругательств. В горячке я задал слишком большую высоту. Камни ещё продолжали падать, а я активировал второе заклятие. Ещё одна куча камней исчезла с улицы. На этот раз камни упали быстрее, но уже по другую сторону от наших позиций. Дальше бой стал меня затягивать. Расстрел нежити, напирających на наших бойцов, сменялась заклятиями по скидыванию на её головы камней. Кажется, мне удалось расчистить улицу от завалов битых камней и мусора. Теперь эта улица была завалена трупами. Ситуация была ещё нестабильна, но уже не безнадежна. Я уже и не могу припомнить, почему этот участок пространства привлёк моё внимание. Было в нём что-то неправильное. А потом я сбросил град камней рядом с тем местом.

Несколько камней ударились в нечто невидимое и отскочили в сторону с его поверхности. И только сейчас я понял, что именно меня привлекло в этом месте. Лёгкое марево. Помутнение пространства, напоминающее по форме купол, от которого отскакивают крупные быстролетающие камни, но просачивается пыль. Кто-то в этом месте установил силовой защитный купол.

— Что это? — проговорил я, указывая на силовую защиту.

Лучник, стоящий ближе всего ко мне, повернулся в указанно направлении. Прежде, чем я смог его остановить, он спустил тетиву, и стрела устремилась в полёт. Она воткнулась в поверхность купола, и по нему побежали круги от удара, как на воде. В следующее мгновение стрела срикошетировала и отлетела в сторону. Не раздумывая больше ни мгновения, я ударил по этому месту зарядом из своего посоха. Сомнений не было. Мы обнаружили источник управления отрядами нежити. И его надо было уничтожить. Второе видение показало, что от этого купола во все стороны расходятся линии каналов управления. Мой заряд не пробил купол, но рассеялся по его поверхности маленькими бегущими молниями. Ах так?

Мысленно я соединился и нащупал озеро энергии. А почему нет? Я слышал шум большой массы энергии в своём мозгу. Мои руки разошлись в стороны. Внутренним взором я окинул площадку под силовым куполом, чтобы увидеть полярность энергетического поля в

данном секторе земли. А после перевёл взор на воздушное пространство в поисках сгустков энергетического напряжения противоположной полярности. И нашёл то, что искал. Усилием воли я проложил ионный след между двумя полями напряжённости. Я почувствовал треск разрядов и нарастающую вибрацию. Повторный ионный след я проложил от земли сквозь озеро энергии в поле небесного напряжения. Тело начало покалывать. Сознание расширилось. Я был и небом, и землёй. Разряд шёл через меня. Я повысил внимание и концентрацию, выбрал цели для поражения, почувствовал пульсацию жизни в их телах. Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я заорал:

— Магис перисулосум фульгур!

Раздался гром. Моё тело сильно содрогнулось. Меня содрогнуло и отбросило назад. Раздался сильный грохот. Вместе с грохотом, из вершины холма вырвалась могучая ветвистая молния и окутала купол. Вот только молния была не обычной. Потому, что цвет выделившейся молнии был насыщенно чёрного цвета. Я и не знал, что такое возможно. Чёрная молния окутала купол, выявив его форму. На мгновение купол потерял свою матовость и невидимость. Внутри него проявилась фигура человека, удивлённо оглядывающегося. И спустя пару секунд купол лопнул и разлетелся брызгами в разные стороны. Но за мгновение до этого в куполе мне удалось разглядеть мерцание трансгрессии. Я видел, как лопнули и разлетелись в разные стороны линии управляющих каналов. Вокруг раздался рёв зомби, потерявших управление. Многие из них пали на землю. Остальные начали бродить бессмысленно, совершенно забыв нападать на нас. Мы стояли и смотрели на происходящее ошарашено. Зомби было ещё значительно больше нас, но мы получили передышку.

Что-то было не так. По посоху прямо из моей ладони стекал чёрный песок. Нет, это был мелкий уголь. Я разжал ладонь. Дощечка полностью рассыпалась, превратившись в труху и угольную пыль. Я отряхнул ладонь от грязи. Надо надеть новую дощечку. Но сделать это я не успел. Из-за угла дома высунулась человеческая рука и стала махать белым платком.

— Не стреляйте!

Акцент был странный, но я его вполне понимал. Некоторое время мы смотрели на белый платок. Первым опомнился Голендил.

— Амо хоот! Выходить!

Из-за угла настороженно выглянул человек. Он стоял настороженно, скрывшись наполовину за стеной дома. Но поняв, что его никто не собирается убивать вышел на улицу. Он медленно пошёл к нам. При его приближении зомби расступались и не нападали на него. Он медленно подошёл на расстояние десяти шагов от строя живых. Он был достаточно молод. Лицо было украшено коротко подстриженной бородой. Карие глаза смотрели на нас удивлённо. Суконная туника серого цвета была застёгнута на длинный ряд пуговиц до самого подбородка. Свободные чёрные штаны были заправлены в высокие кожаные сапоги. На голову была одета суконная шапочка с меховой оторочкой. К ней спереди была приколата серебряная пряжка с чеканкой. На широком поясе из металлических блях был подвешен длинный меч и кинжал, а в руке зажат длинный посох без всяких украшений. Одежда была покрыта тонким слоем пыли.

— Эльфы? — его глаза пробежали по лицам бойцов и остановились на мне. — Ты идёшь с эльфами?

Я находился в состоянии лёгкого ступора. Голендил перевёл взгляд с меня на этого мужчину.

— Ты его знаешь? — спросил он, обращаясь ко мне. Но прежде, чем я успел ответить, незнакомец заговорил.

— Он должен жениться на моей сестре! — громко заявил он и ткнул в меня пальцем.

Нет слов, чтобы описать величину моего потрясения. Мягко говоря, я был сильно шокирован. Голендил повернул ко мне голову.

— У тебя есть невеста?

Раньше, чем сумел осознать свои слова, я произнёс.

— Да...

Продолжить мне не дали. Незнакомец продолжил.

— К вам — он указал на эльфов — у меня претензий нет. Этот разговор только между мной и им — он ткнул пальцем сначала себе в грудь, а потом в меня.

Я был так растерян, что не мог даже придумать, что мне говорить. Голендил стал переводить его слова окружающим. Было видно, как лица эльфов стали расслабляться.

— Так, ты, — он снова указал на меня — иди сюда, надо поговорить.

Он изобразил манящее движение рукой. Мой мозг был в сильно расстроенном состоянии. Не отдавая себе отчёта, я подчинился и шагнул навстречу ему. Он продолжал меня манить к себе, а я делал шаг за шагом. Возможно, он применил ко мне гипноз, а возможно использовал моё шоковое состояние и ловко им манипулировал. Когда я дошёл до строя эльфов, он сделал несколько шагов вперёд и, грубо растолкав эльфийских воинов в стороны, схватил меня за одежду на груди и вытянул наружу.

— Мы отойдём поговорить. Это наши дела. Они вас не касаются.

Он стал уводить меня от строя эльфов. За моей спиной раздался голос Голендила, что-то объясняющего остальным эльфам. Мы двинулись прочь. Незнакомец положил мне руку на плечо, приобняв меня. Ни дать ни взять двое старых друзей идут по своим делам и беседуют. Когда между нами и эльфами оказалось примерно десять шагов, он проговорил.

— Не дёргайся и не кричи. Я трансgressирую раньше, чем они смогут причинить мне вред. А ты умрёшь.

Что-то острое и твёрдое упёрлось мне в живот. Я скосил глаза. В его руке, которой он раньше держал меня за одежду, теперь был зажат кинжал. И этот кинжал острием упирался в мой живот. Когда он смог достать его я не видел. У меня перехватило дыхание. Я оцепенел от страха. Деревянными ногами я продолжал идти рядом с ним.

— Тебе дороги эти эльфы. Только тихо. Можешь просто кивнуть.

Перед моим внутренним взором промелькнули лица моих друзей, с которыми я последние полгода делил хлеб и кров. Я представил их мёртвыми, и внутри меня всё похолодело. Мне было тяжело даже представлять такое. Я кивнул головой и тихо прохрипел.

— Да...

— Это моя нежить. Сейчас я прирежу тебя. Трансgressирую. А потом снова натравлю нежить на твоих друзей. Больше никому будет их защитить. Представь их трупы...

— Что... что ты хочешь? — С трудом проговорил я.

— Правильно мыслишь, дорогой. Мне нужно, чтобы ты женился на моей сестре.

Я с удивлением поднял глаза на его лицо.

— Жениться?

Он поморщился.

— Это не моя прихоть. — Проговорил он, продолжая прижимать кинжал к моему животу. — Таково было пророчество, что вы поженитесь. И даже место было указано, где вы

встретитесь. Иначе, что мне здесь делать? Охотиться на маленький отряд эльфов? Они и без меня вымрут. Есть дела по важнее.

Мы сделали ещё несколько шагов.

— Что скажешь? Подумай о друзьях.

— Хорошо, женюсь. Если это пророчество...

— Вот и лады.

Он повернулся к эльфам и поднял вверх руку. Кинжала в ней уже не было. Помахав ею, он прокричал достаточно громко.

— Приглашаю вас всех на свадьбу! Сегодня!

— Она что здесь? — удивлённо проговорил я.

— Конечно. А есть проблемы?

— Но у меня нет ни подарка, ни хорошей одежды. Нет даже кольца.

Он усмехнулся. Жестом фокусника он извлёк из складок своей одежды маленькую коробочку и показал нам. После того как он раскрыл её, там оказались два обручальных кольца.

— Подарок позже принесёшь. А сестру я выдаю замуж не за одежду, а за тебя. И кольца я припас. Думаешь, что я позволю тебе сбежать из-под венца?

В этот момент я понял, что обречён. Надеюсь, хоть невеста будет красивой. Позади меня Голендил переводил мои слова эльфам. Уже слышались лёгкие смешки.

— Сделаешь мою сестру порядочной женщиной. Дашь ей наследника. И делай что хочешь: война, походы, приключения... Но после. — Он назидательно поднял вверх палец.

За моей спиной уже слышался откровенный смех. Я почувствовал, как краснею. Представляю, что думали в тот момент эльфы моего отряда. Послушав его можно было представить себе парня, который бросил свою невесту и сбежал от неё на край света. А теперь ей и её брату приходится охотиться за этим женихом, чтобы отправить под венец. Им было смешно от нелепости ситуации. И ведь не поверят, если я скажу правду. Война, атака нежити, страх и раненые бойцы. Всё было забыто. Впереди была моя свадьба.

— Я его забираю, чтобы не сбежал.

— Я не сбегу...

— Верю — произнёс он таким тоном, что было непонятно это согласие или сарказм. И добавил, обернувшись к эльфам — Мой лагерь рядом. Приходите на свадьбу.

Сказав это, он повёл меня вглубь эльфийского города. Позади раздались голоса. Скоро к нам присоединились несколько эльфов. Они сопровождали нас до самого лагеря, оказавшегося в сохранившемся здании муниципалитета. Пока мы шли, нежить нас не тронула. Когда я увидел невесту, то сначала испугался её седых волос. Но посмотрев в её лицо — оттаял. Наверное, это и вправду судьба и пророчество. Так я думал в тот день. На задворках сознания мелькнуло лицо Аликс. Мысленно я попросил у неё прощения. Если такова моя судьба, то пусть меня простит.

Свадьбу сыграли прямо там. Невесту звали Лидия, а её брата — Говард. Они оба придерживались трезвого образа жизни. Я согласился в правильности этого подхода. Поэтому на празднике пили исключительно эльфы и матросы корабля, на котором приплыли Говард и Лидия. Говард сыграл роль священника и провёл брачный обряд. Я знал, что во время войны или дальних походов в чужие земли такое допускалось. Потому и не возражал. Голендил и Таурон с моей стороны, а также волшебник Марк и капитан судна со стороны невесты засвидетельствовали наш брачный союз. На двух свитках пергамента были

оформлены наши клятвы, подписанные свидетелями. Один свиток передали мне, второй — невесте. Так началась моя короткая семейная жизнь.

Прошёл месяц. Стало значительно теплее. Заколосились высокие травы. Жили мы в большой повозке. Она была хорошо оборудована внутри как небольшой домик на колёсах. Говард настоял на этом, мотивируя тем, что нам нужно уединение, а на корабле это обеспечить практически невозможно. Он обучил меня и Элентитту одному заклинанию, которое позволяло оставаться невидимыми для нежити. Это заклятие получило название «Покров тьмы». Когда мы накладывали это заклятие на эльфов, эффект был впечатляющим. Заклятие создавало поверх тела энергетическую оболочку, которая полностью скрывала свечение жизненного начала. Именно это заклятие позволяло ему ходить безопасно по территории нежити. Теперь и эльфы получили возможность безопасно перемещаться по городу, не беспокоя сон мёртвых. В итоге они обыскали все развалины и нашли то, что искали. Старые храмовые архивы. Потребовалось несколько дней, чтобы разобрать завалы перед входом. Было видно, что эти завалы создали искусственно, чтобы не позволить врагам проникнуть внутрь храмовой библиотеки. Без нового заклятия получить доступ к ним у них бы не получилось. Голендил вскрыл двери в это помещение. Осмотр показал, что большинство записей погибло от времени, но то, что осталось было для эльфов бесценно. Несколько дней они переносили эти записи в свой походный лагерь и упаковывали в короба для дальнего пути. Поскольку теперь провожать меня в земли Светлых эльфов уже не было необходимости, они готовились идти сразу домой. Мне же, как я тогда думал, предстояло плыть дальше на корабле. Эльфы стали готовиться к путешествию обратно. Именно в такой день ко мне подошёл Говард. Он спросил меня, где находятся мои вещи. Я смутился. Потому, что мои вещи до сих пор находились в лагере эльфов. Тогда он и предложил мне сходить за своими вещами, а заодно и попрощаться со своими друзьями. Перед уходом он мне сказал.

— Знаешь, в чём шутка ситуации? Я спрашивал эльфов, что они ищут. А ещё я помню твой рассказ о том, какие эльфийские книги ты обнаружил в башне на границе. Помнишь? — он дождался моего кивка. — Так вот. В твоей заплечной сумке лежат все эльфийские магические книги, которые им только нужны. Если бы ты тогда отдал им эти книги, то им не пришлось бы никуда ходить. Ты мог бы и поделиться с ними, если бы захотел.

Дав мне возможность осмыслить это сообщение, он продолжил.

— Сходи в гости, простись с ними. — Он сделал ударение на этом слове — Но не опаздывай. Мы скоро отплываем. Ждём только тебя.

Не почувствовав подвоха, я отправился в лагерь. Повозку стали грузить на корабль. Путь до лагеря составил примерно два часа. Моё появление вызвало у присутствующих состояние ажиотажа. Эльфы почти собрали свои вещи. Они уже грузили в короба последние предметы утвари, когда появился я. Мне отдали мою заплечную сумку.

— А мы думать, что ты оставишь здесь всё от счастья. — Голендил улыбнулся.

Мне было неловко, но ничего объяснять я не стал. Зачем? Так пали кости, такова судьба.

— У меня для вас подарок. — Проговорил я. — Книги с эльфийской магией.

Я полез в свою заплечную сумку и вынул из неё коробочку с книгами. Изъяв из неё четыре эльфийских книги, я протянул их Голендилу. Он взял их в руки и удивлённо

посмотрел на меня. Вынув из коробочки волшебную палочку, я направил её на книги в руках Голендила.

— Энгоргио книги.

Книги в руках Голендила стали быстро увеличиваться в размерах, пока не приняли нормальные размеры. От этого он едва не уронил их из рук.

— Откуда они?

— Из моей коллекции. Раньше не мог отдать. Боялся, что вы меня убьёте за эти книги. Теперь мы расстаёмся. Как я и хотел, отдаю вам при расставании.

— Может он и правильно. Мои соплеменник точно мог убить за это. Ты быть прав. Возможно.

— Предупреждаю — это магические копии. Они проживут не долго. Их надо переписать. При этом быстро.

— Мы сделать. В первый очередь. — Он кивнул головой.

Мы пожали друг другу руки, как старые знакомые. Мне было жаль уходить от них, но надо было идти. Подумав, я вынул из кармана дощечки с пактаклем упокоения и, разделив пополам, отдал одну половину Голендилу.

— Полезное заклятие. Ваши маги смогут повторить.

Голендил кивнул головой и показал мне ту дощечку, которую я давал ему во время боя. Она была рассохшаяся и покрытая трещинами.

— Спасибо за подарок. Мы благодарен ты.

В этот миг произошло волнение в лагере. К нам подбежал молодой эльф и трясая за рукав Голендила стал показывать в сторону города. При этом он говорил что-то сбивчиво и взволнованно, чтобы его можно было понять. Мы повернули головы. То, что я там увидел, сильно потрясло меня. По реке, подняв паруса, уплывал корабль, на котором я должен был уплыть из мёртвых земель Алкмаара. Мы заморожено следили за ним.

— Я не понимать... — Начал Голендил.

— Это не к добру... — проговорил я.

От меня на корабле уплывала моя жена, обещанная мне предсказанием, и моя жизнь в новом качестве. У меня сильно засосало под ложечкой. Мир, который я уже считал своим, стал рушиться у меня прямо на глазах. Я впал в ступор. Почему? Что происходит? Зачем? Куча вопросов тогда роилась у меня в голове. Теперь я не нужен эльфам. И при этом, я не нужен своей новой семье. Я почувствовал предстоящее одиночество. От того, чтобы не забиться в истерике от боли и горя, меня спас вой. Волчий вой. Нет, не волчий. Волки не умеют выть так натужно и жутко. Так, что звук воя пробивал насквозь, до костей. Заставляя твою душу содрогаться от ужаса. Я почувствовал, как волосы на моей голове поднимаются дыбом от страха.

— Что эт... это? — спросил я дрожащим голосом.

Голендил повернул ко мне своё лицо. На нём был написан животный страх. Было видно, что он прилагает огромное волевое усилие, чтобы привести себя в нормальное состояние. Его рот несколько раз открылся и закрылся как у рыбы, выброшенной на берег. Наконец он произнёс.

— Гярвят (оборотень) — повернув своё бледное лицо к эльфам, он набрал воздух в лёгкие и закричал. — Гярвят! Препаре ан ят (готовьтесь к бою)! — и, вновь повернув ко мне лицо, проговорил уже спокойнее. — Оборотень.

Началась беготня. Эльфы готовились дать отпор. Принял участие в подготовке к бою и

я. Одев на ладонь новую дощечку, я перехватил посох поудобнее. Голендил достал и стал быстро снаряжать свой магический лук. На ладонь он надел свою проверенную дощечку, с которой уже принимал участие в бою с нежитью. Раздавались команды Таурона. Прибежала Элентитта. Голендил отдал ей одну из своих табличек, наскоро объяснив, как ими пользоваться. У меня не было времени обращать внимание на её заплаканное и напуганное лицо. Сейчас у многих эльфов, особенно молодых было такое лицо. Позже я узнал, что за последние двадцать лет у эльфов не было ни одной схватки, в которой был бы убит оборотень. Оборотни убивали безнаказанно. Единственное, на что надеялись эльфы — это продать свои жизни по дорожке в бою.

Я оглядел небо над головой. День клонился к закату. Солнце уже почти коснулось верхушек деревьев. Скоро наступит сумрак, а затем — тьма. Не дай, Господь, сражаться в темноте. Я обернулся. По другую сторону неба восходила полная луна. Всё потом. Надо пережить ночь. Вой раздался повторно. Он всё также холодил кровь. Но вторично уже трогал не так сильно. Мы были готовы. Наверное, хорошо, что я не успел уйти из лагеря. Одному мне было не отбиться. Я оглядел окрестности. Мы на вершине холма. Низкая трава не позволит подобраться к нам незаметно. Колья, надеюсь, задержат хоть на немного наших врагов. Друзья так не воют. Кромка леса достаточно далеко. Будет время и пространство для стрельбы. Я читал в бестиарии, что оборотни практически не чувствительны к обычному оружию. Единственная наша надежда на посохи и магический лук. Постепенно я успокаивался.

На кромке леса показалось шевеление. Мы молча наблюдали за ним, но ветви надёжно скрывали находящиеся там. Наконец из леса вышло существо, отдалённо напоминающее волка. Он был крупнее обычного лесного хищника, к которому мы привыкли. Он внезапно встал на задние лапы и стал принюхиваться. Поводив мордой и понюхав вечерний воздух. Он снова завыл. Из леса стали выходить другие особи. Слышалось рычание и тихое поскуливание. Они приседали на задние лапы, упираясь передними в землю. Было видно, что они готовятся к броску. И снова раздался громкий рык вожака. По этому сигналу вся стая внезапно сорвалась с места и длинными прыжками понеслась к вершине холма. Голендил поднял свой лук и произвёл выстрел с криком, активизирующим упокоение. Магическая стрела угодила в одного из оборотней, и тот с громким визгом покатился вниз по склону. Наконец, он упал и больше не шевелился. Сражение собрало первую жертву. Оборотни не сбавили свой темп. Они стремились быстрее сократить дистанцию, чтобы вступить в бой. Так они могли понести наименьшие потери. Голендил послал им на встречу вторую стрелу. И снова визг. Послышался хлопок разряда жезла Элентитты. Противник рухнул как подкошенный без звука. Почему противник идёт в атаку так открыто? А это значит...

Я развернулся назад. С другой стороны холма к нам приближалось примерно дюжина оборотней. Они шли без звука и рыка, чтобы не привлекать к себе внимание. И если бы я не использовал второе видение, то и не заметил их, крадущихся почти у самой земли. Я выстрелил. Раздался визг. Одна из туш легла в траву и больше не шевелилась. Я начал стрелять, посылая заряд за зарядом, прилагая к каждому заклятие упокоения. Вот только наступали сумерки. Видимость падала. А врагов было очень много. И наступил момент, когда они пересекли границу лагеря. По лагерю завязались схватки. Эльфы, не надеясь убить оборотня, стремились сдерживать врагов, чтобы дать нам возможность их убить. Они не надеялись победить. Только пережить эту ночь. Многие виртуозно вращали пиками, отбивая атаки оборотней. Но я отчётливо слышал крики раненых эльфов. Они были обречены. И,

при этом, они собирались вокруг нас заграждением, чтобы прикрыть нас от атак.

Этот бой слился для меня в сплошную полосу прицелов и разрядов посоха. Разум отступил на второй план, уступив место инстинкту самосохранения и навыкам, забитым в меня в Академии наставниками. И, пока тело дралось, разум наблюдал со стороны и размышлял. И первое, о чём я задумался, был вопрос.

— Оборотни — это нежить?

— Если нет, то почему упокаиваются этим заклятием?

— А если нежить, то как их ещё можно победить?

— Или не побеждать?

— С ума сошёл?

— Нет, найди другое решение проблемы

— Например?

— Ослепить. Оглушить. Направить по другому следу.

— Хочешь стать для них невидимым?

— А это идея. У нас же есть заклятие «Покров мрака».

В следующий миг я направил свой внутренний взор вниз. Озеро энергии было полным. Можно зачерпнуть энергии из него. Я окинул вторым видением поле боя. Оборотни выглядели как полуживые. Но ориентировались они по запаху крови и жизни. А это было именно то, что и закрывало это заклятие. Некогда было прицеливаться. Я накинул ментальную сеть на всех, кто находился в пределах лагеря. наших это спрячет, а оборотням не мешает. Коснувшись навершием посоха поверхности земли, я активировал связь с озером энергии. Совершив круг навершием посоха над головой, я произнёс активирующее слово.

— Ковер оф тенебрае.

Я успел увидеть, как большая волна тёмной материи выплеснулась из недр земли и стала напозать на лагерь, закрывая коконом тьмы всех присутствующих на его территории. Я успел порадоваться, но не долго. В следующее мгновение в моё тело впились большие клыки. Огромная пасть, обдав меня зловонием, сомкнулась на моём правом плече. Меня подняло в воздух и стало трепать, словно тряпичную детскую куклу. Боль была невыносима. Но я смог повернуть голову в сторону своего убийцы. На меня смотрели чёрные бусинки глаз с горящим красным зрачками. Посох так и остался в моих руках. Умереть с оружием в руках! Почему-то эта мысль мне показалась глупой. Но посох я не выпустил. Я почувствовал, как клыки пробили мою плоть и по моей груди побежали струйки горячей крови. Острые когти рванули мою плоть в районе живота. Боль была безумной. Моё сознание отделилось от тела и смотрело на мои мучения со стороны. «Теперь я действительно умру — мелькнула в моём сознании мысль. — Ну и пусть. Лишь бы быстрее». Я не знаю, кричал ли я. Моя память этого не сохранила. Но прежде, чем погасло моё сознание, я увидел разряд, пущенный из лука Голендила. Этот разряд пробил шею оборотня насквозь. Тварь взвизгнула и разжала пасть. Своего падения на землю я уже не помню. Мир погас.

Говард стоял на палубе корабля, проплывающего мимо полей и лесов мёртвого королевства, и в задумчивости рассматривал проплывающий берег. Казалось, что это не корабль плывёт по реке, а река со своими берегами медленно перемещается вокруг стоящего на месте корабля. Мысленно он был далеко отсюда. Разум говорил, что он поступил правильно. Враг должен быть уничтожен. Веди его. Заставь выполнять твои планы. А потом

ликвидируй, как потенциально опасного врага, чтобы потом не возникло проблем. Где не помогает сила, там должны действовать надёжная триада: хитрость, ложь и... предательство. Он поступил правильно. Но почему у него на душе такое гадостное чувство. Почему он сожалеет о таком юном, глупом, добром и... сильном мальчишке, который так хорошо подходил его сестре? Он послушал свой разум и победил. Но возможно, что он просто разучился слушать своё сердце. А может он просто увидел в нём самого себя. Юного, глупого, доброго и наивного юношу, который стал изгоем в собственном клане, гадким утёнком, которого все старались пнуть и унижить. Своими пинками и нападками они постепенно убили в нём всё доброе, что в нём было. Он стал злым и жестоким. На длинном и тощем вчерашнем замухрышке выросла броня мускулов. Добрый взгляд сменился сталью. Его одиночество дало результаты в глубоких познаниях по магии. А потом его враги стали болеть и пропадать. Самые сильные и агрессивные были изуродованы в поединках, а хитрые и коварные не смогли подобрать яда, к которому у него не нашлось бы иммунитета или противоядия. Попытки отравления всегда заканчивались одинаково — выявление, пытки и смерть. Враги прижали хвосты, опасаясь с ним связываться. Но там, в глубине его души до сих пор жил маленький, добрый, глупый и ласковый ребёнок. Почему же он так жалеет этого мальчишку? Потому, что нашёл родственную душу, не испорченную грязью войн и ненависти. И вот теперь он его убил. Правильный поступок, с точки зрения его морали. Но, до чего же гадкий. Прости меня, Невил. Ты был хорошим другом своим людям, надёжной защитой им и добрым мужем моей сестры. Пусть твоя душа покоится в мире.

Именно за этими размышлениями его и застал Марк.

— Говард, я проследил, чтобы все зомби легли в свой сон. Короба упакованы. Повозку я осмотрел, повреждений нет. — Он усмехнулся. — Матросы спрашивают, почему мы не забрали с собой мужа твоей сестры.

Говард резко развернулся.

— Пусть заткнут рты, или я расширю свою коллекцию зомби.

Марк, не ожидавший такой реакции, отшатнулся прочь, но не отвёл глаза.

— Не злись. Что не так? Почему ты такой разъярённый?

Говард попытался привести себя в порядок и успокоиться.

— Я видел смерть его глазами. Видел смерть всего его отряда.

— Как?

— Я поднял и натравил на них стаю оборотней. Пришлось применить зов крови.

— За... зачем? — На лице Марка отразились изумление, отвращение и страх одновременно. — Нас ведь предупреждали использовать этот резерв на последний случай. Обратни слишком непредсказуемы и неуправляемы. Разве нельзя было использовать зомби? В бою на окраине города ты использовал их вполне уверенно.

Говард рассмеялся. В его голосе звучала горечь. Он отвёл глаза.

— Тот бой я проиграл. Понимаешь? Этому мальчишке. Он выбил почти половину поднятых мною зомби. Понимаешь? Половину. — Из него опять вырвался горестный смех.

— Но ведь зомби можно было поднять снова...

— Не в этом случае. Что ты знаешь об упокоении?

Говард заглянул в глаза Марка. Тот смутился. Его взгляд стал бегающим.

— Ну... их несколько...

— Он использовал самое простое, но столь сильно исполненное, что полностью выбивал из зомби и оживляющую субстанцию силы, и программную основу, заменяющую

им душу.

— Это невозможно — проговорил Марк ошарашено — на это способны только самые сильные из наших магов прошлого. Каждый из них вошёл в историю как эталон силы...

— Ты видел этот эталон вживую. Пусть и недолго, но он был мужем моей сестры.

Челюсть Марка стала отвисать вниз, растягивая рот до состояния очень удивлённого человека.

— Этот?

— Он никогда бы не стал нашим другом. У него воспитание отличается от нашего. Рано или поздно нам пришлось бы воевать с ним. Я поступил правильно. И от этого мне гадко.

Он немного помолчал, переводя дух, а потом снова заговорил.

— За много лет войн, в которых мне пришлось участвовать, он первый, кто обнаружил мой защитный купол. — Он глянул на Марка, в его расширенные от удивления глаза. — Знаешь, чем он меня атаковал? Черной молнией! Светлый маг смог ударить «Чёрной молнией»! Я жив только потому, что смог прыгнуть вовремя.

— Но, это же утерянное заклятие! Сейчас нет никого кто бы...

— Выходит, что есть. Одного мы уже видели. А значит, есть и другие. Знать бы, где они.

— Но, как же ты смог его убедить жениться.

— Я угрожал убить его и его эльфов.

— А ты мог?

Говард рассмеялся с горечью в голосе.

— В тот момент уже нет. Я блефовал. А он повёлся. Нам повезло, что он такой молодой и неопытный. С взрослым магом такой фокус бы не прошёл. У меня в тот миг уже не было сил. Кристаллы силы разрушены, потоки тёмных сил вышли из-под контроля, Управляющие каналы были оборваны. Мне требовалось время, чтобы снова всё восстановить. Но они к этому времени бы уже ушли. Пришлось прибегать к хитрости и лжи. А теперь ещё и предательству.

Он замолчал и некоторое время набирался сил, чтобы продолжить.

— Но самая страшная битва мне ещё предстоит. Скоро проснётся от магического сна моя сестра. И мне придётся рассказать ей, что она теперь вдова. А это вредно для её ребёнка.

— Она беременна?

— Все признаки на лицо. У неё зверский аппетит, но при этом она едва ли не живёт в обнимку с тазиком. Рвотные позывы регулярны. А мой «третий глаз» показал наличие второй жизни в ней. Мне надо придумать, как сообщить ей по мягче о его смерти. Осталось надеяться, что её сын наследует силу своего отца.

— Ты точно уверен в его смерти?

— Абсолютно. Я был подключён к его сознанию. А, когда оно погасло, переключился на общее видение пространства. Я видел их огоньки жизни. Потом они стали гаснуть один за другим. Из пятидесяти трёх оборотней, призванных мною, тридцать шесть участвовали в нападении. Тридцать шесть! И тридцать пять из них погибли. Остался один. Представляешь? Один! Если бы погибли все оборотни, то я бы бросил в бой остальных. Хорошо, что не потребовалось. Мысленный контакт с оборотнями омерзителен.

— Один? Как им удалось убить столько?

— Понятия не имею. Нам такие заклятия недоступны. Одно понятно — битва была жаркая. Живых там больше не осталось. А последний оборотень светился очень слабо. Видимо он был ранен. У меня такое состояние, будто я сам участвовал в той битве.

Особенно гибель Невила. Видеть, как в тебя впиваются клыки оборотня — жутко.

— Тогда, тебе надо выспаться. Ты плохо выглядишь. А если будешь доводить себя — лучше не станет. Он умер быстро? — дождавшись кивка Говарда, он продолжил. — Быстрая и лёгкая смерть! Что может быть лучше. Тело истлеет, а душа возродится вновь. В отличие от остальных твоих врагов. — Марк кивнул головой в сторону трюма.

Говард проследил за направлением его взгляда и мрачно улыбнулся.

— Ты прав. В этот раз я был милосерден.

Месяц спустя корабль вошёл в бухту и лёг в дрейф напротив столицы Чёрного королевства. Столица Реффулия встречала их солнечной погодой и шпилем. Когда буксир доставил их корабль до пристани, там их уже ждала внушительная делегация. Пристань была очищена от посторонних людей. Лодки исчезли с привязей у причала. Стояла неестественная тишина. На площадке стояла повозка, запряжённая десятком клановых зомби. Рядом находились всадники конной охраны. Рядом находился со своей охраной магистр — глава клана. Говард всё понимал. Зависть — плохой советник. Многие кланы знали о пророчестве. Они опасались увеличения могущества клана Борнов. Могли напасть или ударить проклятием. Магистр не собирался подвергать опасности будущее могущество клана и жизнь страны. Чувствовалось давление силы кристаллов. Работали защитные экраны. Говарда, Лидию, Марка и слуг быстро провели по трапу и спрятали в повозке. После того, как колесница двинулась, магистр в сопровождении охраны и свиты магов поднялся на борт корабля. Требовалось допросить матросов, узнать, что они видели. И заткнуть им рты. Магистр знал только один действительно надёжный способ заткнуть рты болтунам — зомби всегда молчаливы.

Пробуждение было мучительным и болезненным. Голова просто раскалывалась от боли. Сначала я осознал себя в теле. Моё положение в пространстве было непонятно. Тело осознавалось разумом как большой аморфный комок плоти. Не сразу до меня дошла мысль, что у меня должны быть руки и ноги. А ещё было понимание, что тело должно быть ориентировано как-то в пространстве. Где здесь низ, а где верх? Должна быть поверхность, на которой я... Да где я? Что я? Кто я? А моё тело? Всё моё тело ощущалось как огромный комок плоти, горящий от боли. Да что же это такое? У меня уже было подобное состояние. Да? А когда? На испытании... Это... Поток воспоминаний хлынул в моё сознание. Он промелькнул мимо моего внутреннего взора как одна сплошная лента событий. Событий? Там было испытание боли. А может я всё ещё там? А остальное мне пригрезилось? Бред. Там были галлюцинации. А здесь нет никаких иллюзий, только океан боли. Надо вырваться. Шевельнуть рукой или ногой. Какой? Где мои руки и ноги? А сколько времени я уже здесь? Время? А что это? Поток событий. А как его считать?

Внезапно луч света упал на моё лицо. Нет, я его не увидел. Я его почувствовал. Это вам кажется, что лучи солнца ласкают и легко касаются вас. Этот луч саданул меня по лицу, словно разбойник дубиной. Моя голова дёрнулась от удара. Моё лицо скривилось от дополнительной боли. Спасибо тебе лучик. Пусть ты причинил мне боль, но теперь я знаю, где находится моя голова и лицо. А на этом лице даже есть мышцы. Я подвигал мышцами лица. Боль была страшна. Словно тысячи иголок впились в мои мускулы. Боль разбудила во мне стон. У меня нашлись гортань и грудь. Я сделал вдох и закашлялся от впившегося в меня воздуха. Кажется, что мышцы лица одеревенели и не хотят подчиняться приказам мозга. Я могу попробовать им помочь. Рот стал растягиваться вниз, утягивая за собой мои щёки.

Вслед за щеками потянулись веки. У меня, что камни на лице? Так тяжело тащить. Вместе со стоном уголки моих век чуть приоткрылись. Это хорошо, что чуть-чуть. Яркий поток света ворвался в мой мозг и разорвал мой мозг болью на части. Казалось, что я захлебнусь от крика. В уголках моих глаз потекли слёзы. Зачем я проснулся? Что? Почему? Почему свет такой жестокий и болезненный?

Кто-то подошёл ко мне и прикоснулся к моему телу. Нет. Я не слышал его шагов. Ощущение приближения живого тела пришло изнутри моего сознания. Меня приподняли. От движения пробудилась моя левая рука. А правая? Где она? Что с ней? В памяти появилась картинка больших клыков, впивающихся в моё правое плечо. Эта картинка принесла мне больше боли, чем боль физическая. Я открыл глаза. Сквозь муть слёз я смог разглядеть повязку на правой руке, примотанной к телу. Далее угадывалось моё тело и отходящие от него ноги. Что это означало я не знал. Просто воспринимал картинку. Мозг совершенно отказывался работать. К моим губам прикоснулась чаша с жидкостью. В мой рот втекла первая капля. Я был совершенно не в состоянии пить самостоятельно. Я не понимал, что это — пить, и зачем. Потом жидкость полилась обильнее. Неосознанно, повинувшись какому-то глубокому инстинкту, я сглотнул жидкость. Потом были ещё глоток за глотком. Плохо мне стало, когда проснулись мои вкусовые рецепторы. Я не понимал, что это такое. Просто знал, что это есть в моём теле. Но, когда они проснулись, я понял, что жидкость была горькой. Я захрипел. Мне подали вторую чашу. На этот раз с чистой водой. Я жадно отпил. Дышать стало легче.

— Пост (отдыхай).

Голос был удивительно знакомый. Где я его слышал? Мне потребовалось время, прежде чем мозг выдал мне нужную картинку. Это был голос Элентитты. Меня снова уложили на ровную поверхность. Через некоторое время я стал проваливаться в забытьё. Но боль отступала. Я был благодарен Элентитте за помощь. Но память была жестока. Картины всплывали одна за другой. Жить не хотелось. Воспоминания были болезненны. И эта боль была сильнее физической. Почему вы не дали мне умереть. Зачем надо быть такими жестокими? Прежде, чем провалиться в забытьё, я почувствовал, как по моим щекам бегут слёзы.

Забытьё принесло мне красочные сны. Сознание подсказало, что меня, возможно, напоили наркотиками, чтобы облегчить боль. Картинки всплывали одна за другой. Сначала приходили картинки моей памяти. Одни причиняли боль, другие — радость. Я вновь увидел лицо своей жены. Я был одновременно счастлив и опечален. Где ты? В тот же миг моё сознание отделилось от израненного тела и понеслось по просторам этого края. Я видел вершину холма с расположенным на его вершине лагерем. Гора сложенных трупов оборотней, многие из которых после смерти превратились в людей и эльфов. Эта гора полыхала огнём. Вокруг сидели эльфы из нашего отряда. Мой дух понёсся по просторам мёртвого королевства. Кто назвал его мёртвым? Оно же полно жизни. Вот река, несущая свои тёмные воды. Скоро мой дух догнал кораблик, заключённый в прозрачную сферу. Я легко проник сквозь эту оболочку и оказался на палубе. Вот Говард и Марк, разговаривающие на палубе. Я проник в каюты на корме корабля. Безошибочно я нашёл ту, в которой сейчас спала моя вторая половина. Я проник в каюту и оказался возле её постели. Если бы у меня были ноги, то я мог бы сказать, что присел у постели на корточки. Я рассмотрел её лицо. Как же ты прекрасна. Мысленно я прикоснулся к её щеке с маленьким круглым шрамом в её центре. Что-то изменилось в моём понимании. Я оглядел её тело и

понял причину моего беспокойства. В теле моей юной жены жила вторая жизнь. Эта жизнь билась и металась во чреве. Я мысленно протянул руку и погладил своей мысленной рукой этот комочек жизни.

— Не буянь, малыш. Маму береги. Она у тебя одна. Где у тебя беспокойство? Это неправильно? Сейчас помогу. — Лёгкое движение моей силы и тёмный комочек отлетает от оболочки моего ребёнка. — Больше он тебе мешать не будет. Будешь магом. Сильным магом.

Мысленно я прикасаюсь к части формы, отвечающей за магические способности ребёнка, и лёгким движением изменяю пару строчек программы. От этого участок формы начинает светиться особенно сильно и чисто.

— Теперь самое то, что надо. Расти большим и сильным. Расти защитником, а не агрессором.

Я вновь мысленно погладил по щеке свою жену. Вселенная говорила мне, что больше мы не увидимся.

— Прощай.

Двинувшись обратно, я выскочил прямо через крышу каюты на палубу. Ещё раз взглянув на Говарда, я направил взгляд и устремления в направлении нашего лагеря. Пора. Пространство понеслось подо мной обратно. Через несколько мгновений я вернулся в своё тело. Моё тело расслабилось. Я погрузился в спокойный сон.

◆ ачный союз. На двух свитках пергамента были оформлены наши клятвы, подписанные свидетелями. Один свиток передали мне, второй — невесте. Так началась моя короткая семейная жизнь.

Проснулся я на рассвете. Состояние тела было значительно лучше. Я лежал на улице, не понимая, почему у палатки сквозь ткань крыши просвечивают звёзды. И только оглянувшись по сторонам, понял, что самой палатки нет. Меня это удивило. Попытка подняться вызвала прилив боли и тошноту. Сильно хотелось пить. Но я преодолел себя и принял сидячее положение. Лагерь, конечно, был на месте, но палаток в нём не было. Вокруг до сих пор виднелись следы боя — разломанные кольца ограждения, походная мебель была разломлена, валялись битые черепки, бывшие когда-то посудой. Из земли торчали обломки стрел. Рачительные эльфы собрали обломки. Оперение и наконечники снова пойдут на создание стрел. А чтобы они не растерялись, их воткнули в землю вблизи ремонтной палатки, обрывки которой лежали тут же, свёрнутые в рулон.

Моё просыпание не осталось незамеченным. От походного костра поднялся эльф часовой. Он вопросительно взглянул на меня. Я отрицательно мотнул головой. Пора было приводить себя в порядок. Он проводил меня взглядом, когда я шёл к ограде, а спустя пару минут снова наблюдал, как я возвращаюсь обратно. Было тяжело управляться одной рукой, потому что моя вторая рука по-прежнему была примотана к туловищу. Теперь мне очень хотелось пить. Моя фляга была пуста. Бочонок для воды возле костра также оказался пуст. Это вызвало у меня приступ отчаяния. Всё-таки мои мозги ещё плохо соображали. Я огляделся. Возле моего ложа находился мой посох. Я брёл бессознательно, понимая только, что должен его поднять. Наклон за посохом вызвал у меня приступ головокружения и тошноты, но мне удалось завладеть своим посохом. Держать его левой рукой было неудобно, но я почувствовал уверенность. Вода. Кажется, наличие посоха подстегнуло мои мысли. Вновь дойдя до бочонка, я протянул посох наверху к верхней части бочонка. Как же неудобно работать левой рукой. Направление, концентрация и лёгкое движение. Неудобно, но работает. Недалеко у подножия холма ручей. Оттуда и возьмём воды. Теперь перенос.

— Аква ментис.

Движение выходит корявым, но заклятие работает. Вода достаточно быстро заполняет бочонок. Когда всё закончено, я поворачиваю голову к часовому и жестами прошу дать мне чашу для питья. Он смотрит на происходящее с восторгом, но без ажиотажа. Видно, что ему нравится наблюдать магию. Но он уже видел это заклятие раньше. Он кивает головой и протягивает мне треснутую керамическую чашу. Похоже, что эта чаша единственная пережила бой, но и она осталась без ручки и со сколом в верхней части. Я мрачно рассматриваю этот обломок. Вновь вытягиваю посох.

— Чаша репаро.

Происходит движение пыли и из-под ног у часового выпрыгивает битая ручка. В мгновение ока она приклеивается к чаше. Трещина затягивается. Через мгновение в руках воина остаётся совершенно целая чаша. Он смотрит на неё с удивлением. Но я до сих пор хочу пить. Мне некогда наслаждаться его восторгом. Прислонив свой посох к своему левому плечу, забрав у него чашу и зачерпнув воды, я с наслаждением пил воду. Почему я запомнил этот момент? Просто я тогда ещё жил прошлой жизнью. Я не знал, что через несколько минут моя жизнь разделится на две части «до» и «после». Вода казалась мне самой вкусной из того, что мне приходилось пить до этого. Она наполнила меня жизненными силами. На мгновение я был доволен и счастлив.

Пока я пил и наслаждался водой, лагерь стал просыпаться. Поднимались эльфы. Накидывали на плечи свои меховые накидки и, с заспанными лицами, подходили к костру. Я отдал чашу. Её сполоснули. После чего она стала ходить по кругу. Каждый из эльфов отпил из неё. Я запомнил момент ополаскивания чаши и был удивлён. Они не ополаскивали чашу после других эльфов. Это следовало прояснить. Я отправился искать Голендила.

Когда я обнаружил Голендила, то застал его за копанием в черепках, в которые превратилась его посуда. Моё появление шокировало его. Он смотрел на меня с выражением крайнего удивления, граничащего с состоянием шока. Некоторое время он не мог ничего произнести, но потом нашёлся и проговорил.

— Ты жить... — помолчав немного, он добавил — мы тебя хотеть хоронить.

Я впал в состояние ступора. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Для надёжности я даже потрогал себя за грудь и лицо. Ощущения были весьма реальными. Я ущипнул себя за ухо. Нет, это определённо было моё тело. Голендил с интересом наблюдал за моими действиями. Наконец, я пришёл в себя от первого шока и нашёл, что спросить.

— По... почему вы меня хотели похоронить?

— Элентитта говорить, что твой сердце ночь остановиться. Ты умирать. Ты не дышать. Ты выглядеть как совсем мёртвый. Ты не должен сейчас быть здесь. Мы хотеть делать ты и другие мёртвый воины утро огненный погребение.

— Но, я же живой. Вот он я...

— Быть может это ещё хуже.

— Почему?

— Твой тело есть укусить оборотень. Ты теперь заражённый. Ты — оборотень.

Попробуйте осознать величину моего потрясения.

— Поэтому ваши эльфы так ко мне относятся?

— Я понимать они. Они бояться общаться с мир мёртвые. Ты есть из мира мёртвые. Они бояться, что ты приходить, чтобы увести их в мир мёртвые. Не суди их.

Может кто-то из вас скажет, что нужно быть сильным и гордо принимать удары судьбы. Наверняка тот сам никогда под такие удары не попадал. Легко судить других. Попробуйте сами пройти через это, тогда я и буду прислушиваться к вашим советам. Но тогда мне стало плохо. Я знал, что такое оборотень. Знал все симптомы и состояния. В иллюстрациях показывались все возможные формы и виды оборотней. Одна страшнее другой. Человек, укушенный оборотнем, постепенно истончался. Поначалу он не сильно отличался от обычного человека. Но зараза оборотня постепенно поглощала его. Вначале он начинал терять память во время полнолуний. Затем он начинал превращаться в зверя. По мере роста болезни, человеческие черты в оборотней части утрачивались, и человек во время превращений всё больше становился похожим на зверя. Время нахождения в состоянии оборотня увеличивалось, а время нахождения в образе человека сокращалось. В конечной стадии человек полностью превращался в зверя, теряя способность превратиться обратно в человека даже частично. При этом он полностью сохранял мышление и осознание. Это делало оборотня опаснее обычного зверя. Не говоря уже о способности заражать окружающих, при помощи укуса. Если вы скажете, что я должен был стойко встретить это известие, то вы идиот. Мне стало плохо. Я потерял равновесие и стал падать на землю. Голендил подхватил меня и помог сесть.

— Ещё не всё потерять. Ты не скоро превратиться в зверь. Но уже сейчас ты опасный для остальных.

Я не сразу нашёл, что мне ответить. Голендил что-то ещё говорил мне, видимо успокаивая, но я его уже не слышал. В моей голове стоял постоянный звон. Окружающее на время перестало для меня существовать. Я умру. Нет. Хуже, чем просто умру. Я превращусь в большого и жестокого зверя, крайне опасного для окружающих. Я сидел на земле на коленях и жалел себя. Как ужасно. Может убить себя? Но это грех. Что же делать? Я тряхнул головой. Кажется, священники говорили, что уныние — это тоже грех. Надо бороться за свою жизнь. Но как?

— Что мне делать?

Я задал этот вопрос вслух, не надеясь на ответ. Что они могли мне сказать? И услышал то, что ожидал.

— Мы не знаем. Я не слышать о случаи излечение.

— И куда мне идти. — Я поглядел на Голендила прямо в его глаза.

— Ты идти с нами. Я лгать, если говорить, что ты нам не нужный. Ты знать и уметь больше, чем мы. У ты есть много знания и книги по магия. Мы очень нуждаемся в ты. Ты очень сильный. Благодаря ты мы ещё жить.

Он окинул взглядом вершину холма, на котором располагался наш лагерь. Неосознанно я тоже посмотрел на этот разгром и беспорядок. В моих глазах в тот миг уже стояли слёзы. Я жалел себя и свою загубленную жизнь. И мне от этого становилось плохо. Картинка в моих глазах расплывалась, но наш лагерь я разглядел достаточно хорошо.

— В прошлый бой мы убить тридцать шесть звери. А ещё примерно двадцать ходить вокруг лагерь и не нападать. Ты поставит хороший магия. Она нас скрыть от их глаза. Мы потерять много наши воины. Сейчас нас остаться половина. Много быть ранены. Но укушен быть только ты. Именно на ты быть направлен тот заклятие — «Призыв звери». — Он перевёл дыхание, собираясь с духом. — Ты заплатить за наша жизнь и могущество наша раса большой цена. Я не бросить ты. Мы идти вместе.

Я посмотрел на него сквозь пелену слёз.

— Ты не бросишь меня? Ты не боишься остаться рядом со мной?

Он внимательно посмотрел на меня и произнёс совершенно серьёзно, что у меня пропали всякие сомнения.

— Мы пойти с тобой до конец. Пока я быть ты нужен.

— Тогда у меня одна просьба — произнёс я и продолжил после небольшой паузы. — Если я окончательно превращусь в неуправляемого и опасного зверя, то прошу тебя убить меня.

— Я сделать твоя просьба.

Может показаться странным, но приняв окончательное решение, я почувствовал себя намного лучше. Пусть мне осталось мало жить, но я мог с этим смириться. Теперь я знал, что не умру медленно и в мучениях. Преследуемый по лесам и опасный для всех разумных. Меня убьёт мой друг из своего лука. Эта мысль успокоила меня. Пришло время жить. Жить, как обычный человек. Пока есть на это время. Что мне ваш суд? Что мне ваши слова. Я не доживу до этого. А значит, все ограничения снимаются для меня. Я передам эльфам свои знания, сколько смогу. Теперь я точно знал, что для меня уготовила судьба. Здесь, на чужбине мне суждено умереть. И боги хотят, чтобы с моей помощью было возвращено могущество расы Тёмных эльфов. Значит, так тому и быть.

Я встал на ноги. Теперь я был полностью спокоен. Пора работать. В руках Голендила находился осколок кувшина. Я направил на него наверх посоха и восстановил его с

помощью заклятия «Репаро». Я оглянулся вокруг. Пока мы говорили, к нам стали подходить другие эльфы. Они не понимали сути нашего разговора, но внимательно слушали. Сразу после того, как я восстановил кувшин, Элентитта, находившаяся ближе всего к нам спросила Голендила.

— Ман дид е саи (что он сказал)?

Голендил глянул на неё, потом обвёл взглядом окружающих и громко произнёс, чтобы все услышали.

— Е аскед нин на килл хэим, аай е турнед итто а беаст. А иммл каро хэа. (Он попросил убить его, если он превратится в зверя. И я сделаю это) — он ткнул себя пальцами ладони в грудь.

На время наступило молчание. Было видно, что многие находятся в состоянии шока. Некоторые только сейчас стали осознавать опасность, исходящую от меня. Другие не могли поверить, что человек, живущий слишком мало по меркам эльфов, мог попросить о смерти. Для эльфов жизнь была святостью. Были и те, кто осознал мою важность для их отряда.

— Елл тели на мен (он пойдёт с нами)?

Раздался голос одного из эльфов. Голендил медленно повернул голову в его направлении и глядя прямо на говорящего, произнёс твёрдо и медленно, выговаривая каждую букву.

— Исе. Е ис вери иппортат на мен (Да. Он очень важен для нас).

Начались разговоры. Для существ, живущих слишком долгую жизнь, они были очень взволнованы. Разговоры были слишком бурными. Они спорили обо мне. Наконец, вперёд вышел Таурон. Он громко призвал всех к молчанию. Когда воцарилась относительная тишина, он заговорил.

— Каро иоу хэенио и дамберь е си посес на мен (ты понимаешь опасность, которую он теперь несёт для нас)?

Это я понял. Таурон заботился о своём отряде. Мы были друзьями. Но теперь я представлял опасность для его воинов. И он старался её разрешить. Если он решит убить меня, то убьёт. И видит Всевышний, я не стану сопротивляться. Уж лучше так. Между тем Голендил ответил.

— Им хэенио ботх и денефит (я понимаю и опасность, и пользу). — Он замолчал, давая остальным осмыслить эту фразу. — Ас а голов е ис валион. Хэа ис боай ан ноз бронад а и траминб на ноз магикианс. (Как маг он очень силён. Он нужен для нашего выживания и обучения наших магов)

Желающих возразить не нашлось. Тогда Голендил продолжил.

— Хэа воулд бе на леаст нелед ментхс бэфоре е боган на турн итто а беаст. (Пройдёт не менее трёх месяцев, прежде чем он начнёт превращаться в зверя) — Он подождал, пока утихнут разговоры. — Ве вилл егернисе кятион. Тен е воулд ганно. Е ваттс на. (Мы будем проявлять осторожность. А потом он умрёт. Он сам так хочет.)

Я не мог встрять в разговор потому, что не умел говорить на их языке, но вполне понимал то, о чём они говорили. И мне стало это надоедать. Моя решимость требовала от меня действий. Поэтому я обратился к Голендилу.

— Голендил, мы скоро продолжим работать? — Когда он повернул ко мне лицо, я продолжил — У нас есть раненые? Нужно что-то починить?

Он вновь повернулся к эльфам. Они молчали, уставившись на меня. Видимо они опешили от такой дерзости с моей стороны. И установившуюся тишину нарушили слова

Голендила.

— Ес тирь. Ве бярь на препарренин трип хэоме. Ве гаро нотхимб елсе на гаро си. (Он прав. Надо подготовиться к походу домой. Здесь нам больше делать нечего).

Он сделал знак рукой, отпуская эльфов по своим местам. Таурон сделал лёгкий поклон и проговорил.

— Со бе хэа (Пусть будет так).

Развернувшись, он стал отдавать команды окружающим его эльфам. Те стали расходиться. Было видно, что это не то, чего они хотят, но приказ они выполнили. Голендил поймал меня за рукав и повёл за собой. Мы оказались в палатке для раненых. Вернее сказать, что на этом месте должна была находиться палатка. Но сейчас её обрывки валялись отдельно бесформенной кучей. Раненые лежали на подстилках, прямо на земле, укрытые от непогоды тонкими одеялами. Осмотрев их, я понял, что здесь в основном грязные раны, которые ещё не начали гнить. Мне потребовалось некоторое время, чтобы очистить их раны от грязи. Лечить их проникновением в плоть я не рискнул, памятуя о том, что могу их заразить. Поэтому я порадовался, что освоил лечение без проникновения в плоть. Хотя удерживать посох одной рукой было тяжело. Посох справился с излечением ран. Лечение происходило достаточно долго потому, что я сам был ещё недостаточно силён после ранения. Когда я отпустил последнего воина, на землю опустились сумерки.

Эльфы развели костры в лагере. Перед сном мы разделили трапезу. Сидеть рядом со мной согласился только Голендил и Элентитта. Таурон сел напротив меня по другую сторону костра. Я и раньше понимал, что не стану для эльфов своим. Теперь я чувствовал одиночество ещё сильнее. Между мною и остальными эльфами стала опускаться завеса отчуждения. И именно сейчас мне необходимо было общение с живыми существами. Мне было страшно погружаться во тьму одиночества. И лишь большим усилием воли мне удавалось сохранять равновесие духа. Мы медленно ели нашу пищу в полной тишине. Я сосредоточился на вкусе пищи. Сейчас, осознав надвигающуюся смерть, мне захотелось жить особенно сильно. Поэтому я пытался прожить каждую оставшуюся мне минуту особенно ярко.

Какой же был вкусный хлеб. Я сидел и наслаждался моментом, поедая свою порцию маленькими кусочками. Кажется, я начал понимать эльфов. Чем дольше живёшь, тем меньше чувствуешь. Жизнь начинает лететь уже не днями, а годами и десятилетиями. Ты перестаёшь их замечать. Но, заставляя себя вкушать пищу маленькими кусочками, ты насильно заставляешь себя чувствовать вкус жизни. И ведь даже прожив сотни лет и оказавшись на краю могилы, ты будешь цепляться за ещё одно мгновение. Как я раньше этого не понимал? И вот сейчас я сам цеплялся за эти мгновения. Потому, что осознал наступление своей смерти.

Эльфы стали расходиться. Последний кусочек хлеба уже был пережёван и запит водой. Пора было ложиться. Пора было восстанавливаться после ранения. Раздались команды. Я поднялся на ноги. Но, прежде, чем я лягу спать, нужно сделать ещё одно дело. Поднявшись на ноги, я направил свой внутренний взор вниз. Озеро энергии было полным. Я накинул ментальную сеть на всех, кто находился в пределах лагеря. Коснувшись наверху посоха поверхности земли, я активировал связь с озером энергии. Совершив круг наверху посоха над головой, я произнёс активирующее слово.

— Ковер оф тенебрае.

Я увидел, как большая волна тёмной материи выплеснулась из недр земли и стала

наползать на лагерь, закрывая коконом тьмы всех присутствующих на его территории. Ну что же. Теперь, когда мы стали невидимы для всех опасных зверей этой земли, можно ложиться.

Ко мне обратился Голендил, всё ещё сидящий на бревне, заменяющем нам стулья.

— Невил, я прошу тебя рассказать о твоей жене и её брате. Что у вас происходит? Я уже понимаю, что это он натравил на тебя эти звери. Что случится?

Я вздохнул.

— И о своей жене, и её брате, я узнал лишь немногим больше месяца назад. Как раз в тот день, когда случилась битва на окраине города с нежитью. — Увидав его удивлённый взгляд, я продолжил. — Это он натравил на нас тогда нежить.

Голендил кивнул головой. После чего перевёл мои слова окружающим. Раздались вопросительные голоса. Но прежде, чем мне задали вопрос, я продолжил.

— Он обманом вытащил меня из строя и отвёл в сторону — я замолчал, собираясь с мыслями. — Он пообещал, что убьёт меня и вас, если я не женюсь на его сестре.

Лицо Голендила вытянулось от удивления.

— Ты жениться, чтобы спасти мы?

Я кивнул головой. Пришлось подождать, пока Голендил переведёт мои слова окружающим. На площадке стояла тишина.

— Почему ты сделать такое? Ты позволить себя поймать?

— Я был не готов к такому. Не ожидал, что он пойдёт на хитрость. Теперь я буду умнее. — Я грустно улыбнулся. — Только я теперь женат.

— Что ты теперь делать?

— Жить. А потом умру. Немного осталось. — Я вздохнул и проговорил. — Но Всевышний милостив. Теперь у меня есть дети.

Я грустно улыбнулся. Всевышний видит лучше. Голендил ещё переводил мои слова окружающим, а я направился в сторону своего ложа. Но прежде, чем уснуть, нужно выполнить ещё одно дело. Нужно было провести обряд восстановления. Подкатив деревянный чурбан к своему ложу, я присел на него. Пора.

Надо начать с дыхания. Согласовав потоки жизненных сил с дыхательными циклами, становится легче их контролировать. Внешне не произойдёт ничего. Всё будет происходить внутри меня. Я сел прямо, расслабил лишние мышцы, не участвующие в поддержании позиции. Наложил левую ладонь на живот в районе центра воды. Правая до сих пор находилась на перевязи. Освободил сознание от всех посторонних мыслей.

Я начал выполнять ритмичное дыхание животом.

Выдох. Медленно и плавно я проводил его на четыре счёта, надавливая ладонями на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть.

Вдох. Отпускаю руки, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять.

И снова выдох без задержки.

Я открыл своё внутреннее видение. Жизненная сила обрела для меня видимость в виде разноцветного тумана. Теперь надо было притянуть эту силу в себя и использовать для излечения. Вместе с новым вдохом я потянул жизненную силу в себя, наложив её поток на поток воздуха. Вдыхаемый воздух сразу изменил свой запах, цвет и температуру. Усилием воли я повёл поток жизненной силы к центру воды своего организма. Теперь следовало её

здесь удержат. Мысленно я свернул небольшую глобулу, и направил в неё втекающую жизненную силу. Здесь она будет собираться. Я продолжал дышать. Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонями на живот. Постепенно мои ощущения стали меняться. «Глобула» наполнялась. Вместе с этим приходило просветление организма и мыслей. Выдыхаемый воздух стал менять температуру и вкус. Во рту появился лёгкий запах тёплой крови и гнили. Грязь стала удаляться из организма. Я слушал себя. Поэтому я не смог бы сказать, когда пришло время изменить дыхательное упражнение, выйти на новый этап ритуала.

Выдох, задержка, вдох, надавливая ладонью на живот. Физическая форма не важна. Внешне ничего не изменилось. Я продолжал сидеть на деревянном чурбаке, закрыв глаза и наложив сложенные ладони на живот. Вот только движение силы изменилось. Я свернул вторую глобулу в районе центра земли.

Вдох. Я повёл поток жизненной силы к центру воды. Центр был полон и не мог вместить новую порцию. Жизненная сила стала растекаться вокруг центра, усиливая давление в этом месте.

Выдох. Медленно и плавно я проводил его на четыре счёта, надавливая ладонью на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре. Энергия стала перетекать от центра воды в центр земли и накапливаться в глобуле.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть. Я дал возможность остаткам энергии впитаться в глобулу.

Вдох. Отпускаю руку, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять. И вновь энергия течёт к центру воды.

Я был полностью сосредоточен на выполнении дыхания.

Теперь у меня было две наполненных глобулы. Пришло время приступить к новому этапу обряда. Внешне как всегда ничего не изменилось. Вновь изменился только поток жизненной силы. Пора было запустить непрерывный поток жизненной силы вокруг тела.

Вдох. Я повёл поток жизненной силы к центру земли на четыре счёта.

Выдох. Медленно и плавно я выполнял его, надавливая ладонью на живот. Эта один, эта два, эта три, эта четыре. Энергия стала перетекать от центра земли в центр мысли и накапливаться в нём.

Задержка дыхания. Эта пять, Эта шесть. Я дал возможность остаткам энергии спокойно вытечь из меня через рот.

Вдох. Отпускаю руку, медленно и плавно впускаю в себя воздух. Эта семь, эта восемь, эта девять, эта десять. И вновь энергия течёт к центру земли.

Мои внешние чувства уже не давали мне никаких сигналов. Ощущение было такое, будто я плавал в темноте. Точнее сказать я плавал в потоках жизненных сил. Остались только внутренние чувства. Наступил определённый момент, когда движение энергии вокруг моего тела стало происходить без видимых усилий с моей стороны. Это и была точка перехода на новый уровень обряда.

Дыхательные циклы продолжались. Движение энергии вокруг моего тела продолжалось. Пора. Перед моим внутренним взором предстало моё сердце. Внутреннее видение помогло мне увидеть его полностью таким, каким оно было в данный момент. Молодое и здоровое сердце, но уже побитое перегрузками и ранениями. Усилием воли я исправил картинку. Убрал все негативные последствия. Сделал его таким, каким должно выглядеть идеальное, здоровое сердце. Создание образа и его изменение потребовало значительных усилий. Наконец сердце не просто приняло вид здорового органа, но и

засияло. Это обязательное условие обряда.

Вслед за сердцем последовали печень, лёгкие, селезёнка, желудок и другие органы. Внутренний взор позволял мне увидеть эти органы в себе, а разум создать нужный образ. Поток образов, казалось, длился целую вечность. Двигая свой внутренний взор по кругу от сердца, я постепенно охватил сознанием всё тело. Я был занят делом. И вот настал момент, когда всё тело было осмотрено. Пора возвращаться.

Дыхательные циклы продолжались. Мысленно я направил своё внимание на руки. Заставил себя подвигать пальцами руки. Пальцы отозвались неохотно. Заставил себя подвигать ладонью в запястье. Предплечьем в локте. Заставил сократиться мышцы плеча. Рукой вместе с лопаткой.

Направил внимание на ноги. Заставил себя подвигать пальцами ног. Напряг и расслабил мышцы голени. Напряг и расслабил мышцы бедра и ягодиц.

Прервал цикл дыхания и сделал глубокий вдох. Задержал дыхание. Вытянул руки над головой. Открыл глаза. Обряд закончен. Я встал на ноги. Меня ощутимо пошатывало, но я быстро брал себя в руки. Дождался устойчивого положения.

Была ночь. При свете звёзд и костров я стал укладываться спать в своё ложе. Я улыбался. Изменения организма уже начались. Завтра утром я буду чувствовать себя значительно лучше. За два-три дня тело полностью восстановится. С такими мыслями я и лёг в постель. Тело было сильно уставшим. Я не успел приступить к обряду релаксации, когда погрузился в глубокий сон без сновидений.

За столом творилось явное оживление. Поверхность стола, с наложенной на неё картой этого мира, заставленная игровыми фигурами, привлекала общее внимание всех без исключения игроков. Особенно сильно привлёк всех участок бывшего королевства эльфов Алкмаар, возле бывшей эльфийской столицы. Там сейчас разыгрывалась самая активная драма этой игры. В остальных местах карты было относительно спокойно. Гоблины и орки Моргота на время перестали нападать на границы людской Империи. Так же поступили и демоны Бетрезена. Гномы Вотана замирились с варварами Фрей и отошли в свои владения. Все предчувствовали начало странных событий, непонятных для них, а потому опасных. Вступление в игру повелительницы мёртвых Мортис уже само по себе было событием. И все помнили, что в прошлый раз это не привело ни к чему хорошему. Все игроки стали с опаской присматриваться к создающейся на этом участке карты ситуации. А приглядеться было к чему. Два самых удачливых игрока за этим столом сейчас боролись за жизнь и влияние над одной единственной фигурой — человеческим магом. И это завораживало.

Ходы впечатляли. И именно от этих ходов зависела судьба целого народа тёмных эльфов. Галеан вёл в этой игре пассивную роль. На фоне его эльфов разыгрывалась великая трагедия. И каждый ход Мортис, казалось, ведёт человеческого мага к гибели, но каждый ход Всевышнего исправлял ситуацию и приводил к спасению. Помощь эльфам этим магом была сглажена утаиванием информации, из-за чего состоялся этот губительный поход в мёртвые земли. Попадание в ловушку было сглажено участием людского мага в сражении с нежитью. Вступление в бой тёмного мага было сглажено свадьбой. Попытка нападения на отряд стаи оборотней было сглажено покрывалом невидимости. Но новый ход Мортис подписал человеческому магу смертный приговор. Казалось, что теперь у него шанса нет. И совершив его, Мортис разразилась громким смехом.

— Он мой! Теперь он мой! — она повернула своё обезображенное лицо к Всевышнему и

проговорила с улыбкой, от которой бросало в дрожь самых стойких участников этой игры. — У тебя осталось не так много ходов прежде, чем он перейдёт под мою власть. Готовься проститься со столь сильной фигурой.

Моргот и Бетрезен смотрели на Всевышнего с нескрываемым злорадством. Всевышний смотрел на Мортис совершенно бесстрастно. Лёгким движением, не глядя, он сгрёб кости со стола и скинул их в стаканчик. Накрыв горлышко стаканчика ладонью, он прикрыл глаза и сосредоточился. Его лицо стало расслабляться. На нём появилась лёгкая улыбка. Стаканчик медленно пришёл в движение. Совершив круг, Всевышний резко встряхнул им и скинул кости на стол. Подминая под собой неровности стола, кости катились и стали останавливаться. Одна кость, вторая, третья и последняя. Все напряжённо потянулись, чтобы увидеть результаты.

— «Дружба», «Мудрость», «Совместная дорога», «Поиск спасения».

Всевышний остался бесстрастным. Продолжая смотреть на Мортис, он протянул стаканчик Бетрезену. Мортис с удивлением смотрела на результат костей. Улыбка сползла с её лица.

— Они не бросили его? — Она перевела взгляд на Галеана. — Ты совсем испортил эльфов. Они должны были оставить его.

— Почему? — Непритворно удивился Галеан.

— Они несут заразу в свой дом! — Напыщенно проговорила Мортис, подняв указательный палец вверх. — Подвергают опасности свои жизни.

Галеан кивнул, соглашаясь и её словами, а потом продолжил.

— Ты со своим пристрастием к нежити совсем разучилась понимать чувства живых. Ты забыла такие понятия как любовь, благодарность, преданность и взаимопомощь. Благодаря тебе он слишком часто спасал им жизни. Именно благодаря тебе они познали, насколько он для них нужен и полезен. Да, они рискуют. Но в результате они получают силы значительно большие, чем риск заражения. А с этим они справятся.

Мортис смотрела на Галеана и внимательно его слушала. По её виду было понятно, что она о чём-то размышляет. Наконец, её лицо изменилось. Стало ясно, что она приняла важное решение. Решимость в её взгляде напугала Галеана. Он отшатнулся.

— Ты... ты что задумала?

От улыбки Мортис ему стало ещё страшнее. Он попятился из-за стола.

— Я хочу отнять у тебя Тёмных эльфов. — Тихо проговорила она. — Ты плохо ими управляешь.

Беспокойство Галеана стало достигать нервного тика.

— Что? Зачем? Ты хочешь превратить их в нежить? Это... это... жестоко.

На лице Мортис отразилась гримаса удивления. Мортис была плохой актрисой, потому и гримаса получилась наигранной. После чего она проговорила.

— Зачем в нежить? Мне они нужны живыми. — Она вперила свои глаза в Галеана и внятно проговорила. — Откажись от них. Как только они перейдут под моё владычество, я умножу их количество и заселю ими все земли Алкмаара. Они станут могущественнейшей расой в Невендааре. Ты знаешь, что проиграешь это сражение! Откажись от него.

За столом возникло напряжённое молчание. Тишина стала звенеть. Боги боялись даже шевелиться. Звуки издавал только Галеан.

— Это... не... нет! — Он стал метаться возле стола. — Ты думаешь, что они станут поклоняться такой как ты? Ст... уро... — он не мог подобрать слова так, чтобы не обидеть

свою бывшую жену, которую продолжал бояться. От этого усилия он покраснел и стал сильно нервничать.

— Ну зачем же? — Мягко проговорила Мортис. — Для них я снова стану Солониэль и исправлю свой облик. Они же не отказывались от меня. В отличие от тебя...

Последние слова она проговорила с гневом. Её взор стал не просто страшным. Он пугал. Было тихо, но её одежда стала развиваться, словно от ветра, а тело испускать лучи гнева, показавшиеся остальным богам свечением красного цвета. Галеан дёрнулся и постарался отстраниться от неё. Но Мортис не двинулась за ним. Галеан встал и отошёл в сторону, пытаясь успокоиться. Снова за столом возникла тишина. И в этой тишине прозвучали слова Всевышнего.

— Ты изменишь свой облик ради своего народа?

Мортис медленно повернула голову в сторону Всевышнего. Её взгляд был страшен, но Всевышний спокойно смотрел ей в глаза. Постепенно под воздействием его взгляда она стала успокаиваться. В конце она вновь была спокойна и бесстрашна, и выглядела словно нежить, которой она управляла.

— Ради тех, кого люблю, и кто любит меня, я изменюсь.

Её тело подёрнулось лёгкой дымкой и стало меняться. Линии тела и лица стали перетекать и менять внешний облик богини. Тело расправилось. Одежда сменилась, а разрывы, покрывающие её лохмотья, затянулись. Лицо разгладилось, убрав с себя шрамы от ожогов и повреждений. Струпья на её руках разгладились, явив окружающим нежные и красивые женские руки. Под капюшоном вновь закудрявились длинные волосы, на этот раз тёмные, а не светлые, как в прошлый раз. И лишь глаза остались серо-стального цвета, сохранив у неё сходство с Мортис. Всевышний смотрел на это превращение с восторгом. Такая Мортис-Солониэль нравилась ему больше. В этом облике было столько величественного, божественного и властного, что даже ему, богу всех людей захотелось поклониться ей.

Но видение длилось лишь мгновение. Черты тела стали вновь изменяться. И это изменение продолжалось до тех пор, пока она вновь не превратилась в Мортис. Галеан, мгновение назад смотревший на свою бывшую жену с восторгом, вновь изобразил на своём лице брезгливость. От Всевышнего не укрылось это преображение чувств Галеана. Внезапно его коснулось прозрение касательно Солониэль. Она намеренно сохраняла этот омерзительный облик, чтобы досаждать своему неверному мужу. Это была её маленькая месть за его отказ от своей жены. Всевышний кивнул своим мыслям. Но дело есть дело. И он задал интересующий его вопрос.

— Если тебе нужны твои эльфы, то зачем тебе мой маг?

Он внимательно посмотрел на Мортис, выжидая ответа. На её лице отразилась улыбка, ещё более омерзительная, после вида её красивой внешности. Но она ответила на его вопрос.

— Ну, теперь он мне нужен особенно сильно. Он ведь столько знает и умеет. Он теперь важный кирпичик в фундаменте величия моего народа. И пока он у меня в гостях, я намеренно буду поддерживать его отчаяние.

— Зачем? — Непритворно удивился Всевышний.

— Чтобы он не боялся делиться своими знаниями... — проговорила Мортис, сохраняя улыбку.

Теперь мысли Мортис обрели для Всевышнего реальные образы. Стал понятен её план. Изменить его он уже не мог. Этот маг действительно принадлежал теперь Мортис. Да, он

ещё скидывал за него кубики. Но любой его ход теперь будет происходить только в интересах новой богини. Конечно, ещё не всё потеряно. Ещё можно разумной игрой вернуть себе фигуру, но не сейчас. Для начала нужно увести его с территории эльфов. А это будет зависеть... Додумать ему не дали. В разговор вмешался Галеан.

— Это не твой народ. Его шаги пока контролирую я!

Галеан принял напыщенный вид. Всевышний при этом нелепом поступке вернул себе хладнокровие. Ну что же, твоё поведение, Галеан, сейчас работает для моей выгоды. Нужно, чтобы мой маг быстрее покинул пределы твоих земель. План стал выстраиваться в его мозгу. Да. Хорош, умён, удачлив. Но твоя смерть, мой маленький маг, будет меньшим злом.

На следующий день я первым делом скинул с себя мантию и рубашку. Всё это требовало стирки, а тело отмывания, но это терпит. Сначала нужно осмотреть повреждения. Внутреннее видение не давало мне нужной картинки. Требовался наружный осмотр. Из заплечной сумки я достал маленькое зеркальце. С его помощью я стал осматривать шрамы на своём плече. Осмотр показал сломанную и неровно сросшуюся ключицу. Сбитый и вновь вправленный сустав. Длинные порывы тканей от зубов и клыков хищника. Я осмотрел с мрачным видом заросшие тёмные и бледные шрамы от клыков. Сращивание было проведено топорно. Чтобы вывести эти шрамы, потребуется много времени. Хотя, можно сохранить шрамы и хвастать ими, как воины моего гарнизона. Вот только я не думаю, что шрамы от зубов оборотня — это то, чем можно хвастать. Значит, придётся выводить. Взгляд внутрь вторым видением показал очаги заражения, видимые мною в виде разросшейся плесени. Было видно, что её пытались удалить из моего тела, но это не удалось. Да, конечно, Элентитта была не столь опытна в таких делах, как я, а помочь и исправить её ошибки оказалось некому. Вот заражение и осталось. Ей удалось удалить большую часть, но не всю.

Вокруг меня стали подниматься остальные эльфы. По лагерю ходил Таурон. Он громко раздавал команды. Эльфы неохотно поднимались. Но нас было совсем немного, а палаток не было, чтобы спрятать свой обнажённый торс. Поэтому очень скоро все присутствующие в лагере обратили на меня внимание. Ко мне подошли Голендил и Элентитта.

— Что ты думать делать? — Спросил Голендил после небольшой паузы.

Я глянул на него и ответил.

— Я хочу попытаться вытянуть из себя эту заразу. — И немного подумав, добавил — Это больно, но можно попробовать.

Голендил перевёл мои слова окружающим. Меж тем я взял большую чашу, восстановленную мною накануне. Надо принять положение поудобнее. Поэтому я сел на землю, согнув ноги. Достав небольшой нож, я сделал лёгкий надрез в районе шрама от клыка.

Прикоснувшись к внутренней поверхности чаши, я плавно повёл силовую линию, видимую в моём сознании как белая полоса краски, которая по воле волшебника размазывалась прямо по воздуху. Проникнув кончиками пальцев правой руки в свою рану, я вжал ими чуть внутрь, пока не прикоснулся к росткам «плесени» заражения. Теперь надо расслоить слои реальности, чтобы удалить её из своего тела.

Я сделал усилие и мысленно потянул плесень из своего тела. Я усилил тягу одновременно расслаивая тело. Плесень, лишившись опоры в моём теле, стала перетекать наружу. Она стала выделяться наружу вместе с моей кровью и перетекать по силовой линии в чашу. Я отчётливо видел все поврежденные ткани. Потеряв связь с физической оболочкой, плесень стала обильно вытягиваться из тела и по белой полосе перетекать на дно чашки. Покинув тело, плесень снова переходила в физическую составляющую. Вокруг стал распространяться сильный запах гниющей плоти. С каждым мгновением запах усиливался.

Мои ощущения подсказали мне, что моё лицо искривилось, но тягу я не ослабил. По мере удаления плесени из моего тела, я стал испытывать боль. И чем дальше, тем больше. Моё тело стало выгибаться дугой, не подчиняясь моим командам.

Я терял энергию. Но, создать ментальную сеть и собрать энергию, у меня не было

никакой возможности. Мой мозг бился в конвульсиях от боли также, как и тело. Я почувствовал, что нахожусь на грани потери сознания. Тяга ослабла. Белая полоса начала истаявать. Я вновь сконцентрировался, пытаюсь взять контроль над собой. Мир постепенно истаявал для меня. В глазах стало темнеть. Почему же здесь нет никого, кто мог бы извлечь эту гадость из меня? Именно в этот миг я потерял сознание.

Когда я открыл глаза, в них ещё плавали красные круги. Боль, терзавшая меня во время всего процесса изъятия заражения, не собиралась так быстро покидать моё тело. Я огляделся. Выглядел я совсем неважно. Надо мной на коленях склонилась Элентитта. Всё пространство вокруг меня было измазано моей кровью. Взгляд вторым видением показал, что плесень не была удалена полностью. Большая часть её сейчас находилась снаружи моего тела, но небольшие островки остались внутри тела. Мне не удалось полностью излечить себя. Тогда меня это сильно раздражало, что я не мог помочь себе сам. Было не только больно, но и безумно обидно. Это же не простуда, удалив большую часть которой, ты поможешь организму победить остальное болезненное начало. Это заражение меня убьёт. И сейчас, пока она не поразила моё тело полностью, его можно было извлечь из меня, но никто здесь не был на это способен.

Несмотря на боль и раздражение мне удалось приподняться с земли. Чаша опрокинулась. Я был измазан собственной кровью. В моей крови была измазана также и Элентитта. Я тронул рукой своё плечо в месте укуса. Рана была затянута. Она уже заросла. Взяв посох, я прикоснулся к земле чуть в стороне от себя. Сначала Элентитта. Её взгляд был обиженным и рассеянным. Она прикоснулась к моей крови, повинувшись порыву излечить меня и остановить кровотечение. Теперь она боялась заразиться. Ну что же, я этого не позволю. Сделав наверху посоха круговое движение, я накинул на неё силовую сеть. Когда я потянул эту сеть на себя, то все капли моей крови отделились от её рук и одежды. Зависнув на мгновение в воздухе, они полетели к месту моего касания посохом. Там они упали на землю и стали впитываться в неё. Элентитта стояла совершенно чистая от моей крови. Она с удивлением и благодарностью поглядела на меня. После я совершил ту же процедуру с самим собой. Я собрал всю пролитую кровь и заставил её впитаться в землю, пополнив собой источник силы. Второе видение показало мне, что плесень заражения, лишённая моей плоти, стала разлагаться, превращаясь в слизь, разбавленную в моей крови.

Я оделся. Все эльфы молча наблюдали за моими действиями. Пора было собрататься и выходить. Нам предстоял длительный путь. Наскоро собрав свою заплечную сумку, я предстал перед ними полностью готовым к дороге. Это послужило спусковым действием для них. Они стали быстро собираться. Пока они это делали, ко мне обратился Голендил.

— Что ты делать здесь?

Я мрачно посмотрел на него.

— Я пытался очистить своё тело от заразы оборотня. Фокус не удался.

Он посмотрел на меня удивлёнными глазами.

— Разве можно очистить от этот зараза?

— На ранней стадии можно, пока она не поразила всё тело. Но мне это не удалось. Теперь я точно умру. — И вот здесь меня прорвало, мои руки стали трястись. — Почему я так далеко от Империи, где много магов? Они могли меня спасти. Я не хочу умирать! Я ещё молод! Понимаешь?

Кажется, меня затрясло. На глаза навернулись слёзы. Как обидно. Я умру только от того, что некому меня спасти, пока ещё это можно было сделать. Как несправедливо. Я был

обижен и винил в этом всех окружающих и весь мир. Голендил смотрел на меня спокойно, на то, как я бешусь от отчаяния. Потом сделал ко мне шаг и вlepил мне пощёчину.

— Собраться.

Я посмотрел на него и подтянулся. Он прав. Закатывая истерику, я не помогу себе выбраться из этой ситуации. Увидев, что я остановился, он продолжил.

— Мы не выбирать, когда приходит наш Смерть. Мы можем выбирать как мы встречать этот Смерть. Скажи, что ты делать сейчас?

Я некоторое время находился в прострации, но потом нашёл, что ответить.

— Я отсрочил свою смерть на пару месяцев. Большая часть заразы была удалена из моего тела. Но не вся. Ей потребуется больше времени, чтобы захватить его.

— Можно потом удалить эта зараза, когда она вновь отрасти?

— С каждым разом это будет сложнее. На ещё одну такую процедуру меня не хватит, а заменить меня некому. Чем сильнее зараза будет становиться, тем больше шанса меня убить при извлечении её. А за это время мы всё равно не доберёмся до Империи.

— Значит надо принять своя участь.

Он развернулся и направился прочь от меня. Я стоял и смотрел ему вслед полностью одетый и готовый к походу. Вокруг суетились эльфы, укладывая свои вещи. Когда нас отделяло уже шагов десять, я его окликнул.

— Голендил! — Он оглянулся в мою сторону — Спасибо.

Через час мы вышли в путь. Проходя мимо погребального костра, я заметил вязанный шарф, который мать вручила тому молодому эльфу при расставании вначале похода. Повинуясь непонятному чувству, я снял шарф с ветки, к которой он был привязан. Я понюхал его. Он нёс чужой запах. Свернув его, я запихал этот шарф в свою поясную сумку. Это не запрещалось. Вещи остальных погибших эльфов уже разобрали другие бойцы. Эта вещь, видимо, была никому не нужна. Теперь она хранилась у меня.

Мы покидали лагерь. Выстроившись цепочкой, мы двигались, не особо заботясь о том, чтобы скрыть наши следы. Наши пони погибли, либо разбежались. Поэтому самые опытные бойцы и маг были освобождены от необходимости нести короба со свитками, добытыми в хранилище храма. Но остальные воины были загружены. Даже Голендил шёл с грузом, привязав большой короб поверх своей заплечной сумки. Мы шли домой. Дни понеслись как бешенные лошади. Этот поход смешался в моей памяти как один большой переход. Иногда я не мог отличить, где находится ночлег от простой передышки. Мы шли, потом присаживались, по команде принимали пищу, ложились спать. Моя одежда покрывалась слоем пыли, становившимся толще, по мере продолжения нашего пути. Расползалась по швам моя одежда, снашивались сапоги. По мере пути всё чаще приходилось пользоваться заклятием «репаро», и не только для себя лично. Латать имущество приходилось у всего отряда. Глядя на меня, это заклятие стала осваивать и Элентитта. К концу пути у неё стало даже получаться. Опыт брал своё. Теперь мы ремонтировали имущество вместе. Хотя часто мне приходилось исправлять её недоработки.

В один прекрасный день мы прошли ориентир на дороге, показывающий конец владений нежити и начало владений тёмных эльфов. Была уже середина лета. Стояла жаркая погода. На небе не было ни облачка. Бойцы покрылись потом. Мы много потребляли воды из-за жары. Пот обильно впитывался одеждой, а потому лёгкая пыль, намкнув, превращалась в корку грязи. Воздух стал влажным. Это ухудшало состояние воинов. Мы приближались к реке или болоту. Запах давно невымытых тел был вполне осязаемым, казалось,

что его можно потрогать. Я обратил внимание, что бойцы часто чешутся, да и я сам отдаю этому занятию достаточно много времени. И приближение реки сделало желание помыться просто мучительным. Грязь. Не только она сама, но и само слово стали вызывать у меня раздражение. Я был грязен, измотан и голоден. В тот момент я готов был убивать за любую возможность из этих трёх: помыться, поесть вдоволь и выспаться. После стольких дней пути всё тело начало болеть от усталости. И видимо такое состояние было не только у меня одного.

Наконец, после очередного поворота перед нами, вдалеке, предстал небольшой мостик. Он был стар, и давно не обслуживался. Но я прекрасно помнил, что мы здесь проходили прошлой весной. По обе стороны от него располагались поляны, когда-то большие, но сейчас заросшие кустарниками и молодыми деревцами. Был всего лишь полдень, но Таурон оглядев окрестности, приказал перейти на ту сторону и остановиться лагерем. Мы двинулись вперёд, ещё не совсем понимая, что нас там ожидает. Переходя мост, я обратил внимание, что он перекинут через небольшую речушку с пологими берегами. Берега были заросшими, но возле самой воды виднелась полоска песка.

Здесь, на небольшом удалении от моста, мы и остановились лагерем. Таурон стал отдавать команды, но большинство воинов просто упали там, где они стояли. Некоторое время они просто смотрели в пространство пустыми от усталости глазами. Наверное, я выглядел так же. По крайней мере усталость у меня была не меньше, чем у них. Других команд пока не поступало. Недалеко от меня сидела прямо на земле Элентитта. Чуть дальше расположился на земле Голендил. Некоторые воины, сняв с себя свою ношу, просто ложились на землю. Дай им команду на отбой, и они могли бы сразу уснуть, даже не подстилая под себя постель.

Едва отдышавшись, я, наконец, понял, чего я хочу. Мне очень сильно хотелось отмыть своё тело. Вот тогда я и устроил эльфам представление. После Голендил признался мне, что ничего подобного ему видеть не приходилось. Взяв ведро из общего походного снаряжения, я наполнил его водой с помощью заклятия «аква ментис». Снимать с себя одежду я не стал, только разулся и снял шляпу. А заплечная сумка уже лежала на земле в месте моего привала. Воспользовавшись арсеналом бытовой магии, я коснулся навершием посоха земли под ногами. Расставив ноги на ширину плеч для устойчивости, я поднял из ведра вращающийся шар воды и опустил его себе на голову. Вращаясь, шар стал спускаться вниз. Было видно, как вся грязь с меня растворяется в этом водяном шаре. До земли дошёл плотный комок грязи и вместе с водой растёкся по поверхности земли. Я остался недоволен результатом своего мытья. У меня не было моющего раствора из шелока. Но, даже этого результат был больше, чем ничего. Пришлось повторить процесс мытья ещё три раза прежде, чем я почувствовал себя достаточно отмытым. Только после этого я обратил внимание на восторженные и завистливые взгляды окружающих. Я не успел вернуть ведро на место.

— Невил. Ты можешь мыть только свой тело?

Я замер, уже представляя, что могут означать его слова.

— Нет. Так можно мыть не только себя.

— А можно ты просьба...

— И с кого начать — решил я прервать этот бесполезный разговор.

Голендил молча ткнул пальцами ладони в сторону Элентитты.

— Учить долго. Проще сейчас помыть, а потом учить. Здесь нужен навык.

Все стали поворачивать головы в сторону Элентитты. Та некоторое время не понимала

причины всеобщего внимания, но потом догадалась повернуть голову на Голендила. Тот сидел улыбаясь. Заметив её взгляд, он помахал ей ладонью. После чего произнёс на эльфийском языке предложение идти мыться. Элентитта покраснела, но просьбу выполнила. По моей просьбе она сняла сапоги и шляпу, как и я недавно. Встала по удобнее и свела вместе ладони. Через Голендила я объяснил ей, что надо задержать воздух, когда водяной шар накроет ей голову. При первой процедуре она взвизгнула, когда шар опустился ей ниже пояса. Это вызвало общий приступ смеха. Также, как и себе, я повторил эту процедуру три раза.

Так начался наш привал и подготовка к дальнейшему походу. По просьбе Голендила все воины отряда прошли процедуру отмывания. Этот день мы отдали отдыху. Воины бесцельно слонялись по лагерю. Некоторым пришлось по очереди стоять в дозоре. Но большинство просто спали, расстелившись прямо на траве. Я сидел у костра, наблюдая за игрой пламени.

— Я тоже люблю смотреть на пламя.

Рядом со мной присел Голендил. Он с удовольствием вытянул ноги. Его тело выгнулось. Он разминал свои органы и получал от этого удовольствия.

— Для нас большой удача, что ты остаешься с мы. Наши маги не умеют то, что можешь ты. То, что ты сегодня делать — очень хорошо. При поход это незаменимый маг.

— Я понимаю. То, что для вас удача, для меня движение к гибели.

— Зачем так печаль? Ты совсем недавно умереть. Мы хотим ты хоронить. А сейчас ты быть живой. Бог видеть, как лучше.

— Два раза.

— Что два раза?

— Ну, я себя хоронил дважды. За мной даже приходил Смерть.

Я перехватил удивлённый взгляд Голендила.

— Когда приходит?

— В тот день, когда я прошёл через арку.

Голендил замолчал, осмысливая сказанное мной.

— Видимо, я в тот день умер для всех там, и родился здесь. Теперь я умер второй раз. Ну, для своей жены и её брата точно.

— Ты ещё жить. Я слышать о такие, как ты. Те, кто много умирать, жить до глубокий старость. У нас быть легенда о такие, как ты. Каждый твой смерть будет означать, что это окончание период в твой жизнь.

Мне стало интересно. Внезапно я понял, что я такой не единственный.

— Расскажи эту легенду.

— Я давно она слышать. Надо поговорить с наши сказитель. Они должен помнить.

— Тогда вы не правы. Такие легенды надо записывать на пергамент в книги, и хранить в них. Это, чтобы не забылись.

— Твои слова — мудрость. Я передать их в совет и сказитель.

— Это будет удобно. Взял нужную легенду в книге и прочитал, когда надо, а не бегать за кем-то, уговаривая его почитать его для тебя лично.

Голендил задумался. Но потом заговорил.

— Мы хотим просить ты, чтобы ты учить эти заклятия Элентитта. А она учить остальные.

— Эти заклятия есть в моих книгах.

— Книга не давать такой понимание, как живой учитель. Учитель учить быстрее. — И

вновь посмотрев на меня, он добавил — Боги видят, где ты нужен сильно. Потому и не отпускать ты. Когда ты исполнишь всё, что им надо, они указывать ты путь.

С момента разговора с Голендилом минуло ещё шесть дней. Места, по которым мы шли, были знакомы. Память подсказывала мне, что до города осталось совсем немного. Болота мы уже миновали. Мы снова пересекли на плоту реку с разрушенным мостом. Теперь шли по землям, принадлежащим городу. Вдали показались ухоженные сады. За эти дни я стал больше доверять своей интуиции. Настроение среди эльфийских воинов повышалось с каждым днём. Они предвидели возвращение домой. Один я не разделял их радостного настроения. Стали попадаться старые, разрушенные постройки. Было видно, что раньше в них жили эльфы, но после нашествия орков они были заброшены, а их жители переселились в город. Орки разрушили эти дома по большей части. Но некоторые выглядели вполне целыми. В этот, шестой день пути по землям Солема, мы набрали на двухэтажный, заброшенный дом. По счастливой случайности орки не разрушили его, но выглядел он одиноким и опустевшим.

Чем-то меня привлёк этот заброшенный, но не разрушенный дом. Я взглянул на него вторым видением. Дом помнил себя ещё целым и заселённым. Не сразу, но я мог бы его восстановить. Во дворе виднелся колодец. Вокруг располагались фруктовые сады. Пусть и запущенные без руки хозяина, но уже дающие плоды. Мне стало интересно, почему этот дом не был вновь заселён после ухода орков. И я спросил об этом Голендила. Прежде, чем ответить, он переговорил с некоторыми эльфами.

— Этот дом имеет дурной слава. В нём водятся призраки. Даже орки не ходят туда. Призраки их пугать.

— Почему не сожгли?

— Говорить, что призраки гасить огонь. Они бережёт это место.

Я сделал шаг к дому. Это вызвало приступ страха у окружающих.

— Зачем ты идти туда?

— Поздороваемся с призраками.

Эльфы смотрели мне вслед. Я шёл прямо к дому. Ничего не происходило. Первым не выдержал Голендил, за ним двинулась Элентитта. Следом за ними, сбросив свою ношу, устремилось два бойца. Остальные не стали заходить в дом вместе с нами.

Я подошёл к дому и толкнул дверь. Дверь, хотя и была прикрыта, но оказалась не заперта. Я смотрел, как она медленно открывается, издавая скрип давно не смазанных петель. После солнечного дня дверной проём дома глянул на нас крошечной тьмой. Мы впятером сгрудились на крыльце и смотрели внутрь этого тёмного проёма. Нужно было войти, но внутри меня внезапно возникло чувство тревоги. Холод и сырость проёма повеяли на меня, вызвав целый табун мурашек у меня на спине. Входить внутрь дома резко расхотелось. Вспомнилось предупреждение Голендила. Наверное, будь я здесь один, то повернул бы обратно. Но на меня смотрели множество глаз воинов, с которыми мы вместе прошли много дорог. Повернуть и не прослыть трусом, было практически невозможно. Особенно учитывая, что именно я предложил идти в дом. Выбора у меня не было. Сделаю глубокий вдох, словно перед погружением в холодную воду, я сделал шаг вперёд. Может это и моё личное впечатление, но оказавшись внутри, я словно погрузился в другое измерение. Казалось, что здесь действуют совсем другие законы. Воздух стал плотным и спёртым. Я двигался сквозь, него словно находился под водой. Движение давалось тяжело. Под ногами

раздался скрип разошедшей половицы. Я замер. Ситуация осложнялась тем, что я почти полностью ослеп в этой полутьме, войдя в неё после яркого дневного солнца. Становилось страшно. Повернуть? Нет. Лучше умереть, но со славой. Я делаю второй шаг вперёд. В темноте я натываюсь на что-то твёрдое под ногами. Я больно ударился ногой.

— Ай! — я потираю ушибленное колено.

Позади слышны голоса. Эльфы боятся повышать голоса и переговариваются тихо. Они гадают, что меня остановило. Я пытаюсь в темноте нащупать предмет под ногами. Вот я дурак! И прикладываю к этому выражению ещё несколько грубых выражений, усвоенных на военной службе. Есть же второе видение! Почему я ползаю здесь в потёмках? Я активирую своё второе видение, и мир вокруг преобразуется. Я опускаю взгляд вниз.

— Здесь скамейка в проходе валяется — подал я голос, предупреждая остальных.

Слышно, как Голендил переводит мои слова остальным эльфам. Я поднял скамейку и поставил её к стене, предупредив об этом. Я двинулся дальше. Теперь я видел намного лучше. Мне удалось сделать ещё два шага, прежде чем до меня дошла мысль. А кто же поставил эту скамейку поперёк коридора? Духам это не под силу, да и нет такой необходимости. В доме есть живые? За спиной раздались шаги. Я обернулся. За мной шли эльфы. Слышались скрипящие доски. Я продолжил путь. Первая дверь из коридора была закрыта. Осторожно я открыл её. Скрип двери громко прозвучал для нас. Из комнаты в коридор хлынул поток света. Я предупредил, что это просто дверь. Взгляд назад показал эльфов, смотрящих напуганными глазами. Наверное, мои глаза выглядели точно так же. С поправкой. Я видел в темноте, благодаря второму видению. Когда в коридоре стало светлее, эльфы расслабились и стали вести себя спокойнее. Мы прошли ещё чуть дальше. Я открыл вторую дверь. Если дом был похож на мой, то в этой комнате должна была располагаться лестница на второй этаж. Так я предполагал. Но чего я не ожидал, так это того, что из открытой двери на нас по воздуху полетят сразу несколько предметов. Я заметил их раньше, но поставить защиту не успевал. Мне пришлось отклониться в сторону. Это были какие-то обломки дерева. Один предмет мне удалось отклонить в сторону. Все предметы пролетели мимо меня в коридор. Оттуда раздались крики страха и боли.

Пока эльфы в коридоре отбивали от себя прилетевшие в них обломки мебели, я внимательно вглядывался в пространство комнаты. Именно это позволило мне разглядеть на потолке, за балкой какое-то шевеление. Позади меня слышались крики и ругань. Но я уже был сосредоточен. Призраки либо видны, либо не видны. Прятаться и шевелиться им незачем. Вскинув посох, я направил наверх на место шевеления и, произведя нужное движение, произнёс заклятие.

— Петрификус тоталус.

Раздался хлопок, и от потолка из-за балки выпало небольшое тело. Я не мог рассмотреть его в полутьме комнаты. Быстро двигаясь, распиная по пути предметы на полу, я двинулся в сторону тела. Следом за мной двигались эльфы, запинаясь и ругаясь на каждом шагу. И вот мы оказались над пойманным «призраком». Передо мной находилось тело явно разумного существа, ростом около трёх футов. Непропорциональное тело имело пару рук и ног, аналогично человеческим конечностям, но намного тоньше. Сейчас они были притянуты к туловищу заклятием. На тонкой шее была расположена непропорционально большая голова. Нос был заострён и вздёрнут вверх. Большие крупные глаза навыкат смотрели затравлено на нас. Но больше всего меня поразили крупные заострённые уши. Он сильно напоминал... изуродованного эльфа. Он был абсолютно лишён

волос. Тело было обнажено. Лишь вокруг его талии был привязан лоскут ткани, заменявший ему набедерную повязку.

— Это... что такое?

Задал я вопрос, не обращаясь ни к кому конкретно. Из-за моей спины выглянул сначала Голендил и замер с выпученными глазами. Я посмотрел на его лицо и был поражён его выражением. Казалось, будто он не верил своим глазам. Не ожидал этого здесь увидеть. Послышался ещё один звук приближающихся шагов. Сразу за Голендилом образовался эльфийский воин. Оглянувшись, он заметил тело, лежащее на поверхности пола. Лицо эльфа изменилось в считанные мгновения. От ярости и гнева идущего в атаку воина, выражение сменилось на удивление, а затем на отвращение. В его руках находился заряженный лук. Увидав захваченного противника, он резко вскинул лук и стал его натягивать, чтобы застрелить это существо. Я смотрел на это действие застывшим. Тетива натягивалась медленно. Именно в этот миг с верхних ступеней лестницы раздался голос.

— Хэирь, бау килл нин айон (Господин, не убивай моего сына)

Я стал действовать быстрее, чем успел осознать сказанное. Я шагнул вперёд, заслонив собой лежащее на земле тело. Одновременно я создал заклятие защиты.

— Протего!

Стрела впиалась в мой магический щит, вызвав в нём колебание как от брошенного камня на поверхности воды, и отлетела в сторону. Я стоял в состоянии шока. В меня стрелял эльф, и его стрела почти достала меня, отклонившись в самый последний момент. Настала немая сцена. Я заслоняющий собой непонятное, но явно разумное существо, Голендил и ещё один эльф с луком в руке. На верхней площадке сидело такое же существо, как то, которое я только что защитил. До нас, наконец, добрались Элентитта и второй воин. У него тоже был натянут лук, но стрелять он не стал. Вместо этого он сморщил своё лицо в гримасе отвращения и проговорил.

— Кардх (домовик).

Он убрал лук. Первым в себя пришёл Голендил. Развернувшись, он стал кричать на эльфа, спустившего стрелу. Тот потупил глаза и отступил назад. Я медленно стал ощупывать себя. Делал это я из-за перенесённого шока. Конечно, моё тело было целым. Но поверить в это было сложно. Эльфы расслаблялись от перенесённого нервного напряжения. Голендил посмотрел на сидящее на ступеньках существо и приказал ему спуститься. Тот медленно, но покорно стал спускаться вниз. Потом Голендил посмотрел на меня и проговорил.

— Отпустить его. — он указал на связанное существо.

Я развернулся и, проведя над ним посохом, проговорил освобождающее заклятие.

— Фините инкантатем.

Существо дёрнулось и стало шевелиться. Но попыток сбежать не делало. Оно столь же покорно направилось к своему отцу. Они вместе остановились и стояли у основания лестницы. Я не знал, что мне делать. Потому и подошёл ближе, чтобы рассмотреть этих существ. Они были очень похожи, но одно явно было старше. Эльфы собрались вместе возле окна и что-то обсуждали между собой.

— Может, продолжим на улице? Здесь воздух сильно спёртый.

Голендил повернулся в мою сторону и ответил.

— Это плохой идея. Когда остальные эльфы узнать об эти кардх, то попытаются убить их.

— Они опасны?

— Нет, они мирный, но наш народ плохо относиться к ним.

— Тогда будет лучше отправить остальных домой, подальше от греха. А ты мне расскажешь всё о них.

Голендил задумался. После чего заговорил с эльфами. После этого разговора он дал нам всем знак, и мы вышли на крыльцо. После непродолжительной беседы с Тауроном, отряд стал собираться в дорогу. Элентитта ушла с отрядом. Я Голендил и два эльфа остались в доме, чтобы решить данную проблему. Мы вернулись в дом. Кардхов мы нашли на втором этаже. Они сидели на полу, настелив под себя различных обрывков ткани. Здесь оказалось целое семейство из восьми особей. Даже беглый взгляд показал, что трое имеют женские половые признаки. Осмотрев это семейство беглым взглядом, Голендил проговорил.

— Ман ам им на каро на иоу (что мне с вами делать)?

Глянув на него боковым зрением, я предложил.

— Может, сначала, расскажешь мне о них?

— Что ты хочешь знать?

— Ну... что значит слово кардх?

Он задумался.

— Может, спустимся вниз? Там есть скамейки для сидения.

— Разумный...

Мы все вместе спустились вниз в главную комнату. Здесь среди обломков мебели нам удалось найти несколько скамеек и стол на трёх ножках из четырёх. Прислонив его к стене, мы придали ему устойчивость. Расположившись вокруг стола, мы приготовились слушать. Точнее сказать это делал я. Остальные просто пользовались случаем отдохнуть.

— Вернёмся к началу, — продолжил я — что означает слово «кардх»?

— Это трудно перевести — проговорил Голендил. — Самый близкий слово для ты будет «домовик».

Моё лицо вытянулось от удивления.

— Домовик? Но это же персонаж детских сказок. Он вымысел.

— Это не совсем так. Не тот домовик, о который ты думать. Он получится такой, но сначала быть другое.

— Получился? Он что, создан искусственно?

— Это так. И если ты слушать, то я твой расскажу...

Сверху на лестнице послышалось шевеление. Беглый взгляд показал, что там расположилось всё семейство домовиков.

— Многие годы назад...

Последующий рассказ объяснил мне и гнев эльфов к этим созданиям и их желание убить домовиков. Столетие назад, когда только началось первое пробуждение нежити, но ещё не представляющее угрозы, один из великих магов Светлых эльфов решил получить эльфа, наделённого огромным магическим могуществом. Может быть, он искал власти и могущества, но вероятнее всего в нём жило сильная тяга к неизведанному, которой постоянно страдают многие учёные. Многие из них решаются идти «за край», но не многие решаются бросить вызов самому естеству. Полученное существо должно было обладать наибольшей из возможных способностей к слиянию с магией. Поэтому физические начала у него сильно ограничивались. Чтобы существо не вышло из-под контроля и не убило своего создателя, его сделали покорным. Эльфы, стоящие за созданием этого существа, проводили опыты на самых глубинных силах, организующих жизнь. Они вмешались в природную

программу и исправили её так, чтобы задать нужные им качества. Опыты они проводили на собственных потомках, пытаясь получить для них магическое могущество. Результат не просто шокировал, он привёл в ужас исследователей. Природу нельзя обмануть. Если дать перевес в чём-то одном, то, как результат, получишь ущерб в чём-то другом. Вложив слишком много в магические способности, они получили существа ущербные физически: слабые тела, уродливые лица и короткую, по меркам эльфов, жизнь. Но это по-прежнему были эльфы. С годами этот ущерб не исправился. Это был провал всего эксперимента. Многие маги, проводившие этот эксперимент, покончили с собой. Остальные попытались уничтожить все результаты своего труда, чтобы исправить ошибку. Они уничтожили все свои записи и попытались уничтожить полученных существ. Им это почти удалось. Некоторые из них просто сбежали. Сначала найденных существ пытались использовать для войны. Но те оказались слишком послушны и миролюбивы, чтобы убивать. После этого их пытались уничтожить. Эти существа — изгой в обществе эльфов. Все эльфы стремятся их уничтожить. Причина — стремление эльфов к красоте. Эльфы так воспитаны, что стремятся создать красоту вокруг себя и, в том числе, из своего тела. Для многих из них кардхи — уроды. Да ещё и относятся к расе эльфов. Эльфы иногда убивают своих, если они рождаются уродливыми. Так повелось со времён Великих войн глубокой древности. Тогда враги часто использовали оружие, заражавшее землю, после чего шли ядовитые дожди. Эти дожди приводили к тому, что у эльфов рождалось много уродов. Именно тогда они приняли закон об убийстве уродов, чтобы сохранить свою расу от вырождения и гибели. С тех пор мир очистился от грязи, порождающей уродливых потомков, но традиция осталась. Если Кардхи останутся на их земле, то их ждёт только смерть. Голендил против убийств, но остановить свой народ он не сможет.

Этот рассказ вызвал у меня чувство печали.

— Я останусь здесь жить. — Проговорил я. — Мне здесь самое место. Кардхи — изгой общества эльфов. И я — оборотень, изгой для всех. Мы друг для друга — хорошая компания. Этот дом находится на отшибе. Здесь я достаточно безопасен для вашего народа. Пока я вам нужен, вы меня не убьёте. Здесь есть сад. С голоду не умру. Есть вода, значит, не умру от жажды. Сюда вы будете приходить за книгами. Здесь я буду работать с Элентиттой.

Голендил задумался. Спустя некоторое время он проговорил.

— Это может быть лучше, что мы можно придумать. — Он тряхнул головой и произнёс, поднимаясь с места. — Так мы сделать. Но пища для ты будут приносить эльфы. Так лучше.

Голендил и остальные эльфы стали собираться на выход. Я проводил их до двери и закрыл за ними эту скрипучую широкую доску. Когда я вернулся в комнату, там почти ничего не изменилось. Я шёл осторожно, ожидая подвоха со стороны домовиков. Всё семейство по-прежнему сидело на верхней ступени лестницы. Всё, кроме главы семейства. Когда я подошёл к нему, он заговорил со мной на эльфийском. Я был уставшим и вымотанным. Эльфийская речь для меня звучала чуждо и непонятно. Мозг отказывался работать. Он продолжал что-то говорить, но я его не понимал.

— Вот если бы ты мог говорить на языке людей, я бы тебя понял.

В тот момент я сомневался, что он может меня понять. Но то, что произошло дальше, меня шокировало. Старший кардх задумался. Спустя несколько минут он поднял руку вверх и щёлкнул пальцами. Я впервые видел такое исполнение магии. С кончиков его пальцев вылетела искра и поднялась над его головой. После чего искра совершила облёт вокруг его головы и растворилась в воздухе. Голову кардха начало трясти. Было ощущение, словно она

размазывается по воздуху. Это длилось лишь мгновение. Когда это прекратилось, лицо кардха скривилось от боли, но он быстро с этим справился. Лицо его оставалось слегка ошарашенным, но быстро принимало вполне осмысленное выражение. Серые глаза перестали бегать по комнате. После чего он заговорил на человеческом языке, шокировав меня.

— Старый Бидо благодарит доброго волшебника за то, что он не позволил своим друзьям убить моего сына. Господин, теперь наши жизни принадлежат тебе. Мы будем верно служить тебе и твоей семье вечно в благодарность за спасение наших жизней. Что хочет наш хозяин?

Он поклонился мне. Я находился в состоянии шока от случившейся ситуации. Вот к такому меня жизнь не готовила. Видимо мой язык был связан с мозгом очень плохо, от чего я проговорил.

— Хорош же я как хозяин. Одной ногой стою в могиле.

На лице Бидо отразилось беспокойство.

— Не тревожься за меня. Меня покусал оборотень. — Я задумался, и меня посетила идея. — Чего я хочу? В данный момент надо привести этот дом в порядок.

— А что хозяин понимает под словом «порядок»? — На его лице отразилось беспокойство.

— Это когда все предметы целые и в рабочем состоянии. Ну... вот.

Я подошёл к разбитому окну. Второе видение показало, что окно ещё помнит себя целым. Направив на него наверх посоха, я проговорил.

— Окно репаро.

Раздался леденящий кровь скрип и треск, от которого скривились лица всех присутствующих. Но дело пошло. Осколки стекла взлетали с пола и вставали на свои места. Трещины в стекле затягивались. Щепки от разрушенной рамы тоже вкладывались на свои места и разрывы зарастали. Через несколько секунд окно было совершенно целым.

— Вот так.

Домовик Бидо внимательно смотрел за исполнением моего заклęcia. Некоторое время он был задумчив, потом проговорил.

— Хозяин, Бидо понял. Бидо сделает все окна в доме целыми.

Сразу после этого он поднял вверх свою руку и щёлкнул пальцами. Возникшая искра описала дугу и полетела ко второму разбитому окну. Раздался скрип и скрежет. Стёкла и щепки стали взлетать с пола и устанавливаться на свои места. Трещины затягивались и затягивались так, словно их и не было. Теперь в комнате было два целых окна. Если не принимать во внимание разбитую мебель, ободранные стены и мусор на полу, то в комнате стало значительно уютнее. Но не это привлекло меня. В заклинании, исполненном домовиком, совершенно отсутствовали всякие магические связки. Не просматривалось ни схем, ни соединений дыхательных и энергетических выделений. Ощущение было такое, будто Бидо взял пучок сырой магической силы, и усилием воли и разума придал ему таую форму. Это совершенно не вписывалось в моё понимание магической природы. Ещё в Академии нам рассказывали легенды о том, что такую магию могли выполнять лишь творцы, использующие собственные мыслеформы. Они могли создавать предметы из сырой магической энергии и наполнять их жизнью. Но, те же легенды гласили, что все создатели прошлого были не от мира сего. Они страдали низким уровнем сознания и разума. Это происходило от сильнейшего слияния с Миром. Они являлись продолжением природных

сил.

Я внимательно посмотрел на домовика Бито. Так вот что ты такое. Ты — продолжение природной стихии. Твоими прородители были эльфы, и сам себя ты считаешь эльфом. Но, по сути, ты был создан как воплощённая сила стихии, магической силы. Тебя пытались сделать покорным, но не смогли удержать природную стихию. Да, тебя создали неспособным убивать. Но никто не сказал, что ты не будешь защищать себя и свою семью. Как удержать огонь? Поймать ветер? Схватить воду? Попробуйте убить того, кто может читать ваши мысли, трансгрессировать на любые дистанции и нетребователен к своей жизни и комфорту.

Это я понял, посмотрев, как они живут. Они были привязаны к жилью. Дом для них — это стены и крыша. Но комфорт... Они спали на засалиных тряпках, лежащих прямо на полу. В комнатах не было целых окон, и гуляли сквозняки круглый год. А крыша местами стала протекать. В качестве одежды они использовали рваные тряпки, едва скрывавшие их тела. Это была скорее дань приличию, чем потребность в одежде. Если им было холодно, они согревали тела с помощью магии. Если было жарко — остужали тела с помощью магии. С помощью магии они восполняли потребность в воде. А пища... Поначалу я думал, что они питаются магией. Но потом понял, что их потребности в пище весьма незначительны.

Создавая комфорт в доме, мне приходилось восстанавливать каждую вещь, чтобы объяснить им, что они должны восстанавливать. Только после этого эта вещь попадала в их список комфорта. До вечера мы восстановили в доме окна и двери. Восстановили мебель. Подновили стены, убрав с них царапины. Обновили лестницы на второй этаж и улицу. Подлатали крышу. Даже по моим меркам дом стал вполне пригодным для жизни. Но верхом их восторга стала моя уборка помещения с помощью магии. Когда пыль и грязь из помещения перебралась на улицу прямо через окно на заросшие грядки огорода, они прыгали и веселились при этом зрелище как дети.

Поскольку у Бито была целая семья, а я был один, то мне пришло в голову оставить для их проживания весь второй этаж. А сам я поселился на первом в одной из комнат поменьше. Вторую я планировал использовать для работы. Моё решение сильно удивило Бито. По его рассказам я понял, что даже их создатели позволяли им жить лишь на чердаках и в чуланах. Услышав это, мне стало печально. Ведь для создателей эти кардхи являлись потомками. Может внуками, или правнуками. Меня передёрнуло. Не знаю, смог бы я заставить своих потомков жить на чердаке или в чулане, если бы мог выделить для них комнату? В моём понимании это было слишком жестоко. Даже если потомок... не удался. Но судить я не собирался. Я мог лишь посочувствовать.

Наступил вечер. Приближалась моя первая ночь в этом доме. Пора было принять свою пищу. Бито был рядом, когда я распаковал свою сумку-сухарку. Свою семью он отправил наверх, чтобы они не мешали хозяину отдыхать. Бито был живой стихией и, как я понял, мог становиться симбиотом для своего хозяина. Одна из способностей симбиота — чувствовать состояние хозяина. Я выложил на стол остатки своей пищи. Несколько кусочков чёрствого эльфийского хлеба, долго сопротивлявшегося высыханию, но, всё же, не дожившего до конца похода. Я разделил этот хлеб на девять кусочков по числу жителей дома. Взяв свой кусочек, я протянул остальные кусочки Бито, и предложил ему накормить свою семью. Бито взял один из кусочков в руки и долго рассматривал его. Потом положил его на место. Поклонившись, он произнёс.

— Добрый хозяин. Он позаботился о Бито и его семье. Он предложил нам хлеб. Битс

благодарен. Бито должен отказаться. Бито не кушает хлеб хозяина. У хозяина мало хлеба. Если он отдаст свой хлеб, то останется голодным. Бито должен побеспокоиться о хозяине.

Он снова поклонился и ушёл. Я что, видел слёзы в его глазах? Мне стало не по себе. Я откусил небольшой кусочек и стал его тщательно пережёвывать. А что я ожидал? Они — изгой своего народа. Каждый эльф пытался их убить или обидеть иным способом. Пожалуй, за многие годы я единственный, кто не пытается причинить им вред. Они не привыкли видеть проявления заботы к себе. Отсюда и реакция. Я продолжал жевать остатки хлеба. Бито был не прав. Даже съев все кусочки хлеба, я остался голодным. Припасы были последними, и их было мало. Запив хлеб водой, я лёг спать с мыслями о том, что завтра надо будет обойти сад в поисках спелых плодов. Мне было неизвестно, когда мне принесут пищу. Да и принесут ли вообще. С этого дня мне лучше было рассчитывать на себя самого. Я попытался вспомнить, какие деревья росли в этом саду, и какие плоды они могли давать. На этой мысли мой разум погрузился в глубокий сон.

Утро разбудило меня солнечными лучами, упавшими на моё лицо. Я открыл глаза, и некоторое время не мог понять, где нахожусь. Солнечный свет медленно спускался по стене, коснувшись нижним краем моего ложа. Некоторое время мне было непонятно, в чьём доме я нахожусь. Я нежился в постели, которая казалась такой удобной. Особенно после сна на подстилке, расстеленной на земле, сквозь которую чувствуются все неровности поверхности. Потом мой мозг стал заполняться воспоминаниями. Понимание того, что это теперь мой дом, было омрачено пониманием одиночества. Мне слабо верилось, что эльфы вернуться. Скорее оставят меня здесь умирать в гордом одиночестве. Но это потом. Мне не хотелось омрачать такое прекрасное утро такими мрачными мыслями.

Я встал из постели и потянулся. Подошёл к окну и распахнул ставни. В окно влетел свежий ветерок, принёсший запахи утреннего леса и травы. Я некоторое время наслаждался запахам утра и тёплыми лучами солнца. Лишь один запах я никак не мог опознать. Он бил меня по моим нюхательным рецепторам, будоража сильные эмоции. Ещё раз окинув глазами вид за окном, я вспомнил, что вокруг дома росли плодовые деревья. Перед глазами всплыли образы различных фруктов. Сразу после зарядки надо будет сходить, поискать для себя что-нибудь съестного на завтрак. Память наградила меня вкусами различной пищи. Именно в этот момент я вспомнил, на что был похож тот запах, который не мог опознать сразу. Это был запах свежего хлеба. Я обернулся к столу. На нём под чистой матерчатой салфеткой угадывались очертания посуды. Шагнув к столу, я приподнял салфетку с одного края. В чашах лежали фрукты, видимо собранные в саду, и лепёшки хлеба. В бутылке была налита вода. На верхней ступени лестницы послышался шорох. Я обернулся. Там стоял Бито. За его спиной из люка выглядывали другие члены его семейства.

— Хозяин проснулся. Доброе утро, хозяин. Бито и моя семья вели себя тихо, пока хозяин спал. Бито заботился о хозяине.

— Спасибо, Бито. Ты приготовил эту пищу?

— Бито и его жена приготовили эту пищу, какую кушает хозяин. Бито должен хорошо служить хозяину.

Он поклонился. Я сделал ответный поклон.

— Если Бито не нужен хозяину, то Бито пойдёт к своей семье.

— А если ты мне понадобишься?

— Если хозяину потребуется Бито, хозяин может просто позвать Бито. Бито всегда придёт, как бы далеко не находился.

С этими словами он снова поклонился и, тихо ступая, поднялся на второй этаж к своей семье.

После похода, возвращение к мирной жизни для меня было непривычным. Мой распорядок дня нарушился. Теперь надо было его восстанавливать. Но в данный момент он ещё не восстановился. Приходилось прилагать дополнительные усилия. В первую очередь для контроля своих мыслей. Пока я делал утреннюю зарядку, все мои мысли были направлены на поглощение завтрака. Приходилось одёргивать себя и заставлять выполнять упражнения в полном объёме, не пропуская их. Тем приятнее было для меня вкушать свой завтрак.

Первое, что я сделал, обживаясь на новом месте, обошёл свой дом и участок. Осмотрел

подвал, сад и огород. Нашёл отдельно расположенный погреб. Это было интересно с точки зрения познания. Стало интересно, захотел бы я жить в таком доме, когда обзаведусь семьёй. Подумав, я решил отказаться от такой идеи. Эта жизнь хороша, но не для такого, как я. Само моё образование и подготовка требовали, чтобы я жил среди большого числа людей. Ну, или эльфов. Так я мог быть для них максимально полезным. Для этого меня и готовили. Поселиться в доме на отшибе для меня означало похоронить свой талант. Такое можно было себе позволить разве что в старости. Если накоплю достаточно средств. Но об этом думать ещё рано. Да и этот дом я воспринимал как промежуточную остановку по дороге...

Внезапно я осознал, что дальнейшего пути у меня нет. Моя болезнь меня убьёт. Здесь меня и похоронят. Голендил обещал убить меня, если мне станет совсем плохо. Сколько я проживу, прежде чем стану превращаться? До зимы дотяну? Разве это важно? Если жить осталось совсем мало, то надо наслаждаться отпущенными моментами. Когда-то мне рассказали легенду о плачущем божестве. Ему предсказали, что однажды он умрёт. Следующие десять тысяч лет он плакал от этого, пока Эльрик Мелнебонейский не оборвал его жизнь. На смертном одре этот бог раскаялся. Он понял, что совершил ошибку. Ему надо было радоваться и наслаждаться жизнью столько, сколько ему отмерено. Эту легенду нам рассказывали, чтобы научить ценить эту жизнь. Плачущий бог был героем нарицательным. Поэтому я не собирался следовать его путём. Надо было радоваться. Надо было принести пользу окружающим и этому миру. Возможно, что именно за невыполнение этого действия Всевышний и наказал меня болезнью оборотня. Но легко сказать, а трудно сделать. Я имею в виду радость, когда внутри тебя всё горит от обиды и несправедливости за то, что твою жизнь обрывают в самом её начале. А вот с пользой проблем было меньше. И я решил сделать всё для создания наибольшей пользы. Насобирав в саду сломленных сухих веток, я решил использовать их вместо дров при проведении обряда копирования.

Поскольку эльфийские книги по магии уже были переданы эльфам, то я решил изготавливать магические копии из одиннадцати книг по человеческой магии. Двенадцатая книга — «Книга Ужаса», представляющая собой сборник предсказаний, как магическое пособие была совершенно бесполезна. Но она могла скрасить моё одиночество в плане чтения. У меня теперь было много времени. Так я думал тогда. Пентаграмму я нарисовал на улице. Прямо на лужайке перед домом, где земля была относительно утоптана, и росло мало травы. Там же я стал проводить свои обряды. Теперь спешить было некуда. Поэтому я сэкономил и силы, и здоровье. Тогда в день у меня получалось скопировать не более трёх книг.

Вечером, когда ко мне пришёл отряд из пяти эльфов и принёс для меня продукты, как раз три из них уже были скопированы. О чём я сообщил Голендилу через них. Когда они ушли, я расположил скамейку на улице возле входа. Туда я вынес «Книгу Ужаса» и погрузился в чтение. Требовалось определить, буду я переписывать эту книгу, или забуду едва прочитав. Вечер пролетел незаметно. Книга поглотила меня своими запутанными фразами и речевыми оборотами. Конечно, текст был написан абстрактно и не привязан к конкретным датам и лицам, но текст завораживал. Заставлял погрузиться в водоворот событий и образов. Многие события, описанные в книге, были столь расплывчивы, что могли быть истолкованы многозначно. Происходящие сцены можно было приложить к любой Великой войне прошлого или грядущего. Книга была составлена из множества текстов, написанных разными стилями. Видимо их создавали разные авторы в разные эпохи. Что только добавляло книге достоверности. В разных текстах описывались примерно

одинаковые события, либо события, так или иначе перекликающиеся друг с другом.

Для человека, знакомого с историей человечества, а также получившего достаточно образования, я был восхищен описываемыми текстами. Что уж говорить о человеке без образования, лишь самую малость обученного читать тексты. Такого человека тексты могли свергнуть в состояние близкое к религиозному фанатизму. Опираясь на эти тексты, он мог начать пророчествовать о великих грядущих бедствиях. Приходящих из ада демонов, спасающих ангелах и являющихся богам. После о таких пророках вспоминали во времена воин и разорений. Многие из них закончили свои дни в тюремных застенках или в придорожной канаве с пробитой головой, что только добавляло правдоподобности их пророчествам.

Помимо сложных запутанных текстов со сложными формулировками, в данных текстах временами можно было проследить историю нашего мира. В книге описывались расы и их взаимоотношения. Взлёт и падения различных народов и племён. Описывалось их появление в нашем мире. Описывалось создание Империй и их упадок. Описывались и предсказывались великие катастрофы, не связанные с войнами, но сулящие великие беды. Удивительным для меня были описания упадка старых религий и богов, рождение новых культов и божественных существ. Это можно было понять по тому, что имена людей, как правило, не приводились. Указывались лишь их характеристики. Имена же богов указывались прямо, либо опосредственно. Но в любом случае можно было понять о ком идёт речь. Я не стану приводить здесь выдержки из книги. Каждый из вас может взять вариант «Книги Ужаса» в имперской библиотеке. Есть свои копии в личных библиотеках различных кланов и семейств. Для меня в тот момент стало важно лишь одно: я решил переписать эту книгу. И начать я решил с завтрашнего утра.

Все мы меряем свою жизнь отрезками от одного события до другого. Мои отрезки измерялись приходом ко мне эльфов с провизией. Пищу мне приносили раз на три дня. Спустя неделю, как раз в день третьего прихода эльфов с провизией, я закончил копирование магических книг. Теперь они стопкой лежали на столе в моём доме. Я уже называл этот дом своим. Вся моя жизнь в этом доме теперь состояла из тренировок, которые я делал вопреки своему унынию, чтения книг и переписывания «Книги Ужаса», хотя и не понимал необходимости в своих действиях. Каждое утро я поднимался и начинал свой ритуал жизни. Если бы не корзинки с провизией, то можно было бы подумать, что меня все бросили. И только изгои кардхи составляли мне компанию в те дни. Оказались вполне милыми ребятами.

Много позже я узнал, что события в Солеме разворачивались в те дни стремительно и скандально. Возвращение из земель Алкмаара с богатой добычей из книг и свитков с эльфийскими текстами, произвело фурор среди населения Солема. Гибель половины отряда посчитали болезненной платой за удачную операцию. Однако возвращение отряда раньше времени породило множество вопросов. Голендилу пришлось составить отчёт о походе в Совете. На этом Совете присутствовали все представители кланов и именитых семейств. Были также военачальники и представители жречества. Отчёт полностью подтвердил видения Вэона о расположении хранилища главного Храма, погибшего в ходе этого похода. Потом в отчёте было указано о моём участии в битве на окраине города, свадьбе и битве с оборотнями на вершине холма. Голендил продемонстрировал бирку с закланием упокоения, с помощью которых маг мог остановить нежить. Появление в зале Совета физического подтверждения магической мощи, вызвало среди военных и жрецов всеобщее

воодушевление. Теперь они получили средство борьбы с самым опасным противником. Стало ясно, что время бегства и укрывательства от нежити прошло. Наступало время открытых сражений. Появление свитков и книг с магическими знаниями предвещало рост магического могущества. Теперь за него выступали не только военные и жрецы, но и главы семейств и Родов, заинтересованные в повышении магических способностей магов своих Родов. После этого Голендил сделал последнюю часть своего доклада, после чего заявил о своём выходе из состава Совета из-за нарушения множества традиций. Это стало большим шоком для всех присутствующих на Совете. Было неясно, что больше всего шокировало окружающих — отказ Голендила от места в Совете, или возвращение человеческого мага, заражённого ядом оборотня. Место Голендила в Совете снова занял его престарелый отец.

Голендил же посвятил всё своё время переписыванию и изучению добытых свитков. Ему в помощь выделили множество переписчиков, которые тщательно переписывали, в смысле перерисовывали эти свитки на новые листы пергамента. Проблема осложнялась тем, что среди переписчиков половина писцов оказались просто художниками. Но выбора не было. Дошло до того, что стали для этой цели мобилизовать всех эльфов, умеющих читать и писать. Многие рода поддержали это решение. Конечно, их намерения были корыстны, они хотели получить часть утерянных знаний для своих нужд. Особенно их интересовали магические книги и записи. Голендил старался использовать их корысть в своих интересах. Работников катастрофически не хватало, особенно тех, кто был способен чертить схемы магических заклятий, и художников, способных перерисовать схемы и карты местности, доставшиеся им из Храмового хранилища. Значение карт и схем планировалось расшифровывать после. Сначала требовалось их сохранить. Пергаменты, доставленные отрядом из похода, были очень старыми, некоторые даже страдали от ветхости. Работы было много, и Голендил уделял ей много внимания. Помимо общего руководства, он лично занимался переписыванием текстов.

Не знаю, хорошо это или плохо, но на его долю достались религиозные тексты с жизнеописанием богини эльфов Солониэль. Постоянная работа с этими текстами повлияла на самого Голендила. Богиня Солониэль считалась забытой среди эльфов. Работая с текстами, он сильно увлёкся. Тексты захватили его. Теперь в разговорах он ссылаясь на эту богиню, начал благословлять окружающих её именем. Он стал приводить цитаты из её монологов и обращений к эльфам. Постепенно остальные эльфы, работавшие с ним, стали воспринимать его как жреца культа богини Солониэль. Это только усилило противостояние с верховным жрецом, являвшимся носителем культа Галеана. Начались нападки на Голендила. Голендил никак не отвечал на эти нападки, продолжая работать. Но нападки возымели другое действие. Поняв важность Голендила для сообщества эльфов, представители других родов выделили своих воинов для охраны Голендила. Теперь он передвигался по городу в сопровождении целого отряда, который сильно стеснял его мобильность. И хотя Голендил уже не имел никакого влияния в Совете города, но эльфы шли к нему за советом, благословлением и покровительством. Верховный жрец каждый день чувствовал, как духовная власть уплывает из его рук. Это подтолкнуло Верховного жреца на агрессивные действия. Ворвавшись в здание городской ратуши, в которой тогда хранились и переписывались свитки, он со своими помощниками и радикальными фанатиками попытался устроить погром. На входе их задержала охрана. Началась драка. Понимая, что долго охрана не продержится, Голендил вышел на крыльцо ратуши, надеясь усмирить нападающих.

Воспользовавшись появлением на крыльце своего оппонента, верховный жрец попытался на него напасть. Попытка не удалась. Голендил стоял спокойно, но между противниками выстроились охранники и работники писцы, которые бросили свою работу и вышли защищать «своего жреца». Попытку переговоров сорвал отряд городской стражи, прибывший на место и разнявший противников. Именем совета всем участникам конфликта было приказано разойтись и не приближаться на опасное расстояние друг к другу, под угрозой наказания. Верховный жрец, уходя с площади, открыто угрожал Голендилу и его сторонникам. Стало ясно, что очередной конфликт, это лишь вопрос времени. Именно тогда Голендил и задумался о том, что нужно покинуть город, чтобы погасить нарастающую религиозную распрю. Тем более, что его работа над религиозными текстами была закончена.

Тогда он ещё не подозревал, что конфликт приобрёл более глубокое значение, чем он думал. Эльфы видели, что как религиозный деятель Голендил принёс городу и самому народу эльфов значительно больше пользы, чем верховный жрец. Личности носителей религиозных учений стали накладывать отпечаток и на их божеств. По городу поползли слухи, что все беды народа эльфов связаны с его отходом от изначального учения. Они сравнивали божественных существ, глядя на Голендила и верховного жреца Галеана. Говорили, что Солониэль является покровительницей учёных, магов, мудрецов и тружеников, как носитель женского начала. Галеан же покровительствует агрессивным воинам и торговцам, как носитель мужского начала. Стали разноситься слухи, что отказ от поклонения Солониэль привёл эльфийский народ к упадку. Желание Галеана доминировать, что свойственно большинству мужчин, дорого обошлось эльфам. Именно отказ от мудрости и знаний навлёк на земли эльфов все беды. К этим бедам эльфы относили и нашествие нежити, и гибель множества народа, утрату знаний и могущества. Культ Солониэль стал активно распространяться среди Родов. Верховный жрец, используя всё своё влияние, пытался бороться с распространением этого культа. Основное его оружие в религиозных спорах с оппонентами стали эльфийские традиции. Но главы Родов нашли лазейку в этих традициях. Вспомнили о том, что Галеан и Солониэль являются супружеской парой. А потому они не нарушали традиции, поклоняясь супруге Галеана. Поэтому, соглашаясь с верховным жрецом о необходимости соблюдения традиций своего народа, они продолжали поклоняться обоим божествам, отдавая предпочтения мужу или жене в зависимости от необходимости.

Голендил сообщил о своём уходе из города. Основной причиной он назвал наличие магических книг, полученных от меня, которые нужно было переписать. Главы Родов поняли его по-другому. Они решили, что тот пытается спастись от угрозы своей жизни бегством. На совете Родов они решили выделить ему дополнительную охрану. Но Голендил остудил их пыл, сообщив, что если наймут профессионального убийцу, то охрана его не спасёт. Ему лучше уйти на время из города, пока не улягутся страсти. Дополнительно он сообщил, что собирается обучить группу эльфийских лучников-магов стрельбе из магического лука. И делать это лучше не в городе. Он сообщил, что отправится в сельскую местность, и поселится лагерем возле домика, в котором живу я. Так он сможет вместе с помощниками спокойно переписывать книги, обучать лучников-магов, а попутно приглядывать за мной, как за потенциально опасным субъектом. Он напомнил Совету, что человеческий маг теперь заражён ядом оборотня. Пока не поздно, надо взять с меня всю пользу, которую я смогу им принести как маг, и как носитель знаний. О планах Голендила

знал только Совет города. Эти знания попадали в разряд секретных данных. Отряд молодых юношей магов был собран тайно и ночью покинул город вместе с Голендилем. С ними отправили Элентитту, хотя Голендил предлагал другую кандидатуру. На Элентитте настоял Таурон. Пока не было военных операций, её работу могла выполнять другая лекарка. Поэтому Таурон решил продолжить обучение своей лучшей магички. Лучшей кандидатурой на роль её учителя был я. Что же касается Таурана, то его отряд получил от Совета приказ сменить дислокацию и расположиться в пространстве между разрушенным мостом через реку и моим домиком. Я так и не понял, кого совет охранял больше: меня, Голендила, Элентитту или юных стрелков.

К концу первого месяца моего тихого проживания в условиях пасторальной природы. Тишина этого места была нарушена. Прибыли мои друзья. Я уже почти привык к тишине и одиночеству, когда на дороге к домику появились два десятка бодрых юношей в полном военном снаряжении. Это был головной отряд. Следом приехали повозки вместе с ещё двумя десятками воинов, которые стали выгружать из повозок палатки и мешки с имуществом. Следом из повозок изъяли пять продолговатых каменных истуканов и расширяющимся основанием. Поднялась шумиха. Отрядом командовали военачальники, которые быстро расположили воинов по местности. Ставились палатки, располагались походные кухни, рылись рвы вокруг лагеря, вкапывались колья на вершинах валов. Дело заняло примерно три дня подготовки. Готовилось стрельбище. В конце этого стрельбища эльфы установили каменных истуканов. Это меня удивило. После этого по дороге к мосту, мимо моего дома прошло около сотни бойцов вместе с повозками. Это меня удивило ещё раз. Помнится, что мы в поход повозок не брали, а всё несли на себе или везли на пони. Куда это они с обозом? Дело прояснилось на пятый день окружающей суеты. В мой домик пришли с визитом Голендил, Таурон и Элентитта. После стольких дней одиночества для меня наступил праздник. Я радовался их визиту, словно ребёнок. Мы славно провели вечер в разговорах и планировании дальнейших действий.

Вместе с Голендилем приехали трое писцов. Завидев дом, они решили, что их поселят в нём. И были очень расстроены, что им было отказано. На их возмущенные вопли Голендил грубо ответил, что это нужно для их пользы и безопасности. Собрав всё население лагеря, он прямо разъяснил населению, что живущий в доме человеческий маг заражён ядом оборотня. Поэтому жить с ним под одной крышей небезопасно для всех. Человек очень полезен для расы эльфов как маг и носитель знаний, поэтому ему позволили здесь жить и умереть. Человек знает, что умрёт. Он попросил Голендила убить его, если он превратится в зверя. Голендил поклялся, что исполнит его просьбу. Поэтому этот лагерь для подготовки расположен здесь, где Голендил может исполнить своё слово, не подвергая опасности жителей города. Поэтому ночью вход на территорию дома закрыт для всех. Днём же, когда вероятность превращения исключена, писари будут работать в доме, переписывая магические книги. Для всех остальных, кому нет нужды заходить в дом для выполнения своих обязанностей, он заходить ко мне запрещает. Ослушавшиеся сами будут виноваты в своих бедах. После этого он распустил отряд по своим делам. Должен признать, что после этой речи желающих приходить в мой дом без необходимости не нашлось. Писари сразу предпочли поселиться в палатке на территории лагеря, под защитой стрелков.

Начались рабочие будни. После утреннего подъёма и утреннего ритуала жизни, я завтракал. Раздавался стук в дверь, и я выходил на крыльцо, чтобы окружающие видели, что я здоров. После этого Голендил снимал с лука тетиву, и писцы входили в дом. Работали они

по очереди. Я читал книгу на имперском языке. Голендил переводил, иногда делая уточнения. Я объяснял значения слов. Потом писарь записывал слова Голендила на лист пергамента. Так работа шла намного быстрее, чем перепись в одиночку. Закончив лист, писари менялись. Сложнее было с рисунками. Здесь работу приходилось разделять. Стол был достаточно большим, поэтому мы выдавали по одному рисунку каждому из писарей и шли в лагерь. В лагере Голендил руководил занятиями магов-лучников. Как оказалось, большинство юных эльфов не умели стрелять, а луки они держали впервые в жизни. Именно для этой цели в лагере находились старые военачальники из числа городской стражи. Голендил читал лекции о природе силы. Показывал наглядные примеры стрельбы зарядом огня и лечебным зарядом. От стрельбы огнём на истуканах отлетали мелкие кусочки камня. От стрельбы лечебным зарядом окрестные деревца стали заметно вырастать, вытягиваясь вверх и вытягивая ветки в разные стороны. Глаза молодых эльфов сверкали от восторга, но особых результатов пока не было. Голендил успокаивал их, говоря, что это вопрос практики и времени. Тот, кто из них приложит настойчивость, тот и добьётся результатов. А поскольку от их талантов зависит выживание народа, то выбора у них нет. Настойчивость в достижении результатов им будут прививать их военачальники. С бедных юношей сгоняли по три пота.

Мы возвращались в дом. Проверяли результаты работы писарей. За малейшую ошибку Голендил яростно ругал провинившегося писаря. За хороший результат — благодарил. Но результат был один: писарям вручали новый лист пергамента и новую схему для перерисовывания. Сам же Голендил садился за изготовленные схемы и вписывал в них слова на эльфийском языке, уточнив их значение у меня. Стопка переписанных листов пергамента росла. Трудно было поверить, но уже к концу восьмого дня первая книга была переписана. Она не была сшита, поскольку готовилась к повторному переписыванию. Такая результативность не могла не радовать. Помимо основной работы я изготовил рисунок пактакля упокоения из книги «Некротеленикон». В лагере мне было выделено место. Там я в присутствии молодых магов-лучников изготовил по этому рисунку первый пактакль на дереве с помощью выжигания расплюснутым металлическим прутком. И объяснил способ его использования. Юношей стали усиленно обучать методу изготовления. Испорченные пактакли сжигали в костре. Дело пошло. Обучали всех, но Голендил старался отобрать тех, у кого это дело пойдёт лучше.

После обеда, как правило, ко мне заходила Элентитта. Мы отрабатывали с ней различные заклинания. Для работы был составлен список заклятий по моим рекомендациям. Он включал самые распространённые и общеупотребительные заклинания, используемые чаще всего. Были использованы заклинания защиты и атаки молнией, усиления и освобождения от заклинания, ослабления и усыпления, связывания и левитации. Лечение она отрабатывала на мне, регулярно удаляя из моего тела плесень заражения. От этих процедур моё тело покрылось сетью мелких шрамов. Удаление очага плесени происходило через открытую рану, которую она сначала мне наносила, а затем, удалив из тела плесень заражения, залечивала. Шрамы поначалу были корявые и уродливые, а затем стали более эстетичными, по мере роста её способностей в лечении. Процедуры были ужасно болезненными. Попробуйте представить, будто из вас пытаются заживо вырвать вашу кость, или оторвать кусок плоти. Именно такие чувства я испытывал при удалении заразы. Это оттягивало моё превращение, но не отменяло. Крупные очаги плесени были уже извлечены, но остались мелкие очаги, равномерно рассыпанные по всему моему телу.

Качество её лечения с удалением заразы постоянно возрастало, но меня это спасти уже не могло. Я чувствовал, как зараза постепенно захватывает моё тело. Постепенно я бледнел, а моё состояние ухудшалось. Чем дальше шло время, тем хуже мне становилось. И если первые два полнолуния я провёл в доме и практически ничего не почувствовал, кроме лёгкого недомогания, то даже мне стало ясно, что следующее полнолуние будет для меня решающим и, вероятно, последним. Помимо этих заклятий мы с ней отработывали заклятия из раздела бытовой магии. Я научил её зажигать свет на навершии её жезла и поиску направления с помощью жезла, уборке жилища с помощью магии, стирке одежды и умыванию. Это были последние, как я думал и самые счастливые дни моей жизни среди друзей. Подходил к концу третий месяц моей жизни в домике на землях эльфов.

Мне становилось хуже. Стрелки и Элентитта делали успехи. Уже были первые стрелки, которым удалось выстрелить из лука огнём. Это ещё были слабые заряды, но уже давали надежду. Рода, чьи стрелки смогли преодолеть этот барьер, праздновали удачу. Главы остальных Родов писали гневные письма своим нерадивым отпрыскам. Элентитта делала успехи по всем заветам, хотя многие из них ещё были исполнены коряво. Но даже первые успехи окрылили её. Она стала требовать помощи в освоении других заветов. Приходилось остужать её пыл, указывая на необходимость углубления практики. Но было одно завет, которое я изучил с ней сверх этого списка. Понимая, что ей вряд ли достанутся книги по магии, я показал и отработал с ней магическое копирование. Об этом знал только Голендил, а он не спешил рассказывать окружающим об этом. Я понял, что он хочет получить свою выгоду из её способностей. Я скопировал для неё первую книгу из эльфийской магической библиотеки. Остальные скопировала уже она. Правда первые четыре образца её не удалось, и пришлось их развезать. Но когда ей удался пятый образец второй книги, она радовалась неподдельно. Это было заклинание из очень редких, что делало её уникальной волшебницей народа эльфов. И она это понимала. Но всё когда-нибудь заканчивается.

Вы можете спросить, почему я описываю такой значительный промежуток времени своей жизни как один большой эпизод. Ответ прост. Я его именно так и воспринимаю. Говорят, что счастливые люди часов не замечают. Я был счастлив. Мне казалось, что я доживаю последние часы своей жизни. И я благодарен эльфам, что они сделали эти дни самыми счастливыми в то время. Я был занят, и это отвлекало меня от мыслей о неизбежной смерти. Я был увлечён и полезен окружающим, это дало мне ощущение нужности и полезности. Я был поглощён общением с друзьями, и понимал, что не был брошен или предан из-за своей болезни. Но приближалось полнолуние. И это полнолуние должно было стать для меня последним. И я знал об этом. И я был доволен, что нам удалось закончить все проекты. Книги были переписаны и вынесены за предел дома. Окна дома были заколочены снаружи досками. На ночь дверь закрывали и подпирали бревном. Эльфы ждали. Ждал и я. Мне становилось хуже. Каждую ночь у меня поднималась температура. От жара я раздевался практически до нога. Из одежды я оставлял на себе лишь треугольник нижнего белья. Да и то лишь как дань уважения. Эльфы запрещали мне по ночам смотреть в окно, предупредив, что вид луны может активировать у меня процесс перевоплощения в зверя. Я понимал это. Завет, активирующееся внешним символом. Заставляя меня сидеть в полной темноте и изоляции, эльфы отдаляли исход. Я тоже это понимал, а потому не сопротивлялся. Но эта ночь стала моей последней.

Я лежал на своей постели в одном треугольнике нижнего белья. Меня била сильная дрожь. Жар донимал меня сегодня особенно сильно. Третья ночь полнолуния. Осталось пережить четыре дня. Как мне тяжело. Сквозь доски окна пробивался бледный свет. Хотелось встать и выглянуть в окно. До чего же этот свет был для меня притягателен. Он как бы говорил мне: «Иди ко мне. Я так хорош и приятен, нам будет хорошо вместе. Выгляни в окно». Я закрыл глаза, чтобы избавиться себя от излишних соблазнов. Надо пережить ещё четыре дня. Надо пережить, не дав себе превратиться. Я сильный. Я смогу. Мои чувства усилились. Слух стал острее. Я активировал второе видение. Им я пользовался внутри дома, боясь даже им выглядывать наружу. На втором этаже, прижавшись друг к другу плотнее,

спали домовики. Один из них продолжал бодрствовать. Он следил за люком, который я приказал закрыть, чтобы обезопасить их от меня. В подполе было темно и прохладно. Наверное, следующую ночь я проведу в нём. Там мне будет лучше. Не будет этого зовущего света. Там, в прохладе, будет легче перенести жар моего тела. Я улыбнулся. Это была последняя улыбка для меня в тот вечер. Потому она мне так памятна. Мой слух заменил мне в ту ночь глаза. Я слышал шаги людей за пределами дома. Иногда слышались голоса. Я мог с большой точностью определить их место нахождения. Я знал, где сейчас находятся все эльфы отряда, и мог их сосчитать. Но в этот момент я почувствовал неправильность в окружающем пространстве. К лагерю приближался большой отряд со стороны города. Топот их ног внёс сумятицу в порядок звуков, сопровождающий обычный фон ночи. Отряд остановился на границе лагеря. Раздались разъярённые голоса, доносящиеся со стороны лагерной ограды. Я слышал, как побежал один из посыльных в сторону военного лагеря. Назревало что-то необычное. Хуже всего, что моё чувство опасности не просто предупреждало об опасности, оно буквально било набат. Мои эмоции были не стабильны. Наступил момент, когда ждать стало невозможно. Я поднялся и сделал несколько шагов к окну. Моё чувство самосохранения кричало об опасности, но лежать и ждать я уже не мог. Этот зов был сильнее меня. Я выглянул в окно как раз в тот миг, когда из лагеря вышел Голендил. Я узнал его. Он шёл от лагеря в направлении толпы в сопровождении двух юных эльфов. Напротив лагеря стояла толпа. В ней выделялся один представительный эльф, который держал в руке дротик и жезл во второй руке. Голендил попытался заговорить с ним. Вместо разговора представительный эльф размахнулся и метнул дротик в Голендила. Дротик вошёл в грудь юному эльфу, закрывшему собой Голендила. Юноша медленно стал оседать на землю, выплёвывая кровь изо рта. Голендил держал его обеими руками, пытаясь поддержать, а потому не видел, как представительный эльф выхватил из-за пояса второй дротик и замахнулся для удара по нему.

Мир перевернулся во мне. Кто-то готовился убить моего друга. В следующий миг я ударился плечом о доски окна и выбил их. Никогда не знал, что обладаю такой мощью. Я шёл на помощь своему другу. Доски с грохотом и треском вылетели наружу под звон бьющегося стекла. Мысль моя вела меня. В нормальном состоянии мне потребовалось бы много времени, чтобы выбраться наружу. Но я не был в нормальном состоянии. Тело вылетело из окна дома и мягко приземлилось на ноги посреди разбитых досок. Меня переполняла злость и ненависть. Мысли отступили на второй план. Остались только эмоции. Что-то манило и мешало мне одновременно слева от меня. Я обернулся, чтобы увидеть эту мешающую мне вещь. В небе надо мной нависал большой лунный диск. Почему он такой большой и манящий? Что со мной происходит? Передо мной на площадке раздались звуки и голоса живых разумных существ. Я обернулся на звук. Это же эльфы. Откуда я знаю? Они разбегаются в страхе. На площадке остались трое. Один, чем-то знакомый, держит второго, из которого сочится кровь. Третий стоит над ними с занесённым дротиком. Он что-то кричит, указывая на меня. Своим чутьём я понимаю, что это — враг.

Мне плохо. Стоять неудобно. Да. Почему я стою прямо? Если на четырёх лапах стоять удобнее? Я наклоняюсь. Жуткая боль сворачивает мои конечности. В глазах всплывают красные пятна и круги. Боль такова, что можно потерять сознание. Но мне приходилось терпеть боль сильнее, а потому я остаюсь в сознании. Конечности удлиняются. Я опираюсь о землю когтями, а потом встаю на полную лапу. Когти? У меня есть когти? Это нормально? Боль продолжает скручивать меня спазмами мышц, но я остаюсь в сознании. Она

перемещается на мой корпус. Нечем дышать. Что-то ударяет меня в бок и отлетает в сторону. Я оглядываюсь. Этот дротик. Дротик? Откуда я это знаю? Я втягиваю носом воздух. Какой странный, едва уловимый запах. Он идёт от дротика и от моего... врага. Из моего горла вырывается рык. И в следующий миг я срываюсь с места и мчусь по поляне на встречу с моим врагом. Пространство размазывается в сплошное мельтешение красок и запахов. Злость, ненависть, бешенство и жажда убийства. Он движется, но очень медленно. Его жезл взмывает над его головой в попытке ударить меня. Для меня ты слишком медленный. Я испытываю наслаждение. Что-то бешенное и свирепое вырывается из меня наружу. Я сминаю врага всей массой. Азарт и упоение. В сторону отлетает его рука, всё ещё сжимающая жезл. По земле катится его голова, оторванная от тела когтями. Кровь фонтаном вырывается из разорванной шеи. Меня окропляет каплями живительной влаги. Вот оно счастье! Испить! Вкусить! Радость и восторг накрывают меня с головой, выбивая из головы остатки разума.

Сильный удар в бок вызвал у меня жуткую боль от ожога. Меня опрокинуло прямо на трепыхающееся тело моего врага. Лапы пытаются схватить опору, бессмысленно царапая воздух. От сильной боли я издаю крик... нет визг. Я пытаюсь взять себя в руки и рычу от гнева и отчаяния. Я пытаюсь обернуться, чтобы увидеть своего обидчика. Юный эльф, истекающий кровью, лежит на земле. А второй, державший его, стоит, направив на меня свой лук. Лук? Откуда я знаю. Осмыслить это, мне не дано. Второй заряд ударяет мне в грудь, погружая моё сознание в темноту. Эльф делает шаг ко мне и вновь натягивает свой лук. Мир начинает меркнуть.

— Голендил, прошу... — вырывается из моего горла.

Последний удар полностью разорвал связь этого мира и моего сознания. Спасибо, друг.

Ход опять перешёл к Всевышнему. Только что за этим столом произошла ещё одна стычка между Галеаном и Мортис. И снова Галеан проиграл Мортис этот ход. Хорошо, что дело не касалось открытой войны нежити против сил эльфийской армии. Теперь это столкновение переросло на религиозную почву. Противостояние двух культов перешло в противостояние двух жрецов. И, в конечном варианте, открытому столкновению между ними. Разыгранная партия была гениальна. Мортис не только удалось выиграть это столкновение, но и сделать так, чтобы руки её жреца не оказались замараны кровью противника. Вступление в схватку оборотня позволило ей решить положение в свою пользу. А убийство оборотня новым жрецом, дало ему дополнительных сторонников и усиление его власти. Человек-оборотень сыграл свою роль. От него теперь надо было избавиться. Его смерть устраивала Мортис. Она была довольна. Но ситуация осложнялась тем, что эта фигура наполовину принадлежала Всевышнему. Теперь продолжение игры зависело его хода.

Всевышний задумчиво покрутил кости в руках. Время затягивалось. Он пытался решить для себя, стоит ли играть в эту партию, или отдать его жизнь на заклятие, как жертву. Он задумчиво осматривал грани костей. Это затянутое время стало раздражать окружающих. Раздался недовольный ропот. Всевышний ещё раз провернул кость в руке. Наконец искра мысли мелькнула в его глазах. Лицо продолжало оставаться мрачным и задумчивым. Но в глазах стала проявляться мысль. Осталось реализовать её.

— Стоит попробовать — наконец проговорил он — в конце концов, я ничего не теряю.

С этими словами он скинул кости в стаканчик и несколько раз основательно встряхнул

его. После очередного встряхивания он раскрыл горловину стаканчика и, широко проведя стаканом над столом, вытряхнул кости на стол. Звонко перестукиваясь, кости стали раскатываться по столу, подминая на своём пути стыки стола. Наконец, последняя из костей встала на столе смиренно. Всем стало интересно, и боги потянулись вперёд, чтобы разглядеть результат. Получившийся результат их озадачил. «Лечение от спасённого», «путь с другом» и «древняя мудрость».

— Этого не может быть — проговорила потрясённая Мортис. — Он же...

— Умер, — продолжил её мысль Галеан — убит своим другом. Согласно договору.

— Ты не веришь своим глазам? — Проговорил Всевышний. — Так пали кости. Так и будет.

— Так не бывает — проговорила Фрея.

Боги были потрясены результатом. Даже Всевышний был потрясён этими костями. Их своеволие стало наводить его на мысли об их самостоятельности. Может, это не боги решают судьбы живущих, а немая сила костей. Но, тогда кто стоит за их решением. Как бы отвечая на его вопрос, в углу колыхнулась тень. Все обернулись и замолчали. Из тени вышел Смерть. Он плавно подошёл к столу. Если бы череп мог испытывать удивление, то у него было бы такое же выражение, как сейчас у Смерти. Он внимательно рассматривал фигурку человеческого мага. Через мгновение он взмахнул лапами своей одежды, и направился обратно в тень.

Я открыл глаза. Перед моим взглядом плавали тёмные пятна. Тела не было. Лишь шум, похожий на звук дующего ветра. Теперь к шуму ветра добавился образ голубого неба. Некоторое время я не понимал, что это должно означать. Разум отказывался работать. Я просто воспринимал картину неба в сочетании с шумом ветра. Сколько времени это длилось, я не могу сказать. В тот момент понятие время для меня просто отсутствовало. Потом это стало изменяться. До меня донёсся шум скрипящего колеса. Я стал размышлять о его происхождении. Почему? Откуда? Зачем? При очередном поскрипывании я почувствовал толчок. Меня качнуло. Тело содрогнулось и все мускулы, и органы моего тела отдались болью. Мой мир спокойствия взорвался от вторжения болевых ощущений. От неожиданности я сначала вдохнул, а затем выдохнул воздух. Кажется, при этом раздался какой-то звук. Мозг ещё был не готов различать звуки. Я разлепил губы. На краткий миг небо заслонилось тенью, вслед за которой в поле моего зрения вклинился продолговатый предмет на тонкой полосе соединяющий этот предмет с более массивным предметом. Моё зрение стало медленно фокусироваться на этом предмете. Это оказалась голова. Было в неё что-то ужасно знакомое.

— Хозяин проснулся. Хозяин добрый. Бито заботился о хозяине.

Воспоминания потоком хлынули в мою голову. Это причинило ещё большую боль, чем просто боль физическая. Мне вспомнилось кто я, и что из себя представляю. Я застонал.

— Хозяину больно? Бито поможет хозяину.

— Пить... — с трудом выдохнул я из себя.

Мир вокруг остановился. Теперь он стал наполняться деревьями и запахами. Я понял, что нахожусь в повозке поверх вороха соломы. И теперь повозка остановилась. Раздались шаги создающие звуки по поверхности земли. В поле зрения появилось достаточно крупное тело. Прежде, чем я смог опознать подходящего ко мне человека, меня приподняли. Теперь я не мог видеть державшего меня. Одной рукой он продолжал держать меня, а вторую вытянул

передо мной. В его руке была зажата чаша. Бито щёлкнул пальцами, и чаша стала наполняться водой. Когда кромка воды достигла края чаши, её поднесли к моим губам.

— Хозяин должен пить. Хозяин должен вернуться к жизни.

Я медленно сглотнул воду. Глоток за глотком я осушил чашу до дна. Водяной поток прокатился по моему пищеводу и тяжёлым комком упал в желудок. Не было чувства насыщения или утоления жажды. Тело было тяжёлым и плохо слушалось. Я понимал, что это ослабление от болезни, но чувство было не из приятных. Немоощь, бессилие. Но сильнее меня поразила моя память. Стало больно от душевных переживаний. Меня положили на ложе из соломы. Сильно захотелось плакать. Чувство обиды стало захлёстывать меня с головой.

— Ну, я видать, что ты возвращаться. — Прозвучал в моих ушах до боли знакомый голос. Я повернул голову, приложив невероятные усилия. Справа от меня стоял Голендил. — Привет. Так у вас встречать добрый друг.

— Зачем? — Тихо прохрипел я, захлёбываясь от слёз. — Я так хорошо умер.

— Это не мой дело. Это твой кардх делать. Я тебя увозить.

Некоторое время я лежал спокойно, глядя на окружающих. Потом мысль просочилась в мои ослабленные мозги.

— Бито.

— Да, хозяин, Бито слушает.

— Ты умеешь лечить?

— Бито умеет. Бито смотрел, как лечила эльфийка. Бито понял, как надо лечить.

— А где твоя семья, Бито?

— Здесь моя семья, хозяин. Они идут за повозкой.

— Мы надо двигать дальше. — Проговорил Голендил и ушёл из поля моего зрения. — Набираться сил. Ты потерять много кровь.

Повозка опять стала ритмично двигаться, сотрясаясь на неровностях дороги. Спустя некоторое время я снова впал в глубокий сон. Череду видений пронеслась мимо меня. Практически ничего, из увиденного мною во сне, я не запомнил. Мой дух находился слишком далеко от места нахождения моего тела. Время прекратило существовать для моего духа. Я просто плыл в потоках видений и событий.

Моё пробуждение состоялось уже под вечер. Голендил разводил костёр. Недалеко была расположена палатка, разложены вещи, котелок с водой ждал своего размещения над костром. Моё шевеление не осталось незамеченным. Он вытащил меня из повозки. Подложив под меня на поваленное бревно сложенный в несколько слоёв отрез ткани, он усадил меня на него, а сверху накрыл пледом, взятым из повозки. Я до сих пор был раздет. Из одежды на мне оставался лишь набедерный треугольник. Пока он искал плед, я оглядел себя. Не знаю, сколько мы ехали, но я за это время успел основательно похудеть. Мышцы опали и болели. Тело отдавало болезненной бледностью и местами синевой, как у покойников. Мне стало не по себе. Меня накрыли пледом, защитив не только от холода, но и от чувства жалости к самому себе.

Спустя некоторое время я уже пил мелкими глотками горячий ягодный напиток. Было приятно. Голендил улыбался мне. Рядом расположилось всё семейство Бито. Постепенно Голендил рассказал о произошедших событиях, восполнив мои пробелы в знаниях и памяти. Из его рассказа складывалась следующая картина.

После того как Голендил со своими магами-лучниками покинул город Содем, в городе стал стремительно набирать силу культ богини Солонизель. Отъезд Голендила стал

восприниматься многими религиозными личностями как преследования на религиозной почве. Переубедить их в этом он не мог, да и не хотел. Его надежда на то, что страсти смолкнут с его отъездом, не оправдалась. Верховный жрец культа Галеана с каждым днём терял свою власть всё больше. В конце концов, он взбешённый этим явлением решил уничтожить Голендила физически, надеясь, что вместе с ним погибнет и культ Солониэль, а он сможет вернуть своих последователей под свою власть. Собрав самых ярых сторонников, он отправился в путь к воинскому лагерю, в котором сейчас находился его соперник. На это им потребовалось несколько дней. Двигались они днём и ночью, с перерывами на сон и еду. Жрец держал своих последователей в постоянном напряжении, опасаясь, что они остынут и не поддержат его затею. К лагерю они подошли как раз в период полнолуния. На свою беду они оказались перед воротами лагеря посреди ночи. В ту ночь диск луны был на небе особенно крупным, освещая окрестности достаточно ярко, чтобы разглядеть своих противников.

Оказавшись возле лагеря, верховный жрец стал вызывать Голендила для разговора. Не желая устраивать массовое побоище среди эльфов, Голендил приказал всем воинам в лагере отойти внутрь за черту вала. Тогда он ещё надеялся решить проблему мирным путём. Правила этикета заставляли его взять с собой на встречу двух охранников. Выбрав наугад первых попавшихся ему воинов, он вооружился, согласно воинской традиции и вышел за ворота. В тот момент, когда Голендил стал произносить приветствие, положенное по этикету, верховный жрец атаковал их. Он схватил один из своих дротиков и метнул в Голендила. Один из юношей кинулся вперёд и закрыл его своим телом. Дротик вошёл ему в грудь. Юноша упал прямо на руки Голендила. Кинуть второй дротик верховному жрецу помешал звук бьющегося стекла и ломающегося дерева. Он отвлёкся и остановил атаку. Все обернулись в сторону звука. Рядом с домом стоял оборотень и проходил перевоплощение. Второй дротик, предназначенный для Голендила, жрец метнул уже в оборотня. Видимо он не читал никогда бестиарий, а потому не знал, что оборотни практически неуязвимы для простого оружия. Выбора не было. Голендил двигался молниеносно. Он успел положить воина на землю, изъять из налуча и снарядить лук, а затем приготовиться к бою за время, пока оборотень рвал на части верховного жреца. После чего тремя выстрелами он отправил оборотня в могилу. Так он тогда считал. После смерти заклятие спало с оборотня, и он обратно превратился в человека.

Голендил находился в состоянии ступора. Он был измазан в крови юноши и только что убил своего друга. Он пал на колени между телами юноши и человеческого мага. Боль и гнев нашли свой выход. Голендил громко закричал.

— Вы убийцы! Между нами — невинная кровь! Я найду каждого из вас и уничтожу! — разнёсся его крик над окрестностями.

Из лагеря стали выбегать воины. Ещё одна группа воинов быстро приближалась по дороге от второго воинского лагеря. Восприняв крик Голендила как приказ, воины стали преследовать разбегающихся сторонников верховного жреца. Некоторых из них они поймали, остальным удалось бежать. На поле появились Таурон и Элентитта. Голендил продолжал сидеть на земле на коленях, согнув спину и упершись кулаками в поверхность земли. И эльфийский юноша, и человеческий маг были при смерти. Из ран вытекала кровь, унося с собой последние крохи жизненных сил. Элентитта встала над нами в нерешительности.

— Этого излечи — приказал Таурон, а взглянув на меня, добавил — А для Невила так

даже лучше. Хорошая смерть. Славная и безболезненная.

По приказу Таурона, меня перенесли в дом и накрыли моё холодное тело покрывалом. После чего закрыли дверь в дом, словно это была уже гробница. Юношу Элентитта смогла излечить. Для выдавших виды воинов это было настоящим чудом. Что же касается пойманных последователей верховного жреца, то Таурон запретил их убивать.

А вот теперь начиналось самое интересное. Когда за уходящими эльфами закрылась дверь, на лестнице, ведущей на второй этаж, раскрылся люк. Оттуда осторожно спустился Бито. Ему удалось полностью излечить мои раны. Однако я был настолько в плохом состоянии, что даже после излечения не сильно отличался от трупа. Меня снова накрыли кровавым покрывалом. На следующий день Голендил решил навестить тело человеческого мага, чтобы отдать ему последние почести. Охрана проводила его до двери дома, но внутрь входить не стала. Так Голендил оказался наедине с «моим трупом». Внутри дома его встретил Бито. Он рассказал Голендилу о своём лечении. Голендил осмотрел моё тело. Оно было целым, но пульс не прощупывался. Однако жизнь ещё теплилась в моём теле. Тело было достаточно тёплым. Оно так и не остыло, и не наступило трупного окоченения. Голендил решил, что это воля богов. Для всех я должен был умереть. А жить ли мне дальше решать должны были не эльфы. Не желая выступать против воли богов, он разработал этот план. Сначала он хотел придать моё тело огненному погребению, но теперь передумал это делать. Сообщив эльфам, что он потрясён бессмысленностью конфликта и принесённых жертв, которых пытался избежать уходом из города. Поэтому, чтобы избежать дальнейших жертв, он собирается отправиться в странствие. Среди эльфов подобные явления уже случались, потому это никого не удивило. Также он заявил, что хочет лично позаботиться о моём теле. Он выпросил у командования лагерей повозку, чтобы вывезти моё тело за пределы эльфийских земель. Там он его захоронит огненным погребением. А мои вещи он собирается отвезти в земли Светлых эльфов, чтобы передать в посольство Империи, откуда их смогут отвезти моим родственникам. Это решение Голендила также не вызвало подозрений. Подобная практика была достаточно распространена. Так же он договорился с Бито и его семейством. На повозку было загружено всё моё имущество и моё «мёртвое» тело. Так начался его скорбный путь. Как только повозка с Голендилем переехала границу эльфийских земель, и охрана вернулась обратно в лагерь, он позвал Бито. И Бито со своим семейством трансгрессировал к нему. Уже четыре дня они продолжают свой путь по дороге через мёртвые земли Алкмаара. Голендил уже стал сомневаться в решении богов, когда я проснулся. Теперь он рад, что не придал меня огненному сожжению, как планировал.

— Воля боги надо исполнить — проговорил он с улыбкой.

Рассказ не произвёл на меня позитивного впечатления. Я сидел потрясённый услышанной историей. Было немного обидно. Смерть в таком виде для меня была самым оптимальным способом закончить свою жизнь. Но оказалось, что умереть так славно для меня не судьба. Все мои проблемы, бывшие у меня, остались и даже стали усложняться. Я был отравлен ядом оборотня, и продолжал медленно умирать. Полное превращение в зверя для меня было равносильным смерти. Моё физическое состояние было очень плохим. И к этому добавлялось плохое настроение от понимания своих проблем. Нет, я не размышлял. Просто в моём сознании мелькали картинки, показывающие мои проблемы. А ещё, я оставался опасным для Голендила и домовиков.

— И что дальше?

Вопрос был риторический. Я не ожидал услышать на него ответа. А потому ответ на

него вывел меня из ступора.

— Исполнять воля боги.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Какая может быть воля у богов в отношении меня? Я заражён. Я умираю. А ещё — я опасен.

Улыбка так и не исчезла с его лица. Он кивнул головой, соглашаясь с моими словами, и продолжил.

— Если боги сохранять твою жизнь, значит, твой путь не окончен. Ты ещё не выполнил всё, что они на тебя налагают. Ты ещё нужен свой народ.

Я горько усмехнулся.

— В таком виде? И куда я пойду? Что буду делать?

Так я говорил больше от отчаяния. Но эмоций мне уже не хватало, чтобы насытить ими свои слова. Я уже перегорел. Голендил кивнул головой.

— Ты правильно спрашивать. Ты помнишь те свитки, которые мы брать из хранилища Храма в Альзония? Я работать с те свитки. Я читать они.

Я пристально посмотрел на него. Причём здесь свитки? Как они могут моей проблеме? А Голендил продолжил.

— Там быть очень интересный текст, про один древний храм...

Он рассказал мне об одном северном Храме прежних жителей этого мира. Здесь мне стало интересно. Знания об изначальных народах, населявших наш мир до прихода в него всех сегодняшних рас, были интересны сами по себе. Как жили? Почему ушли? Что осталось после них? Мне было известно, что не только многие современные Храмы, но и города стоят на руинах более древних построек. И вот я получил возможность узнать об одной из таких построек, сохранившейся до наших дней, и не застроенной под нужды более поздних рас. Храм тот находился далеко на севере, в землях северных варваров. Путь туда пролегал через земли гномов. Это долго. И, возможно, что я не смог бы пройти обычным путём. Но есть одна особенность этого пути. В землях гномов были проложены подземные туннели между городами. А ещё маги гномов в союзе со своими мастерами смогли создать сеть порталов между городами. Через эти порталы они переносятся из одного города в другой. Конечно, путешествие между городами хоть через туннель, хоть через порталы платное, но это дело решаемое. Гномы очень ограничены в магии. В основном они травники и артефакторы. Поэтому хорошие лекари у них в большой цене. Я мог наняться у них на работу, и заработать на своё путешествие между городами. Из самого северного города путь до нужного нам Храма (или его обломков, как повезёт) было совсем недалеко. А дальше, когда мы туда попадём, нам придётся разобраться с работой магических устройств этого храма, чтобы использовать эти устройства. Особенность этого Храма заключалась в том, что в нём проходили уникальные обряды, даже по меркам древней расы. В свитке было сказано, что в том Храме проводили обряд полного перерождения живого разумного существа. Перерождённое существо полностью возвращало себе утерянные конечности, и избавлялось от самых страшных болезней. В свитке было сказано, что древние эльфы тесно общались с оставшимися представителями древней расы. Один из правителей древнего эльфийского королевства был дружен с представителями этого народа. Поэтому, когда этот правитель эльфов был укушен оборотнем и заражён, те предложили ему отправиться в тот Храм и пройти этот обряд перерождения. Правитель совершил длинное путешествие и оказался в том Храме. По описанию из свитка, обряд полностью расщепил тело правителя вместе с его

болезнью. Он на время превратился в большое облако. Потом его тело было собрано заново, но уже с полностью восстановленной рукой, утерянной в одном из сражений, и без болезни оборотня. Вернувшись из этого похода, он продолжил править своим народом. В конце жизни он написал свиток большого пергамента, с описанием своего путешествия. Голендил прочитал об этом Храме и его свойствах. Он хотел рассказать о нём мне, но опасался, что я уйду раньше времени. А я был очень нужен их народу. Поэтому он ждал удобного момента. Теперь этот момент наступил. Сами боги указали мне сначала путь к спасению, а теперь момент моего ухода от эльфов. По мнению Голендила было даже хорошо, что остальные эльфы считали меня мёртвым. Так им будет легче принять знания, полученные от меня, что поможет спасти их народ от гибели. И хорошо для меня. Когда (не если) до людской Империи дойдёт слух о том, что один из человеческих магов передал секретные знания представителям чужой расы, то на меня не подумают. Поскольку станет известно, что этот маг погиб. А потому и искать не станут. Я внутренне улыбнулся. Всё, что не делается, к лучшему. Осталось самое малое — дойти до земель северных варваров, чтобы меня не убили. И найти Храм.

Меня стало сильно клонить в сон. Слишком много сил и эмоций я потратил на осмысление, свалившейся на меня информации. Я начал клониться на бревне. Бито не дал мне упасть.

— Хозяин должен поесть. Хозяин должен восстановить тело.

Мне в руки сунули хлебную походную лепёшку, изготовленную в котелке, и чашу с ягодным напитком. Я так и не мог назвать его чаем. Ягоды в горячем напитке не могли быть названы чаем. Мир потихоньку отдалялся от меня, умещаясь в маленькое пространство чаши и хлеба. Темнело. Может, наступала ночь, а может, стало темнеть в моих глазах. Я вяло жевал хлеб и пил напиток. Окончания своей трапезы я не запомнил. Для меня наступил глубокий крепкий сон. Жизнь налаживалась, но главной проблемы новые знания не решали. Я по-прежнему был опасен для Голендила. И я нуждался в нём. Если мне предстоит путь в далёкий Храм, то необходимо сначала восстановить своё здоровье. А ещё, в компании путешествовать веселее.

Проснулся я в повозке. Одежды на мне по-прежнему не было. А на улице было достаточно прохладно. Вокруг все спали. Попытка выбраться из повозки сразу пробудила Бито. Голендил спал на земле, укрывшись покрывалом. Мне стало интересно, как у нас обстоят дела с ночными караулами.

— Хозяин, не надо думать. Старый Бито спит чутко. Бито предупредит господина эльфа об опасности.

Выбраться из повозки даже с помощью Бито было для меня пределом моих сил. Как мне сказал Бито, это был мой первый поход по утренней нужде. И он был для меня весьма болезненным. И не только в плане ходьбы. Потом Бито помог мне найти мою одежду и облачиться. К моменту пробуждения Голендила я был полностью одет. Как оказалось, готовкой еды занималась жена Бито. Замешав пресного теста, она скатала лепёшки и запекла их в котелке на углях. В том же котелке она заварила ягодный напиток. Пища была простой, но лучше, чем никакой. Я был благодарен им за заботу и лечение.

Потом началось наше путешествие. Первые дни я мог идти, лишь держась за борт повозки. Голендил вёл в поводу пони, тянущего нашу небольшую повозку, в которой лежало всё наше имущество. Чтобы не перегружать пони, мы шли рядом с повозкой. Так полетели дни. Мы двигались по территории Тёмных эльфов, обходя болота и эльфийские поселения.

Много дней мы шли на север, надеясь попасть в земли Светлых эльфов, расположенных за городом Шеклагом. Голендил надеялся пройти через земли Светлых эльфов, двигаясь по старым дорогам, сохранившимся ещё с довоенных времён. По этим дорогам в годы войны прошли полчища нежити. Потом там поселились гигантские пауки. Но два мага могли надеяться пройти там. Сами Светлые эльфы предпочли оставить эти земли. Временами их военные отряды наведывались в эти земли, чтобы истреблять пауков, снижая их численность и сдерживая распространение этой заразы. Голендил говорил, что нам надо пройти именно по этой территории, чтобы не связываться с их Светлыми родственниками.

Отношения между Светлыми и Тёмными эльфами всегда были натянутыми. Он хотел избежать лишнего интереса к своим персонам. Поход через эту практически заброшенную территорию ему казался более предпочтительным. Оставалось не попасться на глаза военному отряду. Но такая вероятность была невелика. Близилась осень. Скоро должны были ударить первые холода. Ближе к зиме пауки должны были впадать в спячку. До холодов Голендил надеялся переждать время на границе эльфийских земель. Потом начать двигаться по этим территориям. Если какой-нибудь паук не впадёт в спячку к этому времени, то будет вялым и слабым. А с таким они могут легко справиться. Оставалось надеяться на его знания.

Но меня с каждым днём всё больше одолевала другая забота. Мы шли по дорогам медленно, но, верно, в выбранном направлении. И с каждым днём приближалась не только цель нашего путешествия, но и полнолуние. Я становился мрачным. Голендил же радовался дороге, как ни в чём ни бывало. Казалось, что опасность его никак не страшила. Между тем моё тело поправлялось. Я выздоравливал. К концу первого месяца нашего пути я стал чувствовать себя вполне уверенно. Поэтому мне не составило большого труда определить свои симптомы наступления «болезни оборотня». Я сообщил об этом Голендилу.

— Значит, пришло время.

Проговорил он вполне чисто на нашем языке. В тот же вечер мы расположились под кроной большого дерева. Здесь Голендил планировал провести несколько дней, пока не закончится полнолуние. Мы разбили здесь свой лагерь. Когда стало темнеть, эльф приказал домовикам забраться на дерево и устроиться там на ночлег. Но мой вопрос он ответил.

— Я видеть твою оборотную форму. Ты точно не сможешь лазить по деревьям. Про меня не бойся.

Я посмотрел на его лук, пока ещё разобранный.

— Ты хочешь меня убить повторно.

Он рассмеялся.

— Есть вещи, который я не хочу показывать своему народу. И это не твоё убийство. Пусть это будет сюрприз.

Ответил он на мой немой вопрос.

— Скажу одно — мой народ плохо относится к таким как я, если узнают про мой секрет. Ты раздёнся перед сном. Это надо для тебя.

— Голендил, скажи, почему ты говоришь коряво на нашем языке, если можешь говорить вполне чисто?

— Чистая речь требует от меня дополнительных усилий — он улыбнулся — я немного ленюсь.

На этой светлой ноте мы стали готовиться ко сну.

Непонятно и беспокойное чувство пробудило меня ночью. Я был укрыт покрывалом с

головой. Внутреннее чувство кричало мне, что открывать лицо нельзя. Правильнее всего было бы остаться в темноте. Почему? Может опасность, а я тут прячусь? Что-то же разбудило меня? Почему я проснулся? Две части меня стали говорить во мне. Нет, они говорили не словами и не образами. Разговор шёл на языке чистых эмоций. Страх, беспокойство, любопытство. Но больше всего страха. Особенно в мире, где постоянно опасно. Где все только и ждут, как бы напасть на тебя и убить. А может они сейчас крадутся ко мне с плохими намерениями. Может потому я и проснулся? Мне жарко. Сердце бьётся усиленно. Накал эмоций постоянно возрастает. Мне страшно. Нет. Мне СТРАШНО. Враги. Вокруг враги. Опасность. Я должен видеть своего врага, чтобы отразить атаку.

Одеяло отлетело в сторону. Тело поднялось с постели и мягко поднялось на ноги. Меня переполняла злость и ненависть. Я обернулся вокруг и поднял голову к небу. В небе над мной нависал большой лунный диск. Мир перевернулся. Сознание осталось, но мозг стал отступать на задний план. Мне плохо. Стоять неудобно. Опасность. Я вызываю тебя на бой! Я наклоняюсь вперёд. Жуткая боль сворачивает мои конечности. В глазах всплывают красные пятна и круги. Конечности удлиняются. Я опираюсь о землю когтями, а потом встаю на полную лапу. Боль продолжает скручивать меня спазмами мышц, но я остаюсь в сознании. Она перемещается на мой корпус. Нечем дышать. Я втягиваю носом воздух. Мир наполнен запахами. Они говорят мне об окружающем мире больше, чем остальные органы чувств. Из моего горла вырывается рык. И в следующий миг я вытягиваю шею и поднимаю голову к небу. Пространство ночи разрывает мой вой. Злость, ненависть, бешенство и жажда убийства. Вот оно счастье! Убить! Вкусить! Радость и восторг накрывают меня с головой, выбивая из головы остатки разума. Рядом дерево. На нём расположились живые существа. От них исходит сильный страх. Я втягиваю носом воздух. Запах страха приятен. Он сулит сражение и добычу. Рядом чувствуется ещё один запах. Но страха в нём нет, только спокойствие и ощущение силы. Это враг? Я поворачиваю голову и веду носом, пытаюсь отыскать источник запаха. Нос в темноте — это мои глаза. И я нахожу источник.

Из-за дерева вышел крупный волк. Он уставился на меня своими серыми глазами, внутри которых горели красные огоньки. Мы смотрели друг на друга. Я не чувствовал в нём врага. Мои эмоции стали успокаиваться.

— Здравствуй, брат, — прорычал волк мне — пора на охоту. Тебе пора словить своего первого зайчонка.

Я сделал шаг в сторону волка. Какой я неловкий. Как мне неудобно пользоваться лапами, они же заплетаются. Повернувшись ко мне спиной, волк отправился в сторону леса, рыкнув мне напоследок.

— Учись пользоваться своей формой.

Я направился следом. У меня есть друг. Радость стала заполнять моё существо. Какой у него знакомый запах. Я уже раньше чувствовал его. Это же... это же... Голендил. Вспомнил я. Он же... он... Из глубины моего сознания вынырнул мой мозг и принёс мне воспоминания — Он — анимаг.